

Марина Эльденберт

Заклятая невеста

Пролог

— Леди Лавиния! Ваш муж... он...

Судя по тому, как Элизабет прижимала руки к пылающим щекам, случиться могло все, что угодно, поэтому я поспешно вскочила.

— Что? Где он?

— Милорд... виконт Эрден, он...

Лицо моей камеристки пошло красными пятнами, и я повысила голос:

— Что с ним?!

— Он с мисс Роунс, в своей комнате. Они... они там... я готовила вам ванну, а когда возвращалась, услышала звуки, и...

— Достаточно.

Элизабет, готовую вот-вот упасть в обморок, я усадила на кушетку в изножье кровати, она снова прижала ладони к щекам, словно пытаюсь стереть с них краску.

— Жди здесь, — сказала я. — И никому ни слова. Понятно?

— Но миледи... — Элизабет начала было подниматься, но я уронила ее обратно.

Взглядом.

Некоторые наивные полагают, что я сущий цветочек, и виной тому — моя светлая магия, магия жизни. Вот только к цветочку прилагается девичья фамилия Биго, фамилия моего брата, герцога и правой руки королевы, а это уже о чем-то да говорит. Преимущественно тем, кто умеет слушать.

Майкл, судя по всему, не умеет.

Камеристка кивнула, а я расправила плечи и вышла в коридор. В этом доме, доме моего мужа виконта Эрдена мне знакома каждая половица и каждый поворот. Я могу пройти с закрытыми глазами и не разу не оступиться до самой лестницы, затем спуститься вниз и то же самое повторить на первом этаже, вот только сейчас на первый этаж мне не надо. Комната мужа располагалась в конце коридора, и расстояние до нее я преодолела, как полагается истинной леди — расправив плечи и не спеша.

У двери остановилась и постучала.

Громко.

В комнате раздался судорожный вздох, потом что-то упало, и сразу после этого я вошла.

Картина, представшая мне, была достойна дешевого трагифарса: прижимая платье к груди, на меня таранилась наша новая горничная, миловидная блондинка с пухлыми чувственными губами, а муж пытался застегнуть рубашку, но то и дело промахивался мимо петель.

— Всевидящий! — выразительно сказала я.

Глаза у горничной стали еще больше.

— Майкл! — воскликнула она.

— Мисс Роунс, — я повернулась к ней. — Вон. Из этого дома.

— Вы... вы не имеете права меня увольнять! — пискнула она, пытаясь завернуться в платье и при этом не оголить грудь. — Меня нанял ваш муж.

— Лавиния, дорогая...

— Вон, — повторила я, и подчиняясь легкому движению руки, из кадки с цветком во все стороны брызнула земля. Массивный корень, окутанный дымкой, взвился в воздух и хлестнул пол рядом с горничной. С диким визгом, рискуя запутаться в платье, она вылетела за дверь

так быстро, что забыла ее закрыть.

Удаляющийся топот, тишина.

— Что вы себе позволяете?! — воскликнул Майкл.

Роста в нем около шести футов, но из-за того, что виконт постоянно сутулился, на глаз ему с трудом можно было дать пять с половиной. Когда-то я была безумно влюблена в красивого молодого человека, в образ, которого никогда не существовало. Сейчас от этой влюбленности осталось только горькое послевкусие разочарования, с которым я временами справлялась.

А временами не очень.

Вот как сейчас.

— Повторяю! — Майкл повысил голос и, грозно сдвинув брови, шагнул ко мне. — Какое право вы имеете врваться в мою спальню без разрешения, миледи?! То, что ваш брат...

Не дослушав, я повела рукой, и корень запечатал дверь, после чего метнулся в сторону мужа. В ту же минуту на подмогу ему пришел второй — с другой стороны. Спеленав запястья виконта растительными браслетами, я подбросила его магией в воздух и позволила приземлиться на кровать. Прочно фиксируя корешками, чтобы не дергался.

Впрочем, Майкл все равно пытался.

— Вы... вы... — пропыхтел он, брыкаясь и извиваясь. — Вы пожалеете, я все еще ваш муж, я... я позову на помощь, и...

— Будьте добры, — язвительно заметила я. — Могу даже открыть дверь, чтобы ваши крики услышали все слуги, и сбежались на вас посмотреть. Хотите?

— Вы чудовище! — выпалил Майкл, но дергаться перестал. Только глазами метал в меня молнии.

Безуспешно.

— Кстати, о том, что вы мой муж. Завтра же я потребую развода, и вы его мне дадите, — заметила я.

Глаза у Майкла стали просто огромными.

— Нет! — выпалил он.

— Да, — подтвердила я.

И для верности потуже затянула корешки.

Муж взвыл.

— Мы же договаривались!

— Мы договаривались, что не станем друг друга позорить, — сказала я. — Но ваше поведение, милорд, уже выходит за всякие рамки, поэтому нашей договоренности пришел конец.

— Это вы во всем виноваты! — выпалил он. — Вы, вы, вы, и только вы! Да мне находиться под одной крышей с вами страшно, после того, как вы чуть не...

Я запечатала ему рот третьим корнем.

— Не смейте, — сказала тихо, хотя меня тряхнуло от сердца до кончиков пальцев. — Не смейте мне напоминать о том, что случилось в оранжерее, или, клянусь матерью, я оторву вам то, что вам от природы не нужно!

— У-у-у-у! — произнес Майкл, покрываясь от гнева красными пятнами.

— Итак, вы дадите мне развод, и не станете препятствовать...

— У-у-у-у...

Я убрала корень.

— И не станете возражать, — подвела итог я.

— А если нет? — поинтересовался супруг, отплевываясь от земли и раздувая ноздри.

Я подперла пальчиками подбородок.

— Хм... А если нет, то все узнают о вашей маленькой проблеме.

— Вы... вы этого не сделаете, — с лица мужа сошли все краски, в том числе и природная, по цвету он сейчас напоминал простыню, на которой лежал.

— Еще как сделаю, — мило ответила я. — Ведь я чудовище, Майкл. Вы сами это сказали.

Не дожидаясь ответа, развернулась и направилась к дверям.

— Вы покроете позором свою семью и своего брата! — завопили мне в спину. — На вас больше никто никогда не женится!

Напугал.

Я замужем до конца своих дней нажилась, так что спасибо, не надо.

— Лавиния! — взвыл Майкл, когда я уже взялась за ручку. — Лавиния, вы ведь не оставите меня так на всю ночь? Лавиния!

Из захвата укрепленных магией корней вырваться невозможно, поэтому я обернулась.

— Разумеется, — сказала негромко. И добавила: — Оставлю.

После чего вышла, плотно прикрыв за собой дверь в наше теперь уже совершенно точно прошлое.

— Лавиния, я все-таки искренне надеюсь, что вы передумаете.

Жена моего брата, герцогиня де Мортен или попросту Луиза — это просто волчок в юбке. Волчок не в смысле, которым детей пугают, а тот, который детская игрушка. Странное сравнение пришло мне в голову, но в какой-то мере я всегда была странной. По крайней мере, так говорили: как-то я общалась с псами на конюшне, а конюх это увидел. Глаза у него стали размером с два новехоньких антала, а матушка потом долго ругалась. Но она вообще была против любых проявлений моей магии, не говоря уже о таком сильном, как общение с животными.

Нет, их язык я не понимаю, разумеется, это идет на уровне чувств. Тем не менее я с ними все-таки разговариваю, как бы странно это ни звучало.

— Не передумаю, — уверенно заявила я.

С тех пор, как мы с Майклом развелись, я вернулась в Мортенхэйм, замок брата, где я родилась, выросла и жила до тех пор, пока не произнесла брачную клятву. В моей комнате сейчас все по-другому, не так, как в детстве и юности. Обустраивать ее заново мне тоже помогала Луиза, и теперь это царство цветов (буквально, поскольку они даже на картинах и на обивке), света и вообще всего, что я собой по мнению герцогини воплощаю.

То есть жизни.

Кто же виноват, что настроение у меня не совсем цветочное, а под стать сестре, которая тоже давно замужем и живет в другой стране со своим действительно любимым мужем.

— Это же ваш день! — воскликнула Луиза, очевидно, исчерпав оставшиеся аргументы. — И ваш юбилей.

— О, это страшное слово...

— Лавиния, вы меня пугаете.

— Не хочу напугать кого-нибудь еще.

— Лавиния!

— Луиза!

Я оторвалась от созерцания собственного отражения в зеркале: аристократично-бледное лицо, ярко-зеленые глаза, ставшая привычной прическа — слегка поднятые и аккуратными волнами уложенные волосы. Для своего возраста я выглядела слишком молодо, если не сказать больше: дебитантки рядом со мной слегка кисли и старались найти другую компанию, потому что я действительно выделялась среди своих ровесниц.

Причиной тому, кстати, тоже магия жизни: она делает меня похожей на девочку.

Хотя спустя неделю мне исполнится тридцать, и когда я выходила замуж за Майкла (счастливая, влюбленная, юная), мне казалось, что в эти годы я уже буду старушкой.

— Послушайте, это просто невозможно! — тряхнув непокорными рыжими кудрями, Луиза опустила на диванчик, в обивке которого птицы с роскошным оперением соперничали с цветами за звание «самое яркое пятно нового времени». — У меня ощущение, что я говорю с Терезой.

— Мы сестры, не забывайте, — заметила я.

— С Терезой, какой она была много лет назад, — язвительно заметила Луиза.

— О, — только и сказала я.

— Когда вы собирались на свой первый бал, помните?

Хотела бы я это забыть. Восторженная, полная надежд, именно на своем первом балу я встретила Майкла, и больше уже не могла перестать о нем думать.

— Разумеется.

— Так вот. В то время я тоже тщетно пыталась ее убедить, что ей нужно выйти...

— Разве?

— Ладно, возможно, это было чуточку раньше, — Луиза махнула рукой. — Но между прочим, на том балу Тереза встретила Анри.

Анри — муж сестры, он носит ее на руках в прямом и переносном смысле. Кстати, несмотря на негибемый характер Терезы, именно он сумел с ней справиться и превратить нелюдиму и жесткую сестренку, некромага, во влюбленную женщину.

— Тогда я совершенно точно никуда не пойду.

— Р-р-р-р! — Луиза взвилась с диванчика. — Лавиния, вы совершенно невыносимы!

— Поэтому я и не хочу себя никуда выносить. А впрочем...

Я задумчиво посмотрела на нее.

— У меня к вам есть деловое предложение.

— Неужели? — Луиза сложила руки на груди.

— Вы поговорите с моим братом и наконец перестанете его наказывать за ошибку, которую он совершил больше года назад.

Воинственность на ее лице уступила место привычной маске. Так случалось всегда, стоило мне заговорить с ней про Винсента, и тянулось это со дня их ссоры. Мой брат — политик, правая рука королевы, за много лет жизни рядом с женой не уловил одну простую истину. Луиза любит его больше жизни и готова отдать за него жизнь, но она не привыкла к его методам и целям, оправдывающим средства.

— Ваш брат сам себя наказал.

— Правда? — я отзеркалила ее позу. — Винсент, конечно, поступил жестко, но он защищал семью. Вас в первую очередь.

— Мне кажется, этот разговор никуда не ведет, Лавиния.

— Мне тоже кажется, что мой бал никуда не ведет, — пожала плечами я. — Но я уступлю, если уступите вы. Итак?

— Вы уверены, что помимо магии Винсент не учил вас политике? — поинтересовалась Луиза.

— Политика — это скучно.

— Очевидно, не для вас, — пробормотала она.

Закусив губу, прошлась по комнате, и ее сиреневое платье с турнюром (самое невыносимое изобретение, да простит меня его создательница), зашуршало. Пока Луиза справлялась с моим предложением, я размышляла о том, что делать дальше. По большому счету, она права: мне стоит устроить бал и выйти в свет. Хотя бы потому, чтобы не давать еще больше поводов для сплетен.

Так уж повелось, что в Энгерии, стране, где правит женщина, все остальные женщины самым непостижимым образом превращаются в приложение к мужу. Да что говорить, нам даже магией запрещали заниматься, из-за чего у большинства из нас со временем выродились способности. Винсент и Тереза учили меня, когда матушка не видела, иначе я бы сейчас тоже не могла отличить плетение закрывающее от раскрывающего, а вместо магии жизни знала бы только, как вышивать и музицировать.

Кстати, как вышивать и музицировать я тоже знаю, об этом позаботилась матушка. Вот и получается, что я вся из себя такая примерная леди... была.

До того, как подала на развод.

Развод, особенно когда требующей стороной выступает женщина в высшем свете Энгерии не просто моветон, а ужас, кошмар, и вообще колодец глубиной в сотню футов. В смысле, осмелившуюся просить развода женщину надо посадить в такой колодец, чтобы другим неповадно было.

Что делать, если муж изменяет?

Терпеть, разумеется. Терпеть и сносить все безропотно, чтобы не опозорить ни себя, ни его.

Вот так и получается, что годы идут, в ходу уже бытовая магия с артефактами, совместившая в себе науку и технику, а нравы у нас остаются на уровне, прости Всевидящий, времен, когда наши предки из домагической эпохи дубинами загоняли возлюбленных в пещеры. Опять же, чтобы неповадно было, глядишь — зверь какой нападет, а так ты под защитой. Сиди, расти детишек и за варевом следи. Внимательно.

А если что, дубина она тут как тут.

Как бы там ни было, мне остается только показать обществу, что я не собираюсь прятаться всю оставшуюся жизнь, либо провести остаток своих дней в Мортенхэйме, музицируя и вышивая.

Вышивая и музицируя.

Всевидящий, какой ужас.

Словом, пока Луиза мерила шагами мою цветочную обитель, я уже почти все решила, но говорить ей об этом, разумеется, не собиралась. Исключительно потому, что хотела для них с Винсентом всего самого лучшего. Они были одной из тех пар, которые, презрев условности общества, действительно наслаждались друг другом.

Пока мой брат не совершил серьезную ошибку.

Вот только ошибки совершают все, главное — желание их исправить. У Винсента желание было, но Луиза не давала ему такой возможности. Слишком сильно он ее зацепил.

— Ладно, — сдалась она, остановившись напротив меня. — Всего один разговор.

— Всего один, — подтвердила я, с трудом сдерживая улыбку.

— И вы не станете говорить Винсенту об этом заранее.

— А должна?

Луиза раскрыла ладонь.

— Но взамен, Лавиния, вы должны мне бал, где будете главной персоной, — она загнула первый палец. Затем второй: — Устраивать его буду я. И третье: мы с вами полностью обновим ваш гардероб на весну.

Выдав мне этот перечень требований, она вопросительно подняла бровь.

Я же только кивнула.

Думаю, если я смогла столько лет прожить с Майклом, бал, пристальное внимание и обновление гардероба я как-нибудь переживу.

Обычно мой день рождения природа отмечала оттепелью, но в этот раз зима задержалась. Видимо, из солидарности с моим настроением: пасмурно-зимним, не желающим меня покидать. Мне такое совершенно не свойственно, но разводы случаются не каждый день, поэтому я его себе простила. Как и многое другое, например, нежелание общаться с природой. Впрочем, природа тут была ни при чем, я не желала общаться ни с кем, поэтому бал в мою честь стал для меня своеобразным испытанием. Как и для тех, кто желал на нем побывать: густой снег заметал окрестности Мортенхэйма, замка и владений Винсента, а я стояла у окна и смотрела на белоснежную пелену, расстелившуюся за окном. Такая же погода была в тот вечер, когда случилось то, о чем я вспоминать не хотела.

— Лавиния, вы готовы... — я обернулась на голос брата, он осекся. — Вы прекрасны.

— Вы всегда умели потрясающе льстить.

— Это не лесть, и вы об этом знаете, — он приблизился, чтобы взять мою руку в свою и коснуться губами пальцев.

За последний год у него стало чуточку больше морщин и чуть больше седины: его личное солнышко больше не грело. Поэтому я позволила себе то, чего не делала уже очень давно — чуть раскрылась, позволяя магии жизни коснуться его сердца.

Винсент укоризненно на меня посмотрел:

— Думали, я этого не почувствую?

— Попытайся я по крайней мере, могла, — я улыбнулась. — Обойти своего брата, сильнее которого мага нет.

— Теперь мне льстите вы.

— Разве что самую чуточку.

Винсент действительно очень сильный маг, сильнее его в мире сейчас есть разве что один человек. Тот, из-за которого случилась их ссора с женой, но это к делу не относится. Брат владеет магией армалов, сильнейших магов в истории нашего мира, живших очень и очень давно. Он управляется с ней, как я — с корешками и котятками, и честно говоря, мне бы не хотелось увидеть, какова она в бою.

— Вы уверены, что не хотите, чтобы я сопровождал вас на бал? — брат взгляделся в мое лицо.

— Совершенно. Не зря же вы пригласили леди Амалию Уайт.

Амалия Уайт, миловидная девушка, дочь провинциального виконта, знакомая Луизе через ее деда, приехала из Вайд Хилл пару недель, чтобы стать моей компаньонкой. Это тоже была идея Луизы, и я не стала отказываться: во-первых, по переписке девушка мне понравилась, а во-вторых, я получила возможность выдернуть себя из мыслей о Майкле и внутренней стужи, и стала ее проводницей в высший свет Энгери.

— Леди Амалия... Да, — брат вздохнул, словно собирался сказать что-то еще.

— Знаете, по-моему вам пора к Луизе, — заметила я.

— Знаете, по-моему это невежливо.

— Я же не сказала это в переполненном гостями бальном зале.

— А вы бы могли?

Не уверена. Воспитание, которое досталось мне от матушки, вряд ли позволило бы. С другой стороны, оно вряд ли позволило бы мне развестись, но матушка об этом уже не узнает.

— Лавиния, — серьезно произнес Винсент. — Вы можете на меня рассчитывать. Сейчас, сегодня...

— Всегда, — закончила я. — Вы мне это уже говорили.

— Разве?

— Раз десять, — сказала я и поправила шейный платок брата. — Вы тоже потрясающе выглядите, Винсент. А Луиза вас наверняка ждет.

— Я в этом не особо уверен.

— Можете быть уверены. Просто ей нужно время.

— Время? — Винсент усмехнулся. — Прошел уже год.

— Иногда нужно много времени, — философски заметила я. — И вообще, вы здорово ее обидели тогда.

— Она меня никогда не простит?

— Зависит от того, какие слова вы найдете на этот раз.

— Какие слова, Лавиния? Она меня знать не хочет, а приемы мы проводим вместе исключительно потому, что этого требует этикет.

— Но все-таки вы постарайтесь, — сказала я, пряча улыбку.

Наша с Луизой договоренность не должна была раскрыться раньше времени, и если я сегодня постараюсь (а я постараюсь), плотина недопонимания будет, наконец, разрушена. Главное, все сделать осторожно и очень мягко, потому что Луиза хоть и на «вы» с магией, о моей силе очень хорошо слышана.

— Что ж, — вздохнул Винсент. — Я передам вашей камеристке, чтобы пригласила леди Амалию. Еще раз с Рождением, сестренка.

— Еще раз спасибо, братец, — я легонько коснулась губами его щеки и дождалась, пока за братом закроется дверь.

Только после приблизилась к зеркалу и коснулась кончиками пальцев сверкающих на груди изумрудов. Подарок брата вобрал в себя всю яркость светильников и яркостью с камнями могла сравниться разве что трава на солнце.

К чести Винсента, он ни разу не упомянул о том, что был против нашего с Майклом брака. Ни в тот день, когда я приехала с новостями о разводе, ни за все время, пока шел процесс (к слову сказать, благодаря связям Винсента закончившийся гораздо быстрее и легче для меня, чем мог бы). Ни разу он не сказал, что неоднократно предупреждал о том, что ничего хорошего из этого брака не выйдет. Поразительно, но против Майкла была вся моя семья, даже Луиза, которая обычно за свободу выбора.

Но я все равно выбрала его.

— Леди Лавиния!

Амалия впорхнула в комнаты, как бабочка: вся в голубом, со светлыми, перехваченными лентой волосами, на плечи накинут дымчатый шарф. Глядя на нее, я невольно почувствовала себя старой, несмотря на то, что нас можно было принять за погодок.

— Мне передали, что вы готовы.

— Да, я готова, — кивнула и улыбнулась. — А ты готова танцевать весь вечер, Амалия?

— Скажете тоже, — смутилась девушка. — Кажется, моя бальная книжка не заполнится и наполовину.

За показной веселостью скрывалось самое что ни на есть настоящее волнение, глубокое и серьезное, поэтому я приблизилась к ней, окутывая теплом магии. Девушка сама не заметила, как расслабилась по-настоящему.

— Заполнится от первого и до последнего танца, — сказала я. — Вот увидишь.

И мы вместе вышли из комнат.

Все балы отличаются друг от друга лишь разновидностями декораций и платьями, красотой и цветами которых все приглашенные стараются перещеголять друг друга. Даже Камилла

Уитмор, с которой мне выпала честь (сомнительная, по правде говоря), беседовать еще до начала танцев. Они с мужем, лысым и пузатым графом, который от постоянного курения больше хрипел, чем говорил, прибыли одними из первых. Именно поэтому мы с Винсентом и Луизой (она — на правах хозяйки праздника, я — на правах именинницы) сейчас общались именно с ними.

— Вы чудесно выглядите, Лавиния, — произнесла Камилла после приветствия.

С тем же успехом можно было сказать: «У вас отвратительный вкус», но я уже привыкла к тому, что взгляды и слова в высшем обществе расходятся на высоту пола и потолка бальной залы. Кстати, о потолке: он был украшен живыми цветами, равно как и вся зала. Поскольку меня не допускали сюда (сюрприз, сюрприз!), то сюрприз удался. Я в своем салатном атласе с нежнейшим белым кружевом напоминала торчащий из лепестков бутон, которому вот-вот предстоит распуститься.

Вообще-то по статусу мне полагался более темный цвет, но я решила не загонять себя в рамки, а Луиза мое желание поддержала. Правда, забыла сказать, что весь зал будет в лепесточках и зелени.

— Лавиния! — шепнула Луиза, ущипнув меня чуть повыше перчатки.

— Ах, да. Спасибо, Камилла.

Я вернулась в реальность и безоблачно улыбнулась.

— Ну-с... чудесного вечера, — пробормотал граф, — у нас для вас приготовлен особый подарок, так что готовьтесь.

Он подмигнул мне и после очередных расшаркиваний потащил недовольную таким поворотом дел жену к столу с пуншами и кружонами. По традиции подарки именинникам вручали в конце вечера, после бала и праздничного ужина, но зная чету Уитморов, я даже приблизительно не представляла, к чему готовиться.

— Мне кажется, или вам что-то не нравится? — шепнула Луиза, пока к нам шли очередные приглашенные.

Я же обратила внимание на то, как напряженно лежит ее рука на сгибе локтя Винсента.

— Нет, что вы, — я улыбнулась, позволяя магии незаметно просочиться через легкое прикосновение.

Луиза сама не заметила, как расслабилась, и даже не отняла руки, когда Винсент накрыл ее ладонь своей. Брат грозно на меня посмотрел, я же невинно улыбнулась и повернулась к гостям, которые подошли поздороваться.

И так примерно около часа.

За этой время моя улыбка уже достигла такого совершенства, что появлялась сама собой, стоило мне произнести:

— Добрый вечер! Я безумно рада видеть вас в Мортенхэйме.

Когда, наконец, все гости собрались, до первого танца оставался еще небольшой запас времени. Поэтому я нашла Амалию, которая стояла у распахнутого настежь окна в дальнем конце зала.

— Не холодно? — поинтересовалась я, приблизившись.

— Что? — девушка вынырнула из собственных мыслей. — Ох, нет, разумеется нет. Это разве холода, леди Лавиния? В Вайд Хилл такое ближе к концу весны.

— У вас настолько холодно?

Я знала, что Вайд Хилл расположен на севере, но представлять, что где-то почти не бывает весны, казалось мне странным.

— Насколько холодно — это еще мягко сказано, — Амалия рассмеялась. — Кстати, насчет бальной книжки вы оказались правы! Смотрите!

И она показала мне записи, где почти все танцы были расписаны.

— Леди Лавиния.

У говорящего был низкий голос, такой текучий и мелодичный, как если бы кто-то смешал звучание фортепиано и флейты и добавил туда мужской силы.

— Даже не сомневалась, — сказала я Амалии, к которой уже приблизился первый пригласивший.

Равно как не сомневалась в том, что Винсент обязательно кого-нибудь пришлет, чтобы меня пригласили.

— Милорд?

Обернулась я как раз в то время, когда объявили вальс.

— Позвольте ваш первый танец.

А вот о том, что он окажется настолько красивым, я не догадывалась. С некоторых пор мужская красота меня не трогала, но один-единственный взгляд в глаза, странным образом показавшиеся мне сначала похожими на ночное небо, а потом сменившимися цвет на свинцово-серый, заставили меня замереть. Сама не зная почему, я вложила руку в ладонь темноволосого мужчины, которого видела впервые в жизни.

Вздрогнула, когда его затянутые в перчатку пальцы легли мне на талию.

А в следующий миг мы уже шагнули в вальс.

По этикету именинница (и хозяйка бала) могла танцевать без предварительной записи, и это неудивительно, поскольку нам нужно было принимать гостей. Тем не менее это не означало, что я могу танцевать с мужчиной, которому не представлена. А если быть точной, с незнакомцем, имя которого мне не известно, но прежде чем я успела открыть рот, он чуть сильнее сжал мою руку и прошептал:

— Вы прекрасны, моя королева.

Это еще что за вольности?

— Простите?..

— Зовите меня Льер.

Ведет он уверенно, столь же уверенно, как Винсент (а я знаю, и мне есть с чем сравнивать). Сейчас, когда вальс уже подхватил все пары, зал почему-то плывет перед глазами, а я, или правильнее будет сказать, моя магия, отзывается на это кружение самым невероятным образом. Она словно поднимается во мне от самых кончиков пальцев, стремясь собраться в груди, чтобы хлынуть через меня в мир.

Ладонь под перчаткой разогревается, а талия, которой касается рука мужчины, начинает гореть.

— Мне кажется, или вы пытаетесь меня очаровать? — интересуюсь я.

Это единственные достойные слова, которые сейчас складываются в более-менее связный вопрос.

— Вам не кажется, — он улыбается, и цветы, обвивающие арку, перетекают следом за нами по потолку.

Все, что мне сейчас приходит в голову: кажется, я переволновалась.

Да, можно десять раз уверять себя, что ты спокойна, но когда в сердце разлад, ничего хорошего из этого не выходит. Я не спала всю ночь, а днем прилегла на пару часов, я хотела отменить этот праздник несколько раз, даже сегодня, после обеда, но об этом никто не узнает. Потому что Луизе и Винсенту хватает своих проблем, и моя совершенно точно будет лишней. Потому что если я позволю себе думать о Майкле и о разводе, я просто сорвусь.

А мне нельзя срывать, потому что я леди.

И потому что я слишком хорошо воспитана.

Да, и сейчас хорошо воспитанная леди танцует с незнакомцем.

— Мы не имели честь быть представленными.

— Я назвал вам свое имя. Там, откуда я родом, этого более чем достаточно.

Голова кружится все сильнее, а я стараюсь не смотреть на потолок.

Потому что боюсь, что цветы, под которыми мы начали танец, снова окажутся у меня над головой, и потому что мне совсем не хочется это проверять. Пусть это останется просто частичкой усталости, о которой я больше никогда не вспомню.

— Откуда вы родом? — интересуюсь я.

И в этот момент танец заканчивается.

Он заканчивается так резко, как если бы время стянулось в одну крохотную точку, миг — но такого же не может быть?

— До скорой встречи, моя королева, — мужчина целует мои пальцы, и от одного его взгляда по телу прокатывается жаркая волна.

— Кто вы?! — почему-то шепчу я, но он просто отпускает мою руку и растворяется в толпе.

Зал перед глазами слегка плывет, я вглядываюсь в пестрые цвета, обтекающие меня широкой рекой, но понимаю, что его уже нет. Ни слева, ни справа, ни впереди. Я никогда не жаловалась на зрение, но сейчас не могу разглядеть его в толпе. Перед глазами до сих пор его лицо — алебастровая кожа, подчеркнутые темной каймой нижние веки и шелк длинных волос, стекающих по фраку на спину.

Мне хочется найти брата и задать ему вопросы: кто этот мужчина, и почему нельзя было представить нас заранее. Закусив губу, оглядываюсь, но Винсент приближается первым. Гневно сверкая глазами, интересуется:

— Позвольте узнать, леди Лавиния, с кем вы только что танцевали?!

— Нет, Винсент, это совершенно не похоже на то, что я чувствовала тогда.

Я повторяла эту фразу, должно быть, в сотый раз, но своего упрямого брата, кажется, так и не убедила. И не только его: взволнованное лицо Луизы то и дело выныривало из-за широченной герцогской спины, хотя эта женщина (я знаю наверняка!) всегда была столпом спокойствия в нашей семье. Если что-то случалось, она умудрялась свести грозу на нет еще до первых молний, а к моменту, когда должен был пролиться дождь, на небе уже не оставалось ни тучки.

Только не сегодня.

— Значит, еще раз...

— Винсент, пожалуйста, хватит! — взмолилась я. — Я же вам уже сто раз все рассказывала. И целитель обследовал меня от макушки до пяток, но не нашел ни единого следа магического вмешательства и чужой ауры.

Готовый уже возражать, брат осекся, и я, воспользовавшись паузой, быстренько продолжила:

— Вы же сами понимаете, что если бы это было нечто подобное, вряд ли бы мы с вами сейчас разговаривали.

— Тогда кто этот мужчина?!

Не имею ни малейшего понятия. И если честно, не имею ни малейшего понятия, почему рядом с ним я себя так странно вела. Стоило ему исчезнуть, как головокружение прекратилось, мысли снова стали связными, а цветы перестали ползать по потолку. И на том спасибо.

— Это уже точно не мне выяснять.

Праздник, который в срочном порядке не свернули только усилиями Луизы, продолжался до сих пор. Я же просто «удалилась к себе, потому что устала», и в сложившихся обстоятельствах никто такому повороту событий не удивился. Прежде чем брат устроил расследование, мы с ним еще успели прогуляться по залу за милой беседой, и я услышала парочку комплиментов: «Так и будет всю жизнь молодиться» и «Виконт Эрден полностью уничтожен, а ей хоть бы что».

Ну да, мне хоть бы что, разумеется.

— Так, — Винсент сцепил пальцы, но тут же их расцепил. Коснулся стоявшей на прикроватной тумбочке воды, а затем моих висков, вычерчивая легкие узоры.

Мне даже не нужно было спрашивать, что он делает: магическая проверка армалов на предмет вмешательства в разум. Честно говоря, я его понимала — когда я была совсем юной, один мерзопакостный маг воспользовался почти утраченными знаниями мааджари (тоже древней расы, но куда более гадкой, нежели чем армалы), после чего использовал внушение, чтобы заставить меня вынести кровь Винсента из семейного хранилища и подставить брата с помощью темного проклятия.

Вот только после того вмешательства я отходила очень и очень долго, головные боли меня мучили несколько лет, а прекратились, подозреваю, исключительно благодаря силе моей магии. Внушение графа Аддингтона оказалось очень глубоким (ему нужно было не только заставить меня вынести кровь), но и забыть обо всем. Поэтому тем, что я не сошла с ума, как один пострадавший от его заклинаний бедняга, я тоже обязана своей магии.

— Хм...

— Убедились? — спросила я, сложив руки на груди. — Не тошнит, голова не болит, мушки перед глазами не порхают. Бабочки, кстати, тоже.

— Бабочки?

— Это была попытка пошутить.

Винсент нахмурился, но тут мне на помощь пришла Луиза.

— Послушайте, ваша светлость, — с некоторых пор она обращалась к нему именно так,

подчеркнуто вежливо, — возможно, Лавиния права, и ничего страшного не...

— Произошло! — весело заметила я.

Потому что мой брат открыл рот, а еще он сделал это с таким выражением лица, что я поняла: следующее же его слово похоронит мою надежду на их примирение навеки. И даже Тереза не сможет ее поднять.

— Словом, Винсент, вам остается только найти этого мужчину и расспросить, — подытожила я.

— Если бы это было так легко, — буркнул брат.

Действительно, если бы. Я полагала, что мужчина, особенно такой яркой внешности, просто не может остаться незамеченным, но если его и вспоминали, то вскользь. Он вышел из бальной залы, и все, растворился в пространстве, а такое в принципе невозможно. Мортенхэйм окутывает сеть заклинаний, не позволяющих открывать порталы даже тем, кто это умеет.

Хотя в мире не так много магов, которые это умеют. Мой сильнейший брат, например, не умеет. Все потому, что чтобы открыть портал, необходимо использовать магию искажений и заклинания мааджари, а их в открытом доступе не найти.

— Начиная с этого дня вы не будете выходить из комнаты без охраны.

Приплыли!

— То есть мне всюду ходить с помощниками лорда Фрая?

Лорд Альберт Фрай — та еще мерзость, хотя ему по рангу положено быть изворотливым гадом. Когда ты стоишь во главе разведки, особо на принципах не зацikliшься. Тем не менее я больше чем уверена, что это он убедил брата сделать то, что рассорило его с Луизой.

— Да.

— И в туалетную?

— Леди Лавиния! — взревел брат.

— Винсент! — взревела я. — Я только что вырвалась из супружеского дома, и не собираюсь снова садиться в тюрьму. Не могу же я постоянно ходить с охраной только потому, что...

— Вам напомнить, к чему привело ваше «не могу»?

От жесткого укора в горле подозрительно засадило.

— Винсент! — резко произнесла Луиза.

— Все нормально, — пожала плечами я.

В другой раз порадовалась бы, что он ее устами наконец-то «Винсент», но сейчас радоваться не получалось. На меня снова надвинулись воспоминания о произошедшем, и я кивнула.

— Хорошо. Пусть будет охрана.

— Замечательно. Я перекрою ваши комнаты сигнальными заклинаниями, и вы постоянно будете носить это. — Винсент стянул с пальца кольцо-печатку с гербом нашей семьи. — Если вдруг вас попытаются похитить...

— Винсент, — повторила Луиза уже мягче, — не думаю, что Лавинии сейчас именно это хочется услышать.

— Честно говоря, мне хочется спать, — сказала я, принимая перстень, все еще хранящий тепло брата. — За дверями моей комнаты столько охраны, что я искренне не завидую тому, кто попытается меня похитить.

— Вы уверены, что не хотите, чтобы я осталась? — Луиза взгляделась в мое лицо.

— Уверена, — ответила я. — Мне правда очень хочется спать, а смотреть на сопящую меня — удовольствие ниже среднего.

Луиза улыбнулась:

— Откуда вы знаете? Вы же спите.

Она легко обняла меня и коснулась губами щеки.

— Увидимся завтра утром.

— До завтра, — согласилась я, коротко обнимая ее в ответ.

Мы дождались, пока Винсент оплетет комнату сигнальными заклинаниями, которые сразу же позволят ему узнать, если внутри окажется посторонний. Под моими окнами выставили охрану, за моими дверями тоже, поэтому стоило брату с женой выйти, я приглушила свет лампы и завернулась в покрывало.

Как бы мне хотелось просто заснуть, но просто не засыпалось. Мой брат всегда отличался подозрительностью, но после того как призрак, а точнее, преобразованной из потусторонней материи в очень опасное существо граф Аддингтон (тот самый, что управлял мной с помощью внушения), вселился в меня, чтобы заполнить тело одного из сильнейших магов современности, я даже не могла винить Винсента за все примененные ко мне меры. В тот вечер мы поругались с Майклом, и я захотела остаться одна. Просто бродила по Мортенхэйму, когда почувствовала холод.

А в себя пришла уже в постели, без сил.

Мне даже правду рассказали не сразу, целитель требовал не беспокоить, пока не поправлюсь. Воспользовавшись мной и моей магией, Аддингтон почти убил девушку, которая вообще была ни в чем не виновата, напал на случайно оказавшегося рядом Майкла, и...

Когда я пришла в себя, Майкла не было рядом.

Его вообще не оказалось в Мортенхэйме: Луиза не прятала глаз, когда сообщила, что «виконт Эрден уехал по срочному делу», но в ее звонком голосе дребезжал гнев.

Наверное, точкой в нашем браке стала именно эта минута. Не та, когда Майкл, запинаясь, сообщил мне о своей мужской немощи. Не та, когда спустя несколько лет я поняла, зачем он на мне женился: надеялся, что моя сила воскресит его мужское... гм, достоинство. И даже не та, когда он начал исподтишка оказывать другим женщинам внимание.

Я повернулась на другой бок и уставилась в окно: снег все еще шел. Хлопья были настолько крупные, что даже издалека их было видно. Хотя возможно, все дело было в моем зрении, я всегда видела очень хорошо. Могла читать и писать даже когда темно (чем успешно пользовалась, чтобы обмануть матушку), и на мои глаза это совсем никак не влияло.

Матушка.

Наверное, она бы нашла нужные слова, чтобы заставить меня забыть о случившемся, но ее больше не было. Не было ее наставлений и нравоучений (Леди Лавиния, держите спину прямо! Или: Леди Лавиния, немедленно сбавьте тон, вы говорите не как подобает леди), и таких теплых, ласковых рук.

Несмотря на всю нелюбовь к магии, которой она запрещала мне заниматься, меня она любила. Пожалуй, так отчаянно, как никого из нас — Винсент с детства был от нее далек, Терезу отец тоже воспитывал сам из-за ее опасной магии. Он не подпускал мать к сестре до тех пор, пока был жив, наверное, именно поэтому она отдавала всю любовь и тепло мне.

Поэтому...

Мне повезло с материнской любовью, а Терезе — с любовью Анри.

Все справедливо.

Я снова повернулась на другой бок, стараясь отогнать непрошенную тоску, в том числе и обиду на сестру за то, что не смогла приехать на мое рождение.

— Раскиснете, леди Лавиния, и станете как студень, — прошептала ядовито. — На радость всем тем, кто сегодня шептался про «молодиться».

Последнее возымело силу: я на себя разозлилась. В конце концов, у Терезы, жены графа и

второго лица после его величества Вэлеи (одной из ведущих мировых стран), могут быть дела поважнее, чем балы. Сестра с мужем прислали подарок, который я так и не раскрыла, и...

Все, хватит об этом!

Сердито замотавшись в покрывало, я снова повернулась на другой бок.

Чтобы увидеть, как пространство идет легкой рябью, словно по комнате пустили волну, из которой на берег... то есть в комнату шагнул тот самый мужчина.

Я схватила графин и швырнула в оказавшегося в моей спальне невесть каким образом типа. Мужчина увернулся, текучим, плавным движением, а графин ударился об пол и разлетелся осколками. С таким грохотом, что даже если бы сигнальные заклинания, которыми Винсент нашпиговал комнату, не сработали, на него сбежалась бы половина Мортенхэйма.

Ведь сбежалась бы, правда?

Мужчина шагнул ко мне, и я отпрянула, но вопреки моим представлениям дверь не распахнулась, и в нее не влетели охранники из ведомства лорда Фрая. Осознание этого обрушилось на меня в ту же минуту, что и мысли об отсутствии цветов в моей спальне. Я даже не могла защититься! Сама.

— Леди Лавиния...

Шмяк!

В мужчину полетела подушка, и я вскочила, подхватив тяжеленную бронзовую лампу с абажуром. Кто сказал, что леди не умеют защищаться?! Умеют!

В подчеркнутых каймой глазах сверкнуло раздражение, но я уже замахнулась и открыла рот, готовясь кричать, когда лампа выскользнула из моих рук. Мягко, утратив форму, стекла по ладоням и подолу сорочки, чтобы впиться в ковер. Широко распахнутыми глазами я смотрела на то место, где только что была лужа, то есть лампа, то есть лампа, которая только что была лужей, и это мне дорого обошлось.

Как несколько разделяющих нас футов стянулись в одну точку, я не поняла, но успела почувствовать легкое движение, словно кто-то приоткрыл окно в лето, впуская из него легкий, освежающий ветерок. В следующий миг ладонь мужчины уже легла мне на талию, а губы накрыли мои, и мир утратил реальность. Казалось, что в нем не осталось никого и ничего кроме нас, кроме полыхающего глубокого поцелуя, от которого по телу волной прокатился жар.

Это было неправильно, и я рванулась, но тщетно. Ладонь лишь сильнее вдавила меня в каменную грудь под мундиром (странным, иссиня-черного цвета, с нашивками, которых мне до этой минуты не доводилось видеть), и в меня ударила волна дикого, сумасшедшего, иссушающе-огненного желания. Не осталось никого и ничего кроме губ, раскрывающих мои, кроме руки, вжимающей в мужское тело, кроме нас двоих.

Застонав, я подалась вперед, чтобы удержать это прикосновение, и мужчина рывком отстранился, судя по интонациям, выругавшись.

Хотя я не поняла ни слова.

— Нам пора, моя королева, — произнес он, легко коснувшись пальцами моей щеки. От этого прикосновения тело пронзило томительно-сладкой судорогой, а мужчина уже подхватил покрывало, заворачивая меня в него.

Что он вообще делает?

— Куда? — я смотрела на его губы, не отрываясь, отчаянно сопротивляясь дикому чувству: податься вперед, сокращая расстояние между нами.

Влиться поцелуем в этот красивый рот, и...

— Это неважно. Вы должны пойти со мной. Вы согласны? — Черты лица мужчины заострились, или мне это просто показалось.

Согласна ли я? Я согласна.

— Да, — хрипло прошептала я, вложив руку в его.

— Леди Лавиния, я услышала шум, и...

Измученное лицо застывшей напротив нас Амалии заставило меня вздрогнуть.

— Что вы делаете? — хрипло спросила я, глядя в меняющие цвет глаза. — Кто вы?

Сознание то уплывало, то выталкивало меня на поверхность, заставляя чувствовать себя то легонькой словно перышко, то наливая ноги свинцом. Мужчина плотно сжал губы, а потом вскинул руку, протягивая ее готовящейся закричать девушке. Амалия расслабилась и улыбнулась, шагнув к нам.

— Ты пойдешь с нами, девочка?

— Да, — прошептала она, и мир подернулся дымкой.

Как во сне я смотрела на расступающиеся границы: моя спальня расплывалась перед глазами, словно ее стирала невидимая рука, вздумавшая играть миром, как художник красками. Очертания кровати балдахина, окон и падающего снега становились все прозрачнее, и на краю сознания мелькнула мысль, что здесь уже должна быть целая армия во главе с моим братом, но ее нет.

Почему ее нет?

Головокружение усилилось, добавился странный шум в ушах.

Пол под ногами утратил твердость, а потом снова ее обрел, и в этот момент на меня обрушились запахи, звуки, цвета. Столько самых разных цветов, как если бы меня закружили на балу в вихре бесчисленных платьев, и то — это было очень слабое сравнение. В груди взорвалось крохотное солнце, сила затрепетала на кончиках пальцев, и все вокруг отзывалось на меня и на нее, на магию жизни. Ощущение затопившей меня безграничной радости, счастья и света было настолько сильным, что я на миг потерялась в этом магическом калейдоскопе, а потом...

Потом пришел холод.

Он вливался в меня отовсюду, обрушился подобно сбивающей с ног волне, чтобы выбить из тела частички светлой магии, принося с собой выжигающую тело боль.

Я закричала, падая вниз, но упасть мне не позволили: мужчина меня подхватил, широким шагом пересекая комнату, которая расплывалась как размытый дождем пейзаж.

— Сейчас станет легче, — пообещал он, укладывая на постель и касаясь моего лба ладонью.

Легче действительно стало: из меня словно вытянули весь холод и боль, но вместе с ними ушли и все силы. Лицо склонявшегося надо мной мужчины — волевое, резкое — отдалялось, и я закрыла глаза.

После случившегося мне неоднократно снились кошмары. Ночи, когда я просыпалась в холодном поту от снов, в которых Аддингтон моими руками творил все новые и новые преступления, стали для меня чем-то привычным, поэтому новому сну я совсем не удивилась. Особенно после разговора с Винсентом: он раздул из одного странного танца такое, что я совершенно не представляла, как мне могло присниться что-то еще. Возможно, этот мужчина просто приехал с кем-то из гостей (кузен, дальний родственник, решивший навестить без предупреждения, которого невежливо было оставить одного), и, как бы это ни звучало, сбежал с нашего скучного бала куда подальше.

Нет, ну а что?

Тереза сбегала, и не раз.

А мы раздули из этого целую детективную историю. Точнее, Винсент раздул.

Улыбнувшись собственным мыслям и представляя лицо брата, когда я скажу ему об этом за завтраком, открыла глаза, и тут же их закрыла.

Открыла.

Закрыла снова.

Это совершенно точно не была моя комната, и уж тем более она не была ничем из того, что когда-то мне казалось известным. Потолок, возвышавшийся надо мной, должно быть, футов на пятнадцать, не меньше, был увит цветами. Точнее, оплетен ими, как одна из западных стен Мортенхэйма вьюном. Если бы вьюн мог произвольно собираться в узоры и цветочные

композиции, которые постоянно менялись.

Еще более странным было то, что от цветов не было запаха, а постель, на которой я спала, была усеяна лепестками.

— Всевидящий, — сказала я, резко усаживаясь.

С резко я, честно говоря, погорячилась, потому что перина подо мной была невыносимо мягкой, и я в нее просто провалилась, кувыркнувшись обратно. В следующий раз я вставала уже осторожнее: подползла к краю, спустила ноги и наступила... в траву. Густая трава ковром раскинувшаяся на полу напоминала гордость нашего садовника в парке при Мортенхэйме.

подавив желание с визгом забраться обратно, я все-таки поднялась.

К счастью, стены были всего лишь стенами, а окна — всего лишь окнами: огромные, арочные, напроць лишенные стекол, они выходили на...

— Всевидящий! — повторила я, отшатнувшись.

Мне в жизни не доводилось смотреть вниз с такой высоты, с высоты тянущегося к небу замка, который больше напоминал каменную башню. Бушующее поодаль море казалось расстеленным покрывалом, которое кто-то грубо надорвал в нескольких местах, оставив бахрому волн. Молнии, пронизывающие небо и землю, били с такой силой, словно хотели пронзить ее насквозь.

Нет.

Нет, нет, нет. Это не может быть правдой, этого просто не может быть, это же...

— Аэльвэйн Лавиния.

Тихий женский голос ударил, как раскат грома. Только сейчас я поняла, что странного в этой дикой пугающей грозе: никаких раскатов грома не было. Небо беззвучно исторгало молнии, и земля поглощала их столь же беззвучно.

Вздрогнув, я обернулась, оказавшись лицом к лицу с женщиной. Длинные светлые волосы перехвачены лентами, наряд чем-то напоминал наряды женщин Загорья (соседствующего с нашей страной на севере государства): прямое нижнее платье с расклешенными рукавами, остроносые туфельки без каблуков. Глаза вошедшей были подчеркнуты краской, что в Энгерии позволяли себе только женщины, желающие привлечь внимание мужчин с определенной целью.

— Меня зовут Эйзер. Я помогу вам освоиться.

— Освоиться где? — на «освоиться» мой голос предательски сел, на «где» вознесся до октав, которые я еще никогда не брала.

— В Аурихэйме.

Я сошла с ума? Или все-таки сплю?

Аурихэйм — легендарный мир элленари. Не менее легендарных созданий, о которых я в детстве слышала очень много историй, но это же... всего лишь сказки!

Пока я пыталась сопоставить услышанное, увиденное и прочувствованное, Эйзер неслышно шагнула в комнату. Взмахнула рукой, и подчиняясь легкому порыву магии, следом за ней влетело платье, похожее на то, что было на ней.

— Вам нужно одеться...

— Нет. Мне нужно домой! — теперь уже я, никогда в жизни ни на кого не повысившая голоса, почти кричала.

— Вы не можете попасть домой без разрешения вашего мужа. Прошу прощения, вашего будущего мужа, — на последнем слове Эйзер поклонилась так низко, что чудом не подмела волосами траву.

Если существует еще большее потрясение, я его только что испытала.

— Кого? — уточнила, глядя прямо в глаза выпрямившейся женщины.

Определить, сколько ей лет, не представлялось возможным. Она могла быть моей ровесницей, могла быть моложе, могла быть старше, и все это (одновременно) отражалось на ее лице. Возраст — в глазах, юность — на лице.

— Вашего будущего мужа. Простите, но мне надо помочь вам одеться.

Она словно не замечала того, что со мной творится, или не хотела замечать.

— Вы сошли с ума? — тихо спросила я. — Я не собираюсь замуж.

И никогда больше не соберусь!

— Это не так, — она снова взмахнула рукой, и по ближайшему окну прошла легкая рябь.

Рассеявшись, она принесла за собой свежий ветерок, надо отдать должное, очень вовремя: я как никогда была близка к тому, чтобы позорно упасть в обморок.

— Вам оказана большая честь, аэльвэйн Лавиния. Вы станете супругой нашего Повелителя.

О да. Несомненно. Десять раз.

— Я. Не. Собираюсь. Никем становиться, — резко заметила я. — И если вы сейчас же...

— Если вы сейчас же не перестанете пререкаться, предстанете перед ним в таком виде. Повелитель не любит ждать.

Я открыла было рот, чтобы сообщить, что я не люблю, когда меня посреди ночи вытаскивают из постели и затягивают непонятно куда, но тут же его закрыла. Хотя бы потому, что (несмотря на довольно снисходительный вид), Эйзер явно здесь ничего не решает. Судя по тому, что в мужья мне заявлен загадочный повелитель, разговаривать надо с ним.

Справедливо рассудив, что на равных с повелителями лучше общаться одетой, чем в тонкой сорочке, глубоко вздохнула и устроилась на стуле. К моему безумному (и это даже не фигура речи) счастью, самом обыкновенном стуле перед самым обыкновенным зеркалом, ничем не отличающимся от тех, к которым я привыкла.

Разум подсказывал, что Эйзер не лжет. Не лжет, потому что в Мортенхэйме, да и во всем нашем мире, не бывает грозы без грома. В нем нет сооружений такой высоты, а закрывают окна самыми обыкновенными стеклами, без заклинаний.

Приблизившаяся ко мне женщина легко коснулась моих волос, и они мгновенно приобрели такой вид, словно я или Элизабет расчесывали их по меньшей мере час.

— Как вы...

— Магия Аурихэйма не подвластна смертным, — это прозвучало свысока.

— Тем не менее я невеста вашего повелителя, — хмыкнула я, осадив девицу на полном ходу. — Отвечайте.

Ноздри ее шевельнулись, тем не менее Эйзер произнесла:

— Это заклинание, основанное на плетениях стихийной магии. Если Повелитель прикажет, я разберу его для вас.

Она снова шевельнула пальцами, и на моих глазах волосы потянулись в укладку, завиваясь локонами и обрамляя лицо, сплетаясь с помощью падающих с потолка цветов прочнее, чем с помощью шпилек. Я наблюдала за диковинной магией, подчиняющей собой мои непокорные пряди.

Мне нужно понимать, во что я ввязалась, как можно лучше. Что-то мне подсказывает, что разговор с их повелителем простым не будет. Учитывая, что «магия Аурихэйма не подвластна смертным» даже Эйзер сказала, глядя на меня сверху вниз.

— Ты можешь сделать любую прическу? — спросила я, и она замерла.

Впрочем, тут же продолжила свое занятие.

— Я делаю то, что могу сделать быстро. Мои работы ничто по сравнению с работами Магистра красоты.

Магистр красоты. Ну да, разумеется.

— Зачем я нужна вашему повелителю? У вас что, желающих за него выйти нет?

Эйзер зашевелила пальцами с такой скоростью, что я с трудом улавливала их движение.

— Это не мое дело.

И не мое тоже. Тем не менее я здесь!

— Отвечайте! — приказала резко.

— Не имею права.

— Отвечайте, или...

— Я не могу говорить с вами на эту тему, аэльвэйн Лавиния. Попытка обмолвиться об этом хотя бы словом меня убьет.

Что?! Убьет?! Это шутка такая?

Пока я приходила в себя, женщина закончила с прической, и заставила платье скользнуть к нам. Глядя, как ко мне по воздуху плывет наряд, я снова почувствовала себя донельзя странно. Нет, наверное еще пару сотен лет назад в нашем мире такое было в порядке вещей: бытовой магией пользовались все, но с тех пор, как она начала ослабевать, все делали по старинке. То есть если что-то требовалось надеть, камеристки или компаньонки брали это руками, и...

Компаньонки!

Я вдруг отчетливо вспомнила, что помимо утащившего меня странного типа в моем сне, который вовсе не сон, была еще Амалия.

— Где Амалия? Девушка, что была со мной?

— Об этом вы можете спросить Повелителя.

Да чтоб он был десять раз неладен и еще раз десять наступил в ночную вазу!

Эйзер снова зашептала что-то, и сорочка на мне... растворилась, растаяла дымкой, заставив мои глаза округлиться. Впрочем, ее место тут же заняло платье, которое село как влитое, по фигуре, оттеняя мою кожу и волосы солнечно-теплым цветом. Не будь я в таком состоянии, наверняка застыла бы у зеркала, но сейчас мне было не до самолюбования.

— Зовите своего повелителя, — заявила я, сложив руки на груди.

— Он придет, когда сочтет нужным.

Впрочем, Эйзер даже договорить не успела, двери распахнулись, явив моему взору мужчину. С таким высокомерным выражением лица, что с ним все сразу становилось понятно.

Повелитель.

Эйзер низко поклонилась, а потом бесшумной тенью скользнула к дверям, оставив нас наедине. Меня изучали с тем же интересом, с которым могли изучать лошадь: прошлись взглядом по лицу, по груди и ниже — видимо, оценивая рост. Хорошо хоть зубы не попросили показать, и на том спасибо.

Будь мне лет семнадцать, я бы смутилась, но сейчас сложила руки на груди и решила тоже оценить. Посмотреть там, честно говоря, было на что: широкоплечий, больше шести футов ростом. Мой брат, который тоже был достаточно высоким, уступал ему по меньшей мере на голову. Что касается остального — лицо волевое, тронутое резкой росписью узора над бровями. Взгляд жесткий и темный, но самым ярким в его внешности были волосы. Огненно-красные, как закатное солнце или как раскаленный металл. Пожалуй, последнее подходило ему гораздо больше.

Раскаленный металл.

От него веяло силой и властью.

А еще самодурством: кому еще придет в голову притащить женщину непонятно куда вопреки ее воле. Прежде чем я успела задать этот вопрос, он уже шагнул ко мне и протянул увитую тонким вьюном коробочку.

— Это ваше. Наденьте.

Потрясающее приветствие!

— А как же: добро пожаловать в Аурихэйм, леди Лавиния? Безумно рад вас здесь видеть в качестве дорогой гостьи, поэтому искренне и от души вручаю вам этот дар?

Повелитель слегка застыл: не то от того, что я ему сообщила, не то от того, что до коробочки так и не дотронулась. Впрочем, судя по тому что сказала Эйзер (уж что-что, а выводы из ее слов я сделала быстро), для него было непривычным уговаривать женщину что-то взять.

— Вас что-то смущает, аэльвэйн Лавиния?

— Леди, — поправила я.

Повелителя слегка перекосило.

— Леди Лавиния. Вас не устраивают ваши покои?

— Да! — воскликнула я. — Потому что меня вполне устраивали мои — до той минуты, как меня из них утащили. Признаюсь честно, не представляю, что вам от меня нужно...

— Эйзер вам ничего не сказала?

Судя по его тону, по резко сошедшимся на переносице бровям и холоду, пробравшему меня до самых костей, я поняла, что нужно спасти Эйзер.

— Вы не так меня поняли. Я в полном недоумении по поводу того, что она мне сказала, — я сделала ударение на слове «что», после чего внимательно посмотрела ему в глаза. Вот зря я это сделала, потому что от прямого взгляда меня повело, и в комнатах словно стало нечем дышать. Воздух сначала раскалился, потом обрушился на меня прохладой, из-за чего я на миг утратила способность мыслить связно. Перед глазами все поплыло, и если бы меня не подхватили под локоть и не усадили на стул, оказалась бы у ног Повелителя. Буквально.

— Возьмите, — повторил он, вложив мне в ладони коробочку.

Наощупь она была бархатной, а вьюн под моими руками ожил и зашевелился.

— Зачем? Что это?

— Это поможет вам привыкнуть к нашему миру.

К нашему?!

— Мне нет никакой необходимости к нему привыкать, — смотреть на него снизу вверх мне совершенно не понравилось, поэтому я поднялась. — Потому что я не собираюсь здесь

оставаться и уж тем более не собираюсь становиться вашей женой! Как вы себе это представляете?!

— Очень просто. Нас обвенчает природа.

Он сейчас издевается?

— Я. Не. Выйду за вас, — повторила, глядя ему в глаза.

— Выйдете, леди Лавиния. Потому что вы моя мьерхаартан.

Всевидящий, как он это выговорил-то?

— А мьер... простите, я не сильна в вашем языке — это кто?

— Вторая суть.

Я моргнула.

Все случившееся просто не укладывалось у меня в голове, и если бы я в своей жизни не пережила вмешательство в разум и подселение злобного призрака в мое тело, решила бы, что просто схожу с ума. Или уже сошла: все-таки развод дался мне тяжелее, чем я себе представляла, вот и мерещатся всякие мьертартаны и повелители.

— Я не могу быть вашей второй сутью! — попыталась еще раз воззвать к голосу разума.

Все-таки судя по тому, как он вел диалог, разум там есть, и немаленький. Да и сомневаюсь я, что в Повелители Аурихэйма выбрали бы того, кто с ним не дружит.

— Дайте руку, леди Лавиния.

— Что? Зачем?

— Дайте руку, — властные нотки в его голосе заставили подчиниться: не столько потому, что я этого хотела (чтобы он лично взял меня за руку и убедился в том, что я не мьер... чего-то там), сколько потому, что во мне что-то заставило ее вскинуть и вложить в сильную широкую ладонь.

От прикосновения в пальцы ударили искры, а в следующий миг вокруг наших запястий вспыхнула изумрудная нить. Оплетая наши руки браслетом, легла нам на кожу и поползла по предплечью и выше, раскрываясь листьями как растущий стебелек. Я смотрела на то, как под светлым нарядом на руке проявляется узор, отзываясь легким покалыванием и теплом. Вьюн дотянулся до моего плеча, скользнул листьями на шею и замер, мгновенно проникая под кожу.

— Вы... вы что сделали?! — ахнула я, разглядывая светящийся под кожей узор.

Меня смерили снисходительным повелительственным взглядом, и в какой-то момент показалось, что ответа я не дождусь, но он все-таки ответил:

— Взял то, что принадлежит мне по праву.

Лучше бы молчал, честное слово. Но даже если бы промолчал, я бы (по своим относительно нескромным познаниям в магии) поняла, что вот это вот на моей руке совершенно точно не рисунок для настроения. Особенно если учесть, что похожий вьюн, разве что более насыщенного, ближе к черному, чем к зеленому, цвета, уходил под плотный манжет по его руке. Даже ребенок мог сложить два и два и получить четыре, то есть что-то наподобие... наподобие брачных браслетов, которыми пользовались армалы.

— Вы сейчас понимаете, что вы сделали? — кажется, во мне кончился словарный запас, но я уже была близка к тому состоянию, которая моя сестра называла «маэлонский синдром».

Как-то мы с Майклом гостили у людей, воспитавших Анри, фактически, его вторых родителей, и по утрам, в соседнем доме, отделенном от нашего только каналом, постоянно истошно вопила женщина. Маэлонцы — народ горячий, так говорил муж моей сестры, и вот сейчас я почувствовала совершенно недостойное сестры герцога желание. А именно — швырнуть в повелителя коробочкой, которую держала в руках и орать так, чтобы у него заложило уши. Может, его хотя бы так проймет.

— Так будет лучше для вас, — заявил он. — Знак моей принадлежности, леди Лавиния, лучшая защита: никто не посмеет даже взглянуть в вашу сторону.

— Защита от кого?! — прошипела я.

— От тех, кто мог на вас посягнуть, пока мы не были моей невестой.

У-у-у-у!!!

— Я вам не невеста!

— Неужели? — он совершенно недопустимо скользнул пальцами по моему предплечью. — Этот знак говорит обратное.

— Вы нанесли его, не спросив моего согласия!

— Не я, это сделала Изначальная.

Всевидящий, он бредит!

— Кто такая изначальная?

— Изначальная — это суть всего живого и мертвого, это сердце Аурихэйма и мира, из которого вы пришли. Ее же называют природой, но довольно. Все вопросы вы сможете задать позже, сейчас нас ждут.

— Кто?!

— Один из моих главнокомандующих, которому было поручено вас привести, не справился с задачей своими силами. Он вас поцеловал, и за это будет жестоко наказан.

Во мне повторно кончились слова, а брови поднялись сами собой. То есть тот мужчина, который привел меня — его главнокомандующий? Нет, я была не против высказать ему все что думаю за то, что меня сюда приволок, но почему-то сейчас мне стало по-настоящему страшно. Может, потому, с какой непробиваемой физиономией этот тип говорил о наказании.

— Подождите, — сказала я. — То есть вы собираетесь его наказать за то, что он выполнил ваш приказ?

— За то, что посмел к вам прикоснуться.

— Но...

— Нас ждут.

— Вы сошли с ума, если думаете, что я с вами куда-то пойду. Тем более чтобы смотреть на экзекуцию! — выпалила ему в лицо.

— Пойдете, — не меняясь в лице, произнес он. — Надевайте мой подарок.

В эту минуту я осознала, что ладонь, сжимающая коробочку, взмокла от пота. Разжав пальцы, я с силой швырнула ее о стену:

— Нет!

— Отлично. Значит, пойдете без нее, — один короткий взгляд, и моя рука снова ложится в его ладонь.

Чувствуя себя послушной куклой, я следую за ним, пытаюсь справиться с охватившей меня беспомощностью. На миг оно становится далеким и незначительным, потом возвращается снова, отступает — накатывает, как волны на берег.

— Что со мной? — шепчу я, когда мы выходим в коридор.

— Это действие Аурихэйма, леди Лавиния. И моей силы, — он смотрит на меня сверху вниз, тяжелый взгляд давит на плечи. — Я предлагал вам защиту от нее, но вы отказались.

Защиту?

Так это была защита?! От чего? От чар? От воздействия, которое он может на меня оказать?

Голова снова начинает кружиться, особенно когда я смотрю на стены. Здесь, вне моих комнат, они напоминают черный мрамор, изрезанный кремевыми и белыми прожилками. Под ногами клубится черный туман, расступающийся и жмующийся к стенам, пропускающий нас. От тумана исходит странный, пугающий холод, и я вдруг понимаю, что он мне напоминает.

Силу моей сестры.

Некромагию.

Пол под туманом меняется, приходя в движение, смывая краски и возвращая их, когда туман отступает.

— Это...

— Смерть, — подтверждает он. — Вся изначальная магия рождена в Аурихэйме, леди Лавиния. В ваш мир она пришла с нами и по нашей воле, но вы, люди, даже не сумели ей достойно распорядиться.

Глаза его на миг чернеют, становясь страшными (Всевидящий, я ненавидела, когда Тереза так делала!), а потом возвращаются к привычному темному цвету. Поклясться могу, что он видит больше меня, и что холод в этих коридорах соткан не только туманом.

— Я не могу быть вашей второй сущью, — повторяю. — Вы олицетворяете то, что я никогда не смогу понять.

— Жизнь и смерть — единое целое. Смерть может стать жизнью, а жизнь — обратиться в смерть. Со временем вы все поймете.

Да не хочу я ничего понимать!

Мне хочется крикнуть ему это в лицо, но я не могу. Я вообще ничего не могу, кроме как ругать себя за то, что не взяла то, что в коробке. Возможно, это была ложь, очередная обманка, но что-то мне подсказывает, что нет. Ему незачем лгать, потому что он здесь — абсолютная власть, существа, которые попадают на дороге, не всегда напоминают людей даже отдаленно, но даже те, кто напоминает, склоняются перед ним, меня же царапают холодными когтями взглядом. Теперь уже я не сомневаюсь, что действительно в Аурихэйме и что то, что всю жизнь считала сказками, сейчас оживает у меня на глазах. Еще, если верить легендам, элленари не лгут, и в том, что он — элленари, я теперь тоже не сомневаюсь.

— Мы можем вернуться? — спрашиваю я. Не хочу чувствовать себя куклой, не хочу чувствовать, как взгляды проходящих мимо вонзаются в меня ледяными шпагами. — Я надену ваш подарок.

— Нет. Пусть это послужит вам уроком.

От того, как жестко и холодно звучат слова, становится нечем дышать.

— Ненавижу вас! — выдыхаю я.

— Вы из мира людей, — это уже пренебрежительно. — Чувства — ваш удел.

— Что, правда? — спрашиваю я. — Разве вы не воюете? Не делите власть? Не убиваете друг друга?

Если верить легендам об элленари, их переделам власти могут «позавидовать» самые кровавые перевороты нашей истории.

— Разумеется.

— Тогда чем же вы лучше людей?

— Мы не прикрываемся чувствами.

Коридоры наконец-то заканчиваются, начинается лестница, по обе стороны от нее застыли мужчины в форме, на переходе еще стража, внизу тоже. Черный мрамор повсюду, разбавляет его только полотно — легенда создания мира, огромная «живая» картина, которая постоянно находится в движении. На ней тьма и свет сплетаются воедино, иссиня-черная дымка, цветковое воплощение магии смерти, сливается с серебром жизни. От столкновения рождается огненный взрыв, и стихии раскрываются во всем своем многообразии. Пронизывая

окружающую первородную тьму, змеится ядовитая зелень магии искажений (о последней я знаю ничтожно мало и только со слов Винсента, описавшего мне суть случившегося со мной). И наконец, растворяя все и сменяясь ослепительным золотом, клубится нечто похожее на солнечный свет. То, что в нашем мире называют антимагией, или даром хэандаме.

То, что способно лишить силы любого мага.

— Всевидящий, — выдыхаю я.

У меня чувство, что я стою у истоков всего, чем жила, но это чувство так же быстро проходит, потому что мы спускаемся в огромный холл и проходим через распахнутые двери во внутренний двор. Он окружен уносящимися ввысь стенами, у которых собралась бесчисленная, необъятная толпа. Стоит нам выйти, как воцаряется абсолютная тишина. Кажется, что если упадет перышко, я услышу.

Впрочем, это тоже становится неважным, потому что в центре двора, на каменном возвышении, стоит мужчина, который меня сюда привел.

Льер.

Из-за магии и чар я запомнила его смутно, зато сейчас видела очень отчетливо. Несмотря на подчиняющий морок, давящей силой превращающий меня в статую рядом с этим... статуином, всей кожей почувствовала, как взгляд его вонзился в меня. А глаза у него синие, насыщенные темной глубиной, которой отмечена ночь.

— Приветствуйте будущую королеву Аурихэйма!

По руке прокатился жар, эхом сильного, низкого голоса элленари — от запястья по предплечью и выше, обжигая. Мне не нужно было даже поворачиваться, чтобы увидеть, как исступленно полыхает зеленью новообретенный узор, но под оглушительный рев толпы, разномастной, не похожей своей тысячеликостью сутью ни на что из того, что мне доводилось видеть ранее, я вряд ли смогла бы кого-то выделить.

— Я отпущу вас, леди Лавиния, — раздался справа от меня негромкий голос повелителя Аурихэйма. — Если обещаете вести себя хорошо.

— Что в вашем понятии хорошо? — огрызнулась я, и тут же добавила: — Обещаю.

Морок спал.

Я просто почувствовала, как рухнула тяжесть чужой воли, беспрекословно переходящей в мою, и мир вокруг обрел более резкие грани. Острые зубцы башен, вспарывающих небо, свинец туч, исторгающих молнии. Отсюда они казались еще более далекими и нереальными, но это была реальность. Моя новая реальность, в которой мне предстояло существовать до тех пор, пока я не найду способ вернуться обратно.

Удивительно, но именно сейчас, когда чары меня больше не удерживали, все происходящее гораздо больше казалось сном. И то, как мы шли к установленным напротив каменного возвышения креслам. И то, как взгляды присутствующих окатывали меня волнами, то накрывая с головой, заставляя задыхаться от нехватки воздуха, то подбрасывая на поверхность.

— К магии Аурихэйма надо привыкнуть, — произнес он. — Жалеете о том, что отказались от моего подарка?

Да сдался мне ваш подарок!

— Нет, — заметила я. — Жалею о том, что здесь нет моего брата, чтобы размазать вас по земле!

Кажется, такого ответа он не ожидал, но королевской особи надо держать лицо, поэтому в кресло, ой простите, на трон, он опустился, раздувая ноздри.

— Осторожнее, леди Лавиния, — произнес негромко. — Вас я тоже могу наказать за дерзость.

— Не сомневаюсь, — сказала я.

И предпочла замолчать, потому что говорить с ним мне было не о чем. Каменный трон, на который я опустилась, казался живым. Если так можно выразиться, потому что исходящий от

него неживой холод напоминал мне о сути магии сестры, такой же пугающей, как все, что связано со смертью. Клубящийся под нашими ногами туман замер, когда повелитель вскинул руку:

— Начинайте.

Отделившийся от толпы мужчина тоже был в темной форме. Такой же, которая запомнилась мне по первой встрече с Льером на балу. С той лишь разницей, что сейчас тот, с кем я танцевала, был обнажен по пояс, а длинные черные волосы трепал ветер. Только сейчас я увидела, что толпу отделяют от нас фигуры в форме, своеобразный живой кордон. Сила, клубившаяся между ними дымкой тьмы, не позволяла пересечь невидимую черту.

Подчиняясь взмаху руки шагнувшего вперед, прямо из камня ввысь взметнулись две темные плети, перехватившие запястья Льера, рывком заставив его опуститься на колени. Я ахнула и вскочила бы, если бы чужая воля не уронила меня обратно в кресло. Или, правильнее будет сказать, не позволила подняться.

— Вы... вы что, собираетесь его убить? — выдохнула я, глядя как кожа мужчины под нахлестами магии смерти превращается в тлен.

— Элленири не так легко убить, леди Лавиния, — последовал ответ.

Я резко повернулась к сидящему рядом, но он по-прежнему смотрел на помост.

— Мгновенное восстановление не позволит ему умереть. А вот пережить самую страшную боль в своей жизни — вполне.

— Вы чудовище!

— Хорошо, что вы поняли это сразу.

Он едва шевельнул пальцами, и с ладоней ожидавшего приказа мужчины сорвались плети тьмы. В миг, когда они с шипением врезались в спину Льера, я отвернулась, до боли закусив губу, и в ту же минуту словно невидимая рука развернула мое лицо обратно.

— Моя королева не станет показывать слабость перед своими подданными, — последовал комментарий.

— Я не ваша королева.

— В самое ближайшее время вы ею станете, и любую вашу слабость обернут против вас.

— Лучше я буду слабой, чем стану похожей на вас.

— Не переживайте. На меня вы никогда не станете похожи.

Отвернуться мне не давали, толпа ревела, как сумасшедшая, но даже она не перекрывала страшного шипения тьмы, вгрызающегося в плоть. Снова и снова.

Снова и снова.

Снова и снова.

— Он выполнял ваш приказ! — выдохнула я, давась словами. — Он ничего мне не сделал, остановите это. Вы же можете это остановить!

Понимая, что ничего не могу сделать, даже отвернуться, глотала бессильные сухие слезы, глядя на то, как бесстрастное лицо Льера с каждым ударом все сильнее искажает судорога. В тот момент, когда под очередным ударом вздрогнули его плечи, что-то внутри меня взорвалось. По ощущениям — крохотное солнце, или вроде того. Удерживающая меня сила показалась хрупкой, как статуэтка лацианского стекла, и лопнула, как лишённые поддержки вековых стен цепи.

В одно мгновение, сама не понимая как, я оказалась рядом с проклятым камнем, закрывая мужчину собой. Успела увидеть перекошенное лицо палача, летящие в меня черные плети, а потом с моих рук сорвалась моя родная, живая магия. От столкновения жизни и смерти польхнуло перед глазами, меня отбросило назад, как от взрыва. Последнее, что я почувствовала — это как Льер меня подхватил. Последнее, что увидела — это его лицо и тонкий узор на высокой скуле, поднимающийся на висок.

Потом померкли и свет, и тъма.

Матушка говорила, что порядочная леди должна падать в обморок, когда сталкивается с какой-то ужасной ситуацией. Долгое время (особенно в детстве) я считала себя непорядочной, потому что не теряла сознание вообще, но теперь, кажется, перевыполнила план по порядочности леди. Да что там, наверное, ни одна порядочная леди не падала в обморок столько, сколько я за последние дни.

Об этом я размышляла философски, глядя на плавающий надо мной потолок. Тот факт, что цветочный узор на нем постоянно изменяется, меня уже почти не смущал, зато смущало другое. Я оказалась пленницей самодура, ладно бы просто пленницей, но он вознамерился на мне жениться, уверенный в том, что я его кто-то там. С этим определенно надо было что-то делать, и как можно скорее, потому что (случившееся вчера говорило об этом более чем красноречиво) он женится на мне без моего согласия, а этого я уже совершенно точно не могу допустить.

Мне хватило замужества с Майклом, чтобы снова по уши вляпаться в то же самое. И пусть даже Майкл был далеко не подарок, его я выбрала сама, равно как и то, что оставалась с ним все это время (пусть даже сейчас этот выбор казался мне несколько... гм, ошибочным). Так что если этот повелитель думает, что я просто так смирюсь с участью будущей жены, он глубоко ошибается.

Осталось только объяснить ему, насколько.

Поднявшись и набросив легкий, почти невесомый пеньюар из ткани, какой мне раньше видеть не доводилось, я первым делом подошла к окну, но тут же поспешно отвернулась. Привычка, которая в нашем мире стала ежеутренним ритуалом, сейчас отчетливо напомнила о наказании во внутреннем дворе. Перед глазами стоял профиль Льера, вгрызающиеся в обнаженную кожу плети тьмы, и я внутренне содрогнулась.

В Энгерии жестокости тоже было хоть отбавляй, отец, например, воспитывал Терезу с помощью плети. Когда я об этом узнала (сестра случайно проболталась во время одной из бесед, забывшись), то пришла в ужас. Но эту непроницаемая, словно выточенная из камня физиономия повелителя, равнодушно взирающего на откровенное издевательство, сейчас перебила все.

Вспомнив об этом, а еще о горячей дрожи, впитывающейся в кожу вместе с узором, метнулась к зеркалу. Коробочка, которую он принес, к счастью, все еще была там, и я ее распахнула. На черном бархате лежало кольцо из металла, который мне раньше видеть не доводилось. Он напоминал не то платину, не то сталь, уходя в глубокий пепельный оттенок и являясь оправой для изрезанных сияющими прожилками неровных графитовых камней. То, что оно мне подходит, как Терезе розовые бантики и рюши, было делом десятым. Я поспешно схватила кольцо, чтобы его надеть, но увидела, что на нем нет застежки.

— Хм...

Закусив губу, приложила его к груди и вздрогнула.

Металл, как подчиняющийся магии жизни вьюн, скользнул по коже, меняя форму украшения и срастаясь прямо на мне. Миг — и на шее уже защелкнулась металлическая бархотка, в изменившихся узорах оправы тускло сверкали непонятные камни. И все бы чудесно, вот только это чересчур напоминало ошейник, который мне всучили под предлогом защиты. Вцепившись в него руками, я попыталась сорвать «подарочек», но пальцы обожгло болью:

— Ай!

В ту минуту, когда я дула на ладони, в спальню вошла Эйзер, а вслед за ней невысокий мужчина с гладко выбритыми висками и ушами острыми, как сарказм моей сестры.

— Аэльвэйн Лавиния! Кто вам разрешил подниматься?!

Кто мне разрешил, кто мне разрешил...

Сама я себе разрешила!

— Немедленно возвращайтесь в постель! — Эйзер шагнула ко мне, но ее оттеснил мужчина, кажется, тоже элленари: это я поняла по его меняющим цвет глазам. Из рыжих они становились красными и снова возвращались к огненным.

— Занятно, — произнес мужчина. — Очень занятно.

У него на лице тоже присутствовал узор, на висках: два тонких, иссиня-черных вьюна, перетекающих на скулы.

— Что именно вам занятно? — уточнила я.

— Вы пережили первый пространственный переход, открытый самостоятельно. — Мужчина посмотрел мне в глаза, но я не испытала даже легкого головокружения. — В Аурихэйме способности смертных магов...

У-у-у-у!

— Я была бы вам признательна, если бы выразались о людях с наибольшим почтением.

Серебристые брови приподнялись. У него была очень занимательная внешность, если не сказать больше: серебро волос и огненные глаза. Зрачок то и дело вытягивался в горизонталь, но наверное, к этому стоит привыкать.

— Как скажете, аэльвэйн Лавиния. Словом, способности тех, кто перешел в наш мир из вашего, очень нестабильны в первые дни. Возможно, именно за счет этого вы и совершили пространственный переход.

Тут только до меня дошел смысл его слов.

— Пространственный переход? — уточнила я.

— Именно, — он провел ладонями в нескольких дюймах от моего лица. — Но я не чувствую ни малейшего колебания силы, хотя вчера, когда я вас осматривал, вы были полностью истощены.

Так.

— Вы хотите сказать, что я воспользовалась магией искажений? — уточнила я. — Порталы можно открыть только с помощью магии искажений.

— В вашем мире.

Ой, нет.

— Что значит — в вашем мире?! Магия везде одинакова...

— Если магия везде одинакова, как вы объясните это? — Он кивнул на видоизменяющийся на стенах узор и бутоны, которые медленно раскрывались цветами без малейшего намека на то, откуда они могут черпать силу.

Определенно, это я объяснить не могла.

— То, что вы, люди, называете магией искажений и приписываете мааджари, одной из сильнейших и страшных цивилизаций вашего мира, — продолжал мужчина, — на самом деле источник всего. Без нее ни одна магия не могла бы существовать. Об этом вы когда-нибудь задумывались?

Не уверена в том, что об этом положено было задумываться леди (по крайней мере, матушка считала, что не положено, и все наше общество было с ней солидарно). Но кажется, сейчас я начинаю понимать, насколько они были неправы.

— Именно поэтому она настолько сильна. Именно поэтому овладеть ей может любой маг, обнаруживший древние знания и обладающий высоким потенциалом. Вы же сделали это бессознательно.

— Почему?

— Давайте познакомимся. Меня зовут Хьерг. — Мужчина чуть склонил голову. — Я магистр исцеления при дворе Повелителя Золтера I.

Очень приятно познакомиться.

Дважды.

— Леди Лавиния Биго, — реверанс я изобразила неосознанно, и только потом это поняла. — Буду признательна, если вы будете называть меня именно так.

— Леди Лавиния, — произнес Хьберг. — Позвольте мне вас осмотреть.

— Для этого нужно мое разрешение?

Мужчина снова приподнял брови, и я вздохнула.

— Прошу прощения. У меня выдалось несколько очень трудных дней.

— Я не стану к вам прикасаться, — произнес он. — Но мне нужно, чтобы вы были расслаблены и спокойны. Поэтому придется лечь.

В целом, я даже была не против. Учитывая то, что от новостей, падающих на меня как перезревшие фрукты в летнем саду (одна за другой), снова начинала кружиться голова. Хотя может, дело было в душившем меня «подарочке».

— Вы не знаете, как это снять? — уточнила я, указав на шею.

— Голову?

Всевидящий, здесь у кого-то есть чувство юмора!

— Нет, с головой я пока повременю. Украшение.

Хьберг, едва уловимо улыбающийся, тут же стал серьезным.

— Подарок Повелителя может снять только он сам.

Потрясающе! Отлично. Почему я совершенно не удивлена?

Опустившись на кровать, закрыла глаза, позволяя целителю (да простит меня магистр исцеления за эту фривольность в его ранге, а он простит, потому что никогда не узнает) меня осмотреть. Ни на минуту не сомневаясь в том, что он ко мне не прикоснется, потому что если Льера за один поцелуй ожидало такое...

Мысли о Льере вернули с небес на землю, то есть в размышления о том, как отсюда выбраться как можно скорее. По сути, об элленари я знала немного, но то, что знала из легенд, рассказывало о существах небывалой красоты и столь же небывалой жестокости. Если верить книгам, они обитали между мирами (потусторонним и нашим), из-за этого впитав в себя совершенно непонятные людям черты, зачастую до неузнаваемости меняющие внешность населяющих Аурихэйм рас. Была и еще одна особенность, за счет близости ко всему сущему элленари могли менять форму, превращаясь в животных, растения, камни... словом, во все сущее. Согласно этой легенде первый таатрин (птицеобразный оборотень, некогда существовавший в нашем мире), был наполовину элленари.

Вопрос в том, насколько это правда.

— Аэльвэйн Лавиния совершенно здорова. Сообщил Повелителю.

Голос Хьберга выдернул меня из мира легенд, которые я быстро перебирала в уме, и в эту же минуту я осознала, что ничего не почувствовала во время осмотра. Не то что прикосновения, даже на уровне магии.

— Как вы это делаете? — спросила я, усаживаясь на кровати.

Эйзер уже вышла «сообщать Повелителю», но как ни странно, в его присутствии я не чувствовала ни малейшей неловкости. Хотя любой порядочной леди не полагается оставаться наедине с мужчиной, не говоря уже о том, когда на ней только легкий пеньюар поверх ночной сорочки.

— Что именно?

— Осмотр. Я ничего не почувствовала.

— Не зря же я магистр исцеления, — Хьберг снова улыбнулся уголками губ и направился к двери.

— Как себя чувствует Льер?

Слова сорвались с губ, подействовав на элленари, как магическая преграда. Он остановился слишком резко, и столь же резко обернулся.

— Осторожнее с подобными вопросами, леди Лавиния, — предупредил он. — Это может плохо кончиться и для него, и для вас.

Да, кажется я прекрасно понимала, о чем он говорит, но прежде чем меня посетило желание откусить себе язык, Хьерг произнес:

— Я вас не выдам, но на будущее — для вас он Ангсимилльер Орстрен, главнокомандующий его аэльвэрства Повелителя Аурихэйма.

Его Зверства, я бы сказала.

— Спасибо, Хьерг, — произнесла искренне.

— Хорошо.

В ответ на мой незаданный, а если быть точнее, недозаданный вопрос, элленари произнес:

— Тот, о ком вы спрашивали. Сейчас с ним все хорошо.

Я не успела спросить про Амалию, элленари вышел, плотно притворив за собой дверь. Впрочем, надолго я одна не осталась, Эйзер вернулась быстро и сообщила:

— Аэльвэйн Лавиния, Повелитель желает разделить с вами завтрак.

Завтрак со мной пожелали разделить в зале, который превосходил даже нашу столовую в Мортенхэйме. Длинный стол на более чем двадцать персон врался мраморными ножками в пол, и веяло от него холодом. Впрочем, чем еще может веять от стола, когда за ним сидит Его Аэльвэрство.

Себе он не изменяет, весь в черном, спасает этот наряд только серебристая окантовка. Пожалуй, еще цвет волос элленари, на который больно смотреть, но принимая во внимание то, что мне на него смотреть не очень-то хочется, сойдет. Он поднимается из-за стола, чтобы подать мне руку, за которую мне не хочется браться. Мне вообще не хочется к нему прикасаться, но кто бы меня спрашивал, правда? Ни один уважающий себя мужчина в Энгерии не возьмет женщину за руку, пока она не позволит, этот же сжимает мои пальцы, и в грудь ударяет тягучим, зыбким жаром.

Отнять руку не представляется никакой возможности, поэтому приходится делать вид, что мне все равно. Все равно получается какое-то странное, я бы сказала, даже чересчур, потому что чем сильнее я пытаюсь избавиться от этого чувства, тем ярче полыхает в груди.

— Это знак моей принадлежности, — сообщают мне тем же ровным тоном, которым вчера сообщили, что мы идем смотреть на пытки. — После обручения станет проще.

— Я вам не принадлежу, — с трудом справляюсь с охватившими меня чувствами. — Никакого обручения не будет.

— Разумеется, будет. В ночь схождения луны и солнца, под Аркой Благоденствия.

Разумеется.

Глубоко вдыхаю и выдыхаю, когда мне отодвигают стул рядом с ним.

— В моем мире я не должна сидеть рядом с вами.

— Вы в моем мире, леди Лавиния.

Ах, так? Хорошо.

Устроившись на стуле, хочу расправить платье, но пальцы хватают пустоту: совсем забываю, что здесь нет кринолинов. Здесь нет ни белья, ни нижних сорочек, поэтому я чувствую себя почти раздетой, особенно под его взглядом, которым он, не стесняясь, меня обводит. Мы сидим так непростительно близко, что при желании он может коснуться моих пальцев, поэтому я убираю руки и складываю их на коленях. Еще один минус Аурихэйма — здесь никто не носит перчаток, и каждое прикосновение, как беспардонная близость. К счастью, тарелки

здесь самые обычные и приборы тоже. А вот блюда...

— Что из этого можно есть, чтобы не отравиться?

Взгляд Золтера темнеет.

— За моим столом вы не будете отравлены, леди Лавиния.

— Правда? У меня в этом серьезные сомнения.

Его глаза темнеют еще сильнее, и вместе с ними темнеет узор на лице, из насыщенно, темно-зеленого становясь почти черным.

— Позвольте спросить, почему.

— Начнем с того, что меня притащили сюда помимо моей воли.

Последние мои слова провоцируют такую тишину, что у меня начинает звенеть в ушах. Если до этого слышался едва различимый шелест шагов прислуги, сейчас от него остаются одни воспоминания. Так же, как от шороха расставляемых по столу блюд, у меня такое чувство, что время снова застыло, но на этот раз по моей воле.

— Продолжим тем, что вы ничего не желаете слышать о моем возвращении домой и о моих желаниях в принципе. Хотя бы потому, что вчера вы заставили меня смотреть на то, что я считаю жестоким и бесчеловечным, — заметила я. — А после нацепили на меня ошейник под предлогом подарка.

— Выйдите.

Его голос звучит тихо, но проносится, как раскаты грозового эха. Теперь я слышу не только шелест и шорохи, но кажется, даже, шуршание крыльев. Хотя последнему, кажется, здесь неоткуда взяться, но я все-таки невольно оглядываюсь. Чтобы увидеть легкую рябь, скользнувшую по стене под ожившей картиной, в которой краски сменяются на пепел и тлен. От неожиданности замираю, а в себя прихожу от жесткого прикосновения пальцев к подбородку.

В меня словно молнией ударяет, я даже не сразу понимаю, что происходит. Ожерелье-ошейник оживает, сползая в его ладонь покорной змеей, а в следующее мгновение элленари отбрасывает его на другой конец зала. Миг — и краски перед глазами стираются, а потом снова вспыхивают, ослепительно ярко. Я чувствую прикосновения пальцев к щеке так остро, как ничто и никогда.

От этого прикосновения кожа горит, полыхает, как его волосы, и весь мир сходится в его глазах. Опасный, темный взгляд вонзается в меня, вызывая одно желание: податься вперед, коснуться кончиками пальцев легкой щетины, губами — губ. Все это так остро, так яростно, так горячо, что мне становится нечем дышать, особенно когда он, скользнув пальцами по моей щеке в небрежной ласке, убирает руку.

Кажется, с моих губ срывается стон, не то отчаяния, не то разочарования, и я тянусь за продолжением этого прикосновения, когда слышу:

— Вы больше никогда не поставите мои слова под сомнение в присутствии посторонних, — этот голос ввинчивается в сознание сквозь исступленную жажду прикосновений, до этой минуты неведомую. Пульсация на руке, на предплечье, в плече, чувствуется, как биение сердца. — В противном случае я сниму с вас защиту и закончу то, что начал сегодня, на глазах у тех, в присутствии кого вы в следующий раз решите показать характер.

Последние его слова ударяют, как пощечина, и наваждение рассеивается. Вместе с ним рассеивается жар в груди и боль от невозможности почувствовать его губы на своих. Осознание того, что мне только что довелось испытать, жаром плещет на щеки, заставляя сжимать кулаки.

— Надеюсь, мы с вами друг друга поняли, леди Лавиния. А теперь — если пожелаете, разумеется, принесите защиту. Я вам ее верну.

Я — маг жизни, я не умею ненавидеть, но сейчас понимаю, что рядом с ним могу научиться.

— Что ж, — говорю я, — если ваш удел — брать женщин под власть чар на глазах у всех, то я ничего не могу с этим поделать.

После чего возвращаюсь на стул без его помощи, даже не взглянув в сторону клятого ошейника. Меня трясет не то от пережитого, не то от осознания, что я целиком и полностью в его власти, тем не менее внешне я остаюсь спокойна. Расстилаю салфетку на коленях и дожидаясь, пока он займет свое место.

— Вы так и не сказали, чем из того, что здесь есть, я не смогу отравиться, — говорю я и спокойно встречаю взгляд, полной беспросветной тьмы.

— Для людей в Аурихэйме губительны лишь плоды грига. Это яд, который убивает мгновенно.

— А для элленари? Есть здесь какой-нибудь смертельный яд для элленари?

— Вы нарочно испытываете мое терпение, леди Лавиния?

Испытываю? Это я даже еще и не начинала. Поэтому сейчас с милой улыбкой произношу:

— Ну что вы, ваше аэльвэрство. Мне просто нужно знать, чем я могу защищаться в случае чего.

— Вы здесь под моей защитой, — почти рычит он. — Никто не посмеет причинить вам вред.

— Да? — я все-таки рискую и кладу себе странное по виду блюдо, чем-то отдаленно напоминающее овощное рагу под соусом. — Это вы сейчас о тех, на глазах кого собирались учить меня уму-разуму, задрав мне юбки?

Матушка упала бы в обморок от подобного заявления, у Золтера лишь раздуваются ноздри. Меня окатывает его яростью, как ледяной водой с неба ближе к концу осени, я же опускаю глаза и пробую кусочек. По вкусу чем-то напоминает смесь картошки с горохом, разве что более твердое и волокнистое. Понимая, что говорить со мной сейчас себе дороже, его аэльвэрство предпочитает трапезничать молча, и я целиком и полностью поддерживаю его решение.

Так проходит наш первый совместный завтрак.

Когда он, наконец, поднимается, чтобы отодвинуть мне стул, я интересуюсь:

— Со мной была девушка. Где она?

Я отчетливо помню слова Льера: «Ты пойдешь с нами, девочка?», — и ответ девушки: «Да», но сейчас несмотря на это надеюсь услышать, что она осталась в Мортенхэйме, и что последнее мне показалось сквозь пелену морока элленари.

— Она в целительском корпусе.

— В целительском?! Что с ней?

Золтер смотрит на меня сверху вниз, и коротко произносит:

— Не перенесла перехода.

Целительское крыло отличалось от не целительского только тем, что в нем было еще холоднее. По крайней мере, мне так показалось, пока мы на пару с его альвэрхамством шли по коридорам, а все снова стелились по стенам, я сотни раз успела пожалеть, что на мне нет шали. Никогда в жизни не жаловалась на холод, даже в стенах Мортенхэйма, многовековых, каменных, поглощающих тепло, а здесь мерзла от кончиков пальцев ног до макушки. Впрочем, возможно, все дело было в магии смерти, пронизывающей это место, или, правильнее будет сказать, являющейся его сутью?

— Почему ваши целители не могут ей помочь? — спросила я.

— Потому что помогать ей в Аурихэйме бесполезно. Наш мир оказался для нее слишком тяжелым.

— И что, вы просто позволите ей умереть?! — холодно спросила я.

— Она ничего не значит.

— Для вас ничего не значит! Она — живой человек.

Пока что живой.

— Это не обсуждается.

У-у-урод.

Я сжала кулаки, мысленно досчитала до трех и так же мысленно макнула Золтера в его тьму. Раз, другой, третий. Не знаю, что чувствует элленари, которого макнули физиономией в глубокий тлен, но надеюсь, что ничего хорошего.

Он остановился так неожиданно, что я чуть не споткнулась, а потом провел по стене рукой.

— Здесь нет дверей, — пояснил он в ответ на мой невысказанный вопрос. — В этом крыле.

— Почему?!

— Большинство недугов Аурихэйма неизлечимы. Некоторые заразны. Часть из них приводит к безумию, поэтому открыть проход могу только я или целители.

Всевидящий!

Это целительское крыло? Это застенки!

Прежде чем я успела ему об этом сказать, уже оказалась в комнате. Больше и правда напоминающей подвалы Мортенхэйма (их обожала Тереза, я же спустилась туда лишь раз, и лишилась на этот счет всякого любопытства). Окна, в комнате, разумеется, тоже не было, а источниками света являлись магические шары, парящие под потолком. Иссиня-черные искры клубились внутри, создавая неяркую дымку свечения и приковывая взгляд к Амалии, лежащей на ложе.

Тянущиеся к ней со всех сторон черные щупальца окутывали тело девушки, пульсирующая в них тьма заставила ахнуть и прижать руки ко рту.

— Что вы с ней делаете?! Это же...

— Это не позволяет ей умереть, — отозвался Золтер. Я обернулась, но на его лице вновь не было ни единой эмоции. — Я уже говорил, что смерть и жизнь гораздо ближе, чем вы думаете, леди Лавиния.

Смерть и жизнь.

Прежде чем мысль успела оформиться, стена за нашими спинами разошлась, и в комнату шагнул Хьерг. Коротко поклонился:

— Мой повелитель.

— Как она?

— Угасает. Тьма запускает ее сердце каждые полчаса. Еще ночью приходилось делать это гораздо реже.

Я прижала ладони к глазам, потом снова повернулась к нему.

— Пожалуйста. Позвольте ей вернуться.

— Нет.

— Бо...

— Прежде чем вы зададите вопрос, за который мне придется вас наказать, нет. Я не боюсь, что по ее следу найдут вас. Я не боюсь, что сюда явится кто-то из вашего мира — ваш брат, или кто-то еще, в Аурихэйм не попасть без проводника-эллиенари. Я не боюсь, что мне придется сразиться с вашим братом, этого стоит бояться вам.

Он едва пошевелил пальцами, и опутывающие Амалию путы налились силой глубинной тьмы, от которой меня бросило в озноб.

— Ваша спутница не переживет повторного перехода. Ее сердце остановится, как только мы уберем тьму. А повторное пересечение границы миров расплавит ее тело.

Хьберг нахмурился, я же задохнулась от ужаса. Неужели нечего нельзя сделать?! Неужели...

Смерть и жизнь.

Эта мысль снова ворвалась в сознание, когда я ощутила клубящуюся в углах глубинную тьму.

Смерть и жизнь.

Тереза запустила сердце Анри с помощью своей силы, она рассказывала об этом много лет спустя. Она вытащила его брата из самого сердца тьмы, и за это обзавелась седой прядью, отметиной Смерти. Я бессильна там, где царствует Смерть. Но я могу ее спасти там, где есть Жизнь. Пусть я не целитель, но я могу поделиться с ней тем, чем меня наградила магия.

— Мне нужно в лес, — сказала я. — Есть здесь лес? Поблизости. Я смогу спасти ее. По крайней мере, сделаю все, что в моих силах.

Хьберг и Золтер переглянулись, и на миг показалось, что его аэльверство стал еще темнее.

— Это невозможно, леди Лавиния.

Странно, но это сказал целитель.

— Почему?!

— Потому что вы еще не оправились после случившегося вчера.

— Вы говорили, что я чувствую себя отменно!

— Но это не значит, что стоит злоупотреблять магией, едва преодолев рубеж Аурихэйма.

— Это значит, что нужно дать ей умереть?

— К сожалению...

— К сожалению?! — заорала я, не выдержав спокойного тона целителя.

Стоят тут, как два истукана, когда молоденькая, ни в чем не повинная девочка умирает у них на глазах, и говорят мне о сожалении?!

— Я не пойду в вашу Арку, — сказала я. — Не пойду с вами, даже если вы потащите меня силой, на глазах у всех. Если она умрет, я умру вместе с ней. Умру, но вашей не стану. Это понятно?!

Тьма в глазах его аэльвэрства стала зловещей, у Хьберга во всю радужку раскрылись горизонтальные зрачки, но я уже шагнула к кровати Амалии.

— Вытащите ее отсюда, — сказала твердо. — И позвольте мне ей помочь.

— Она может умереть без подпитки тьмой, — неожиданно произнес Золтер. — У вас будет не так много времени, леди Лавиния.

— Ваше аэльвэрство... — начал было Хьберг, но элленари взмахом руки приказал ему замолчать. Подчиняясь негласному приказу, целитель вышел.

— Вы снова и снова испытываете мое терпение на прочность, леди Лавиния.

— Правителю надлежит обладать хорошим терпением, — огрызнулась я.

Жесткие пальцы легли на мой подбородок, и память прикосновения ударила в меня с силой вспоровшей небо молнии. От накатившего чувства на миг стало горячо, а потом очень, очень страшно. Я никогда не отзывалась так на прикосновения Майкла, даже будучи влюбленной в него. Разве что на поцелуй Льера, наделенного пугающей и волнующей магией элленари, но про Льера мне точно не стоит думать.

— Я позволю вам ей помочь, — произнес он, глядя мне в глаза. — Но если ничего не получится, вам придется с этим жить, леди Лавиния.

— Спасибо, я знаю, — убрала его руку. — Если я ничего не сделаю, мне тоже придется с этим жить.

— Если я увижу, что ваши силы на исходе, я не позволю вам продолжать.

— Согласна, — кивнула коротко.

И уже в следующий миг передо мной открылся портал. Так легко, быстро и неожиданно, что я не успела вздохнуть, выбрасывая меня из чертогов тьмы в мир, полный жизни и света. Опутывающие Амалию пути растаяли, когда Золтер одним движением подхватил девушку на руки и шагнул вслед за мной в лес. На меня тут же обрушилось буйство красок, шум ветра, воздух, которым хотелось дышать полной грудью. На миг показалось, что я снова в своем мире, в предместьях брата или даже в нашем парке у Мортенхэйма, больше напоминающим лес.

Но только на миг.

— Сюда, — сказала я, указывая на лабиринт из незнакомых соцветий в самом сердце поляны.

Опустившись рядом с бесчувственной девушкой на колени, положила ладонь ей на лоб, а другую на землю. Вздогнула, когда тыльная сторона ладони элленари коснулась моей, а потом он убрал руку. Амалия содрогнулась всем телом, и я вскрикнула.

— Я предупреждал, леди Лавиния, — сказал он. — У вас не больше пяти минут.

Не больше пяти минут.

Ладонь легла на грудь девушки, под ней рвано билось сердце. Слишком рвано, слишком отрывисто, и от этого меня бросило в холодный пот.

«Соберись, — жестко приказала себе, стараясь не думать о том, насколько меня нервирует присутствие высшего элленари. — Соберись. Все остальное потом».

Когда-то давно, когда я только начинала постигать азы магии, Винсент отвез меня в лес. Нам удалось вырваться, потому что матушка уехала в Лигенбург, и там я упала, раскинув руки, впитывая в себя всю силу жизни. Тогда я была совсем девочкой, мне было восемь, но я чувствовала, как тянется ко мне все живое. Как шумит листва, отзываясь на каждый мой вдох, как под пальцами собираются росинки, и как громко поют птицы.

— Винсент, это потрясающе! — воскликнула я, только сейчас осознав, что лежу на траве и выпачкала платье, но брат не проронил ни слова упрека.

— Лес тянется к вам, Лавиния, — произнес он, глядя мне в глаза. — Вы это чувствуете?

— Да, — выдохнула я. — Да! Потому что я...

— Вы его сердце.

Этот лес был другим, но он был живым. Часть растений были мне не знакомы, но я раскрылась и потянулась к ним своей магией. Позволяя ее серебряному свету коснуться травы, а сути —

скользнуть по верхушкам деревьев.

— Помогите мне ее спасти, — прошептала, чувствуя, как бьется под пальцами сила жизни. Истинной жизни, природы, не сравнимой ни с чем: от земли ко мне потянулась магия, чья суть была отражением моей. Коснувшись меня, скользнула по ладони, которой я касалась травы. Осторожно, как знакомящийся зверек, дотянулась до сердца.

Я задохнулась от странного чувства, ударившего в меня: природа нашего мира всегда отзывалась теплом и светом, а здесь сквозь приглушенную силу струились ярость и боль. Недоверие. Отчаяние. На миг задержавшись во мне, сила леса потекла назад, отступая, не соглашаясь меня принять.

Нет.

Этого не может быть! Нет!

Отбросив последнюю осторожность, раскрылась на полную, падая в магию с головой. Здесь, в своем полном проявлении силы я видела мир немного иначе: сквозь корни деревьев, бьющихся под землей, струилась жизнь. Почувствовав мое вторжение, она обрушилась на меня всей мощью, и я растворилась в звенящей вокруг тишине и безмолвии. В этой пустоте не было места жизни, но и смерти тоже, в ней не было места ничему. Растрескавшаяся почва напоминала иссушенную зноем землю, с той лишь разницей, что во второй еще может прорасти трава. Из этой же давно ушли все силы, черная пустыня простиралась на сотни тысяч футов, низкое небо тянулось к земле.

Пронзающее небо молнии заставили меня содрогнуться, и отступить.

Обернувшись, я увидела лес: лес во всей его красоте, живой, яркий, но стоя сейчас на границе я чувствовала его боль. Боль каждого цветка, до которого дотягивались черные щупальца тлена, дрожь земли, которую вспарывали глубокие трещины.

Усилием воли вытолкнув себя на поверхность, сдавленно прошептала:

— Помогите мне ее спасти. И я помогу вам.

На призыв откликнулись деревья: легким шелестом листвы и хлынувшим в пальцы теплом. Знакомым теплом жизни, которое я подхватила, замыкая в кольцо на себе и Амалии. Там, где начинался лес, продолжались мы, моя магия бежала сквозь каждый листок и травинку, подхватывая их силу и втекая в лежащую на земле девушку. Я чувствовала себя легкой, как никогда, силы леса элленари были не похожи ни на что из того, что мне доводилось чувствовать раньше.

Горчащие травами, которых я не знаю.

Согревающие силой многовековых деревьев, кроны которых тяжелыми шатрами оплетали поляну.

Густой травой и цветами, ароматы которых ничем не напоминали те, что известны мне.

— Живи, — прошептала я, направляя в девушку весь свой свет. — Живи, пожалуйста!

Глухой удар сердца мне в ладонь заставил вздрогнуть и замереть. А потом сердце Амалии забилося чаще, я видела, как на ее щеки вернулся румянец, как дрогнули веки. Улыбка коснулась губ, словно она спала и видела очень приятный сон. Вместе с благословением леса в меня втекала уверенность, с каждым глубоким вдохом, поднимавшим ее грудь — радость.

Миг, когда Амалия открыла глаза, стал самым чудесным за последнее время.

Глубоко вздохнув, я замкнула контуры заклинаний, не забыв поблагодарить дарующую силу природу. Отпустила плетение, забирая собственную магию под контроль, и в эту минуту девушка резко села на земле.

— Леди Лавиния! Где мы? Что... случилось?

Она в растерянности огляделась, и я вместе с ней.

Полянку, на которой мы оказались, затопили цветы. Такого количества цветов мне не доводилось видеть ни разу, они были повсюду: сплетаясь тонкими усиками-стебельками, едва покачивались на ветру. Бледно-голубые чашечки с крупными листьями источали тончайший,

едва уловимый аромат, но из-за ветра и количества цветов он становился густым и вязким. Мгновение лес молчал, а потом взорвался оглушительным буйством трелей и звуков, шелестом листвы, пением птиц, криками диких животных.

— Это нрэссы, — донесся из-за моей спины голос.

Судя по тому, как Амалия смотрела на Золтера, ей явно была нужна защита. Слепое обожание в глазах достигло того предела, когда мне захотелось заставить ее отвернуться.

— Нрэссы? — переспросила девушка.

— Цветы воскрешения.

— Воскрешения? Здесь кто-то умирал?

— Вы.

Амалия упала в обморок.

То, что это обморок, я поняла, когда рванулась к ней, приложив пальцы к бьющейся на шее жилке.

— Вы ополоумели?! — выдохнула я, обернувшись на его аэльвэрство. — Она же только пришла в себя!

— Она достаточно пришла в себя, чтобы жить, но недостаточно, чтобы разом принять этот мир.

— О да, заявление о том, что ты умирала, однозначно способствует принятию мира! — выдохнула я, поднимаясь и отряхиваясь так яростно, что травинки и веточки полетели прямо на Золтера и его брюки.

— Вы снова чем-то недовольны, леди Лавиния? — Он прищурился, и я сложила руки на груди. — Ваша смертная девчонка будет жить, но это вовсе не значит, что послабления, которые я делаю для вас, будут распространяться на нее.

Подхватив Амалию на руки, а попросту, подбросив ее магией в свои элленарийские руки, его аэльвэрство открыл портал.

— Прошу, — сообщил он. — Насколько мне известно, у вас женщин принято пропускать вперед.

— Насколько известно мне, у вас женщин принято пропускать через сито вашего самомнения, — выдохнула я, но все-таки шагнула в разрыв пространства.

К моему удивлению, мы оказались все в тех же застенках, то есть простите, в целительском крыле. Не утруждаясь церемониями, Золтер сбросил Амалию на кровать и коротко произнес:

— Хьберг.

После чего вытолкнул меня в очередной портал, которые создавал с той же легкостью, с которой я считаю до двух. Хотя не уверена, что после всех этих порталов и встряски у меня получится так же легко досчитать до двух. Голова кружилась, и отнюдь не от присутствия элленари, который смотрел на меня уже немного иначе. Я бы сказала, изучающе, вплавляясь темным взглядом из-под подчеркнутых узором бровей в самое сердце.

В эту минуту я окончательно осознала, что произошло, и уже открыла рот, чтобы его поблагодарить, когда он жестко отрывисто произнес:

— Никто не должен знать о том, что произошло сегодня в лесу. Это первое. — Узор на его лице искрился, как если бы его напитали магией. — Ты никогда больше не посмеешь вмешиваться в ход казни, как поступила вчера. Это второе. И третье: сегодня я уступил тебе первый и последний раз. Помни об этом. И о том, что я сказал тебе во время завтрака.

Всю благодарность как рукой сняло. Очень вовремя. Очень!

— Правда, что вы можете принимать любую форму? — поинтересовалась я, глядя ему в глаза.

Золтер нахмурился.

— Правда.

— Станьте деревом, — с милой улыбкой заметила я. — Дубом, например. Вам пойдет.

После чего отвернулась и направилась к зеркалу, приводить себя в порядок.

Потому что ни одна приличная леди не позволит себе ходить с веточками в волосах.

Его аэльвэрство исчезло очень быстро (видимо, побоялось меня прибить), что же касается меня, я понимала, что бояться его нельзя. Начну — и остановиться уже не смогу. Достаточно того, что рядом с элленари у меня учащается дыхание, а желание оказаться как можно дальше от запертой внутри них силы перемежается с желаниями иного рода, которых раньше я однозначно не испытывала. По большому счету, в Энгерии считается позорным о таком думать, но мне и не доводилось. Хотя бы потому, что Майкла я действительно любила, а к тому дню, когда от наших чувств осталась одна зола, повторять опыт мне не хотелось. Да и сейчас, если честно, не хочется.

По этому поводу я пребывала в глубокой задумчивости. Поэтому, а еще потому что из-за нашей пикировки во время завтрака и того, что за ним последовало, даже не успела расспросить элленари о том, что случилось в лесу. Место, которое я увидела, было жутким. Не просто жутким, пугающим, я даже рядом с магией смерти не ощущала такой всепоглощающей пустоты, холода и животного страха. Чем бы оно ни было, оно наступало на лес, которому я обещала помочь. Помочь которому без информации вряд ли представлялось возможным.

Себе я бы тоже помочь не отказалась, но единственная ценность, которую удалось почерпнуть из разговора с Золтером — это сведения о том, что в Аурихэйм не попасть из нашего мира без проводника элленари. А отсюда — в наш? Если бы этот дубоподобный мужчинообразный властолюбивый представитель древнего народа рассказал мне о том, зачем я ему, возможно, у меня получилось бы поторговаться. Да, сестре герцога не положено торговаться, но когда речь заходит о жизни и свободе, некоторыми правилами стоит пренебречь.

Сейчас же я знала только то, что меня привел Льер, и что я для Золтера... вот тут память отказалась сотрудничать и выдавать ярчайшее слово местного диалекта. Как бы то ни было, пока на моем предплечье красуется обручальная вязь, меня никуда не отпустят, поэтому сейчас мне нужна библиотека.

Еще бы понять, как туда попасть.

Я огляделась, но поблизости не было ни колокольчиков, ни веревочек, ни модных в нашем мире артефактов вызова, столь успешно заменивших последние. В Энгерии чтобы позвать прислугу достаточно было коснуться покоящегося на стене артефакта, но здесь не было ничего подобного. Напрасно я напрягала зрение, чтобы разглядеть в сплетении листьев и цветов хотя бы что-то отдаленно похожее.

Не считая того, что моя спальня была похожа на оранжерею, от воспоминаний о которой меня с некоторых пор бросало в дрожь, больше ничего полезного в ней не было. Хотя что это я, еще безумно прекрасный вид на море и пронзающее небо молнии.

Погодите-ка.

Я приблизилась к окну, снова не пропускавшему в комнату ни частицы воздуха. Вглядываясь в искрящиеся копыя, вспарывающие землю, воскресила в памяти страшное место, увиденное в лесу. Такие же молнии были там, с той лишь разницей, что здесь бушевало море, а тучи относительно передвигались по небу. В той картине все было мертво.

Да, мне точно нужна библиотека.

Огляделась: выходить без защиты было не лучшим решением, но и постоянно носить ошейник его аэльвэрства — тоже. Достаточно того, что меня отметили печатью... ладно, не будем вспоминать это страшное слово, и теперь все смотрят на меня как на его собственность.

Понимая, что еще немного, и я с такими мыслями никуда не пойду, решительно направилась к двери. Толкнув ее, вышла в коридоры, больше напоминающие мне Грань. О Грани тоже рассказывала Тереза, это место между жизнью и смертью, в котором исчезают все краски. Здесь, посреди черного мрамора с тонкими тленно-серыми и белыми прожилками я чувствовала себя как на Грани.

Наверное.

Никогда там не бывала, и, надеюсь, не побываю.

К сожалению, указателей здесь не было, равно как и кого-то, кто помог бы мне найти библиотеку, поэтому пришлось полагаться на интуицию. Свернула направо, дошла до конца коридора и поняла, что снова стою на развилке. Это не замок, это какой-то лабиринт! В

Моргенхэйме тоже можно заблудиться, но в замке моего брата присутствует хотя бы относительно поддающаяся логике геометрия. Что же касается этого места, здесь явно лучше не ходить без сопровождения. Хотя бы первое время.

Глубоко вздохнула, признавая свое поражение. Похоже, придется вернуться и сидеть, как принцесса в башне, пока до меня не снизойдет Эйзер, или его аэльвэрство, или... Мысль оформиться не успела: обернувшись, я увидела стену. Гладенькую такую стену в том месте, где только что был проход.

— Не смешно, — вырвалось у меня.

Да, смешно мне определенно не было, особенно когда я от души ударила по ледяному мрамору ладонями. Еще менее смешно стало, когда он отозвался, шипяще-свистящим:

— С-с-смертная девчонка дерется!

Я взвизгнула и отпрянула.

— Дер-е-е-ется, — донесся из глубины мрамора голос.

— Стоит ее проучить, как думаешь-ш-шь? — это уже сверху.

— Определенно с-с-стоит, — просвистело из-под ног.

Прежде чем я успела прийти в себя, по полу за клубился черный туман. Тот, что до ужаса напоминал темную магию моей сестры и Золтера.

Подхватив юбки, отпрыгнула, но сзади тоже раздалось шипение. Взвизгнула, когда по подолу прошелся тлен, оставляя оборванные края: не то обугленные, не то рассыпающиеся, словно от старости.

Что я там говорила про бояться? Вот теперь мне стало по-настоящему страшно, особенно когда клубящийся туман окружил со всех сторон. Единственный клочок, где его не было — место, где я стояла, с потолка тоже тянулась дымка. Протянулась и застыла, почти касаясь моих волос.

Я попыталась призвать магию, но тщетно: то ли она меня не слушалась, то ли сила окружающей меня смерти не подпускала в этот мир жизнь.

— Что вам нужно? — как ни странно, голос почти не дрожал. — Я заблудилась.

— Заблудила-с-с-сь, — прошипел туман. — С-с-смертная заблудила-с-с-сь.

Говорящая Тьма?! К такому жизнь меня не готовила.

— Поможем ей найти дорогу домой... — сверху.

— В мес-с-сто вечного упокоения...

— А как на мое упокоение отреагирует его аэльвэрство?

Туманная дымка, снова скользнувшая к моему подолу, дрогнула.

— Ты нам угрожае-ш-ш-шь?! — Туман взметнулся прямо перед моим лицом, стоило невероятных усилий не отшатнуться.

— Нет, просто интересуюсь.

— Интере-с-с-с... — Клочок тумана скользнул над моим плечо, испепелив прядь волос.

Я не двинулась с места, понимая, что любое движение может лишить меня руки или ноги.

— Интере-с-с с-смертной... Мы давно уже мертвы. С-с-смерть нам не с-с-с-страшна...

Надрывный не то смех, не то шипящий хрип прошелся морозом по коже. В следующий миг дым рванулся ко мне, и тут же — обратно. Не в силах пошевелиться смотрела, как оседают частички тлена, падая перед моим лицом в воздухе. В ту же минуту за спиной раздался ледяной женский голос:

— Брысь!

Туман отпрянул, втянулся в стены и в пол так резко, что я не успела и глазом моргнуть. Обернувшись, увидела женщину: белоснежная кожа, гладкая, без единой морщинки. Длинные струящиеся по плечам волосы тоже были идеально гладкими, пламенея, как раскаленная медь. Только глаза темные, как провалы бойниц в замковых стенах. И такие же опасные.

Такие же, как у Золтера.

— Здесь опасно ходить одной, — низкий голос звучал холодно. — Аэльвэйн Лавиния.

Похоже, здесь меня знают все. А я никого.

— Спасибо, что защитили, — сказала, глядя ей в глаза, — я вышла, потому что хотела найти библиотеку...

— Библиотеку? — Элленари вскинула брови, а потом запрокинула голову и расхохоталась. Ее смех напоминал звон воды в ключевом роднике, глубоко-глубоко в лесу, где стихают почти все звуки. Ближе к ночи.

Учитывая, что это было по меньшей мере невежливо, я сложила руки на груди и терпеливо подождала, пока веселье пройдет.

— Прости, — она махнула рукой, — не думала, что первое, что заинтересует смертную в нашем мире, это библиотека.

— Вообще-то меня интересует, как из вашего мира выбраться, — заметила я, и улыбка сбежала с красивых, словно очерченных тонкой линией краски губ.

— Ты либо слишком глупа, либо чересчур дерзкая, — заметила женщина, приближаясь ко мне.

Шлейф ее платья, иссиня-черный, стелился за ней, как глубинная тьма.

— Впрочем, я и без библиотеки тебе отвечу: никак. Аурихэйм закрыт от посторонних, войти сюда можно только с нашей помощью. Выйти тоже. Странно, что кузен тебе этого не рассказывал.

С вашим кузеном вообще невозможно нормально говорить.

Эту мысль я не стала озвучивать, а липкий холод осознания того, что я здесь застряла, отбросила сразу.

— Он рассказал, что нельзя войти, — заметила я.

— Кузен всегда отличался немногословностью.

Оценивающий взгляд скользнул по моей фигуре.

— Так что же, проводить тебя в библиотеку?

Заманчивое предложение. Очень.

— Не уверена, что я потом сумею вернуться, — сказала я, указывая на стену, которой раньше не было. — Часто у вас так?

— Всегда. Это место перестраивается по собственному желанию, не трогает только зачарованные комнаты и целительское крыло.

Потрясающе.

— Решай, смертная, — женщина улыбнулась. — Хочешь вернуться в свое уютное гнездышко или оказаться в библиотеке?

— В библиотеке, — сказала я.

Не то чтобы ее слова меня не убедили... впрочем, нет. Не убедили. Я хотела изучить все, что могу изучить по теме, пока у меня есть такая возможность. Не уверена, что она мне потом представится.

— Значит, все-таки глупая, — усмехнулась она.

— Как вас зовут? — я проигнорировала ее величие и снисходительность в точности с теми же интонациями, которыми меня наградила элленари.

— Мы не называем имя тем, кому не доверяем.

Вспомнились слова Льера о том, что он назвал мне свое имя, и этого вполне достаточно. Эйзер не называла его аэльвэрство по имени, сам он тоже не представился. Зато Хьерг свое имя назвал, и он же обозначил мне имя повелителя. Посчитал, что я его уже знаю? Или это был жест особого расположения?

— Почему?

— Потому что это таинство, в нем содержится частица нашей силы. Имя — самое сокровенное, первое, на что отзывается природа элленари при рождении, то, что произносится во время брачного обряда или ритуала упокоения.

— Мне казалось, элленари бессмертны.

— Тебе не казалось, смертная, — она указала в сторону продолжения коридора. — А умереть можно по-разному. Так ты идешь?

Элленари не двигалась, а плыла, грациозно и мягко, позавидовать ей могла любая даже самая благовоспитанная леди. Такая походка и умением держаться были достойны королевы, я же всерьез задумалась о ее словах. Выходит, имя элленари содержит частицу их магии? Как странно.

И если она назвала Золтера кузеном, значит, она принцесса?

Украдкой взглянула на лицо женщины: его украшал в точности такой же узор, как на лице его аэльвэрства.

— Это знак вашего рода? — решила уточнить.

Кузина повелителя в общении оказалась немногим, но все-таки чуточку приятнее него. Хотя бы потому, что не собиралась на мне жениться и не угрожала физической расправой.

— Да. Узоры отмечают наше происхождение.

Узоры, которые я впервые увидела на висках и на скулах Льера в Аурихэйме (при встрече в Мортенхэйме их не было, это я помнила точно), действительно были другими, но судя по тому, что он занимает такой высокий пост, его род тоже не последний в мире элленари. Если не сказать больше.

— Почему на Эйзер нет узоров?

Рыжая метнула на меня такой взгляд, словно я сказала несусветную глупость.

— Твоя прислужница — помесок, смертная. Ей неподвластна родовая сила.

Ужас какой-то. Расизм в чистом виде.

— Зачем я нужна твоему кузену?

Женщина прищурилась.

— Тебе не кажется, что ты играешь с глубинной тьмой?

— Нет, это она со мной играет с первого дня, как я здесь оказалась, — кивнула на клубящиеся вдоль стен черные всполохи. — Почему они хотели на меня напасть?

— О, они действительно играли, — заметила она. — Это виеррахи, уже не живые, но еще не мертвые. Армия приграничья.

— Приграничья?

— Места, где ты сейчас находишься, и основных владений кузена. Место, где царит смерть.

То, что смерть здесь царит, я уже поняла. Сюда бы сейчас Терезу, она бы здесь навела порядок.

Наверное.

Пока что я даже приблизительно не представляла, насколько сильна магия этих существ, если даже малейшее ее проявление превращает меня в безвольную куклу.

Мы миновали множество коридоров и вышли на лестницу. В отличие от той, по которой мы спускались с его аэльвэрством на экзекуцию, эта змеилась между колоннами, подпирающими куполообразную крышу, над которой клубились густые черные тучи.

— Вернемся к твоему кузену. Зачем я ему?

Не дожидаясь ответа, подтянула рукав, демонстрируя элленари обручальный узор.

— И что это такое?

— С чего бы мне делиться с тобой информацией, смертная?

— О, понимаю. Ты не имеешь права об этом говорить.

Темные глаза сверкнули яростью:

— Что ты сказала?!

— Не имеешь права об этом говорить, — повторила я. — Так мне сказала Эйзер в день моего первого пребывания здесь. Что она не имеет права об этом говорить, и что если попытается сказать хотя бы слово, умрет.

— Эйзер — помесок, — почти прорычала элленари. — Она связана клятвой тлена, как и все в этом замке, кроме тех, в ком течет королевская кровь.

О, а вот это уже интересно.

— Правда? Но я не в курсе ваших традиций.

— Это не традиция, — резко и холодно произнесла она, крылья тонкого носа дрогнули, — это обязательная клятва. Присяга на верность тому, кто правит. Это значит, что никто из ее принесших не может предать, не может тем или иным образом причинить вред повелителю или нарушить режим правления. Либо сделать или сказать то, что делать и говорить запрещено. Нарушение клятвы влечет за собой мгновенное разложение.

А вот эта информация — уже перебор.

— Значит, на королевскую кровь эта клятва не распространяется, — заметила я, отдернув руку от перил, которые неожиданно ожили и задвигались, как змеи.

— Нет.

Очень удобно. Чтобы заговор сплести, например. Хотя при условии, что все давали клятву настоящему правителю... Нет, здесь наверняка есть какая-то лазейка. Не может не быть.

— Значит, у вас не бывает переворотов?

— Ты слишком любопытна, смертная.

— Я просто размышляю, к чему готовиться. Насколько я понимаю, мне предстоит стать вашей королевой.

Женщина метнула в мою сторону насмешливый взгляд.

— Есть что-то, чего я не знаю?

— Кузену нужен от тебя ребенок, — по губам ее зазмеилась улыбка, и перила под тонкими унизанными кольцами пальцами снова пришли в опасное движение. — Куда он тебя сошлет после его рождения, известно только Тьме.

Сейчас я буду кричать, подумалось мне.

«Выдержка — главное достоинство настоящей леди, — так говорила матушка. — В любой ситуации, что бы ни случилось, а особенно на людях вы должны проявлять выдержку, леди Лавиния».

Она так и называла меня «леди Лавиния», от первого до последнего дня, хотя ближе нее у меня человека не было. Брата и сестру я, разумеется, тоже безумно люблю, но с матушкой у меня была особая связь. Возможно, она возникла в момент моего рождения, та связь, что возникает между матерью и ее ребенком, и проносится сквозь долгие годы, но я бы сказала, что это было нечто магическое. Пусть даже матушка всячески отрицала проявление признаков магии в женщинах (а во мне особенно), пусть даже она отказалась от развития своего дара, но мы чувствовали друг друга, даже находясь на расстоянии. Такое было у Анри с Терезой, когда на их запястьях появились брачные браслеты, сотканые из магии.

Как бы там ни было, но сейчас я буду кричать.

— Что? — очень тихо поинтересовалась я.

— А ты думала, что ему понравились твои зеленые глаза, смертная? — насмешка в ее голосе сочилась ядом.

Спокойно, Лави, спокойно. Дыши. Глубоко дыши.

— Кстати, мы пришли, — рыжая толкнула дверь, и мы очутились в просторном, холодном зале. К холоду в этих стенах я уже привыкла, а вот видеть библиотеку без единой книги было непривычно.

Единственное, что здесь было привычного — столы и стулья, да еще уснувшие под высоченными сводами зала световые шары. Я узнала их по приглушенному мерцанию, которое они источали.

— Здесь ты не найдешь книг, — словно читая мои мысли, ехидно протянула элленари. — Книги тленны, как и все в вашем мире, и доверять им знания и секреты — чистейшей воды глупость.

— Лучше глупость, чем неприподъемный снобизм, — заметила я. — И как же мне может помочь это место?

— На самом деле не представляю, — она развела руками, глядя на меня снизу вверх. — Но ты просила привести тебя в библиотеку, и я выполнила твою просьбу. Теперь ты мне должна.

— Что?!

— Долг, смертная. Это значит, что когда придет время, я попрошу тебя об одолжении, и ты не сможешь мне отказать.

— Я ничего такого не говори...

— Ну как же? Я спросила тебя, проводить ли мне тебя в библиотеку, и ты сказала — в библиотеку.

Я сложила руки на груди.

— А если бы я сказала, что хочу вернуться к себе?

Она пожала плечами.

— Это ничего бы не изменило. Я же говорю, что в нашем мире слова обладают очень большой силой.

Ответить ей, что они могут сделать со своей силой (совершенно неподобающими для леди словами), я не успела. На моей ладони возникла изумрудная метка в форме цветка, пульсация которой несколько мгновений отдавалась мне в самое сердце, а затем погасла.

Что я там говорила про то, что с ней общаться приятнее?

— Раз уж мы здесь, объясню, как пользоваться библиотекой...

— За это меня наградят вторым долгом? — прищурившись, поинтересовалась я.

Элленари тоже прищурилась.

— А ты быстро учишься, смертная. Нет, то что делаю сейчас, абсолютно безвозмездно и не несет в себе никаких скрытых мотивов.

Отлично. Надо запомнить эти слова, и всякий раз, когда мне кто-то соберется помочь, заставлять проговаривать вслух. Четко и громко.

Какой кошмар!

— Это действительно хранилище знаний, — она обвела полутемный зал взглядом. — Наши предки тысячелетиями, сотнями тысяч лет приносили их сюда и оставляли в этих стенах.

— Каким образом?

— Слова, — она поднесла палец к губам. — Сильнейшая магия.

Не дожидаясь ответа, элленари произнесла:

— Аэльвэйн Лавиния, смертная, пришедшая в Аурихэйм по воле ныне правящего его аэльвэрства. Год пять тысяч семьсот девяносто первый.

Подхваченный магией ее голос скользнул по залу и на моих глазах впитался в стену, оставив после себя легкую иссиня-черную дымку.

— Чтобы узнать то, что ты хочешь, достаточно произнести это вслух, — элленари сделала паузу, а потом резко и сильно произнесла: — Аэльвэйн Лавиния.

По стене прошла легкая рябь, и в ту же секунду иссиня-черная дымка отделилась от стены, ответив ее же голосом.

— Аэльвэйн Лавиния, смертная, пришедшая в Аурихэйм по воле ныне правящего Его Аэльвэрства. Год пять тысяч семьсот девяносто первый.

— О тебе сведений пока мало, сама понимаешь, — элленари рассмеялась, и ее голос снова зазвенел родником. — Суть ты поняла, правда, вряд ли сумеешь ею воспользоваться. Аурихэйм не отвечает на магию смертных, но это уже не мои проблемы. Хочешь остаться здесь или вернуться к себе?

Вот же... гадина!

— За долг или просто так?

— За долг.

— Остаюсь, — резко ответила я.

— Что ж, тогда могу только пожелать тебе удачи, — элленари пожала плечами и грациозно направилась к выходу.

Шлейф ее платья парил над полом, словно ее поддерживала сама тьма.

Как бы там ни было, спустя минуту я осталась в библиотеке совершенно одна, не имея ни малейшего представления, зачем. Хотя понятно, зачем: чтобы не обзавестись еще одним долгом непонятого происхождения. Вот только это не отменяет обратного пути в перестраивающемся замке с недружелюбно настроенными виерражами.

В ту минуту, когда я об этом подумала и поежилась, над одним из столов замерцали искры открывшегося портала. Из крохотного разрыва исходило изумрудное сияние, но разрастаться оно не спешило. Меньше всего я ожидала того, что случилось дальше: сверкнув камнем, из разрыва выпал перстень. Тот самый перстень, который Винсент отдал мне в ночь моего похищения.

Прежде чем я успела его коснуться, портал сомкнулся, а в воздухе прямо над столом начали проявляться буквы: белые, в иссиня-черном свечении.

«Возвращаю тебе то, что забрал, моя королева».

Льер?! Льер!

Но... как мне ему ответить? Взгляд упал на чернильницу, в которой не было чернил. Больше того, поблизости не было ни листа бумаги, зато было перо.

Строчки погасли, взамен них появились новые:

«Вещь, которая принадлежит твоему брату, поможет тебе его увидеть. Потребуется твоя кровь и этот перстень».

Кровь! Армалы, древняя раса магов, общались таким образом: правда, они использовали зачарованные листы.

Недолго думая, подхватила перо, коротким прикосновением магии (к счастью, здесь она отозвалась) раскалив острие до предела, подтянула к себе чернильницу и, глубоко вздохнув, проколола палец. Боль пронзила от макушки до пяток, словно я не палец уколола, а окунулась в огонь. Тем не менее над сорвавшейся в чернильницу каплей тут же за клубился дым, и вскоре внутри нее переливались серебром самые настоящие чернила.

Вот только на чем мне писать?

«Я зачаровал его таким образом, чтобы ты могла видеть своих родных. Сейчас это большее, что я могу для тебя сделать. Всегда держи его при себе».

Быстро обмакнула перо, но вопреки моим представлениям чернила застыли на самом кончике. Я мазнула пером по воздуху, и черточка тут же исчезла. Слова на месте погасших не появлялись достаточно долго, и я уже подумала, что Льер ушел, когда в дымке возникли новые:

«Как ты поняла про чернильницу?»

«Мой брат увлекался магией армалов».

Снова молчание, и потом:

«Армалы многое позаимствовали у нас. Так же, как те, кто называл себя мааджари».

Мааджари. Раса, возомнившая себя богами на земле, считавшая, что те, кто не наделен магией, не достоин жизни.

«Магия пришла в наш мир из Аурихэйма?»

«Ты задаешь опасные вопросы, моя королева».

Вспомнились слова рыжей про клятву тлена, и по спине пробежал холодок. По большому счету, Льер здорово рисковал уже общаясь со мной, но видимо, в его клятве была лазейка, если он сейчас мог мне помочь.

«Как мне увидеть брата?»

«Просто капни кровью на перстень и подумай о нем».

Закусила губу.

«Тебе это не повредит?»

«Гораздо больше мне повредит твое обо мне беспокойство».

Я вспыхнула. Ну знаете ли! Это он сейчас о том, что я закрыла его собой?

«В моем мире не принято наказывать людей на потеху толпе».

«Ты ничего не знаешь о потехах, девочка. Твой мир гораздо более уродлив, чем ты можешь себе представить».

Дымка, окружающая слова, полыхнула, а затем погасла. Я смотрела на тающие в воздухе искорки, а потом швырнула перо на стол с такой силой, что оно пролетело по мраморной поверхности и свалилось на пол. Как же меня раздражает этот их элленарийский... снобизм! Превосходство в каждом жесте, в каждом слове, в каждом взгляде.

«Смертная», «Ты ничего не знаешь», «Твой мир уродлив».

Разумеется, я мало что знаю, потому что в этом мире всего несколько дней, а со мной никто особо не хочет откровенничать. Одна поделилась сведениями, и я теперь у нее в должниках, зато другой даже не потрудился сообщить, что собрался сделать мне ребенка.

У-у-урод коронованный!

При воспоминании о том, что сказала рыжая, у меня зачесались руки. Естественно так зачесались, хотелось что-нибудь разбить, желательно о голову Золтера. Пришлось глубоко вдыхать, глубоко выдыхать и снова глубоко вдыхать. Нет, так дело не пойдет.

Если его аэльвэрство хочет на мне жениться, ему придется многое мне объяснить.

Мне было шестнадцать, когда я встретила Майкла. Молодой и галантный, без преувеличения красивый виконт, на которого заглядывались все дебютантки, однозначно выделял меня среди остальных. Матушке это не нравилось.

«Он ведет себя недопустимо, — говорила она. — Это смазливый юнец».

Тогда я была слишком влюблена, чтобы к ней прислушаться, а позднее — слишком любила, чтобы прислушаться к себе. Я все поняла гораздо позже, когда от моей любви остались одни засохшие веточки. И то, что мужской недуг Майкла, не позволявший ему чувствовать себя полноценным мужчиной, заставил его за мной ухаживать и на мне жениться, чтобы магия жизни его исцелила, и слова матушки: «Рядом с ним вы никогда не будете счастливы, Лавиния».

Она не была счастлива рядом с отцом. Он погиб, когда я была совсем девочкой, но я как сейчас помню холодные взгляды, которыми они с матушкой награждали друг друга. Если между ними что-то и было, так это «супружеская вежливость», то, что в Англии очень распространено. То, что какое-то время было между мной и Майклом, когда я поняла, что любви уже не осталось.

Пару лет назад муж впервые стал оказывать знаки внимания другим женщинам. Потом он умолял меня об этом забыть, говорил, что все это связано с его несостоятельностью, что он только так и мог почувствовать себя мужчиной, просил прощения и умолял никому ничего не рассказывать. Обещал, что подобное больше не повторится. И оно действительно не повторялось до нашей горничной, а я (храня воспоминания о молодом человеке, в которого была отчаянно влюблена) решила оставить все как есть. Пусть даже наш брак был лишен важной части супружеской составляющей, я не могла просто взять и перешагнуть через все, что нас связывало.

Как выяснилось, зря.

Наша с Майклом договоренность заключалась в том, что он не приближается к другим женщинам, а мы сохраняем видимость брака, но долго она не продержалась. Нельзя построить отношения на лжи, недоверии и обязанностях, которые ни одному из вас не нужны.

Как я могла так долго его любить?

На этой мысли у меня сдавило виски, нехорошо так сдавило, больно, поэтому я решила об этом не думать. Равно как и о том, что нужно от меня его аэльвэрству, потому что когда я думала об этом, мне хотелось кричать.

Когда-то я очень хотела ребенка. Чудесного малыша, так похожего на Майкла, который возьмет от него волнистые вихры, а от меня унаследует цвет глаз. Тот день, когда я окончательно осознала, что у нас не будет детей, погасил во мне одну искру. Я не чувствовала ее в себе долгие годы, понимая, что мне никогда не стать матерью. Никогда не подержать на руках крохотного человечка, не увидеть его первой улыбки, не перебирать крохотные пальчики.

Впрочем, я действительно слишком любила Майкла, поэтому приняла и это, но сейчас осознание сказанных рыжей элленари слов заставляло меня снова и снова мерить шагами комнату. Мне необходимо было переговорить с тем, кто решил сделать меня своей, а до совместного ужина оставались считанные минуты. Эйзер принесла новое платье, не ответив ни на вопрос про здоровье Амалии, ни что случилось со старым нарядом. Меня наряжали как куклу для очередной встречи, а я все сильнее сжимала губы и считала про себя, потому что понимала: одно неосторожное слово — и я сорвусь.

К счастью, до вечера у меня было время немного остыть и прийти в себя, потому что когда я возвращалась назад по змеевидной лестнице и лабиринтам коридоров, ни один (одна, одно?) виеррах не рискнул со мной поиграть. Равно как и замок его аэльвэрства: очевидно решили, что ничем хорошим это не кончится. Что же касается меня, я решила, что с меня достаточно игр.

Потому ничуть не удивилась, когда вместо утреннего зала, где холод продирает меня до костей, Эйзер проводила меня на самый верх. На крышу замка, куда мы поднялись по чудовищно, непростительно похожей на знакомую мне до боли по Мортенхэйму винтовой лестнице. Признаться, я так и не решилась посмотреть на брата, особенно после того, что узнала.

Понимала, что не сдержусь. Не смогу увидеть его сдвинутые брови и тяжелый взгляд и остаться спокойной, а спокойствие мне сейчас было ой как нужно.

На башне, ничуть не менее ледяной, чем столовая, горели факелы. Иссиня-черное пламя рвалось ввысь, не подчиняясь порывам ветра; его аэльеэрство стояло у самого края стены, сцепив за спиной руки. Стараясь не смотреть на пламя, порожденное тьмой, и вообще особо по сторонам не смотреть (в том числе и на полностью накрытый на двоих стол, гораздо меньший по размерам, чем тот, за которым мы завтракали), решительно направилась к нему.

— Амалии стало лучше, — низкий ледяной голос ударил в меня, на миг заставив остановиться.

Повелитель обернулся, и грудь словно пронзило копьё, направленное рукой порождения глубинной тьмы, но потом стало легче дышать.

— Я рада, — ответила я, приблизившись и становясь рядом с ним.

Высота стен была такой, что у меня на миг закружилась голова, но с этим я быстро справилась. Гораздо быстрее чем с пугающим чувством, которое возникало всякий раз, стоило мне взглянуть на этого мужчину. Его волосы лежали так ровно, что создавалось чувство будто они действительно отлиты из раскаленного металла и даже ветер опасается к ним прикасаться. Пересилив и это странное ощущение, я вскинула голову и поинтересовалась:

— Это правда, что вам нужен от меня ребенок?

Если эти глаза могли стать темнее, они только что стали. Насыщенно-темными, даже зрачков не различить в чернилах глубинной тьмы.

— Кто тебе об этом сказал?

— А вы подумайте, — пожала плечами я. — Кто не рассыплется прахом у ваших ног, сообщив мне такие новости?

— Ирэя, — произнес он.

Примерно таким тоном, каким мог бы зачитывать смертный приговор, но порадоваться тому, что узнала имя рыжей, я не успела. Воздух справа от меня пошел рябью и изумрудным свечением, а спустя миг портал выплюнул на пол девицу, наградившую меня долговой отметиной. Выплюнул буквально: раскрасневшуюся, с растрепанными волосами и нагую.

— Как ты посмела? — Золтер смотрел на нее сверху вниз.

— Что именно? Немного пообщаться с твоей нареченной? — рыжая облизнула губы, совершенно не стесняясь того, в каком виде предстала перед нами.

Я же пыталась обрести дар речи, а когда его обрела, первым делом бросилась к столу и выдернула из-под посуды скатерть. Блюда посыпались на пол, часть повалилась друг на друга, но я уже подбежала к Ирэе.

— Возьми, — протянула даже не пытавшейся подняться девушке.

— О, это так мило, — она перехватила мое запястье. — Ты правда считаешь, что мне это нужно?

Вспыхнув, выпустила скатерть, отступила на несколько шагов и отвернулась. Лучше уж смотреть вниз, чем на... на это. Тот, кто вышвырнул обнаженную кузину на глаза посторонней женщины без малейших колебаний, и та, кого это совершенно не смущает... нет уж, пусть разбираются сами. Тем не менее унять бешено колотящееся сердце я не могла: если в Аурихэйме такие нравы, что ждет меня дальше?

Усилием воли заставив себя остаться на месте, вглядывалась в то и дело скрещиваемые шпаги молний, озарявшие черное как сама тьма, море, пыталась вернуть себе то, чего мне так не хватало в последнее время.

Спокойствие.

Получалось плохо.

— Если ты еще раз приблизишься к ней, — донеслось из-за спины. — Или скажешь хотя бы слово без моего дозволения, отправишься в подземелья.

— Правда? — голос ее не дрогнул, но короткая пауза выдавала с головой. — Отправишь меня на пытки из-за этой...

Голос рыжей оборвался сдавленным хрипом: резко обернувшись, я увидела, как вокруг ее шеи обвилась лента змеящейся тьмы, рассыпающей вокруг нее иссиня-черные искры.

— Вы с ума сошли?! Отпустите!

Я бросилась к мужчине, но не успела сделать и шага. Сеть, упавшая на меня, спеленала по рукам и ногам, лишая возможности двигаться и говорить. Широко раскрытыми глазами я смотрела, как рыжая корчится у ног кузена, тщетно пытаясь оторвать магическую плеть от своей шеи. С ее пальцев срывалась тьма, но утекала в никуда, а от клубящегося над нами холода сердце билось рывками и раз через раз.

— Ты меня услышала, — отрывисто произнес он, после чего плети швырнули рыжую в снова разошедшееся пространство.

Лишь когда оно сомкнулось, я почувствовала свободу. А еще мелкую дрожь, прокатывающуюся от кончиков пальцев рук по всему телу.

— Вы чудовище!

— Это ты уже говорила, — жестко произнес он. — За стол, леди Лавиния.

— Вы думаете, что после всего я стану с вами ужинать?

— Разумеется, станешь, — глаза его недобро сверкнули. — Ты же умная женщина.

Это был самый жуткий комплимент, который мне когда-либо делали, впрочем, отсутствием ума я и правда не страдала. Поэтому молча приблизилась к столу, так же молча села, встречая взгляд того, кто опустил напротив.

— Ньяаехт.

Стоило ему произнести последнее, как рядом с нами материализовался (или попросту шагнул из портала) мужчина. Привыкнуть к горизонтальному зрачку у меня так и не получилось, равно как и к огненным глазам (как у Хьерга), которые то раскалялись до цвета заката, предвещающего ветреный день, то разгорались пламенем из камина.

— Убери здесь все. Накрой заново.

Накрывали при нас: остальных слуг позвал Ньяаехт, вместе с ними мгновенно уничтожив с помощью магии все следы моего желания помочь, заменив блюда и так же незаметно испарившись. Зато теперь я поняла, почему у меня в комнате не было ни колокольчиков, ни артефактов, с помощью которых можно было бы кого-то позвать. В Аурихэйме звали по именам.

Если, конечно, «звали» — это точное определение к тому, как его аэльвэрство поступило с кухней.

— Зачем верховному элленари ребенок от смертной? — спросила я.

— На этот вопрос ты получишь ответ, когда придет время.

От такого заявления я снова утратила дар речи. Ненадолго.

— Время уже пришло. Что значит вторая суть?

На меня посмотрели так, что живо расхотелось продолжать этот разговор. Учитывая, что душевное равновесие одной хрупкой маленькой леди начинало шататься, как засыхающее на ветру деревце.

— Это идеальное совпадение. Пара.

— То есть я ваша пара? — уточнила на всякий случай.

— Станешь, когда Арка Благоденствия благословит наш союз.

— И когда же случится это незабываемое событие?

— Послезавтра на рассвете.

— Что?!

— Послезавтра на рассвете, — повторил Золтер. — Завтра состоится бал в нашу честь, который продлится всю ночь. Закончится он нашим благословением, и тогда ты по-настоящему станешь моей.

Проникнуться этой мыслью у меня получилось, только когда я смогла вздохнуть.

Что ж не сразу-то, как я оказалась в Аурихэйме?

— Вы же понимаете, что это невозможно? — спросила я, чувствуя, что меня начинает трясти.

— Для меня нет ничего невозможного.

— Для вас — может быть. Но не для меня, — я глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. — Ваше аэльвэрство, мы с вами знакомы три дня. Вы наверняка представляете, какие нравы в Энгерии и представляете, что для меня значит столь стремительная помолвка, не говоря уже о чем-то большем...

— Довольно. Я не стану перед тобой объясняться, а ты не станешь больше испытывать мое терпение.

Его терпение?! Это я испытываю его терпение?

— А если я откажусь? — спросила, глядя ему в глаза. — Если откажусь идти с вами по своей воле?

— Тебя по-прежнему волнует судьба твоей смертной? — бросил он.

Это была даже не угроза, вопрос, но от скрытых внутри интонаций все волоски на коже встали дыбом. Там, в целительском крыле я решила, что он позволил мне помочь, потому что я просила его об этом. Сейчас, глядя в эти глаза, понимала, что нет. Ему нужен был кто-то, с помощью кого мной можно будет управлять.

— Вы всех женщин берете силой? — выдохнула я, плотно сжимая край салфетки. — Угрожая им жизнями тех, кто им дорог? Или это только мне так повезло?

Глаза его аэльвэрства потемнели еще сильнее, сверкнули серебром тлена, а в следующий миг меня рывком выдернули из-за стола. Мы оказались у стены в считанные секунды, меня вдавило в холодный камень так тесно, что это был даже не порог неприличия, я просто не могла вдохнуть, чувствуя, как раскаляется узор на руке. словно он мог впитать отравленное пламя его волос, отравляя и меня.

Я попыталась отвести взгляд, но не смогла. Сначала вспыхнули щеки, затем губы, и кожа — там, где его пальцы сжимали мое запястье, там, где касались моей талии, горела тоже.

— Нет, — прошептала я, пытаюсь ухватиться за ускользающую реальность, растворяющуюся на дне его глаз. — Нет, хватит...

— Все еще считаешь, что мне нужно брать женщин силой? — Золтер расслабил пальцы, повторяя контур изумрудной жилы на моей руке. Чувство было такое, что по коже скользнули раскаленной шелковой лентой, темные глаза раскрылись глубиной провалов зрачков. Я попыталась отдернуть руку, но на ней браслетом сомкнулись оковы пальцев, и в связующий нас узор ударило дикой, горячей пульсацией.

— Что вы со мной сделали?! — выдохнула хрипло.

— Не я. Метка принадлежности мне, — резкий голос заставил меня содрогнуться.

От жара, рождающегося под движением его ладоней по моим бедрам. От его слов:

— Она меняет тебя. Каждую минуту. После ритуала у Арки Благоденствия ты будешь желать меня еще сильнее.

Дыхания не хватало, поэтому когда на мне резко задрали платье, с губ сорвался сдавленный стон. Я едва успела ухватиться за ледяной камень: прикосновения ладоней к обнаженным бедрам было бесцеремонным и жарким, одна часть меня отчаянно стремилась избежать этих

прикосновений, другая... Я всхлипнула и подалась к нему, желая продлить эту порочную бесстыдную ласку. Казалось, отними ее у меня — и я умру, растворюсь, рассыплюсь тленом, перестану существовать.

— Прошу меня извинить.

Голос Льера ударил ледяной плетью.

Я захлебнулась всхлипом, проглотила его на вдохе. Ужас от осознания того, в каком виде я перед ним предстала, обрушился на меня с невыносимой силой, тяжестью потянул вниз. Вместо этого я выпрямилась, прижимая ладони к бедрам, расправляя водопадом скользнувшее вниз платье.

— Дело не требует отлагательств, мой повелитель.

Взгляд казался тяжелым: таким же, как налившиеся тяжестью ноги, тем не менее когда я посмотрела на Льера, ответа не дождалась. Его внимание принадлежало «его повелителю».

— Ньяаехт, — Золтер коротко кивнул возникшему слуге, — проводи аэльвэйн в ее покои.

Мужчины ушли в портал раньше, чем я успела что-то сказать, слуга указал в сторону, откуда мы пришли с Эйзер.

— Аэльвэйн.

Я шла, не чувствуя ничего, только глухие удары сердца. Хотя лгу, еще я чувствовала горящие на своих бедрах прикосновения элленари, от которых сходила с ума, продолжения которых желала так же отчаянно, как умирающий от жажды — прикоснуться к воде.

Да что там, он был моей водой.

Моим воздухом, моей жизнью, моей второй сутью, моей... парой?!

Пожалуй, эта мысль перебила все остальные, но я сумела ее удержать взаперти. До той минуты, пока осталась одна в своей спальне, и вот тогда в ход пошли подушки, статуэтки и предметы обстановки, которые, в общем-то, не сделали ничего плохого, но имели несчастье попасться мне под руку. То, что не получалось просто разбить, крушила магией, остановилась же только тогда, когда в комнате из целого осталось зеркало и кровать.

Тяжело дыша, глядя на окружавшую меня разруху, вскинула голову и содрогнулась: одна из нитей моей магии, видимо, зацепила цветы под потолком. Сейчас несколько отростков свисали безжизненными плетями, и я зажмурилась. Никогда в жизни, никогда раньше я не ощущала в себе таких темных чувств. Майкл причинил мне боль, но даже его отъезд из Мортенхэйма не заставлял меня чувствовать себя так.

Всевидящий, нет!

Я не хочу становиться парой Золтера! Не хочу его желать! Не хочу!

Мне нужно увидеть брата!

Скользнула рукой в карман платья, достала перстень, который мне вернул Льер. Плеснув магией на первый попавшийся под руку осколок, вдавила острие в палец и вздрогнула, когда из-под него выступила капелька крови. Приложив палец к перстню, глубоко вздохнула, вспоминая Винсента. Отчаянно стремясь к нему, всем сердцем, всей душой.

Сначала ничего не происходило, потом по комнате скользнула дымка. На миг у меня закружилась голова, а потом сквозь туман проступили очертания кабинета. Так отчетливо, как если бы я, спрятавшись за эркерным окном, решила подглядеть за братом. Несмотря на поздний час, он сидел за столом, сцепив пальцы. Лоб прорезали глубокие морщины, делая его гораздо старше своих лет.

Сейчас, как никогда отчетливо, в его волосах выделялась седина, разбросанные по столу бумаги и артефакты — в беспорядке, которого Винсент не признавал — были где-то свалены в кучу, где-то громоздились друг на друга. Он повернулся в мою сторону, и на миг наши взгляды встретились: брат смотрел на меня в упор.

— Винсент, — сдавленно прошептала я. — Винсент!

Я потянулась к нему сквозь туман, но на наткнулась на невидимую преграду, и в ту же минуту Винсент просто отвернулся.

Он не видит меня.

Не видит, это просто совпадение — то, что он взглянул в мою сторону. Разочарование от этого оказалось таким жестоким, что я с трудом удержалась от стога.

Миг — и брат снова вскинул голову, но смотрел он теперь прямо перед собой, а спустя несколько мгновений к нему приблизилась Луиза.

— Винсент, вам нужно поспать, — произнесла она.

Ее голос, усталый, звучал как никогда глухо, я же замерла, забыла, что значит дышать. Льер говорил о том, что я смогу их увидеть, но не говорил ни слова о том, что я смогу слышать самых близких людей. О том, насколько это жестоко: вот так смотреть на них, не имея возможности быть рядом.

— Думаете, именно это мне нужно, Луиза? — горько спросил он. — Спать, когда моя сестра непонятно где?

— Изматывая себя еще больше, вы ей ничем не поможете.

— Ничего. Я ничего не могу сделать, — произнес он, и в хриплом, сдавленном голосе я с трудом узнала голос своего сильного старшего брата. — Я должен был остаться с ней в ту ночь. Я...

— Винсент, ты не мог знать! — Луиза повысила голос. — Ты нужен ей, но нужен сильным и яростным, таким, как я тебя знаю. Нужен таким, какими я знаю всех Биго. Чтобы перевернуть весь мир, чтобы найти ее, где бы она ни была. Уверена, что если бы она могла тебя видеть, сказала бы то же самое. Сказала, что будет бороться до последнего, и что ждет того же самого от тебя! Она ждет тебя, Винсент. Слышишь?

Какое-то время в кабинете царила тишина, лишь натянутая между супругами струна взглядов дрожала, как по велению руки музыканта.

— Ты права, — брат поднялся, обошел стол и взял руку жены в свою. — Ты как всегда права, Луиза.

Он коснулся губами кончиков ее пальцев, и она не отняла руки, только кивнула.

Они вместе направились к двери, я же магией смахнула капельку крови с перстня и рухнула на постель. Сжимая в ладони подарок брата, отзывающийся слабой пульсацией, глубоко дышала, пока обжигающие грудь слезы не отступили.

Пока не пришла мысль: я — Биго.

Никакой Аурихэйм меня не изменит.

Поднявшись, позвала свою магию. Осторожно потянулась к ней, к теплу в сердце, которое выручало меня даже в самые трудные дни. Подняла ладонь, позволяя серебряным искрам скользнуть между пальцами, оплести запястье. Разогрела ее до тех пор, пока меня всю не окутало мягким уютным теплом, от пяток, утопающий в густой траве, до кончиков волос.

— Прости меня, — прошептала еле слышно, когда на мой призыв откликнулась сила жизни. — Прости. Я обещаю, что больше никогда не стану использовать тебя так.

Раскрывшись, позволила магии скользнуть с моих ладоней по стенам. Магия жизни — магия созидания, а не разрушения, и сейчас она втекала в цветы, которыми была убрана моя спальня. Надорванные стебли срослись, бутоны раскрылись, лепестки замерцали мягким серебристым цветом, листья налились жизнью.

Спустя несколько минут вся комната переливалась моей магией, и в темноте даже осколки сверкали звездами. Напоследок скользнув ее теплом по раскрывшимся цветам, я сжала перстень в ладони, воскрешая в памяти образы самых родных людей.

Я — Биго.

И если существует способ вернуться домой, я его найду.

Магистр Красоты оказалась женщиной. Сомнительной, правда, красоты, либо я ничего не понимала в красоте элленари. Глаза у нее были огненные, как у Хьерга или у Ньяаехта, голова — абсолютно лысая. Витые рога венчали колокольчики, которые позвякивали в такт стуку ее каблуков, все тело было покрыто росписью. Вот роспись, пожалуй, была красивой, я оценила ее даже под совершенно прозрачным нарядом, слои легкой ткани обтекали ее тело второй кожей, не скрывая ничего. Совершенно ничего из того, что полагается скрывать женщине.

Мое платье было прекрасным. Легким и воздушным, сотканным из ткани, которую я определить не могла, пышным по моде Энгереи, с довольно скромным (по меркам Аурихэйма) вырезом, но у него был один существенный недостаток: оно было свадебным. Расшитый золотом (не уверена, что не буквально) лиф и подол, струились, как магия под пассом. Пока платье застыло в воздухе, магистр занималась моей прической.

Уже часа два.

Волосы складывались в замысловатые узоры и расплетались, чтобы лечь естественными волнами, надо мной парили заколки и шпильки, украшения, которые должны были оттенить прическу.

— Что это? — воскликнула я, когда из подпространства магистр красоты достала коробочку.

— Серьги, — ответила она низким, хриплым голосом, больше похожим на рычание.

— Я не ношу серьги.

— Теперь будете. Это подарок Повелителя.

— Нет!

Я попыталась вскочить, но шевеление губ женщины уронило меня обратно. Сковавшее по рукам и ногам заклинание спеленало, лишая возможности двигаться.

— Повелитель сказал, что с вами могут быть проблемы, аэльвэйн Лавиния, — заметила Магистр. — И разрешил действовать в рамках допустимого.

Если бы я могла, я бы ответила, но я не могла. Оставалось только проклинать повелителя всеми невысказанными способами. Особенно когда в руке элленари возникла раскаленная от магии игла. Обжигающая боль пронзила сначала одну мочку, затем вторую, на глаза навернулись слезы, но я даже вытереть их не могла.

— Посидите пока так, — сообщила она, и серьги плотно легли на уши, сдавив их так, что мне захотелось кричать. — Учитесь почтению, аэльвэйн Лавиния, иначе это может привести к плачевным результатам.

То, что это может привести к плачевным результатам, я поняла еще утром: когда попыталась выйти и обнаружила, что дверь заперта. Я звала Эйзер, но не дозвалась — видимо, Аурихэйм «не откликнулся на магию смертной», либо на магию смертной не откликнулась Эйзер. Еду мне тоже доставили из подпространства, буквально: когда я смотрела на ставшим привычным пейзаж, за моей спиной разошелся портал, и кто-то поставил поднос с едой на столик, после чего испарился в искрящейся дымке. Увы, кто это был, я не разглядела, разве что руки иссиня-серого цвета, и манжеты, как у повара.

Магистр вернулась к моей прическе, оставив меня с полыхающими от боли ушами и тяжелыми серьгами в них, заклинание блокировало меня, не позволяя даже смягчить неприятные ощущения, и я прикрыла глаза.

«Под магией мы понимаем то, что неподвластно людям, не наделенным даром, — говорил Винсент. — Совокупность заклятий, заклинаний, плетений, исходящих из силы, которая рождается в нашей крови и закрепляется в мире. Любое заклинание состоит из основных точек — узлов, отталкиваясь от которых можно как составить плетение, так и разрушить его».

Может, магия Аурихэйма и не подвластна смертным, но каким-то законам она подвластна. Окунувшись в блокирующее меня заклинание, я поняла, что здесь все очень и очень непросто. И что Магистр Красоты разбирается в магии, как дышит. Впрочем, из того, что я здесь увидела, все элленари разбираются в магии, как дышат: те заклинания, что они творили по щелчку пальцев, в нашем мире требовали такого мастерства, как у Терезы и Винсента, и

огромной затраты сил.

Интересно, откуда элленари черпают свои?

— С волосами закончили, — из созерцания (если так можно выразиться, это было магическое зрение), меня выдернул голос Магистра.

Я мысленно пнула ее под зад.

Жест недостойный леди, знаю, но я бы с удовольствием повторила его и вживую, а потом смотрела, как она едет носом по траве, заменяющей мне ковер.

Одежда растворилась, оставив меня полностью обнаженной, а в следующий миг меня со стула магией подкинуло в воздух. Платье растворилось тысячами мерцающих искр, после чего снова собралось уже на мне, в точности таким же, каким парило в воздухе. Тонкое кружево накидки легло на плечи, совершенно не скрывая «знак принадлежности», волосы стекали по спине волнами, которые (это Магистр проверила лично, потянув прядь) ложились безукоризненно, не теряя формы.

— Вашей прическе не страшен ни дождь, ни снег, — высокопарно заявила она.

Я хотела поинтересоваться, что по такому поводу, как свадьба их повелителя даже снег пойдет? Но поинтересоваться под заклинанием невозможно, поэтому я мысленно пнула ее под зад. Снова.

И пожелала от души, чтобы прическа не понравилась Золтеру.

Нет, ну а что? Этой рогатой точно не помешает парочка плетей по тощему заду.

— Ни ветер, — продолжила она, обходя меня по кругу, потом встала за спиной, пристально глядя в лицо, словно пытаюсь найти какие-то невидимые изъяны.

Изъянов не было. Я выглядела лет на двадцать, не больше, и то исключительно за счет темной каймы вокруг глаз, которая, как я заметила, была в Аурихэйме в моде.

— Ни даже гнев его аэльвэрства, — подытожила магистр, после чего удерживающее меня заклинание спало.

— А ножницы? — поинтересовалась я, и прежде чем та успела открыть рот, сорвавшиеся с потолка вьюны захлестнули ее, подбросили вверх и затянули в кокон.

Не под зад, конечно, но тоже сойдет.

— Учитесь почтению, магистр, — сообщила я, пока она дергалась и изрыгала проклятия, пытаюсь нащупать слабую точку в плетении. — Иначе это может привести к плачевным результатам.

Точку, она, разумеется нашла, и спрыгнула на пол грациозно, как кошка. Глаза сверкали, пальцы с когтями сжимались и разжимались.

— Ч-ч-что ты с-с-себе позволяешь, с-смертная? — прошипела она.

— Ни больше ни меньше, чем может позволить твоя королева, — произнесла я, расправив плечи. — Как ты посмела говорить со мной в подобном тоне и так со мной обращаться? Сегодня мы с его аэльвэрством поговорим о пределах допустимого.

Разумеется, я ни о чем собиралась говорить Золтеру, но выражение ее лица того стоило.

— На колени, — жестко сказала я. — Проси прощения.

— Вы быстро учитесь, моя королева, — раздался за спиной голос, от которого меня бросило в холодный пот, а потом сразу в жар.

Медленно обернувшись (пусть даже мне очень этого не хотелось), я увидела Льера.

Он в форме, волосы черным литьем прикрывают узоры на скулах и висках, взгляд — в упор и слишком глубоко. Как и в тот день, когда элленари забрал меня из родного дома. Эта мысль отрезвила, заставляя расправить плечи и взглянуть на него сверху вниз.

— По какому праву ты врываешься в мои покои?

Такого он явно не ожидал, поэтому прищурился.

— Я здесь по приказу его аэльвэрства.

— Ну разумеется, — сказала я. — Ты же послушный мальчик. Поэтому выйди и подожди за дверью.

Я отвернулась раньше, чем полыхнувший в синих глазах темный огонь добрался до сердца. Магистр красоты все еще раздувала ноздри, как породистая лошадь, вот только меня это совершенно не смущало.

— Мне повторить? — холодно уточнила я. — Или предпочтешь объясняться с его аэльвэрством?

Повторять не пришлось: она все-таки опустилась на колени.

— Я прошу прощения за свою вольность, — процедила сквозь зубы.

— Не слышу.

— Я прошу прощения за свою вольность! — повторила она, глядя мне в глаза. — Подобное больше не повторится.

— Уже лучше. На сегодня ты свободна.

Дождалась, пока она выйдет (или, скорее, вылетит за дверь, окатив меня волной вполне ощутимой ярости), после чего приблизилась к кровати. Перстень Винсента приходилось постоянно переключать: держать его в нарядах было нельзя, они постоянно менялись, причем я не была уверена, что когда оставляю свою комнату, здесь не хозяйничает кто-то из возмнивших себя выше, чем «смертная».

Стоило сжать подарок брата в ладони, как уверенности и сил стало еще больше. Не представляя, куда его спрятать (здесь мне не полагалось даже ридикюля), воспользовалась способом из дамских романов Миллес Даскер, в которых героини постоянно прятали важные записки в декольте. Что они там только ни прятали, честно говоря.

Льер дождался меня за дверями, и на миг мне стало немного стыдно: все-таки именно он вернул мне перстень. Это чувство я задушила в зародыше, потому что именно он привел меня сюда, и такой жест с его стороны в лучшем случае можно было считать извинением, а в худшем — оправданием. Впрочем, что бы он ни значил, это не имеет никакого отношения к нашему с ним общению.

Льер подал мне руку, и мы вместе направились по коридору в сторону лестницы.

Вопрос только в том, какой.

Я не представляла, какие здесь происходят балы, где они происходят, но если верить легендам об элленари, меня ждут веселье и пляски, реки вина и разврат. И это перед тем, как я стану женой Золтера, которому от меня нужен исключительно ребенок. Что ж, будем решать проблемы по мере их возникновения.

— Мне очень жаль, — слова Льера прозвучали очень неожиданно.

— Чего именно? — уточнила я, стараясь не смотреть в его сторону.

Достаточно было и того, что от невинного прикосновения по ладони растекались искры. Совершенно точно никак не связанные с тем, что обвивало мою руку и (если верить словам его аэльвэрства) делало меня его парой. Нормально ли, что будучи парой Золтера я вздрагиваю от одного прикосновения другого мужчины?

— Того, что все происходит именно так.

— Ты привел меня сюда, и теперь говоришь, что тебе жаль? — я вскинула бровь и в упор посмотрела на него.

— Лавиния...

— Моя королева будет вполне достаточно, — жестко отрезала я. — Расскажи, к чему мне готовиться на балу.

По его лицу прошла судорога, ладонь сжалась в кулак.

— Вы с его аэльвэрством откроете бал первым танцем.

Аурихэйм, Аурихэйм... а происходит все в точности, как в мире смертных. Поймала себя на этой мысли и вздрогнула: Всевидящий, я здесь несколько дней, а уже думаю, как они.

— Потом начнется праздник, который продлится до рассвета...

— С этого момента подробнее, — заметила я. — Что будет на празднике?

— Танцы. Веселье. Еда и выпивка.

Веселье бывает разное.

— Арка Благоденствия, — я старалась говорить спокойно, но мой голос все-таки слегка дрогнул. — Что это? И что случится там?

— Арка Благоденствия — место, где скрепляются союзы. — Льер смотрел на меня, но я на него не смотрела. — Когда ваш союз будет принят, узор сменится обручальным браслетом. После этого...

— О том, что будет дальше, я догадываюсь, — перебила я.

— После этого вас ждут поздравления, — произнес он.

Ну очень тактично выразился. Я подумала об этом, когда мы спустились по лестнице мимо картины магии, вот только в холле свернули не в сторону огромных дверей (которые сейчас были закрыты), а нырнули в очередной лабиринт. Виеррахи сегодня не выползали даже чтобы на меня поглазеть, да и вообще в коридорах никого не было. Как бы парадоксально это ни звучало (здесь, в царстве смерти), но огромный замок словно весь вымер.

О том, что творится за глухо запечатанными дверями, не догадался бы никто.

Потому что когда они распахнулись, мы с Льером шагнули в залу, размерами превышавшую парк Мортенхэйма. Творилось здесь нечто невероятное: раздавалось стрекотание крыльев, шелест платьев и голоса — удивительно тонкие, похожие на детские, которые перекрывало рычание, напоминающее о диких зверях. Такого количества рас и существ, о которых я не имела ни малейшего представления, я раньше не видела нигде.

Они пестрыми пятнами и сплошным аляповатым фоном растекались вдоль темных стен, под тяжелым, нависающим над нами потолком, наводящим на мысли о затянутом тучами ночном небе. Музыка вплеталась в это многоголосье, переводя шум в какую-то воистину дикарскую какофонию, но оборвалась она так же резко, как и обрушилась на меня (стоило нам оказаться внутри). Должно быть, над залом растянули полог безмолвия или что-то похожее, потому что снаружи в коридоры не проникало ни звука, и я даже не успела подготовиться. К тысячам взглядов, ударивших в меня, к живому коридору, протянувшемуся к трону.

На котором предсказуемо восседал Золтер.

По сравнению с моим будущим мужем королева Энгерии кажется созданием из давно забытой сказки. Сказками в нашем мире считают элленари, а я сейчас вспоминаю свой мир, как сказку. У Золтера нет короны, только узор, отметивший его происхождение, а еще раскаленная сталь волос, текущая на широкие плечи подобно извергающейся из недр вулкана лавой. На миг, издали, даже кажется, что они живые, особенно когда он поднимается и идет к нам навстречу.

Шаги в тишине кажутся оглушающе-громкими, ладонь становится тяжелой. Мне невыносима сама мысль о том, чтобы прикасаться к нему после того, что случилось вчера. Хочется развернуться, броситься из этого зала бегом, но бежать мне некуда. Приходится просто стоять и смотреть, как он приближается.

— Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось.

Вздрагиваю и невольно бросаю быстрый взгляд на Льера. Он на меня не смотрит, и судя по тому, что никто не смотрит на него, он не произнес ни слова, но его голос звучал так отчетливо...

Как?!

Подумать об этом у меня не остается времени, потому что Золтер останавливается напротив, и Льер вкладывает мою ладонь в его руку. В эту минуту я думаю о том, зачем это — после того публичного унижения, после наказания, снова отправлять его за мной. Впрочем, и эта мысль тоже стирается, когда его аэльвэрство поворачивается к толпе. Точнее, к толпе поворачиваемся мы.

— Встречайте мою будущую супругу, — его голос разносит эхо. — Аэльвэйн Лавинию.

Приветствие, которым взрывается зал, полно шипения и странных одиночных хлопков, которые спустя мгновения все-таки перерастают в аплодисменты. Это — дань ему, а не мне, но в следующий миг уже звучит музыка. Совершенно не похожая на вальс (она более резкая, более сильная и надрывная), тем не менее основные движения чем-то напоминают именно его.

Одна рука Золтера на моей талии, другая сжимает пальцы.

Я чувствую его взгляд: темный, от которого внутри не то вспыхивают костры, не то гаснут искры. Иногда начинает казаться, что я ослепну, если не опущу глаза, а иногда — что жар в крови обратит меня в прах раньше, чем кончится танец. Я знала, что от защиты отказалась сама, но понимала, что должна справиться с этим. Эти чувства не мои, этот мужчина не вызывал бы у меня и сотой доли того, что я переживала снова и снова, не будь на моей руке узора.

Вслед за нами в танец вливаются остальные, со всех сторон мелькают наряды, почти не скрывающие тел и тонкие шлейфы, летящие как дымка магии. Слышатся голоса и смех, в зал, освещаемый вспышками молний и парящими под потолком иссиня-черными сферами, падают серебряные искры.

— Надеюсь, тебе нравится праздник, Лавиния.

— Я не давала вам разрешения называть меня по имени.

Золтер не меняется в лице.

— Мне не нужно твое разрешение.

— Вам не нужно ничье разрешение, — замечаю я. — Кроме разрешения Арки Благоденствия. И нет, мне не нравится праздник. Мне не нравится ничего в вашем мире. Когда я смогу увидеть Амалию?

— Хоть сейчас. Могу приказать, чтобы ее привели. — Он разворачивает меня в танце, и я вижу, что на полу, на импровизированном ложе две девушки в полупрозрачных нарядах ублажают элленари. Одна восседает у него на бедрах, и прозрачная по последней моде ткань не скрывает ничего, что происходит на глазах у всех. Впрочем, девушку это не смущает, равно как и вторую, которая просто трется о мужчину.

При мысли о том, что Амалии придется на все это смотреть, мне становится дурно. Впрочем, смотреть — это еще ладно.

— Я хочу попросить о том, чтобы ее вернули в наш мир, — говорю я. — После того, как Арка Благоденствия подтвердит наш союз.

— Вижу, ты делаешь выводы.

Невозможно хотеть того, кого ненавидишь. Невозможно, но метка пульсирует, взбирается по руке обжигающей дрожью, заставляющей испытывать странную жажду. Наподобие той, что испытывает путник, долгое время желающий сделать глоток воды. Такую сильную, что я почти готова позволить ему целовать меня прямо здесь, на глазах у всех.

Если Золтер прав, и метка принадлежности меняет меня изнутри, что будет после ритуала? Что, если все, что творится здесь, станет для меня нормальным?!

— Ваш ответ?

— Мне не нужна эта смертная. Если она не нужна тебе, она отправится в мир людей.

Если она не нужна тебе.

Амалия — единственная, с кем я смогу поговорить по душам, когда стану женой Золтера и буду искать возможность вернуться. После того, как... Нет, об этом лучше не думать. Во-первых, я не собираюсь подпускать его к себе. А во-вторых... во-вторых, как бы там ни было, я не могу рисковать жизнью ни в чем не повинной девушки только потому, что мне здесь страшно.

И одиноко.

«Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось».

Было ли это на самом деле? Или мой разум уже выдает желаемое за действительное? В танце, сквозь бесконечное серебро оседающей на беснующуюся толпу пудры, я вижу Льера. Он не танцует, просто стоит в стороне, в его ладони — тонкие пальцы Ирэй. Рыжая бросает на меня пренебрежительно-уничижительный взгляд, а его чуть ли не облизывает глазами. Подается вперед, чтобы стать еще ближе, и от этого внутри просыпается что-то темное. Хочется рывком оттащить ее от него, отшвырнуть, а еще лучше — затолкать в портал. Чтобы выпала где-нибудь в районе трона и без одежды!

Хотя какая разница, та черная дымка, которая прикрывает ее тело, вряд ли может считаться платьем. Пусть даже под ним две тонкие черные ленты, полосами стягивающие грудь и ягодицы. Стягивающие, но не скрывающие даже ареолы сосков. Действительно, к чему ей тогда была скатерть!

Мне не стоит об этом думать, и уж тем более не стоит думать о том, с кем она была в тот вечер, но в груди уже вспыхивает странное чувство, природу которого я объяснить не могу. И не успеваю: потому что Ирэй буквально проваливается сквозь пол под крики, хохот и визг, а после вываливается у подножия трона. Платье, правда, на ней, но лицо искажено яростью, волосы растрепаны. Она вскакивает, но прежде чем успевает открыть рот, Золтер вскидывает руку.

Музыка обрывается, как перетянутая струна.

В воцарившейся тишине я слышу свое дыхание и думаю о том, что уже второй бал в мою честь не задался.

И о том, что рыжая выпала в портал благодаря мне. Кажется.

Я чувствую бегущую сквозь меня силу, как чувствовала магию жизни, тепло и мощь, но это ведь не может быть магия жизни? Или может? Или Аурихэйм способен изменить не только меня, но и ее. Все эти вопросы стынют на губах, когда к нам подходит Льер, а мою руку снова передают ему.

— Отвечаешь головой, — коротко произносит Золтер, и добавляет: — Праздник продолжается!

Это как щелчок, как команда, потому что все собравшиеся снова пускаются в пляс. Его аэльвэрство направляется к кухне, но останавливается, когда слышит негромкий голос Льера:

— Даже ценой клятвы жизни?

Золтер оборачивается, пристально смотрит на него, но Льер смотрит на Ирэю.

— Ты знаешь, на что она способна, — произносит все так же спокойно.

Золтер кивает:

— Даже ценой клятвы жизни, — говорит он.

И уходит.

А я понимаю, что ничего не понимаю. Смотрю, как вокруг нас мельтешат пары, и в одной из них крылья девушки трепещут, словно она вот-вот собирается взлететь. Смотрю, как спина Золтера заслоняет полыхающий яростью взгляд Ирэи, и в эту минуту Льер снова подхватывает меня за талию, вовлекая в танец.

— Что происходит? — спрашиваю я, глядя ему в глаза.

— Нам нельзя просто стоять и разговаривать. Это не по этикету.

Не по этикету?!

То есть то, что происходило вот там, на глазах у всех — это по этикету, просто стоять и разговаривать — нет?

— Мне безразличен ваш этикет, — говорю я. — И я спрашивала не об этом.

— Тогда о чем? — Этот танец не менее дикий, чем был в Мортенхэйме с той лишь разницей, что сейчас я еще отчетливее чувствую его ладонь сквозь ткань платья. Не представляю, из чего оно сделано, я его почти не ощущаю, если энгерийские корсеты и кринолины заставляли вздыхать с благодарностью, когда ты от них избавляешься, сейчас я не чувствую ни малейшего неудобства.

— О том, что здесь произошло.

— О том, как ты выкинула Ирэю в портал?

— Об этом в первую очередь.

— Тебе не рассказывали о раскрытии магии в Аурихэйме?

— Мне ничего не рассказывают, — резко замечаю я. — В этом-то и проблема.

— И все же Ирэя кое о чем тебе рассказала, — произносит Льер.

Его пальцы стягивают мои так жестко, словно я собираюсь вырваться, но я не собираюсь. В этом безумии самое безопасное место — рядом с ним.

— Откуда тебе об этом известно? — спрашиваю я.

Смотреть ему в глаза ничуть не легче, чем Золтеру, возможно, именно потому, что с его аэльвэрством наша связь скреплена магией. С Льером меня не связывает ничего, но я чувствую пульсацию в ладони, которой касается он. Словно биение сердца, передаваемое из руки в руку.

— У меня свои источники информации.

И один из них только что провалился в портал.

К счастью, мне хватает ума не сказать это вслух.

— Даже если и так. Что с того? — насмешливо спрашиваю я. — Ты сожалеешь о том, что сделал, но не можешь ничего исправить.

— А если могу?

— Не можешь. Ты связан...

— Клятвой жизни, — говорит Льер. — И он только что дал мне право действовать в обход нее.

Слова — самая большая сила в Аурихэйме.

«Повелитель сказал, что с вами могут быть проблемы, аэльвэйн Лавиния. И разрешил действовать в рамках допустимого».

А допустимое здесь каждый определяет сам. Нет, убить меня или причинить настоящий вред Магистр точно не смогла бы, но она смогла сделать то, что сделала. И если я правильно понимаю, как это работает, Льер может вернуть меня домой, если... возникнет прямая угроза моей жизни. Это не убьет его и не обратит в тлен, но к чему это приведет? При одной мысли о том, что с ним сделали за один поцелуй, мне становится холодно, а клубящаяся в груди сила стягивается в ком.

— Он все равно меня вернет, — говорю я.

Зачем-то. Потому что несмотря на все, о чем я только что думала, мне отчаянно хочется вырваться из этого безумного мира. Мира, в котором мне не место, и которому не место во мне.

— Если ты лишишься девственности — нет.

— Что?!

Льер ведет меня в танце, осыпающиеся на нас серебряные искры тают, едва коснувшись его плеч под темным мундиром.

— Я сказал больше, чем мог, Лавиния. Решать тебе.

— Амалия...

— Амалию вернут в ваш мир после ритуала у Арки. Золтер дал слово.

— Откуда ты...

И тут я, кажется, понимаю. Перстень. Перстень Винсента.

«Всегда держи его при себе».

Это какие-то чары, позволяющие ему слышать меня, а мне... слышать его? Даже если он не произносит ни слова.

Ни подтвердить, ни опровергнуть свою догадку я не могу, потому что танец закончился, а в зал возвращается Золтер. Возвращается один, без Ирэй, его появление отмечено растекающимся в стороны живым коридором и поклонами, которых он не замечает, потому что смотрит прямо на меня.

Танцы здесь не прекращаются, музыка льется бесконечно, а смена партнеров происходит спонтанно. Только что на моих глазах один элленари буквально вырвал из объятий странного мужчины с блестящим черепом партнершу, а та, заливаясь смехом, тут же упала в его объятия.

Поэтому никто не обращает внимания на то, что Золтер перехватывает мою ладонь прямо в танце. И совершенно никто не обращает внимания на то, как резко он притягивает меня к себе. Телом в тело, как бесконечную собственность.

Попытка отстраниться приводит к тому, что меня еще сильнее вжимают в себя. Темный взгляд бесцеремонно оглаживает декольте, а после задерживается на моих губах.

— Потрудись объяснить, — произносит он, — по какой причине ты швырнула мою кузину в портал.

— Она на меня плохо посмотрела, — говорю первое, что приходит в голову.

Что-то мне подсказывает, что такой ответ Золтера не устроит, но он сейчас вглядывается в мое лицо. Я же осознаю, что в мире элленари швырнуть в портал за то, что на тебя плохо посмотрели — это не предел. Осознаю, и мне становится смешно, потому что Золтер представил элленари как рассудительную и разумную расу, не способную на эмоции. Впрочем, возможно, швырнуть в портал без эмоций — это верх элленарийской рассудительности. Когда я сказала, что Ирэй сообщила мне о ребенке, он вытащил ее нагую непонятно откуда, и на лице его не отражалось никаких чувств.

В эту минуту мне уже не смешно, потому что мужчина, который это сделал, сейчас вплавляется в меня взглядом, словно стараясь вытащить на поверхность самую мою суть. Рано или поздно он это сделает, и не испытает даже сотой доли сожаления. Рано или поздно, или... сегодня ночью?

В эту минуту я думаю о том, что предложение Льера не настолько абсурдное, как могло показаться на первый взгляд, и если у меня есть возможность выбрать, я бы хотела, чтобы моим первым мужчиной стал он. Прежде чем эта мысль отразится в моих глазах и прежде, чем ее поймает Золтер, слегка шевелю рукой в его руке.

— Ваша кухня, — сообщаю я, — отметила меня долгом за то, что проводила в библиотеку.

— Ты была в библиотеке?! — его голос становится ниже, и обычно ничем хорошим это не заканчивается, но сейчас это хороший знак.

Потому что, кажется, мне удалось переключить его внимание.

— Да, — пожала плечами. — Хотела узнать про ваш мир.

И отворачиваюсь, делая вид, что меня гораздо больше интересует пара танцующих. Впрочем, стоит мне перехватить взгляд мужчины, как я понимаю, что она и правда меня интересует. У него глаза хээндаме... были бы, если бы не вертикальный зрачок. Золото полыхает в радужке, говоря о том, что его сила — антимагия, золото сверкает в волосах, и сам он противоестественный этому месту одним своим существованием. Как и его спутница, с такими же прекрасными волосами и золотом, способным накрыть весь этот зал выжигающей магией мглой.

Музыка продолжается, но мы останавливаемся, эта пара останавливается тоже. Я замечаю, что элленари обтекают их, стараясь держаться подальше, и что красивые, чувственные губы мужчины подрагивают, словно в усмешке.

— Золтер. Аэльвэйн Лавиния, — произносит он и протягивает мне руку.

Она переливается золотом, словно попала в луч солнечного света, но на моих глазах ладонь становится самой обычной, человеческой. Только тогда я решаюсь вложить пальцы в его руку и позволить коснуться ее губами. Первое человеческое прикосновение за Всевидящий знает сколько времени.

— Не думал, что ты решишь нас навестить, Аргайн.

— Разве я мог пропустить такое событие, — мужчина смотрит на него в упор. — Твоя свадьба. Ты так долго держал ее в секрете, а нам неподвластны порталы.

— И как же ты успел, позволь полюбопытствовать?

— О, я не стану раскрывать все свои секреты. Скажу только, что рад стать свидетелем столь знаменательного события. И моя сестра тоже.

Его сестра смотрит на меня, в золотых глазах — сильнейшая антимагия. Ей достаточно коснуться меня, чтобы выжечь подчистую, всю мою силу, долга. И кажется, ей это совсем не причиняет вреда. У мужа Терезы, Анри, любой всплеск антимагии отнимает безумное количество сил. К счастью, к ней ему не приходилось прибегать уже очень давно.

— Взаимно рад нашей встрече.

Не уверена, что это так. Точнее, так, но не совсем, потому что элленари не лгут. Они играют словами, и судя по тому, как искусно это проделал Льер, ловушкой и выходом может стать самая невинная фраза. Я вдруг задумываюсь о том, что именно слово Золтера может подарить отсрочку, время, которое мне сейчас так необходимо. Вряд ли у меня получится обойти его в словесных играх, связанных с Аркой, но в том, что касается нашей близости — вполне.

Воодушевленная этой мыслью, я улыбаюсь по-настоящему.

— Как хорошо, когда все взаимно, — произносит девушка, и ее низкий голос отзывается дрожью в самой глубине моего существа, потому что ее взгляд адресован мне.

— О да. Несомненно, — я кладу ладонь на сгиб локтя Золтера.

Показывать им, что что-то не так — по меньшей мере непредусмотрительно и недальновидно.

Мне кажется, или на лице элленари мелькает удивление?

Пожалуй, кажется, потому что в нем нет чувств, и встреча с «золотой парой» вряд ли может это изменить. Зато сейчас он ведет меня через зал, и подданные расступаются и кланяются, чтобы спустя миг за нашими спинами продолжить это веселье. Мы, к моему величайшему удивлению, выходим за двери, и все эти голоса и музыка тут же обрываются, словно кто-то накрыл зал колпаком.

Да, это точно «полог безмолвия», заклинание, позволяющее пообщаться без опасения, что тебя подслушают. Ну и отличный способ соблюсти тишину, когда у тебя во дворце беснующаяся толпа.

— Куда мы идем? — интересуюсь я, но Золтер молчит.

До той минуты, пока открывается портал, и мы шагаем прямо в лес. Похожий на тот, где я спасала Амалию, вот только здесь одуряюще пахнет хвоей. Так, что от свежего воздуха кружится голова, и хочется кричать от восторга. Мне, магу жизни, сам Всевидящий положил радоваться в ее средоточии, но никогда раньше я не испытывала ничего подобного. Лунный свет серебром льется сквозь тяжелые ветви, но в отличие от холода дворца, из которого мы пришли, здесь тепло, я согреваюсь мгновенно и до самого сердца. Из-за этих чувств даже не сразу замечаю, что не так, а когда замечаю, с губ срывается изумленный возглас.

Половина леса залита лунным светом, половина солнечным, а на том месте, где они сливаются воедино, застыло живое произведение искусства. Корни деревьев сплетаются над землей на высоте нескольких футов, их обвивает вьюн и бесчисленное множество цветов, взбирающихся по сплетениям мощных древесных жил. От них расходится едва уловимое свечение, а еще мягкая, теплая сила, и в эту минуту я понимаю, что мы стоим перед Аркой Благоденствия.

Арка Благоденствия.

Эта мысль отпечаталась во мне, как раскаленное клеймо, и пусть я готовилась к этой минуте, даже несмотря на весь творящийся здесь абсурд, не ожидала, что это будет так. Всевидящий, да я вообще не представляла, как это будет, но... неужели он о чем-то догадывается?

— Вы говорили о том, что это случится на рассвете, — у меня даже голос почти не дрожал, когда я это произнесла. — Разве нет?

— Рассвет уже наступил. Здесь.

Да-да, сила слова, и, если так подумать, рассвет здесь действительно наступил.

— К чему такая спешка? Я думала, мы будем веселиться всю ночь.

— Веселиться? Или брезгливо коситься по сторонам? — Золтер пристально посмотрел на меня. — Идем.

— Нет, — сказала я, рванувшись. — Нет. Я не пойду.

— Неужели?

Перед глазами отчетливо встал наш разговор на башне, и то, как меня спеленали, когда вели смотреть на наказание Льера. Вот только сейчас Золтер почему-то не спешил превращать меня в безвольную куклу и тащить за собой, хотя мог сделать это в два счета. Или не мог? Или здесь в кои-то веки действительно нужно мое согласие?

— Почему именно сейчас? — спросила, чтобы подтвердить свою догадку.

— Ночь схождения луны и солнца, — напомнил он.

— И?

— Такое в Аурихэйме бывает раз в сто лет.

Раз в сто лет?! То есть если сегодня пропустить этот момент, потом меня на сто лет оставят в покое? Эта мысль, совершенно сумасшедшая, пришла вместе со следующей. Льер сказал, что Золтер не отступится, пока я девственна, вот только откуда они об этом знают?! Мой брак с Майклом был тайной даже для моей семьи, никто, ни Луиза, ни даже Тереза не знали, что он ко мне ни разу не притронулся, потому что не мог.

Его флирт с другими женщинами просто не мог зайти дальше флирта, потому что у Майкла не получалось ничего. Вообще. Ему нравилась сама мысль о том, что женщины находят его привлекательным, и то, что он так далеко зашел с нашей горничной, далеко — я имею в виду, до раздевания, было скорее жестом отчаяния. Тем не менее это не отменяло того, что Золтеру об этом знать неоткуда. Просто неоткуда!

Если только не...

— Откуда вы узнали про Майкла? — прямо спросила я, сжимая кулаки.

— Откуда? — У него дернулась бровь: величайшее исполнение эмоций от его аэльвэрства! Он шагнул ко мне вплотную, но я не попятилась, наоборот, вскинула голову. — Ты разве еще не поняла, Лавиния? Тебя берегли для меня. Все это время. Все твои чувства к этому ничтожеству — это чары. Вся твоя жизнь — моя воля.

— Помочь ему я тоже не могла по этой причине, — пробормотала я.

Это был не вопрос, но Золтер ответил:

— Да.

Кажется, в эту минуту внутри меня что-то порвалось, потому что я с криком бросилась на него. Целилась в лицо, но Золтер успел перехватить: вот только сомкнуться браслеты жестких пальцев вокруг моих запястий не успели. От моих рук посыпались искры, и его оттолкнуло в сторону, впрочем, ненадолго — я бросилась за ним. Вцепившись в идеальный мундир, колотя руками по плечам, пинаясь, что было легко сквозь эту сказочную ткань, я прошипела ему в

лицо:

— Я никогда не стану вашей! Никогда! Никогда! Никогда!

На этот раз его попытка перехватить мои руки увенчалась успехом, он сдвинул их так, что я вскрикнула, рывком притянул к себе.

— Я прямо сейчас могу заставить тебя смотреть на то, как твоя смертная умирает.

— И что потом? — ядовито осведомилась я, с ненавистью глядя в холеное лицо. — Что, если я даже после этого с вами не пойду? Будете ждать еще сто лет и притащите мой нарядный скелет к Арке?

— Не шути со мной, девчонка. — В глаза его впервые за все время плеснула настоящая ярость. — Или ее крики ты будешь слышать до конца своей жизни, просыпаясь ночами в холодном поту. Ньяаехт!

Это прозвучало как удар хлыста. Я снова попыталась вырваться, но тщетно, магия жизни, к которой я обратилась, взвилась вокруг нас буйством взметнувшихся над землей корней и веток, которые в мгновение ока рассыпались тленом. Лес застонал от боли, и я вскрикнула, а в следующий миг в радужку Золтера плеснула самая что ни на есть страшная тьма.

— Ньяаехт. Приведи сюда смертную.

— Нет! — взвыла я, когда сияние портала сомкнулось за спиной слуги. — Нет, пожалуйста, я пойду с вами к Арке! Не надо!

Но было уже поздно: мужчина вышвырнул Амалию к нашим ногам. Испуганная, растрепанная, она вскинула на меня огромные глаза, и я задохнулась от ужаса.

— Я пойду с вами к Арке, — выдавила через силу. — Чего вы еще хотите?!

— Чтобы ты запомнила это, — произнес он, и тело девушки выгнулось от боли дугой. Поклясться могу, он к ней не прикасался, но Амалия кричала и билась в рассыпающихся над ней изумрудных искрах, словно ее рвали изнутри.

— Не надо! — кричала я, срывая голос. — Хватит! Не надо!

Но остановился он только тогда, когда пожелал сам. Девушку колотило, но приблизиться к ней мне не позволили, Ньяаехт с совершенно непроницаемым лицом вздернул ее на ноги, прижимая к себе, как тряпичную куклу. С белым как мел, залитым слезами лицом, она дрожала всем телом, всхлипывая и хватая губами воздух.

— Нам уйти, мой повелитель? — слуга склонил голову.

— Нет. Останешься здесь до конца ритуала, — приказал Золтер и взглянул на меня. — Руку.

Я вложила руку в его ладонь. Слишком потрясенная, чтобы сказать что-либо, шла вместе с ним к переливающейся светом Арке, хотя мыслями была очень далеко отсюда. Возможно, на своем первом балу, когда Майкл впервые улыбнулся мне. Были ли его чувства тоже навеяны чарами? Хотя нет, зачем, достаточно было того, что он просто хотел исцелиться. Но исцелиться не мог, потому что чары элленари убивали любую мою попытку ему помочь.

«Вся твоя жизнь — моя воля».

Как такое может быть?

Все мои чувства, вся моя радость от первого прикосновения пальцев к пальцам... Всевидящий! Даже если принять во внимание, что для Майкла это ничего не значило, оно значило для меня. Это были мои чувства.

Нет, не мои.

— Как же я вас ненавижу, — прошептала я, когда мы оказались под Аркой.

Дико было испытывать такие чувства в этом волшебном месте, в средоточии жизни, пусть даже едва оправившейся от пощечины смерти Золтера, но я ничего не могла с собой поделать.

— Мне не нужна твоя любовь, — произнес он, а потом полоснул себя кинжалом по ладони.

Первые капли крови упали вниз и с шипением впитались в землю, когда он повернул мою ладонь, чтобы порезать ее. Боль дернула, но как-то слабо, а в следующий миг моя кровь уже сливалась с его, когда Золтер сплел наши пальцы и вскинул руку. От арки вниз устремились вьюны, оплели наши запястья.

— Перед лицом Аурихэйма я беру эту женщину в жены, — произнес он, и эхо подхватило его слова. — Клянусь кровью и магией.

Ввысь взметнулось кружево тлена и иссиня-черная дымка, скользнувшая над нашими соединенными ладонями.

— Принеси клятву, Лавиния.

Всевидающий, я не хочу.

Мысль пришла далекой и какой-то пустой: за спиной Ньиаехт по-прежнему прижимал к себе Амалию.

— Перед лицом Аурихэйма я беру этого мужчину в мужа, — каждое слово давалось с трудом и весило, по меньшей мере, сотню фунтов. — Клянусь кровью и магией.

Серебро и золотые искры взметнулись в воздух, смешались с дымкой магии смерти, впитались в нее. Узор на руке полыхнул огнем, а в следующий миг моя магия отделилась от его, вьюн соскользнул с наших рук, взорвался ослепительным сиянием. Прежде чем я успела вздохнуть, оно обрушилось вниз, и Золтера отшвырнуло в сторону.

Несколько мгновений я ничего не видела: глаза привыкали к тающему свету, напоминавшему о взорвавшемся солнце или чем-то подобном. Лучше бы не видела и дальше, потому что поднимающийся из глубокой земляной борозды повелитель Аурихэйма тоже напоминал готовое взорваться солнце. Черные от глубинной тьмы глаза, казалось, вобрали всю силу смерти, а волосы наоборот раскалились, словно их окунуло в пламя. Над Аркой оседали золотые искры, которые померкли, стоило ему взмахнуть рукой.

Я услышала сдавленный вскрик Амалии, поэтому метнулась к девушке, закрывая ее собой.

— Не смейте! — выдохнуло хрипло. — Я выполнила ваше условие! Я произнесла клятву!

— Произнесла, — несмотря на клубившуюся в его глазах тьму, голос звучал неестественно-холодно, словно через него со мной сейчас говорила Смерть. — Но видимо, в тебе было недостаточно желаний, Лавиния. Недостаточно искренности, подтверждающей желание стать моей.

— О каком желании вы говорите?! — выкрикнула я, вцепившаяся в меня Амалия дрожала всем телом. — Вы не дали мне даже возможности узнать вас получше. Не дали возможности понять, зачем я вам. Если бы у меня была причина...

— Причина? — Золтер приблизился, вдавив пальцы в мой подбородок. — Тебе нужна причина, Лавиния? Что ж, одна у тебя сейчас будет.

Я не успела вдохнуть, когда Амалию швырнули в руки элленари, а меня в портал. Не сразу поняла, что оказалась в покоях Золтера: ничем иным это темное царство со вкраплениями белого и платины (или похожего на нее металла) быть не могло.

— Не смейте ко мне приближаться, — процедила, оглядываясь.

Здесь не было ничего, что могло бы мне помочь. Здесь не было жизни.

— Ты все еще мне указываешь? — хмыкнул он, и платье на мне разлетелось тленом.

Я видела, как кружатся и оседают пепельные хлопья, как жутковатый, неестественный снег, но гораздо более страшно было оказаться перед ним полностью обнаженной и услышать глухой стук: перстень брата упал к моим ногам, откатился в сторону, и я замерла.

— Что это? — спросил Золтер, шагнув ко мне.

Теперь, когда я была полностью обнажена, его пальцы на подбородке ощущались, как раскаленные тиски. Они не могли быть такими горячими хотя бы потому, что стоявший передо мной мужчина был словно сотворен из камня, но они были, и жар от них растекался по телу.

— Кольцо моего брата.

— Откуда оно у тебя?

— Оно всегда было со мной.

— Не лги. Оно появилось уже после нашего знакомства.

— Оно всегда было со мной, — повторила я.

— Льер.

Его голос не дрогнул, только глаза почернели еще сильнее: в этой тьме утонули не только зрачки, но и белки.

— Значит, близость с ним приятнее близости со мной?

Короткое мгновение замешательства (я ведь действительно об этом думала) дорого мне обошлось. Я едва успела открыть рот, когда услышала:

— Замолчи, Лавиния, — пальцы почти нежно скользнули по щеке. — Замолчи, пока я не заставил тебя это сделать.

— У нас...

Он действительно заставил. Словами «не было близости» я подавилась, а в следующий момент чуть не захлебнулась криком, который так и не сорвался с моих губ: меня швырнули на кровать, и ледяное покрывало иглами впилось в кожу. Я попыталась отползти, но меня подтянули к себе.

— Потом, — сказал он, — поделишься впечатлениями, кто тебе больше понравился. Когда я позволю.

Я задохнулась от ужаса, а после от дикого сладкого чувства, которое отозвалось на его прикосновение внутри.

«Не надо!» — хотела крикнуть я, но разумеется, не смогла.

Не смогла, только с силой уперлась ладонями в его мундир, пытаюсь оттолкнуть.

Тщетно.

В моей жизни просто не могло такого случиться, но в моей жизни случилось замужество с Майклом, которое, оказывается, было частью плана элленари. Я бы очень хотела отрешиться от чувств, которые на меня обрушились, но у меня не получалось. Не получалось избавиться от наваждения скользящих по телу пальцев, на которые я откликалась дрожью.

Не я, а клятая отметина! На моем предплечье по-прежнему горела метка его принадлежности, и когда он касался ее, от бегущего по телу жара хотелось кричать в голос. Возможно, я и кричала бы, если бы не магия элленари.

«Не надо! — мысленно орала я. — Я не хочу, чтобы это было так!»

Он меня не слышал, либо не хотел слышать, потому что я падала в черные провалы глаз, в которых не было даже отголоска чувства. Все мои попытки вырваться просто оборвали, задрав руки над головой и вжимая каменным телом в кровать.

Слова «вся твоя жизнь — моя воля» неожиданно обрели совершенно иной смысл.

В ту минуту, когда внутри меня взорвалась боль, я уцепилась за нее и отвернулась, чтобы больше не видеть его лица. Может быть, эта магия способна заставить мое тело его хотеть.

Мое тело.

Но не меня.

В общем-то, мне было уже все равно: и то, что движения стали более мягкими, и то, что мои запястья освободили. Я думала только о том, когда все закончится, а на его приказ:

— Смотри на меня, — отреагировала тем, что закрыла глаза.

Достаточно было и того, что сквозь боль внутри набирала силу пульсация, унижительное желание, которым я была обязана обжигающей мою руку вязи.

— Посмотри на меня, — повторный приказ прозвучал резче. — Или мне заставить снова привести Амалию?

— Не думала, что вы еще и таким страдаете, — язвительно выдохнула я с осознанием, что снова могу говорить.

— Я не страдаю, Лавиния. Я наслаждаюсь.

— О, ну здесь вам определенно повезло, — ввернула я. И замолчала уже по собственному желанию.

Наверное, это могло бы быть по-настоящему приятно: такая мысль меня посетила, когда я содрогалась от навязанного мне наслаждения.

Наверное.

Но я этого никогда не узнаю.

— Куда ты? — резко спросил он, когда я рывком освободилась из его рук.

— Подальше от вас. В ванную, — пояснила, когда поняла, что сейчас свалюсь бревном от очередного заклятия.

— Ванная за дверью, — сообщили мне. — Не закрывать.

— Дверь? — поинтересовалась я. — Или ванную?

На самом деле я была близка к истерике, но с любой истерикой можно справиться, когда понимаешь, что рассчитывать не на кого. Кроме себя.

Точно так же я понимала, что дверь Золтера не остановит, и сказано это исключительно в воспитательных целях.

Ванная была самой обычной, если можно назвать обычной помещение длиной футов тридцать, где вместо ванны располагался утопленный в пол бассейн. Который, стоило мне войти, наполнился кристально чистой и прозрачной водой, что определенно было необычно. Отсутствие кранов тоже немного выбивалось из «обычности», но я быстро шагнула в воду. Она, на удивление, оказалась как я люблю: чуть горячее чем принято (тут уж впору смеяться, что ванная элленари единственная, кто в этом мире считается с моими желаниями). Но если начать смеяться, это уже и будет самая настоящая истерика, поэтому я окунулась в бассейн по плечи.

Вода окутала мягким покрывалом, согревая, и я прикрыла глаза. Открыла от того, что у меня звенело в ушах и кружилась голова. К саднящей боли внизу живота прибавилось странное тянущее чувство, и когда я посмотрела вниз, увидела, что вода быстро и густо окрашивается кровью.

Наверное, я много глупостей делала в жизни, но эта чуть не стала для меня фатальной. Горячая вода. Матушка мне говорила, что после первой близости нельзя наполнять ванну горячей водой, но говорила она это перед свадьбой с Майклом. Сегодня же мне было не до тех далеких воспоминаний, когда я смущенно улыбалась в ответ на такие откровения.

— Кровотечение я остановил, — произнес Хьерг, глядя почему-то не на меня, а на Золтера, — но в ближайшие дни лучше воздержаться от...

— Сравнений, — сказала я.

— Что? — переспросил целитель, зато брови Золтера сошлись на переносице.

Лично мне было безразлично, что там и куда у него сошлось.

— Сравнить мне было не с чем, — сообщила я, глядя на него. — Но могу сказать, что это было самое отвратительное, что мне довелось испытать.

— Вон.

Последнее относилось к Хьергу, и целитель исчез так быстро, словно в портал шагнул, а не преодолел расстояние до двери, от которой его отделяло футов сорок.

— Я хочу к себе, — сказала я.

— Ты останешься здесь.

— Если я останусь здесь, вы не проснетесь.

Я сказала это совершенно серьезно, и мне даже не стало страшно.

— Значит, я не буду засыпать.

Я смотрела на него, пытаюсь понять, какая странная магия привязала меня к нему. Хотя сейчас мне даже это было безразлично, от потери крови до сих пор кружилась голова и клонило в сон. Правда, сейчас я ясно отдавала себе отчет в том, что рядом с ним не засну. Даже если мне придется постоянно щипать себя за запястье, чтобы не закрывались глаза.

— Вы всерьез считаете, что у нас что-то получится? — спросила я.

Говорить с ним мне хотелось меньше всего, но, наверное, говорить стоило, потому что замолчать я боялась еще больше. Замолчать, свернуться клубком и утонуть в этом чувстве полного бессилия. Что-то похожее я испытала, когда почти потеряла сознание и соскользнула на дно бассейна, не в этот миг, чуть позже — когда меня рывком выдернули на поверхность и подняли на руки. В спальню меня притащил именно Золтер, он же вызвал Хьерга (который почему-то пришел не через портал, а постучал в дверь).

— Разумеется.

Умом я понимала, что в определение «чудовище» он вполне себе вписывается. В ту минуту, когда он ответил: «Разумеется», — спокойно, глядя мне в глаза, я поняла, что чудовищ до этого еще не встречала.

— Верните Амалию в наш мир.

— Она останется в Аурихэйме.

— Вы дали слово. Ритуал состоялся.

— Я сказал, что она не нужна мне, — произнес он. — И что если она не нужна тебе, она вернется в мир людей. Но она тебе нужна, твоя суть отрицает то, что ты останешься здесь одна.

И снова ловушка слов.

Сколько еще раз мне придется в нее попасть, чтобы проверить и взвешивать каждое слово элленари?

Стук в дверь.

Короткое разрешение войти.

— Мой повелитель, — Ньиаехт склонился. — Правитель Золотого двора просит об аудиенции.

— Хьберг.

Я увидела сияние портала за дверью, и целитель снова шагнул в комнаты.

— Останешься с ней, пока я не вернусь. Здесь. Выходить запрещаю.

А вот у него портал почему-то сработал, и когда Ньиаехт прикрыл за собой дверь, я посмотрела в глаза целителю.

— Почему вы открыли портал в коридор?

— Покои его аэльвэрства запечатаны личным заклинанием. Войти сюда можно только с его дозволения и все, что здесь происходит, остается только здесь.

Хорошо, что Льер не слышал меня.

Эта совершенно сумасшедшая мысль пришла в ту минуту, когда взгляд упал на перстень. Вероятно, кто-то из мужчин случайно отшвырнул его ногой, и теперь он валялся в нескольких футах от кровати. Целитель проследил мой взгляд, поднял подарок Винсента и протянул мне.

— Спасибо.

Интересно, как долго мужчина может делать вид, что не знает о случившемся? Особенно если он целитель высшего уровня.

Недолго. Это я выяснила, когда Хьберг все-таки отвел глаза.

— Помогите мне, — тихо сказала я. — Помогите мне отсюда выйти.

Слова просьбы приходилось из себя выталкивать.

— Я знаю, о чем прошу. Но я не могу...

— Аэльвэйн, — меня прервали раньше, чем я бы начала умолять, — у меня есть одна возможность отвести вас в ваши покои, но мне нужно, чтобы вы понимали, о чем идет речь. Целитель дает не только клятву жизни повелителю, которую нельзя нарушить. Он клянется, что спасение жизни первостепенно. Скажите, ваша жизнь зависит от того, останетесь ли вы здесь или вернетесь в свои покои?

Дважды повторять ему не пришлось.

— Я умру, если останусь здесь.

— Моя магия несколько иного рода, — произнес Хьберг, словно извиняясь.

По телу скользнула легкая дымка, и на мне оказалось платье. Больше похожее на нижнее (длинной и плотностью), но мне сейчас было все равно.

— Обопритесь о мою руку, — произнес элленари, откидывая покрывало, и я последовала его совету. Чувствуя себя слабее котенка, поднялась и пошатнулась, но он меня удержал.

Перед глазами то и дело темнело, по телу струился холод, но Хьберг держал крепко. Одной рукой поддерживал за талию, другой сжимал ледяные пальцы. Путь до моих комнат показался невыносимо долгим, но когда я оказалась на кровати, в окружении жизни и цветов, вздохнула с облегчением. Это того стоило, пусть даже босые ноги до сих пор пощипывал холод.

— Я дам рекомендации о том, что вам необходим покой и уединение, — произнес он. — Скажу, что у вас был серьезный приступ.

— Элленари не могут лгать, — напомнила я.

— Ваша просьба была близка к истерике, — хмыкнул он. — Так что лгать мне не придется, но это большее, что я могу для вас сделать.

На миг показалось, что в его словах прозвучало сожаление.

— Вы сделали больше, чем могли, — сказала я. — Спасибо.

А вот теперь изумление. В глазах.

Прежде чем Хьерг успел ответить, пространство раскрыло сияние портала, и в мои покои шагнул Льер.

Мне казалось, что сегодня уже пережила все, что можно, но сейчас под его взглядом снова почувствовала себя обнаженной. Даже под кучей покрывал представила себя с бесстыдно разведенными бедрами, пытающейся сопротивляться и цепляться за бесконечно ускользающее под магией сознание.

— Арка им отказала. — Голос Хьерга вытряхнул меня из странного оцепенения под жестким взглядом. — Но все, что нужно, уже произошло.

— Чудесно.

Что?!

Льер рывком выдернул меня из постели.

— Действуй быстро. Они должны напасть сразу, как только ее не станет.

Целитель кивнул, перед глазами сверкнуло жало клинка Льера. Я не успела даже вздохнуть, когда лезвие по рукоять вошло в грудь... Хьерга. Лицо элленари исказилось от боли и теперь уже настоящего изумления. По краю сознания мелькнула мысль, что ответом на мою благодарность было что-то другое. Мелькнула, и тут же исчезла: рот целителя раскрылся в беззвучном крике. Лицо пошло трещинами, как фреска, мгновение — и иссиня-черный пепел осел на ковер. Горстка тлена (все, что от него осталось), развеялась, когда в нее наступил Льер.

Только сейчас я осознала, что произошло, осознала и забилась в его руках.

— Лавиния! — Даже резкий окрик не привел в чувство, я царапалась, брыкалась, кусалась и билась в стальном захвате. — Лавиния, мне нужно вернуть тебя домой!

Осознание сказанных им слов ударило, как пощечина.

Льер осторожно опустил меня на пол, продолжая удерживать за талию.

— Я не смогу открыть портал здесь, Золтер почувствует межмировой переход, а нам нужно время. Мне предстоит многое рассказать твоему брату. О том, как тебя защитить.

Сверкнула изумрудная дымка, рассекающая пространство.

— Нет! Я не уйду без Амалии, — несмотря на то, что я едва держалась на ногах, голос звучал твердо.

— У нас нет времени.

— Я не уйду без Амалии!

Льер плотно сжал челюсти.

— Когда ты видела ее в последний раз?

— У Арки. Золтер пытал ее. С ней был Ньяаехт.

— Жди здесь, — коротко произнес он, а потом быстро шагнул в портал.

Пространство за ним сомкнулось, а я перевела взгляд на тлен, припорошивший травяной ковер. Льер отбросил кинжал, он валялся под моими ногами (оружие, поразившее бессмертного элленари). Перед глазами то и дело темнело, шум в ушах нарастал, но я все-таки наклонилась, чтобы его поднять. Коснулась рукояти, показавшейся безумно тяжелой. Что это за металл? Мне не доводилось видеть такого раньше, часть сияла, как раскаленное солнце, часть переливалась холодным лунным светом.

Напоминало единение ночи и дня, как то, что мне довелось увидеть у Арки.

Чувствуя страшную слабость в ногах, сильнее сжала кинжал, поднялась.

Как раз в ту минуту, когда портал снова раскрылся, и Льер шагнул в комнату с Амалией на руках. Голова девушки безвольно запрокинулась, руки свисали безжизненными плетями, но грудь тяжело вздымалась. Спасибо, Всевидящий!

— Пойдем, — волны, вспарывающие пространство, подернулись легкой рябью.

Я шагнула к Льеру, но меня отшвырнуло в сторону. Кинжал вылетел из рук, перед глазами на миг потемнело.

— Как. Ты. Посмел.

Это был даже не вопрос, угрожающее шипение. Золтер выступил вперед, хлесткие плети тьмы взвились в воздух, вспарывая пространство, с шипением врезались в серебро защиты Льера.

— Нет! — вскрикнула я. — Не надо!

Он бросился ко мне, но с рук Золтера сорвались хлесткие плети тьмы. Льера отшвырнуло к стене, протащило по полу, я видела, как трескается защита, как истончается серебро и в считанные секунды разлетается осколками брызг. Он едва успел отвернуться, закрывая собой Амалию, когда на него вновь обрушилась смерть. Мундир под магией смерти лопнул, тьма с шипением вгрызлась в спину: совсем как тогда, на площади.

Льер резко обернулся: с искаженным от боли лицом, одной рукой по-прежнему удерживая Амалию. Черная до синевы глубинная тьма обрушилась на правителя Аурихэйма, но цели не достигла.

Магия словно ударилась о невидимый щит, с неслышным воем отпрянула обратно.

— Считал, что способен бросить мне вызов? Мне, мальчишка?! — Голос Золтера был полон холодной ярости.

Тьма подчинялась ему, как живая. Каждая ее частица, частица первозданной магии, была наполнена такой силой, от которой по коже шла дрожь. Мне доводилось чувствовать сильнейшую магию, когда тренировался Винсент, но эти чувства не шли ни в какое сравнение с тем, что сейчас обрело свободу здесь. Невидимые нити пронизывали пространство, заставляя его дрожать натянутой струной от клубящейся страшной силы. Тьма сгущалась с каждой минутой, чувство было такое, что из мира вытянули весь свет и тепло.

Едва восстановившуюся защиту Льера разорвало в клочья, следующий удар опрокинул навзничь. Амалию он по-прежнему закрывал собой, но ладони дрожали. Он пытался подняться, с губ срывались хриплые вздохи.

Золтер едва шевельнул пальцами, и клубы тьмы свернулись удавкой на шее Льера.

Вздохи оборвались.

Я хотела зажмуриться, но не могла. Вся сила, которая змеилась по комнате черной отравой, собралась в смертельной петле, хлынула в нее. Лицо Льера исказилось от боли, грань поглотила цвета.

Ладонью нащупала рукоять кинжала. Дрожь от напряжения, раскрылась на полную, собирая всю магию из своей комнаты. До последней частицы.

Рывком поднялась.

Золтер обернулся в тот миг, когда я обрушила на него корни и выюны, обрывки взметнувшейся из-под ног травы. Они обратились в тлен, едва успев коснуться его аэльвэрства, но удар в грудь вышел точным. Я знала, где сердце, и знала, куда бить, чтобы наверняка. Не то шипение, не то вой обрушились на меня со всех сторон. Лопнула душившая Льера удавка.

Его крик:

— Лавиния, нет! — И обжигающая, раздирающая на части боль в груди слились воедино.

Рукоять кинжала под моими пальцами раскалилась, огонь волос повелителя в миг стал мертвенно-серым, под кожей взрывались темные сосуды. Я увидела, как его аэльвэрство

рассыпается сотней тысяч пепельных хлопьев, которые подхватывает волна магии неслышанной силы. Глубинная тьма схлынула, оставив после себя ледяную дрожь во всем теле и засохшие цветы. Еще несколько секунд они держались, потом посыпались вниз, как истлевшая бумага. То, что было живым навесом, крошкой падало на мои плечи, на лицо, оседало на волосах.

Боль, разрывающая тело на части, стала сильнее.

Льер рванулся ко мне.

И я рухнула ему на руки.

Из темноты я выплывала под голоса: низкий, что-то среднее между ломающимся голосом мальчика и женским, и...

— Да, теперь я могу поклясться, что с ней все будет в порядке, ваше аэльвэрство. Самое страшное позади, ее жизни больше ничего не угрожает.

— Хорошо. Можешь идти.

Я вздрогнула и широко распахнула глаза. Золтер стоял, сложив руки на груди, в двух шагах от моей постели. Женщина-элленари поклонилась и исчезла за дверями раньше, чем я успела ее рассмотреть. Впрочем, сейчас я вряд ли бы стала ее рассматривать, потому что взгляд прочно приклеился к повелителю Аурихэйма.

— Нет, — прошептала я. — Нет. Это невозможно.

— Свою радость принято выражать иначе, Лавиния. — На лице его не дрогнул ни один мускул. — Ты достаточно пробыла в Аурихэйме, чтобы понять, что здесь возможно все.

Я все еще не могла поверить. Глубоко вздохнула, пытаюсь прийти в себя, собраться с силами, чтобы принять это осознание, но внутри меня колотило.

— Ты чуть не умерла, — продолжал он. — Потому что мы связаны.

Отпрянуть я не успела, Золтер указал на руку, на которой пульсировал узор. Пульсация была довольно ощутимой, я не обратила на нее внимания лишь потому, что мне было не до нее.

— Советую учесть это на будущее. Твоя смерть меня лишь временно ослабит, моя — тебя убьет. К твоему счастью, меня не так-то просто убить, девочка.

Я молчала. Просто не знала, что сказать, потому что все случившееся не укладывалось у меня в голове. Несколько коротких (или невыносимо долгих?) дней изменили меня до неузнаваемости, перевернули с ног на голову всю мою жизнь, заставили поверить в тех, кого я считала сказками, вот только сказка эта оказалась страшной. В ней магия жизни давала мне силу, чтобы жизнь отнять. Мужчина передо мной был ожившим кошмаром, и он... он определенно был жив. В отличии от...

— Льер и Амалия? — вырвалось у меня.

Лицо Золтера стало хищным.

— Льер, — произнес он. — Казнен за измену. Лично мной. На месте. Упомянуть его имя я тебе больше не советую. И прежде чем ты совершишь очередную глупость — за все теперь будет платить Амалия.

— Она жива?!

— Пока что. И будет жива, если ты будешь вести себя хорошо.

— Будьте вы прокляты!

— Не стоит это повторять. Особенно после того, что ты сделала, Лавиния.

От того, как он это произнес, внутри шевельнулся страх. Низменный, животный, из тех чувств, противиться которым сложно, когда перед тобой наделенный абсолютной властью тот, чья сила в разы превосходит любую известную и понятную мне магию. В ту минуту, когда я об этом подумала, Золтер шагнул ко мне. Отпрянуть не успела, да и некуда была: за спиной подушки и спинка кровати, впереди — только он.

— Сейчас мне надо уйти, но ты не выйдешь из этой комнаты без моего дозволения. Не сделаешь отсюда ни шагу. Запирать я тебя не стану, но если нарушишь запрет — заплатит Амалия. Если попытаешься что-нибудь сделать с собой — она будет умирать очень долго и очень страшно.

Пальцы скользнули по моему подбородку в ужасной ласке.

— Ты меня поняла?

— Поняла, — ответила холодно.

Зная, что самое последнее, что я могу сейчас сделать — это отвести взгляд.

— Чудесно.

Он отстранился, и, к моему величайшему облегчению, быстро покинул комнату, оставив меня одну.

Это место было мне незнакомо. В иссиня-черный вплеталось серебро, мебель напоминала ту, что вошла в моду в Энгерии пару лет назад. Менее массивная, чем привычная глазу из прошлого века. Мое тридцатилетие пришлось на начало нового века, века слияния магии и прогресса, как называл его мой брат. В нашем мире активно развивалась артефакторика, дирежаблестроение, интеграция магии в научные достижения набирала обороты.

Но я ничего этого не увижу.

В этот момент я осознала это четко, как никогда.

Мааджари стремились к абсолютной власти магии, их последователи в нашем времени хотели воспрепятствовать прогрессу и прогнуть мир обратно, под тяжелую руку аристократов, наделенных силой. Мой брат никогда таким не был, обладая сильнейшей магией, стоя у власти, он никогда не стремился разрушить то, что создают другие.

Мой брат.

Вздрогнула, осознав, что перстень Винсента у меня на пальце. Кратковременное облегчение сменилось воспоминанием о том, кто его мне вернул.

Льер.

«Казнен за измену. Лично мной. На месте».

Эти слова отозвались внутри странной, пугающей пустотой, поэтому я отбросила ее и поспешно поднялась. Поразительно, но голова уже не кружилась, хотя я даже не представляла, сколько времени прошло с той ночи. Сутки? Двое? Неделя? Ответов на мои вопросы не было, только пасмурное бесконечно грозное небо и рассекающие его молнии. Отсюда море было видно лучше, глубину свинцовой воды вспарывало стальное кружево гребней волн.

Как мне бороться за свою свободу и за себя, пока здесь Амалия?

Высота притягивала взгляд. Камень замка уходил вниз, грязно-серый, почти черный, такой же холодный и безучастный, как сердце повелителя Аурихэйма. Впрочем, сейчас я уже сомневалась, есть ли у него вообще сердце. Если принять как данность, что нет, становится понятно, почему он не умер. Бить в пустоту бессмысленно: то, что не существует, нельзя пронзить и уничтожить тоже невозможно.

Поймала себя на том, что кручу перстень: туда-сюда, все сильнее сжимая его дрожащими пальцами. Разбивать зеркала уже вошло в привычку, только на этот раз я запустила в него тяжеленным подсвечником, который стоял на тумбочке у кровати. Осколки брызнули в разные стороны, и пусть в Энгерии это считалось плохой приметой (за каждое разбитое полагалось пять лет несчастья), сейчас это вызвало у меня только смех.

Смех, который я оборвала, зажав руками рот.

Нельзя позволять себе срывать.

Нельзя.

Капля крови — и мир раскрылся, снова впуская меня в жизнь Винсента. На этот раз он стоял в кабинете, который я видела впервые. Кажется, в Энгерию пришла весна: за окном сияло ослепительно-яркое солнце, лучи которого смывали весь холод долгой зимы. Польшало, раскрашенное им, здание центрального банка, на которое словно плеснули свежей краски. Бельта, река, даже летом зачастую «радующая» серой тяжестью, сейчас сверкала как лесной ручей.

— Винс.

— Ваша светлость.

Брат обернулся, встречаясь с цепким пронизывающим взглядом лорда Альберта Фрая. Впрочем, лордом ему недолго осталось быть: за особые заслуги перед отечеством и предотвращение опасного заговора ему скоро даруют земли и титул. Быть теперь лорду графом.

— Ваша светлость, — подчеркнуто вежливо произнес он и поморщился. — Зря ты это затеял. Я обещал, что я ее найду, и я ее найду.

— Ты обещал, что будешь на моей стороне, а потом отправил мою сестру к Эльгеру.

В прошлом лорд Фрай действительно отправил Терезу шпионить за Симоном Эльгером, одним из опаснейших магов. Было это очень давно, но Винсент ему так и не простил предательства. Впрочем, такого я бы тоже не простила.

— Я отправил ее к ее мужу.

И это тоже правда. В те годы Анри работал на вэлейскую разведку. Сейчас он тоже на нее работает, или, если быть точным, она работает на него, потому что он ее возглавляет.

— Еще скажи, что ты руководствовался исключительно благими намерениями, — процедил Винсент.

Определить, когда брат в ярости, труда не составит: его взгляд тяжелеет, а плечи разворачиваются еще сильнее, словно он собирается нападать.

— Мы вам не мешаем? — Голос Терезы раздался так неожиданно, что я вздрогнула.

Поворот головы Винсента, и вот уже я смотрю на нее, на ее мужа и на человека, который стал причиной размолвки Луизы и Винсента. Этот человек — сын Симона Эльгера, самый сильный (не побоюсь этого слова) маг нашего времени, постигший бесчисленное множество тайн и запретных знаний мааджари.

Они с братом смотрят друг на друга, и в воздухе сгущается напряжение.

Лорд Фрай, Тереза, Анри размываются, словно в восприятии Винсента самое главное и самое ненавистное стоит перед ним. Тем не менее именно брат делает первый шаг, приближаясь к нему. По лицу Эльгера сложно что-то прочесть, но он слегка разминает пальцы, как если бы долго держал трость.

— Чтобы сказать что-то конкретное, — наконец, произносит он, — мне нужно увидеть комнату, из которой ее забрали.

Тишина становится еще более напряженной.

А потом брат протягивает ему руку.

Из сна меня выдернули так же резко, как из кресла. Последнее я поняла, оказавшись лицом к лицу со злющим, как стадо демонов, его аэльвэрством. В жизни не видела, чтобы Золтер так раздувал ноздри, у него разве что глаза темнели до смертельных глубин, и не уверена, что иносказательно. Это я тоже осознала спросонья, какой-то задней мыслью, как и тот факт, что вглядевшись в мое лицо, меня поставили на ноги, и что до этого я болталась в воздухе в его руках.

— Что это значит? — ледяным тоном поинтересовалась его аэльвэрство.

— Что именно? — уточнила я, глядя ему в глаза.

Перед тем как заснуть в кресле (упаси Всевидящий заснуть в кровати, а потом обнаружить рядом его даже случайно), я для себя решила, что не позволю страху взять надо мной верх, что не сдамся и продолжу искать. Не представляю, на что способен Эльгер, но если существует способ помочь моим родным вытащить меня отсюда, сидеть сложа руки я не имею права. Да и в конце концов, что мне тут еще делать? Страдать по безвозвратно утраченной невинности и считать дни до той минуты, когда Золтеру вздумается повторить?

— Это, — он указал на разбитое зеркало. — Мне кажется, или я говорил, что за все глупости платить будет Амалия?

Какое-то время я смотрела на него, пытаюсь понять, о чем он вообще говорит, потом до меня дошло. По всей комнате были разбросаны осколки, на одном (который подчиняясь движению его руки взмыл в воздух и застыл рядом с нами) — моя кровь. Учитывая, что когда засыпала, я сползла пониже, чтобы не так болела спина, а руки вполне могли соскользнуть с подлокотников, со стороны это выглядело... так, как выглядело.

— Вы что, решили, что я собираюсь свести счеты с жизнью? — холодно поинтересовалась я.

— Я спросил, — жестко произнес он, — что все это значит.

— Зеркало разбилось. Я поранилась, — хмыкнула я и отвернулась.

Точнее, попыталась отвернуться, но мне не позволили. Перехватили пальцами за подбородок, разворачивая мое лицо к себе и вглядываясь так пристально, что я почувствовала себя обнаженной. Во всех смыслах. Несмотря на данное себе обещание, сейчас мне отчаянно хотелось спрятаться, и не только потому, что от прикосновения-клейма по телу разливался огонь. Меньше всего мне сейчас хотелось, чтобы Золтер узнал про брата и про Эльгера.

Он ведь не может читать мои мысли?

Или может?

После чудесного воскрешения я не представляла, на что еще способны элленари, поэтому уже ничему не удивилась бы. Поэтому смотрела ему в глаза, а внутри дрожала, как натянутая струна. Поэтому мысленно глубоко вздохнула, когда он меня отпустил.

— Тебе принесут обед и одежду, — последовало очередное сообщение в приказном тоне. — Потрудись съесть все, служанка останется с тобой и за этим проследит. Равно как и за тем, чтобы ты выпила восстанавливающее зелье.

— Как трогательно, — заметила я. — А если не потружусь?

В ответ меня наградили убийственным взглядом, и я прикусила язык. Будь я здесь одна, мне было бы гораздо легче, но я была не одна. Золтер развернулся, чтобы уйти, и я сжала кулаки.

— Я могу увидеть Амалию?

— Не сегодня.

— Сегодня. Я должна убедиться, что с ней все в порядке.

Он обернулся. Резко.

— Мне кажется, или я говорил тебе, что она жива?

— Слово «жива» мне ни о чем не говорит. Особенно из ваших уст.

Вот теперь глаза у него потемнели.

— Вместе с одеждой тебе принесут ее, — сообщил он. — Если ты так желаешь ее увидеть.

Я похолодела.

— Что скажешь, Лавиния?

— Я вас ненавижу.

— Вполне ожидаемо. Сегодня вечером ты нужна мне здоровой и полной сил, поэтому ты поешь и выпьешь зелье, — он шагнул ближе. — Чуть позже за тобой придут, чтобы проводить ко мне, и мы отправимся на охоту.

— Куда? — уточнила я.

— Тебе незнакомо слово «охота», Лавиния?

— Вы окончательно сошли с ума?! — выдохнула я. — Я — маг жизни, и точно не собираюсь смотреть, как вы кого-то убиваете!

— Маг жизни? — элленари приблизился так быстро, что я не успела отпрянуть. Перехватил мои руки, вжимая ладонь в ладонь. — Не так давно ты вонзила кинжал мне в грудь.

От его близости и прикосновений, больше похожих на ласки тисков наковальни, по телу шли волны ненавистной мне дрожи.

— Ты убила бы меня, девочка. Без малейших сожалений. — Золтер прижал мои ладони к своей груди, и от удара в них я вздрогнула, потому что он отозвался во мне, и на миг в темных глазах я увидела свое отражение. Странное чувство оборвалось, когда он резко меня оттолкнул: — Считай эту охоту своим наказанием.

Элленари вышел так быстро, что я не успела даже ответить, а впрочем, ответить мне было нечего.

Что из себя представляет охота, я знала только по книгам и рассказам некоторых джентльменов (с которыми, впрочем, предпочитала далее не иметь дел). Брат никогда не благоволил этому времяпровождению: не столько из уважения к моей магии, сколько потому, что не видел смысла загонять априори более слабое существо. Да, у Винсента было море недостатков, но бессмысленно жестоким назвать его было нельзя.

В отличие от Золтера.

Впрочем, о чем это я. То, что для меня жестокость, для элленари просто стиль жизни.

Как выяснилось, «проводить к нему» означало не в покое, а к месту сбора, и я мысленно вздохнула с облегчением. Не представляла, что буду делать, когда снова там окажусь. События ночи, когда не состоялась наша свадьба, сейчас казались далекими и размытыми, словно в тумане, и мне хотелось, чтобы так и оставалось дальше. Хотя бы первое время.

Сколько у меня этого времени, я не знала.

В нашем мире за заговор против короны полагается смертная казнь, в мире элленари тоже.

Почему я до сих пор жива?

Глубоко вздохнула, стараясь справиться с чувствами; бесшумно ступающая рядом девушка вопросительно взглянула на меня. Она назвалась Лизеей, и судя по заостренным ушам и разрезу глаз, тянущемуся к скулам, хотя бы наполовину точно была элленари. Тем не менее я не увидела в ней превосходства, ни разу не услышала от нее слова «смертная».

— Вас что-то беспокоит, аэльвэйн? — Лизея все-таки решила нарушить молчание.

Меня много что беспокоит.

— Нет, все чудесно.

Губы вспыхнули, дыхание перехватило, а перед глазами на миг потемнело. Я даже замедлила

шаг, но все прошло так же мгновенно, как началось.

— Хорошо, — девушка заметно повеселела. — Его аэльвэрство будет доволен.

Тем, что у меня все чудесно? Сомневаюсь. Сомневаюсь, что он вообще бывает доволен.

— Вы восхитительно выглядите, — тем временем продолжала она, пока мы шли по бесконечным коридорам, затянутым холодом смерти.

Наверное, я бы с ней согласилась, если бы не настроение под стать мрачным, давящим стенам. Охота представлялась мне чем-то мерзким и невыносимо жестоким: смотреть на то, как загоняют, а потом убивают живое существо — это не для меня. Поэтому когда Лизея помогала мне одеться (к моему величайшему счастью, без магии элленари), и делала прическу (уже при помощи магии), я решила просить Золтера о другом наказании. Сама мысль о том, чтобы о чем-то его просить казалась ужасной, но еще ужаснее представлялось то, в чем я должна была принять участие.

Я действительно могла его убить, и я действительно сделала это. Тот факт, что он остался жив, не отменял того, что я била прямо в сердце, но тогда я действовала на инстинктах. Защищая себя и Амалию... Льера.

Льер участвовал в заговоре против Золтера, который должен был его уничтожить, и для этого нужно было уничтожить меня. Хьберг был с ними заодно, поэтому привел меня в мои покои, где меня собирались убить.

Льер собирался меня убить, но в самый последний момент передумал.

Почему?

— Вам очень идет персиковый. Он вас освежает, — снова напомнила о себе Лизея.

— О да. На нем чудесно будут смотреться кровь и грязь, — хмыкнула я.

Девушка опустила глаза, а мне стало стыдно. В конце концов, она не виновата в том, что со мной происходит, и уж точно не виновата в том, что Золтеру вздумалось нарядить меня в амазонку цвета весеннего бутона. В этой ткани, невероятно мягкой и легкой, я действительно ощущала себя цветком, на который (стоило нам выйти во внутренний двор), уставились все элленари.

Точнее, все те, кому предстояло принять участие в охоте, и я расправила плечи. Тот факт, что здесь нельзя показывать свою слабость, я уяснила практически сразу, поэтому сейчас стряхивала с себя надменные взгляды, как мишуру. Золтер стоял в самом центре живого коридора: приблизившись к нему, я почувствовала взгляд Ирэи. Полный такой обжигающей ненависти, что горло сдавило от ее тьмы.

Лизея, к моему невероятному удивлению, просто отступила в сторону толпы, и высокий элленари мгновенно схватил ее за руку, притягивая к себе и впиваясь поцелуем в чувственный рот.

Не первая странность и не последняя.

— Мне нужно с вами поговорить, ваше аэльвэрство, — заявила я, когда приблизилась. — Наедине.

Помимо Ирэи в непосредственной близости от Золтера отиралось еще много элленари, среди которых женщин было гораздо больше чем мужчин. Одна из них, с волосами цвета воронова крыла, так напоминающих цвет волос Льера, неприязненно взглянула на меня и отвернулась.

— Все, о чем ты хочешь спросить, ты можешь спросить в присутствии моих подданных.

— Я пришла просить отменить мое наказание.

Вот теперь черноволосая элленари снова вцепилась в нас взглядом: пожалуй, больше в Золтера, чем в меня. И не она одна, многоголосье мигом сошло на нет, я почувствовала, как нас накрывает вниманием собравшихся.

Полог безмолвия тишиной лег на плечи: такое мне довелось испытать впервые. В том, чтобы набросить полог на комнату, не было ничего странного, но в том, чтобы запечатать под ним двоих посреди переполненного двора — удивительное мастерство.

— Что ты себе позволяешь? — резко произнес он.

— Не больше и не меньше, чем мне позволяете вы, — заметила я. — Вы же просили спрашивать при всех.

— Твое наказание останется прежним, девочка, — это прозвучало холодно. — И если ты вздумаешь выкинуть что-нибудь еще, к нему добавится новое. Не заставляй меня проверять, сумеешь ли ты его выдержать.

Перед глазами вспыхнула картина случившегося в его покоях. Вспыхнула слишком ярко, отодвигая на второй план всех собравшихся и предстоящую охоту.

— Зачем я вам? — выдохнула, с трудом справляясь с нахлынувшими чувствами. — После того, как Арка нам отказала...

— Зачем — решать только мне, — в меня вонзился кинжал его взгляда. Скользнул по коже, заставляя чувствовать его холод, словно рассекая пуговицу за пуговицей и обнажая. Вопреки всему я вспыхнула, как от опасной близости огня.

— Понравилась игрушка, ваше аэльвэрство? — спросила, чувствуя, как ногти до боли впились в ладони.

— Игрушек у меня достаточно, Лавиния. — Он взглянул на черноволосую, которая с показным безразличием смотрела в другую сторону, хотя явно была не против подслушать наш разговор. — Ты — моя пленница.

Он снова шагнул ко мне вплотную, провел пальцами по щеке. На глазах у всех.

— Вспоминай об этом всякий раз, когда вздумаешь показать характер.

От прикосновения или, скорее, от воспоминаний о других, отпрянула, вырываясь из-под полога в возобновившийся шум голосов. Золтер вскинул руку, и толпа взвыла, шарахнулась в стороны. С лязгом и скрежетом поднялась тяжелая решетка, с глухим хрустом вышли из земли вонзавшиеся в нее пики. Прежде чем я успела вздохнуть, из тьмы коридорного зева с криками рванулись оседланные животные. Из-под копыт летел гравий, над крыльями клубилась иссиня-черная тьма. Морды напоминали лошадиные, но вместо гривы по всей поверхности шеи бугрились шипы.

Элленари подхватывали уздцы прямо на лету, вскакивая на недовольных чудовищ.

Одна за другой темные тени взмывали в небо.

— Руку, Лавиния, — произнес Золтер.

Прямо на нас стремительно летел огромный жеребец (или как еще можно назвать это существо). В провалах черных глаз клубилась тьма, и когда Золтер одним движением перехватил поводья, меня подкинуло в воздух. В следующий миг мы уже взлетели, от размаха широких крыльев перехватило дыхание.

Где-то в стороне прозвучал дикий, режущий слух звук, напоминающий помесь сорвавшегося со струн смычка и воя животного.

Охота началась.

Я не любила конные прогулки. В отличие от Терезы, которая обожала умчаться в грозу под свист ветра в ушах, я больше любила ходить пешком: чувствовать, слушать и созерцать. Впрочем, полет на крылатом звере вряд ли можно было назвать конной прогулкой, а к свисту ветра в ушах сейчас добавлялись диковатые вопли элленари, доносящиеся сквозь звучание горна. Спустя пару мгновений к нему добавился не то рычание, не то вой, и вслед за нами хлынули псы, от одного вида которых меня замутило. Огромные оскаленные пасти (по две на одну голову) были вытянуты, кожа собиралась складками, полностью лишенная шерсти, короткие, мощные крылья, хвосты увенчаны шипами.

Куда мы летим, я понятия не имела, и даже сквозь бешеное биение сердца чувствовала близость сидящего за моей спиной мужчины. Поводьями он легко управлял одной рукой, и существо, как бы оно ни называлось, подчинялось ему беспрекословно. Вторая рука лежала на моей талии как влитая, создавалось такое чувство, что проще уронить небо на землю, чем разъединить нас. В этом стремительном полете мы и правда стали одним целым: особенно когда глаза ослепила яростная вспышка, и прямо перед нами раскрылся огромный портал.

Первым в него ворвались мы с Золтером: ворвались, чтобы оказаться между высоченных скал. У их подножия раскинулась деревушка, если можно так назвать двенадцать рядов покосившихся домишек, относительно похожих на человеческие. Окон в них не было, а двери напоминали замковые решетки, почему-то раскаленные докрасна. Внимание привлекла постройка, стоящая в центре площади. Из густой трубы валил дым, даже сквозь плотные каменные стены и окружающий нас шум доносился странный, звенящий звук.

— Здесь живут наши кузнецы и их семьи, — сообщил Золтер достаточно громко: часть его слов попытался унести ветер, — здесь же создается все оружие элленари.

Я чуть было не спросила, зачем элленари вообще оружие, если их невозможно убить, но поняла, что этот вопрос может стоить мне жизни.

— В том числе закаленные антимагией цепи, — добавил он. — Находясь в которых любой элленари испытывает жуткие мучения.

Вот, собственно, и ответ.

— Не думала, что антимагию возможно укротить, — бросила я.

— В мире смертных нельзя, — последовал ответ, и мне захотелось подрезать крепление седла.

В конце концов это тоже стоило бы мне жизни, но летело бы его аэльвэрство красиво, вниз головой, на глазах у своей придворной стаи.

Тем временем деревушка осталась за спиной, мы углубились в скалы. Я уже почти привыкла к тому, что Аурихэйм — мир, подчистую лишенный силы природы, но такое странное место видела впервые. Скалы острыми пиками вырастали прямо из земли, одиночные, острые, злые, стремящиеся пронзить грозящее молниями небо.

Мимо пронеслась Ирэя на огненно-рыжем жеребце (для себя я решила пока называть этих животных знакомым родному миру определением). Алые волосы вспарывали черно-белый пейзаж, обжигали пеструю беснующуюся толпу, а когда псы всем скопом устремились за ближайшую гряду, я с ужасом поняла, что они взяли след.

— Если тебе станет легче, — неожиданно сообщил Золтер, направляя зверя вперед и вверх, — бьйрэнгалы — дикие и очень опасные твари. Они перелетные, перемещаются с места на место и способны уничтожить целую деревню или даже город простых элленари, если нападут стаей.

— Это повод их травить?

— Это повод быть безжалостными.

Продолжить наш разговор мы не успели: справа, из-за остроконечной верхушки прямо над нами взметнулся зверь размером с дога или даже с дикую кошку. Впрочем, дикую кошку он больше всего и напоминал: алые, как кровь, глаза, с вертикальным зрачком, такое же безволосое туловище, как у псов, ободок шипов, защищающий шею. Шипы были и на спине, и на крыльях, мощных и сильных. Он метнулся на нас стрелой, выпущенной из арбалета. Когти я отметила мельком, в дюймах от лица, когда несущий нас зверь, подчиняясь руке Золтера, резко ушел в сторону.

Я едва успела перехватить брошенные мне в руки поводья, когда перед глазами мелькнуло лезвие кинжала. Один короткий замах — и вопль раненого зверя, ударил по нервам. Б'йрэнгал отпрянул, пытаясь удержаться на одном крыле (второе Золтер просто рассек), и рухнул вниз. Черная свора метнулась за ним, многоголосьем заглушая то, что я не хотела слышать.

Точно так же, как не хотела слышать звучащий из-за спины голос:

— Ты можешь отпустить поводья, Лавиния.

Я швырнула ему их в руки и отвернулась, стараясь смотреть на безучастный камень скал. В ушах до сих пор звучал вой зверя, от которого все внутри сжималось.

— Ненавижу вас, — прошептала я. — Как же я вас ненавижу!

И не успела отпрянуть, когда свободной рукой мое лицо развернули к себе, впиваясь болезненно-жестким поцелуем мне в губы.

От неожиданности ворвавшейся в жесткую реальность яростной ласки задохнулась, широко распахнула глаза. Чтобы обжечься о глубокий, почерневший до темноты взгляд, упереться ладонями ему в грудь, попытаться отпрянуть.

Золтер не отпустил, сильнее вжимая меня в себя. Губы горели огнем, и огонь с них распространялся по телу, заставляя теряться в ледяных порывах ветра и этом сумасшедшем поцелуе. Только когда сзади донесся чей-то голос, я почувствовала свободу.

Если можно так выразиться.

Губы по-прежнему полыхали, крики раненых зверей, вой псов, ор охотничьего рога и торжествующие голоса элленари сливались воедино.

— Да, — хрипло произнес он, облизывая губы. — Ты умеешь ненавидеть, Лавиния.

Я вспыхнула.

— Если выбирать между вами и падением на камни, я выберу вас.

— А как же гордость леди Энгерии?

Он что, издевается? Очень похоже на то.

Голодный взгляд. Очень голодный и злой: невозможно даже представить, что под ним скрывается.

— Гордость хороша, но жизнь я ценю больше, — отвечаю я и отворачиваюсь.

Узор, привязавший меня к нему, пульсирует, отзываясь дикой, чуть ли не болезненной жаждой. От этого меня трясет, а еще трясет от мысли, что я сижу к нему слишком близко, и могу чувствовать его желание.

Чтоб его разорвало!

Впрочем, когда яростный крик переходит в жалобный, я зажимаю уши и закрываю глаза. Мне нельзя показывать свою слабость, но я не могу на это смотреть. Не хочу этого слышать, но не чувствовать не могу. Все мое существо противится тому, что здесь происходит, и если Золтер действительно хотел для меня наказания, лучше он придумать не мог.

Когда мы наконец опускаемся, меня трясет. Сильные руки ставят меня на землю, надо мной раздается голос:

— Открой глаза, Лавиния.

Я открываю, и смотрю только на него. Смотрю, чтобы не смотреть по сторонам, дышу глубоко, но голос все равно кажется сорванным и хриплым.

— Уберите руки, — говорю еле слышно. — Если вы притронетесь ко мне сейчас, вам придется меня убить, потому что я за себя не отвечаю.

Странное дело, но он меня все-таки отпускает.

— Далеко не отходи, — следует приказ.

Мне хочется плюнуть ему в лицо, вместо этого я разворачиваюсь и просто иду сквозь ряды элленари. Одежда в разводах, на лице брызги крови, возбуждение и азарт бьются о камни, бурлят горной рекой. На меня особо никто не смотрит, но сейчас меня это полностью устраивает. Хрустят под копытами камни, хлопают мощные крылья коней, слышатся крики-ржание.

Я подхожу к скале, зубцами вырастающей в небо, касаюсь ладонью гладкого камня.

Мне нужно найти способ достучаться до Эльгера или до брата. Вот только как? Аурихэйм не откликается на магию смертных.

Эту мысль перебивает яростное рычание, вой, а следом — тонюсенький, жалобный писк. Не совсем отдавая себе отчет в том, что делаю, срываюсь и бегу на него, вдоль скалы. Дыхание сбивается, ветер отбрасывает волосы назад, когда я вылетаю прямо на свору псов.

Бьйрэнгал, скорее всего, самка, рывками отбрасывает назад загоняющих тварей, которых привела охота. У нее уже разодран бок, задняя лапа волочится по острым камням, а у скалы, сжавшись в комок, ошетилившись, дрожит... детеныш. Именно до него пытаются добраться псы, потому что самка уже проиграла.

— Пошли вон! — ору я. — Вон! Вон! Вон!

Магия вспарывает пространство, я помню, что так делать нельзя, что всегда надо контролировать расход сил, но сейчас обрушиваю всю свою силу на псов. С визгами и воем, они шарахаются назад, бросаются врассыпную. Кошка показывает зубы, рычит.

— Я не причиню тебе вреда, — говорю я.

Остаюсь на месте, пытаюсь справиться с силой, бушующей внутри. Магия жизни только кажется легкой, на самом деле — это буйство природы, укротить которое очень сложно. Именно поэтому магов жизни перво-наперво учат держать себя в руках, и только потом допускается первая практика. Винсент учил меня очень долго, именно благодаря ему мне сейчас удается восстановить дыхание и контуры силы.

Из-за спины раздается яростное:

— Сдохни, тварь! — И метко брошенный кинжал ударяет самку бьйрэнгала в грудь в ту самую минуту, когда та взлетает в броске.

— Нет!

Кошка падает в камни и пыль, а я оборачиваюсь: за моей спиной стоит Ирэя.

— Зачем?!

— Она бы убила тебя, — элленари цедит слова. — Но по этому поводу я вряд ли особо расстроюсь. На самом деле я просто хотела, чтобы ты это увидела.

Ее глаза сверкают, волосы (один в один как у Золтера), бьются на ветру алым пламенем. Расстояние до меня она преодолевает в несколько резких шагов, останавливается, и детеныш с утробным рычанием прыгает на нее. Элленари рывком выдергивает кинжал, замахивается, и я бросаюсь вперед. Накрываю котенка собой, но в миг, когда сталь должна обжечь кожу, ничего не происходит. Поднимаю голову, оборачиваюсь: занесенную для удара руку сжимает Золтер.

— Потрудись объяснить, — говорит он, — что здесь происходит?

Говорил он с ней, но смотрел на меня. Так, словно требовал объяснений: за то, что вытащил сюда, за то, что заставил меня на это смотреть. Все это всколыхнуло в груди такие темные чувства, что вряд ли я сумела бы их обуздать.

— Твоя шлюшка, — процедила Ирэя, отменяя мой смертный приговор, — решила поиграть в спаси...

Договорить она не успела: черная петля захлестнула ее шею, вздернула наверх. Раздались крики — изумленные, возбужденные, громкие — к нам стянулись все элленари, которые отправились на охоту.

— Ваше аэльвэрство. — От толпы отделился высокий темноволосый элленари. Кажется, именно он целовал Лизею, но я была не уверена, отметила только, что над его бровями тоже узор, знак принадлежности к высокому роду. — Ее аэльвэйство сказала правду. Смертная отозвала псов, она остановила...

— Молчать.

Короткий рубленый приказ прозвучал, как удар хлыста. Ирэя билась в смертельных путах, пытаясь вырваться, хрипела.

— Тот, кто еще хотя бы раз посмеет пренебрежительно отозваться об аэльвэйн Лавинии, — сказал Золтер, — будет казнен. Тебя это тоже касается, Ирэя.

Плеть тьмы растаяла в воздухе, и кузина его аэльвэрства рухнула с высоты пяти футов прямо в пыль. Сейчас мне даже жаль ее не было: возможно, именно потому, что рядом с ней лежала убитая ей кошка, детеныш которой яростно шипел, вздыбив короткую шерсть.

— Она остановила охоту, Золтер, — процедила Ирэя, пальцы ее сжались, собирая в горсти мелкие камни. — Она не имеет права, и ты это прекрасно знаешь. Это ты ей тоже спустишь? Тоже накажешь кого-то другого, как тогда наказал Льера за один поцелуй?!

— Замолчи, Ирэя. — Его голосом можно было убивать.

— Я не стану молчать! — Глаза рыжей сверкнули. — Ты убил его! Из-за нее! Из-за тебя он погиб, слышишь?!

Она швырнула в меня горсть колючих камней, которые не достигли цели: ударившись о сорвавшийся с руки Золтера странный иссиня-черный щит, рассыпались прахом.

— Арестуйте ее аэльвэйство, — коротко произнес Золтер. — Она будет наказана за неподчинение прямому приказу до первого слова.

Ирэя широко распахнула глаза, но к ней уже шагнули элленари. В мундирах, точь-в-точь похожих на мундир Льера. В этой пестрой толпе они смотрелись чернильными кляксами; стоило им приблизиться, как рыжая отпрянула.

— Сама пойду, — прошипела она. Вскочив на ноги, метнула на меня ненавидящий взгляд, шагнула к толпе.

— Аэльвэйн Лавиния, — жестко произнес Золтер, протягивая мне руку.

— Надо его добить. — Кто-то кивнул на детеныша бьйрэнгала, который подошел к матери и лизал ее в морду.

Как ни странно, ни слова Ирэи про Льера, ни приказной тон Золтера, ни все эти собравшиеся жадные до потехи нелюди не сумели выдернуть меня из оцепенения, в котором я оказалась, а эти слова — смогли. Я подхватила выпавший из рук Ирэи кинжал и взметнулась ввысь. Оттолкнув руку его аэльвэрства, шагнула вперед, закрывая малыша и его мертвую мать.

— Тот, кто попытается к нему приблизиться, должен будет перешагнуть через меня.

Толпа застыла, когда ко мне подошел Золтер. Одним движением перехватил мою кисть и вывернул так, что пальцы разжались сами собой. Металл звякнуло о камень.

— Никогда не поднимай оружие, если не в силах его удержать.

Оттеснил меня в сторону, рывком поднял шипящего котенка за шкуру.

— Не надо, — прошептала я. — Не надо. Пожалуйста.

Золтер метнул на меня убийственный взгляд, после чего резко развернулся к толпе.

— Здесь только я решаю, — произнес, вскинув руку с отчаянно верещавшим зверенышем, пытающимся извернуться и зацепить его когтями или зубами, — кто будет жить, а кто умрет.

Выкрикнувший призыв добить под его взглядом попятился, элленари склонили головы.

— Возвращаемся, — коротко произнес он, кивнул в сторону, откуда пришла я и куда увели Ирэю.

Толпа хлынула между скал, звереныша Золтер сунул в руки первому попавшемуся элленари, как выяснилось, прислужнику.

— Отмоешь и принесешь мне. Целым и невредимым.

Тот склонил голову, покрытую короткой разноцветной шерстью, и попятился. Спиной, продолжая удерживать котенка за шкуру и морщась от того, что защитные шипы б'йрэнгала впивались в кожу шестипалой ладони.

— Руку, — последнее уже относилось ко мне. — Немедленно. Ты сегодня достаточно испытывала мое терпение.

Достаточно испытывала?!

Я?!

— Вы притащили меня сюда, — с трудом, из последних сил сдерживая клокочущие в груди чувства, ответила я. — Притащили на эту охоту, прекрасно представляя, что это для меня значит. Вы хотели для меня наказания?! Что ж, вам оно удалось!

Я не повышала голоса, но смотрела ему в глаза, хотя давно уже поняла, что ничего человеческого в них никогда не найду.

— Вы заставили меня смотреть на всю эту боль и смерть, заставили меня ее чувствовать, — вся моя годами возвращаемая выдержка трещала по швам, — вы хоть представляете, каково это? Чувствовать смерть, будучи жизнью?! Что вы чувствуете сейчас, ваше аэльвэрство?

Мне казалось, что он и сейчас ничего не ответит, но Золтер неожиданно вплотную шагнул ко мне.

— Боль, — произнес он, глядя мне в глаза. — Я чувствую твою боль, Лавиния.

Я не успела больше сказать ни слова, когда меня подхватили на руки, и под сотнями хлынувших на нас взглядов шагнули сквозь толпу.

Обратно возвращались уже в темноте: здесь, в Аурихэйме ночь падала на мир в одно мгновение, накрывая его собой. Вряд ли сейчас для меня имело значение времени суток, я не слышала даже биения собственного сердца. Зато биение сердца Золтера — отчетливо, как набат. Он по-прежнему прижимал меня к себе, а я не находила даже сил вырваться.

Сколько себя помню, я никогда не была сильной. Никогда не считала себя такой, эту характеристику всегда примеряла на себя Тереза. Но Тереза такой и была, яростной, жесткой и непримиримой, готовой бросить вызов всему миру. Она была влюблена в магию, практиковалась в заклинаниях, самых разных — от простых плетений до боевых, постигала глубины некромагии и мечтала о том дне, когда сможет открыто использовать свою силу. Увы, в Энгерии женщин-магов не поощряли. По большому счету, их особо не поощряли нигде, но в нашей стране особенно.

Я же никогда не стремилась постичь больше, чем мне давал Винсент. Должно быть, природа моей магии была не такой агрессивной, напротив — мягкое и плавное течение жизни, не подразумевало ярких силовых заклинаний и погружений в глубину по самую макушку. Мне всегда казалось (возможно, отчасти из-за матушкиного воспитания), что магия — не самое главное в жизни, что главное в жизни — это жизнь. Любовь к ней.

Любовь.

И вот теперь, когда моя любовь, пусть даже оставшаяся в прошлом, к Майклу, оказалась фальшивкой, а сама я оказалась в мире, где любви места нет, во мне не осталось сил даже чтобы оттолкнуть мужчину, которого ненавижу и презираю. Это было дико, но единственная близость и намек на заботу отзывались во мне щемящим, давно забытым чувством.

Тепло.

В Аурихэйме не было тепла. В Золтере не было тепла. Ни в одном из элленари, с которыми я общалась, тепла не было — разве что поверхностный интерес. Не только ко мне, временами у меня создавалось чувство, что они живут, потому что не могут умереть, что их сила и власть — просто бремя, которое на них свалилось по праву рождения. Может быть, так оно и было, а может быть, нет, но я не могла их понять.

Кроме разве что Льера... отчасти.

В нем я видела проблески того, что принято называть человечностью. Возможно, именно они спасли мне жизнь, но ему они жизнь не спасли, и теперь я понимала, почему. В мире элленари нет места слабостям. Никаким.

Глухой пружинящий удар стал для меня неожиданностью: оказывается, погруженная в собственные мысли я не заметила ни портала, ни обратного путешествия. Конь сложил крылья, и Золтер спешил первым, после чего протянул мне раскрытую ладонь. Я предпочла спуститься с другой стороны, пусть даже для этого пришлось ухватиться за поводья. Впрочем, тут же за это поплатилась — он обошел зверя и снова подхватил меня на руки.

— Странные у вас игры, ваше аэльверство, — заметила я.

— Я уже говорил, что ты для меня не игрушка.

Говорил, но в прошлый раз это звучало иначе. Если честно, я и впрямь не понимала, к чему это все: показать свою власть надо мной? Ему не надо ничего показывать, его слово — непреложный закон для любого элленари. К чему были эти слова: «Я чувствую твою боль?»

— Мне бы хотелось идти самой.

— Не сегодня.

Я хмыкнула.

— Что-то не так, Лавиния?

— Вашими устами это звучит как «никогда».

Впрочем, сейчас я была счастлива даже тому, что за спиной остался внутренний двор и охота, ударившая по мне больше чем все, что ей предшествовало. Осталась за спиной и

бесчисленная свита, и главнокомандующие, которые незримо присутствовали среди нас. Псы, которых я отогнала от кошки с детенышем, и...

— Могу я увидеть Амалию?

— Не сегодня.

— Вы это уже говорили.

— Все, о чем ты собираешься меня попросить — не сегодня.

— А завтра, значит, да?

То ли во мне не осталось сил бояться, то ли усталость вытряхнула все чувства, но сейчас я испытывала только нездоровый азарт. Хотя, пожалуй, еще и желание причинить ему хотя бы капельку такой боли, которая заставит его почувствовать себя живым. Понять, что это такое вообще — чувствовать.

— Завтра будет завтра.

Клубящиеся вдоль стен вьеррахи шипели, стелились у его ног, пока мы шли по коридорам. Золтер же шел так, словно нес на руках не меня, а какое-то перышко, которое с легкостью можно стряхнуть и столь же легко поднять.

Наверное, практика была хорошая.

По крайней мере, пока меня несли через весь двор, я чувствовала исходящее от женщин-эленари раздражение, а в глазах черноволосой, которая запомнилась мне еще до охоты читалась с трудом сдерживаемая досада.

Несмотря на все, сейчас я даже склонна была с Золтером согласиться. С тем, что завтра будет завтра, разумеется: все, чего мне хотелось сейчас — это смыть с себя пыль и лечь спать. Завтра я смогу подумать о том, как мне попасть в библиотеку, завтра я буду думать о том, как помочь Винсенту и Эльгеру. Сейчас же мне просто хотелось остаться одной. Обхватить руками подушку, закрыть глаза и хотя бы на время сна забыть об Аурихэйме.

Возможно, мне даже приснится Мортенхэйм и родные. Хотя здесь мне не снилось ничего... или я просто об этом не помнила.

— Доброй ночи, ваше аэльвэрство, — пожелала я, когда меня, наконец, поставили на ноги в моей спальне.

Золтер приподнял брови, и я поняла, что ляпнула. Ну да, воспитание в панталоны не запихнешь, как сказала бы Тереза, а когда ты уставшая и сонная, держаться все сложнее и сложнее.

— Что-то не так? — я приподняла брови. — Или вас смущает банальная вежливость?

— Меня смущает твое состояние, Лавиния.

С губ сорвался смешок.

— Неужели?

Вместо ответа он указал мне в сторону ванной.

Надо же! Мы с ним сегодня на удивление совпадаем.

— Мне не потребуется помощь Лизеи.

— Я не собирался приглашать к тебе Лизею.

Теперь уже брови приподняла я.

— Потому что я останусь с тобой, — сказал он и направился к дальним дверям, расстегивая мундир.

При мысли о том, что мне придется остаться наедине с ним, о том, что он снова ко мне прикоснется (разумеется, прикоснется, а как же иначе), горло сдавил спазм. Я застыла на месте, глядя ему в спину. В себя пришла только когда мундир отправился на кресло, на то

самое кресло, в котором я сегодня заснула. Точнее, где меня сморил сон, потому что до этого я делала все, чтобы не заснуть.

— Пойдем, Лавиния. — Золтер обернулся и протянул мне руку.

Лишь усилием воли я заставила себя остаться на месте.

— Нет.

— Нет? — он прищурился.

— Когда я говорила, что мне не нужна помощь Лизеи, я подразумевала, что хочу остаться одна.

Вместе с воспитанием во мне выросло умение держать лицо даже в самых диких ситуациях, должно быть, именно поэтому сейчас мой голос звучал так решительно.

— Сегодня ты одна не останешься. Пойдешь сама или тебе помочь?

— Вам недостаточно того, что случилось вчера?

Он шагнул было ко мне, но остановился.

— Вчера?

Вчера, позавчера... я понятия не имела, сколько была без сознания, сколько времени прошло с той минуты. Сколько бы ни прошло, в памяти оно отпечаталось так, будто это случилось несколько мгновений назад.

— В этом дворце полно желающих провести с вами ночь, — сказала я. Лед в голосе позволял удержать готовую просочиться в него дрожь. — Или вы настолько пресытились, что получаете удовольствие исключительно когда женщина сопротивляется?

В меня ударило холодом. Глубинным, животным, давящим, не оставляющим ни малейших сомнений, что он рожден в самом сердце Смерти и Тьмы. Его глаза стали настолько темными, что по сравнению с ними даже на черном полотне можно было отыскать самые разные оттенки.

— Повтори, — негромко произнес он. — Что ты только что сказала?

— Вы меня прекрасно слышали, — я отвела руки за спину, чтобы сцепить пальцы. Держаться мне было больше не за что: в этой спальне не осталось даже вьюнов и зелени, к которым я могла бы обратиться за помощью. — И у меня убедительная просьба, ваше аэльвэрство. Оставьте меня одну. Сейчас же.

Золтер шагнул вперед так стремительно, что у меня перехватило дыхание. Отпрянув, зацепилась каблуком за порожек, с которого не так давно спустилась, я бы упала. Если бы он не перехватил меня за талию. Короткий и вместе с тем невыносимо долгий взгляд камнем упал на самое дно сердца.

— Ты должна была понять, что мои приказы не оспариваются, — жестко произнес он.

— Я не ваша подданная.

— Сейчас ты на моих землях. И будешь подчиняться законам Аурихэйма.

— В Аурихэйме есть законы?

Тьмы в его глазах стало еще больше, но вместо ответа меня развернули лицом к дверям.

— Ванная комната, Лавиния. У тебя есть пять минут, чтобы раздеться. Самостоятельно.

Понимая, что говорить нам с ним больше не о чем, стряхнула его руки и направилась к двери. Сама мысль о том, чтобы раздеться, когда он здесь, была невыносимой, но я все-таки запечатала себя за дверью. Потянулась к воротнику амазонки, и поняла, что не смогу. Просто не смогу заставить себя даже избавиться от обуви, не говоря уже о чем-то большем.

Пять минут.

На что?

Огляделась: эта комната (похоже, в Аурихэйме они были при каждом покое) больше напоминала ту, что были мне знакомы по родному миру. Тяжелые ножки поддерживали ванную, достаточно большую, чтобы в ней разместиться с комфортом. Многочисленные полочки с пузырьками и мыльными шариками. Полотенца.

Здесь даже туалетный столик напоминал о том, какой был у меня в Мортенхэйме, и кресло, придвинутое к нему — тоже. Поразительно, разве что цвет другой: насыщенно-синий со сталью вместо кремовой парчи и золотистых вкраплений. Почему-то именно это стало последней каплей.

Опустившись в кресло, я закрыла лицо руками, стараясь не думать про дом. Про то, что мне сегодня пришлось пережить. Про кошку, которую убила Ирэя, про кричащего в руках Золтера детеныша, про оскаленные морды псов. Когда-то, когда я была совсем девчонкой, а Луиза была в Мортенхэйме всего лишь гостьей, она вывела погулять своего дога, Арка, во внутренний двор. Правда не подумала о том, что неподалеку конюшни и псарня, и что собаки не потерпят чужака.

Разумеется, на них напали: я увидела это из окна коридора, по которому шла. И, не задумываясь, бросилась во двор, чтобы отогнать свору.

Луиза не почувствовала моей силы, потому что с магией была на «вы», а я умудрилась простыть. Потом меня лечил Винсент, лечил с помощью магии армалов, и, хотя я задыхалась от кашля, я знала, что все будет хорошо. Потому что рядом со мной брат, и потому что я спасла Луизу и Арка, развернув псов с наших конюшен.

Первая горячая капля упала мне на манжет.

Вторая осталась на ладони, скользнула по запястью под рукав.

Что стало с третьей, я уже не почувствовала, потому что за моей спиной открылась и снова закрылась дверь.

Отведенные мне пять минут истекли.

А.О.

Пять минут он оставил себе.

Потому что рвущаяся изнутри тьма грозила обратить в тлен все, что его окружало, а Золтеру не полагалось испытывать таких чувств. По большому счету, ему тоже не полагалось, но справиться с чувствами рядом с ней у него не получалось никогда. С той самой минуты, когда он увидел ее впервые, а может быть, с той, когда его ладонь впервые легла ей на талию, чтобы вести в танце.

Леди Лавиния Биго должна была послужить совершенно иной цели, и вовсе не той, которую готовил для нее Золтер. Ее смерть должна была ослабить его, а после справиться с ним было бы делом времени... если бы не одно «но». Помешательство, имя которому Лавиния.

Сумасшествие, наваждение, Льер и сам не мог подобрать определение тому, что испытывал к ней. Ее магия оказалась сильнее, чем кто-либо мог представить, она вырывалась из-под его чар так отчаянно, что мгновения промедления могли стать для него роковыми. И тогда он сделал единственное, что пришло в голову, единственное, опасное и запретное — он ее поцеловал.

В мире смертных поцелуям давно перестали уделять должное внимание, но в Аурихэйме они по-прежнему имели силу. Поцелуй для элленари — своего рода обряд, подтверждение серьезных намерений, обещание, чаще — брачная клятва. Поцелуй при должном ответе связывает двоих неразрывной нитью до самого благословения у Арки. Не зря армалы использовали его для скрепления брачного договора, для них эта магия была сильнее клятвы крови.

Он не ожидал, что она сумеет разрушить наваждение чар элленари и ответит, но она ответила.

Золтер об этом не знал, иначе убил бы ее раньше, чем назначил ему наказание. Потому что

начиная с этой минуты ни одно предназначение уже не имело смысла, Арка не подтвердила бы этот союз не при каких обстоятельствах, пусть даже небо рухнуло бы на землю. Потому что, сама того не зная, своим ответом Лавиния выбрала его.

Это не отменяло их с Золтером связи: узор мьерхаартан, который Льер в точности скопировал себе на предплечье, так или иначе привязал Лавинию к повелителю. В мире смертных этот узор назвали бы помолвочным, за счет связующей пары магии он заставлял будущих супругов испытывать влечение друг к другу.

Мысли об этом сводили с ума.

Равно как сводили с ума мысли о том, что случившееся после Арки было против ее воли. После того, как Хьерг подтвердил их близость, внутри словно опрокинулась чаша с раскаленным металлом. Он никогда не думал, что способен на такие чувства — ярость, безумная, выжигающая, осознание того, что Лавиния все-таки поддалась магии узора и Золтера. А потом... просто всадила кинжал ему в грудь.

Что способно заставить мага жизни убить?

Тогда Льер думал, что знает о ней все.

Тогда, как и в самом начале, он ошибался.

Лавиния сидела у зеркала, закрыв руками лицо, но стоило ему войти, отняла ладони и выпрямилась. Глаза блестели от непролитых слез, и ему снова захотелось выпустить тьму. Разрушить этот замок до основания, обратить в тлен каждую башню за все, что здесь с ней случилось.

Впрочем, начать в этом случае стоило бы с себя.

Она не сказала ни слова, но взгляд, ударивший в него через зеркало, был более чем говорящим.

Она его ненавидела.

Точнее, она ненавидела Золтера, и винить ее за это было бы странно.

— Я распоряжусь, чтобы к тебе прислали Амалию, — сказал он.

Все слова казались лишними, неестественными, жуткими, а эти почему-то дались невыносимо легко. Лавиния явно готовилась сражаться, поэтому сейчас только плотно сжала губы. Короткое мгновение замешательства в глазах снова сменилось холодом неприступной крепости, он же не мог отвести взгляда. Так случалось всякий раз, когда он на нее смотрел: в глубине этих глаз, насыщенно-зеленого, как весенняя трава, цвета, билось само средоточие жизни.

Теперь Льер уже не представлял, как можно было столь хладнокровно обсуждать убийство этой женщины.

Впрочем, когда они его обсуждали, он ее не знал.

Знал только ее имя, но это не имело значения, потому что имени у средства не бывает.

— Нет.

Ответ оказался неожиданным, и он вздернул бровь.

— Ты просила об этом.

— Я сама не знала, о чем прошу. Сегодня мне действительно лучше ее не видеть.

Амалия.

Еще одна причина, за что Лавиния могла бы ненавидеть уже его.

Когда эта девчонка ворвалась в комнату, Льер о ней вообще не думал. Просто прихватил с собой, потому что мог.

Смертная, одной больше, одной меньше.

К тому же она могла бы скрасить последние дни Лавинии в Аурихэйме, но обернулось все совершенно иначе.

— Сегодня тебе лучше не оставаться одной, — ответил он.

— Насколько я понимаю, это мне не грозит. Вы все равно собираетесь скрасить мой вечер своим присутствием.

Эти слова отозвались такой неприязнью, что ему стало не по себе. Несмотря на то, что в зеркале отражался вовсе не он, ударило именно по нему.

Не только в зеркале.

И это очень кстати, потому что ему нужно оставаться тем, кто он есть.

— Верно, — произнес Льер. — Но сейчас мне нужно уйти, поэтому с тобой останется Амалия. Или Лизея. Выбирай.

Она вскинула брови, словно хотела съязвить, но ответила коротко:

— Амалия.

— Замечательно. — Он не удержался от того, чтобы коснуться ее плеч, но Лавиния тут же напряглась, и руки пришлось убрать.

Еще один короткий взгляд, который почти добрался до сердца. Это «почти» Льер отсек, развернувшись резче, чем планировал. И поспешно вышел, оставив ее одну.

— Они — чудовища. Чу... довища. В... все до еди... ного. — Амалия продолжает икать, но хотя бы больше не рыдает.

Вместо того, чтобы принимать ванну, в ванну я усадила ее, сама же после наскоро смыла с себя пыль и прополоскала волосы. В комнате, когда мы вышли, остался всего один халат, в халате Амалия сейчас и сидела. Бледная, с расширенными на пол-лица глазами, покрасневшими от слез. Мне пришлось ее обнять и немного воспользоваться своей магией, чтобы она хоть чуть-чуть успокоилась. С той минуты, как ее привели, девушку колотило безостановочно, что касается меня, я думала о странностях Золтера.

Должна была думать о другом, но думала о нем и о его поведении.

Парадокс.

— Они же не отпустят нас, — глубоко вздохнув, Амалия крепче прижалась ко мне. — Не отпустят... что с нами будет, леди Лавиния? Мы умрем...

Кажется, ее истерика зашла на второй виток, поэтому мое:

— Нет, — прозвучало гораздо резче, чем я хотела.

Амалия икнула и уставилась на меня.

— Нет, мы не умрем, — повторила уже спокойнее. — Если бы нас хотели убить, мы бы уже были мертвы.

— Но...

— Амалия.

Мне пришлось снова чуть раскрыться, и тепло, окутавшее девушку, заставило ее глубоко вздохнуть. Она зевнула, потягиваясь.

— Я бы так хотела остаться с вами...

Вот. Это уже лучше.

— Тебе лучше поспать, — сказала я, помогая ей устроиться на постели.

— Но вы же не позволите им причинить мне вред? — В глазах снова вспыхнула искра страха. — Особенно ему.

— Нет. Не позволю.

Я укрыла Амалию одеялом и держала ее руку до тех пор, пока девушка не соскользнула в сон. После чего потеряла виски: да, что ни говори, а утешительница из меня сейчас так себе.

Когда ее ко мне привели (спустя несколько минут после ухода Золтера), в первый миг я испытала облегчение: жива. Только когда Амалию затрясло крупной дрожью, я поняла, что облегчение было преждевременным. Не все измеряется жизнью и смертью, хотя для меня в последнее время стало именно так. Она содрогалась даже когда я усадила ее в ванную и наполнила теплой водой. Даже когда позволила остаткам силы течь сквозь меня, за что сейчас и расплачивалась.

Голова снова кружилась, мысли отказывались собираться воедино, но я все-таки отошла к креслу и устроилась в нем. Глядя на пляшущее в глотке камина пламя, усмехнулась. Раньше я бы до такого даже не додумалась: нагой завернуться в покрывало и разгуливать по комнате, но поскольку халат был один, выбирать особо не приходилось. Благо, здесь было тепло.

Глаза закрывались сами собой, и я подперла подбородок рукой. Потом второй, подобрала под себя ноги.

Что ни говори, а Золтер вел себя более чем странно. Сначала вытащил меня на охоту, потом нес на руках. Сказал, что с Амалией я не увижусь, но вот она уже спит в постели, подложив ладонь под щеку, светлые волосы разметались по подушкам.

Не сказать, что его поступки всегда отличались логикой, и, если уж быть до конца

откровенной, его поступков я чаще всего вовсе не понимала, но... это «но» не давало мне покоя, хотя я даже себе толком не могла объяснить, почему. В конце концов просто решила его дожидаться и действовать по обстоятельствам.

Пламя в камине плясало свой вечный танец, и миг, когда соскользнула в сон, я упустила. В себя же пришла от того, что взмыла ввысь, и холод скользнул по обнаженному плечу.

— Кажется, я прислал ее для того, чтобы она помогла тебе.

Стоило немалых усилий не начать вырываться, особенно когда меня прямо в покрывале устроили на том месте, где только что была Амалия.

— Ей помощь была нужнее, чем мне.

— Эта девчонка ни на что не годна.

— Вы сделали этот вывод до или после того как заставили ее корчиться от боли?

Темные глаза сверкнули.

— Тебе доставляет удовольствие меня провоцировать?

— Рядом с вами мне ничего не доставляет удовольствия, раз уж вы спросили.

Его пальцы сжались с такой силой, что я услышала хруст.

— Ты собираешься спать, Лавиния? Или ждешь, пока я лягу рядом с тобой?

— Только об этом и мечтаю, — огрызнулась.

Он подался вперед, и я мысленно вздрогнула. Видимо, не только мысленно, или что-то отразилось в моих глазах, потому что по его губам змеей скользнула улыбка.

— Мечты имеют свойство сбываться.

Мысли о том, что Золтер ведет себя странно — вот что действительно странно. Он просто сама последовательность... в своих безграничных желаниях!

— Доброй ночи, — процедила я и накрылась одеялом.

— В прошлый раз твое пожелание было более искренним.

— Тогда я была не в себе.

Отвернувшись так, чтобы уже наверняка его не видеть, закуталась в одеяло плотнее, но сон все равно не шел. Так бывает, когда его перебьешь громким голосом или просто кошмаром. В моем случае кошмар сидел за моей спиной, и уходить с пробуждением не собирался. Внутренне напряглась, когда услышала шорох одежды и глухой звук, еще больше, когда кровать прогнулась под его весом.

Рывком отодвинулась как можно дальше, но рука элленари властно легла мне на талию, возвращая назад.

— Ты сама отказалась от халата, Лавиния.

Покрывало, в которое я закуталась, оставалось единственной преградой между нами.

Несущественной: по коже легко прошлись пальцы. От кромки волос, вдоль позвоночника, по обнаженному плечу. До боли сдавила руку с клятым узором, словно могла выдрать его из себя. Сердце колотилось так, что я едва могла вдохнуть, от двойственности нахлынувших чувств (желания вырваться и бежать как можно дальше, пусть даже в таком виде, или... податься назад) потемнело перед глазами.

В ту же минуту Золтер убрал ладонь с моего плеча.

Хотя талию не отпустил.

— Я не трону тебя, — его дыхание скользнуло по шее, и меня затрясло. От близости этого мужчины, от того, как я на нее отзывалась.

— Отпустите, — выдохнула хрипло.

Но добилась только того, что меня крепче прижали к себе.

— Пока сама не попросишь.

От абсурдности подобного заявления я даже забыла о том, что он меня обнимает.

— Это будет последнее, о чем я вас попрошу.

— Посмотрим, — короткое прикосновение губ к шее заставило вздрогнуть. — Спи.

Короткое слово окутало мороком чар, и в следующий миг я уже провалилась в сон.

Эту часть парка я знала, как свои пять пальцев: там, где заканчивались лабиринты живой изгороди, начинались высокие деревья, цветение которых по весне заставляло мое сердце восторженно замирать. Нежные лепестки, подхваченные порывами ветра, оседали на плечи, благоухание цветов отзывалось во мне ни с чем не сравнимой радостью. Находясь здесь, я чувствовала себя в своей стихии: даже несмотря на фонтан и беседки, напоминавшие о прикосновениях человека к природе.

Прислонившись к дереву, положив руку на огрубевшую теплую от солнца кору, я чувствовала под ладонью движение жизни. Оно втекало сквозь мои пальцы, прокатывалось через меня и возвращалось к дереву. Быть единым целым с природой, чувствовать себя частью всего живого — наверное, это и есть любовь. Наслаждаясь легкими порывами ветерка, играющего моими волосами, закрыла глаза.

Я знала, что стоит мне обернуться — и сквозь раскидистые ветви, тянущиеся к земле и сплетающиеся друг с другом, я увижу Мортенхэйм. Мне нельзя было надолго отлучаться, но если я немного постою здесь, ничего страшного не случится, правда?

— Случится, Лавиния. — Голос матушки заставил вздрогнуть.

Но... как?!

— Я же говорила, что вам нельзя использовать магию. Предупреждала, что не стоит погружаться в то, о чем вы не имете ни малейшего понятия.

— О...

— Смерть и жизнь — две стороны одной медали. — Она шла ко мне такой, какой я ее запомнила. По крайней мере, старалась сохранить в памяти: невысокая, с расправленными плечами, обманчиво хрупкая леди Илэйн Биго. Волосы уложены в аккуратную прическу, строгое платье по энгерийской моде облегает тонкие плечи и стан, как у девушки. Она сохранила свою красоту до последнего дня, даже будучи вдовой и перешагнув черту определенного возраста. Ни у кого никогда язык не повернулся бы назвать ее старой.

— Я не понимаю.

— Теперь уже слишком поздно.

Ветер сделался злым и колючим, очередной порыв ударил с такой силой, что я вскрикнула. Сорванные листья заметались в воздухе, рассыпаясь гленом, и на моих глазах матушка тоже обратилась в прах. Вместо знакомого мне парка в Мортенхэйме теперь я стояла в лесу, где мертвая тишина давила на плечи.

— С-с-смерть... смерть будет повсюду, — шипели окружавшие меня тени, и на моих глазах лес чернел, а за ним простиралась выжженная пустыня.

— Нет! — вскрикнула я, попятилась, и... оказалась в руках стоявшего за спиной мужчины.

— Думаю, вы не будете против, что я нарушил ваше уединение. — Голос показался знакомым и незнакомым одновременно. Резко обернувшись, я оказалась лицом к лицу с Эльгером.

Красоту этого мужчины сложно было назвать красотой: при всей внешней привлекательности черты его сохраняли нечто неуловимо хищное и опасное. Взгляд серых глаз казался стальным.

— Жуткая жуть, — сообщил он, движением руки отбрасывая картину, заставляющую меня

внутренне содрогаться. Мы снова оказались в парке Мортенхэйма под яркими солнечными лучами, разве что птицы больше не пели, а кружение опадающих лепестков казалось диким в этой пугающей тишине.

— Прошу прощения, но у меня нет времени на реализм. Мне нужно понять, как вы оказались в Аурихэйме.

От неожиданности я не нашлась даже что ответить. Как он понял, что...

— Быстрее, леди Лавиния. Я искал вас везде, и не уверен, что эта грань продержится долго, пусть даже во снах стираются все границы.

— Он забрал меня, потому что ему нужен был от меня ребенок, — выдохнула я.

— Он?

— Золтер. Его аэльвэрство. Повелитель Аурихэйма.

— Это надолго. Лучше покажите мне все, что с вами случилось.

Возразить мне не позволили, и в залитый солнечным светом парк Аурихэйма хлынули совсем другие образы. Пронзающие небо молнии и комната, оплетенная цветами. Вошедший Золтер, глядящий на меня сверху вниз. Наказание Льера, мой крик, когда я рванулась сквозь чары и оказалась рядом с ним. Магистр красоты, свадебное платье, обжигающая боль в ушах. Льер и Ирэя, сдавившая грудь ревность, мысль: «Да чтоб ты провалилась», — и раскрывшийся под элленари портал. Арка. Крики Амалии. Сбивающееся дыхание, и...

— Нет! — Я рывком вышвырнула Эльгера из собственных мыслей, и оказалась лицом к лицу с ним. На сей раз не в парке, вообще нигде, в абсолютной тьме.

— Зря вы так, — глухо произнес он, контуры его лица и фигуры стремительно теряли резкость, словно Эльгер становился призраком. — Но все, что нужно, мы уже увидели. Ищите любое упоминание о вашей семье.

— О семье? Зачем о семье?! — я шагнула к нему, словно это могло остановить ускользающий сон.

— Вы создали два портала, Лавиния.

— Моя магия меняется в мире элленари...

— Это кто вам сказал?

— Хьберг, и...

— Элленари.

— Элленари не лгут.

— Они просто не говорят всей правды. — Голос Эльгера становился все тише, темнота поглощала его так стремительно, что спустя миг я уже смотрела в пустоту. — Все ответы в упоминаниях вашей семьи, где бы они ни были...

Шагнула на то место, где только что стоял он, чтобы ухватить тающий шепот:

— Меняется не ваша магия. В этом мире меняетесь вы...

— Месье Эльгер! — крикнула в отчаянии.

— И нам нужно понять, почему. Это — ключ к вашему возвращению...

Последнее слово напоминало шипение виеррахов, и меня вытолкнуло из сна. В комнату, где я вчера засыпала с Золтером, и где сейчас была совершенно одна.

Помогать мне снова пришла Лизея, служанки принесли светло-желтое платье, в котором его аэльвэрство пожелал видеть меня сегодня. На платье я едва взглянула, а вот на девушку, управляющуюся с моими волосами с помощью магии, смотрела уже внимательнее. Элленари, и, судя по всему, не из бедного рода, если присутствовала на охоте. Непонятным оставалось только то, почему у нее на лице нет узора, как, скажем у той же Ирэи.

— Вы что-то хотели спросить, аэльвэйн Лавиния? — она посмотрела мне в глаза.

Ее были пронзительно-голубыми, как небо или лесной лунник под кистью любящего яркий цвет художника, а волосы напоминали серебряные нити.

— Почему ты мне помогаешь?

— Потому что я нэвересс.

— Нэвересс?

— Изгнанница. Отлученная от рода. — Она сказала это как бы между прочим, но голос все-таки дрогнул. — Его аэльвэрство согласился принять меня ко двору, только поэтому я до сих пор жива.

— Подожди, — я внимательно на нее посмотрела. — Когда это произошло?

— Вчера, — Лизея пожала плечами. — Я согласилась вам помогать, потому что он спас мне жизнь, но после того, что случилось на охоте, я бы согласилась помогать вам просто так. Это было смело.

— И никаких предубеждений против смертных? — я невольно приподняла бровь.

— В каждом из смертных магов есть далекая частица крови элленари. Наверное, за это вас и ненавидят так яростно. За то, что в ваших руках сила, которой могли распоряжаться только мы.

Лизея вернулась к прическе, а я вернулась к своему странному сну. Эльгер сказал искать упоминание о семье, но как оно может помочь моему возвращению не озвучил. Впрочем, у меня была возможность попытаться узнать это с помощью перстня, поэтому первым делом с утра я «отправилась» к Винсенту. Чтобы ничего не найти: брат был в Парламенте. Парламент — это надолго, поэтому я решила снова попытаться вечером. Наверняка он будет встречаться с Эльгером или хотя бы обсуждать с кем-то то, что Эльгер передал мне.

Но Аурихэйм... Эльгер так спокойно отреагировал на мое признание, как будто знал чуть больше, чем остальные. Впрочем, знания мааджари всегда были за семью замками, а тех, кто имел к ним доступ, считали опасными и потенциальной угрозой. Как бы там ни было, во всем этом мне еще только предстояло разобраться, и разобраться как можно скорее, потому что вчерашний вечер мне совершенно не нравился. Не нравилось, что я тянусь к Золтеру, хотя должна всеми силами его избегать, и совершенно точно не нравился Золтер, который меня обнимает.

Вот только знать бы, как во всем этом разобраться.

Магия Аурихэйма не откликается на магию смертных, но Эльгер сказал, что я меняюсь. Значит ли это, что я смогу воспользоваться библиотекой?

К сожалению, я не успела об этом подумать: в дверь постучали. Лизея быстро закрепила последнюю прядку и скользнула встречать нарушивших наше уединение, а я оглядела себя в зеркале. Никаких внешних изменений не заметила, разве что выглядела еще более молодой, чем когда только оказалась здесь. За последнее время у меня не было желания себя рассматривать, но сейчас с удивлением отмечала, что Аурихэйм словно стер несколько прожитых лет.

По-хорошему, после такого приема я должна была выглядеть ужасно, но я расцветала.

Осознание этого оказалось настолько неожиданным, что я не сразу услышала голос Лизеи.

— Аэльвэйн Лавиния, — повторила она, когда я натолкнулась на ее взгляд в зеркале. — Его аэльвэрство желает вас видеть.

Ну еще бы он не желал.

— В зверинце. Он говорит, что вы нужны Винсенту.

— Что?! — должно быть, изумление в моих округлившись глазах было настолько ярким, что элленари поспешно добавила:

— Так называли детеныша б'йрэнгала.

По коридорам я шла быстро, элленари едва за мной попевала. Не позавидовала бы я сейчас виеррахам, рискнувшим оказаться у меня на пути, но они не оказывались. Стелились по полу и вдоль стен полупрозрачными тенями, из-за чего создавалось чувство, что мрамор и камень живые (как бы странно это ни звучало).

Новый поворот вывел нас в крыло, где мне раньше бывать не доводилось. Лестницы здесь были узкими и разветвлялись таким лабиринтом, что без сопровождения знающего можно было заблудиться и сгнуться. Гобелены и фрески, то и дело мелькавшие перед глазами, изображали могущество Смерти и Глубинной Тьмы. На одних раскрывались магические ловушки, превращающие врагов в горстки праха, на других через призму самой страшной магии мир представлял бесцветным выжженным покрывалом.

Да, если ты вырос в такой обстановке, сложно остаться нормальным.

Об этом я подумала, когда вышли во внутренний двор, ничем не напоминающий тот, где мы собирались на охоту, и где устраивались развлечения вроде публичных наказаний. Он был чуть меньше, высота башен почти закрывала небо, из-за чего стрелы молний казались оборванными нитями. На самом веру переливался серебристой паутиной щит некромагии, растянутый над двором.

— Это необходимая мера, — пояснила Лизея, проследив мой взгляд. — В зверинце... не всегда бывает спокойно.

Я не стала уточнять, зачем содержать зверинец, в котором не всегда бывает спокойно: странности элленари уже давно пора переставать считать странностями. Тем не менее от хлынувшего на меня многообразия животных чувств на миг потемнело перед глазами. Рычание, вой, крики и клекот, шипение, скрежет — все это смешалось в такой безумный коктейль, что мне пришлось остановиться, чтобы перевести дух.

Животные бились, запертые в камне темниц, и пусть их тюрем я пока не могла видеть, я слышала и чувствовала каждое яростное отчаяние, дикую злость, агрессию или молчаливое смирение.

Мы с Лизеей шагнули в арку, которая сейчас не была запечатана решеткой, и оказались напротив двух охранников. Мощного телосложения, отдаленно напоминающие людей (в два человеческих роста, широкие бугры мышц и серо-зеленая кожа). Несмотря на это, их защищали доспехи, в руках они держали булавы, увенчанные шипастыми шарами размером с голову. Судя по всему, зачарованными, потому что между шипами то и дело проскальзывали опасные искры тьмы.

Лизея прошла мимо них в широкий коридор, протянувшийся бесконечной вереницей дверей, запечатанных магией.

— Нам сюда.

Небольшое ответвление, несколько футов камня, иссиня-черное пламя факелов, дверь.

Больше всего комнатуха, в которой мы оказались, напоминала лабораторию. Бесчисленные полки с колбами и склянками, металлический стол, возле которого стояли Золтер и существо, едва достававшее ему до пояса. Лысая голова собиралась складками, а вот на ушах, торчащих перпендикулярно голове, рос легкий пушок.

Стоило войти, взгляды элленари устремились на нас, но они меня мало интересовали.

Гораздо больше интересовал котенок, которого я пока не видела, но чувствовала. Смесь отчаянного, дикого страха и ярости. Готовности биться за себя до конца.

— Не бойся, малыш.

Я раскрылась, потянулась к нему магией, осторожно коснувшись страха, сглаживая его.

— Вам нужна помощь, аэльвэйн Лавиния? — Голос у коротышки в белом халате был квакающим, высоким.

— Мне нужно, чтобы все посторонние вышли.

— Мы хотели определить его к самке б'йрэнгала, она у нас тут давно... но я побоялся, что она его сожрет. Для них поедание себе подобных в порядке вещей, — пробормотал он.

— Выйдите.

Голос Золтера прозвучал резко, и коротышку словно ветром сдуло. Вслед за ним вышла Лизея.

— Вообще-то я имела в виду всех, — сказала я.

— Я тебя с ним не оставлю.

— Бойтесь, что игрушку поцарапают? — я сложила руки на груди. — Как вам вообще пришло в голову назвать его Винсентом?!

— Мне показалось, что имя ему подходит. — Лицо элленари по-прежнему оставалось бесстрастной маской.

— Вам показалось. Его нужно отсюда забрать.

— Он останется здесь.

— Почему?

— Он опасен.

— Вы тоже. Но себя вы почему-то в клетку не сажаете, — хмыкнула я, и, прежде чем его аэльвэрство успело сверкнуть глазами, добавила: — Ему нужна тишина, покой и любовь. В животном мире все взаимосвязано, каждая боль каждого живого существа, любой страх, агрессия или радость воспринимаются как собственные. Он не придет в себя в зверинце.

— И что ты предлагаешь, Лавиния?

— Пусть живет в моих покоях.

— Это исключено. Воспользуйся магией и достань его из норы.

— Из норы?!

— Да. Он прогрыз себе ход, пока Бурф готовил стол для обследования...

— Что он сделал?!

— Когда б'йрэнгал напуган, состав его слюны изменяется. Он способен разгрызть камень и любой металл, за исключением зачарованного. Бурф забыл об этой особенности, поэтому упустил мелкую тварь. Куда он заберется дальше, где застрянет или к кому выпадет, мы не знаем.

От такой перспективы я мысленно содрогнулась, но тут же взяла себя в руки. Я почувствовала его, а значит, котенок не успел далеко уйти...

Да, котенок.

Котеночек.

Который способен прогрызть камень.

Как бы там ни было, он все равно маленький, и он напуган.

Я подтянула стоявший поблизости стул и села. Прикрыла глаза, позволяя магии течь сквозь меня и тянуться к рычащему от страха детенышу. Где-то там, в этих стенах... Тепло прокатилось от кончиков пальцев сквозь ладони, разошлось по плечам и груди. Давно я не чувствовала себя настолько хорошо, как сейчас: магия жизни разогрела не только меня, но и все, к чему прикасалась.

Я почувствовала, как где-то справа притихло беснующееся существо, как страх б'йрэнгала тает, как он тянется к странному и непонятному источнику тепла.

Да, вот так.

Иди ко мне, мой хороший.

Не знаю, сколько прошло времени, пока я услышала скрежет коготков и шуршание. Открыла глаза и увидела малыша, стоявшего в нескольких футах от меня. Складчатые веки на миг сомкнулись, потом распахнулись во всю ширину, открывая огромные алые глаза. Я осторожно спустилась со стула, запечатала магию и протянула котенку руку.

Он не двинулся с места, просто повел носом, словно принюхиваясь, после чего попятился. Отступил к стене, где превратился в едва различимый комочек, сгусток напряжения и недоверия. Не отпуская моего взгляда, сел. И замер.

До той минуты, когда к нему шагнул Золтер.

Резко, одним движением б'йрэнгал подскочил и зашипел, обнажая мелкие клыки.

— Назад, — скомандовала я.

Тихо, не повышая голоса, и меня полоснуло раздражением.

— Ты мне приказываешь?

— Понимайте, как умеете. Вы попросили меня его вытащить, и сейчас я занимаюсь именно этим. Сделайте доброе дело, хотя бы не мешайте!

Поскольку смотреть на Золтера у меня желания не было и поскольку я по-прежнему сидела, сейчас видела только начищенные сапоги и брюки. Что меня определенно обнадеживало, дальше он не двинулся, и когда б'йрэнгал это понял, шипение прекратилось. Он снова собрался в комок у стены и тоненько вздохнул.

— И сколько ты собираешься так сидеть? — раздалось раздраженное сверху.

— Сколько потребуется.

— Почему ты просто не воспользуешься магией?

— Просто магия не способствует доверительным отношениям, — ответила я. — Если вы хотите, чтобы он к вам пошел, это нужно заслужить.

Очень скоро я поняла, что сидеть на корточках — занятие неблагодарное. Б'йрэнгал по-прежнему жался к стене, готовый защищаться, и я села на пол, подтянув колени к груди.

— Ты что устроила, Лавиния?! Поднимись и садись на стул.

— Мне нужно быть на одном уровне с ним.

— Пол холодный.

Да правда что ли?!

— Принесите мне подушечку, — огрызнулась я.

Как ни странно, подушечку и правда принесли, а еще одеяло, миску с водой, миску с молоком и что-то более серьезное съестное для котенка (из чего я сделала вывод, что его аэльвэрство не безнадежно, или по крайней мере, не настолько безнадежно, каким хочет казаться).

Б'йрэнгал к еде не притронулся, разве что немного попил, не сводя настороженного взгляда с меня и с того, кто торчал на уровень выше, после чего отполз обратно к стене. Ближе к обеду еду принесли уже нам, но мне не очень хотелось есть. То ли завтрак был плотным, то ли обстановка не способствовала (я не представляла, что здесь делают с животными и для чего этот кабинет). Можно было спросить у Золтера, но что-то мне подсказывало, что ответ мне не понравится, поэтому я предпочла молчать, заедая тишину удивительно вкусной булкой.

— Тебе надо поесть, Лавиния.

— Я не хочу.

— Я сказал: тебе надо поесть. — Золтер поставил поднос прямо передо мной. — Или ты хочешь вернуться к себе?

Нет, к себе вернуться я не хотела, поэтому подтянула поднос и стала есть. Суп отдаленно напоминал те, которые мне доводилось пробовать раньше: густо-черного цвета, с какими-то тонкими солеными пластинами, мягкими от воды. Я как раз поднесла очередную ложку ко рту и чуть не подавилась, когда Золтер сел рядом. Скрестив ноги, взялся за свой обед с таким видом, как будто его аэльвэрству было не привыкать кушать в зверинце на относительно чистом каменном полу.

— Что вы задумали? — поинтересовалась я, когда обрела дар речи и когда у меня закончился суп.

— То же самое я хотел спросить у тебя.

— Детеныш напуган, у него погибла мать. Ему нужно понять, что ему ничто не угрожает.

Сидеть с ним на полу было не то чтобы странно... нет, все-таки странно. Ничего более странного в Аурихэйме со мной еще не случилось. Пока.

— И когда он это поймет, ты...

— Я заберу его с собой.

Золтер приподнял брови: крайне выразительно, надо сказать. Как у него это получилось, я не представляю, потому что раньше величайшим выражением эмоций был повелительский гнев. И тот выражался в черных глазах и клубящейся тьме, сейчас же на его лице отразилось что-то человеческое, если можно так выразиться.

— Ты думаешь, я тебе это позволю?

— Если вы забрали его, если оставили в живых, если позвали меня, чтобы я его вытащила, то да. Вы мне это позвольте.

— Он опасен.

— Даже когда чувствует себя хорошо?

— Нет, когда чувствует себя хорошо, не опасен.

— Значит, я сделаю все, чтобы он был счастлив.

И снова это странное выражение, совершенно не вяжущееся с выражением лица мужчины, который заставил Амалию корчиться от боли. Впрочем, я действительно не знала о нем ровным счетом ничего, и слова Лизеи о том, что он принял ее, отвергнутую родом и умирающую, тоже с тем образом не вязались.

— Почему Лизея умирала?

Золтер медленно повернулся ко мне.

— Она тебе об этом рассказала? — В его голосе звучало удивление.

— Разумеется. Откуда еще я могла бы об этом узнать?

Он помолчал, но потом все-таки ответил:

— Нэвересс — отвергнутых родом элленари, иногда награждают проклятием. Метка изгнанницы ставится на того, кто разочаровал родителя или мужа, после чего элленари вынуждают покинуть родные земли. Чем дальше он или она от них удаляются, тем хуже себя чувствуют, и в конце концов умирают. Зависит от силы вложенной в метку магии. Снять ее может только очень сильный элленари.

Пару минут я моргала, пытаюсь осознать услышанное. Нет, в нашем мире тоже изгоняют разочаровавших детей (к слову, в свое время от Луизы отказался отец из-за того, что она воспротивилась браку в Винсентом), но... но...

— Вы считаете это нормальным?! — спросила я, с трудом сдерживая рвущееся наружу негодование. — Убить собственную дочь только за то, что она воспротивилась вашей воле?

— Начнем с того, что я никого не убивал, Лавиния. — Его голос похолодел на несколько оттенков.

— Совсем никого? — я приподняла брови и отвернулась.

Понимание было разрушено, а впрочем, что значит понимание, когда речь заходит о Золтере. Я слышала, как он поднялся, но не повернулась. Возможно, для меня это было дикостью, но для него, для всех элленари — это нормально. Брать женщин силой, брать женщин на глазах у всех (что, не исключая, для женщине-элленари тоже нормально), носить прозрачные наряды, убивать за одно-единственное дерзкое слово...

— Догадываюсь, о чем ты сейчас думаешь. — Раздражение, смешанное с плохо сдерживаемой насмешкой, заставило все-таки поднять голову.

Золтер стоял в нескольких футах от меня, глаза прищурены, из ноздрей того и гляди глубинная тьма повалит.

— Неужели? Напомните, я уже спрашивала про чтение мыслей?

— Мир смертных ничуть не лучше, Лавиния. Помнишь, что было с женой твоего брата? Леди Луиза Лефер чуть не умерла от заклятия, привязавшего ее к Винсенту, и умерла бы, не вздумай он позволить ей находиться при нем.

Что?!

— Не впутывайте сюда моего брата! — я вскочила, сжимая кулаки. — Ни он, ни случившееся с Луизой не имеют никакого отношения к вам!

— Неужели? — Он зло усмехнулся. — А что насчет тех женщин, которых мужья награждали заклятием змеи, и которых оно убивало в случае несчастливой любви?

— При чем тут...

— Сравните его вот с этим. — Он вздернул рукав, обнажая узор. — Элленари награждают подобной связью не только женщину, но и себя, заклятие змеи было односторонним. А если вспомнить, что творится на ваших балах, о да, не в бальных залах, но в потайных нишах... далеко ли вы от нас ушли? Элленари в отличие от людей не прикрываются благочестивостью, мы — такие, какие есть. В мире смертных творится все то же самое, просто вы, люди, обожают находить себе оправдания. Благая цель. Большая любовь. Предательство. Месть. Как по мне, так вы просто скопище лицемеров.

— Мы — кто?! — ахнула я. — Это мы — скопище лицемеров?

— Вы. И ты в первую очередь, моя... Лавиния.

— Я не ваша! — сообщила я в закрывшуюся дверь, по которой тут же прошла легкая дымка.

Бросившись к ней, с силой дернула за кольцо, но тщетно. Кажется, меня закрыли с помощью магии. Развернувшись, подлетела к столу, схватила первую попавшуюся колбу, собираясь запустить в дверь, когда услышала чавканье. Громкое, с урчанием: котенок ел. То и дело опасно поглядывал на меня, но быстро смел подчистую сначала то, что было в одной миске, потом запил молоком. Все это время я не шевелилась, застыв с колбой в руках, и только когда он отошел к стене, вернула ее на место.

Что в ней было, так и не поняла, но может и к лучшему, что не бросила: в густой огненной жидкости перекатывались крохотные искрящиеся шарики, а первое правило при работе с незнакомыми зельями — не изучив свойства, не открывай пробку. Осторожно вернула склянку на место, и себя тоже.

— Иди сюда, — сказала б'йрэнгалу, расстилая покрывало. — Здесь теплее.

Котенок не шипел, но смотрел настороженно, и я просто устроилась поудобнее. Внутри еще все кипело после общения с Золтером: мы — скопище лицемеров, подумать только! Да, заклятие змеи действительно убивало женщин, которые не хранили верность мужьям, но это было в Темные времена, а в настоящем оно относилось к запрещенным! Между прочим, создал его один идиот, переработавший заклятие верности, с помощью которого маги присягали своим правителям. Если умирал король, умирал и принесший клятву.

Всевидящий!

В эту минуту я осознала, что это заклинание «истинной верности» ну очень напоминает то, что связывает Золтера и его подданных.

Так что... по сути, не так уж он и неправ.

В том, что только что сказал.

С этой мыслью я решила чуть-чуть прилечь. Позволила магии немного разогреть пространство вокруг (или много, потому что покрывало от холода спасало относительно), подложила под голову подушку и стала смотреть в потолок. Он казался невысоким, камни нависали надо мной тяжестью, чувства запертых в зверинце существ с каждой минутой ощущались все мягче. Где-то капала вода, поэтому я не сразу услышала тихое-тихое шуршание.

А когда услышала, улыбнулась и очень медленно повернула голову: котенок подполз поближе и с независимым видом устроился на пледе рядом со мной.

— Если быть откровенным, вреда он ей не причинит, конечно... — Большеухий сказал это с опаской и осторожно посмотрел на Золтера.

После пары часов совместного сна (ладно, я не спала, спал только котенок), б'йрэнгал позволил водрузить себя на стол и осмотреть. Правда, при этом поглядывал на меня, а я поглядывала на того, кто осматривал. Попробуй он причинить детенышу вред — и ему бы не поздоровилось.

— Ты уверен?

— Да, ваше аэльвэрство. Судя по тому, как он относится к аэльвэйн Лавинии, он признал ее своей. А вы не хуже меня знаете, что своих б'йрэнгалы не только не трогают, но и защищают в случае угрозы.

Золтер почему-то посмотрел на меня так, будто угрозой была я. Ноздри его шевельнулись.

— Хорошо, — отрывисто произнес он. — Ты можешь его забрать.

— Вот и замечательно.

Я наклонилась, подставила руки, на которые малыш с радостью забрался. Он вообще вел себя как настоящий котенок: терся о мое платье, мурлыкал, или, скорее, шурлыкал, потому что вместо привычного мурчания до уха доносилось «Ш-р-р-р», и «Ш-ш-р-р-рау».

— Идем, — Золтер кивнул в сторону двери, а я улыбнулась большеухому элленари в белом халате.

— Спасибо большое!

Тот почему-то пошел сине-зелеными пятнами, пробормотал:

— Пожалуйста, — и поспешно скрылся за дверью подсобки, откуда донесся звук, подозрительно напоминающий сморкание в носовой платок.

— Что это было? — удивленно спросила я.

— Маршараш — нигар. Это раса слуг и рабов, с ними никто не церемонится.

Я вскинула брови:

— Рабов?!

— Что тебя так удивляет, Лавиния? В нашем ужасном обществе есть рабы, — сарказма в голосе великого повелителя Аурихэйма было столько, что могло бы хватить на всех элленари вместе взятых.

Удивиться, с чего бы, мне было не дано: мы как раз поравнялись с охранниками. Эти мощные существа согнулись так, что булавы ударились о стены, высекая искры, но Золтер даже не взглянул в их сторону, и мы прошли мимо.

— Откуда в Аурихэйме столько рас? — поинтересовалась я. — Наш мир... не такой.

— Ваш мир примитивный, — хмыкнул он. — Аурихэйм рожден в пространстве, наполненном изначальной магией и ее силой. Когда магия только набирала силу, открывалось множество измерений, вместе с ней в наш мир приходили самые разные существа.

— Но они не являются элленари?

— Совершенно верно. Кто-то из них пожелал остаться сам. Кого-то мы истребили, потому что они пытались нас захватить. Сейчас все дыры в пространстве тщательно запечатаны, и столь же тщательно охраняются.

Я покачала головой.

— Или ты считала, что вы — единственные разумные существа во Вселенной?

— Я ничего такого не говорила! — возмутилась я, и котенок на моих руках возмущенно

шяукнул.

— Ну разумеется. О таком ты исключительно думаешь.

Я моргнула.

— Что вы хотите этим сказать?

— Леди не положено говорить вслух то, что она считает невежливым, не так ли, Лавиния? — Он окинул меня насмешливым взглядом с ног до головы.

— То есть вы сейчас косвенно обвиняете меня в лицемерии?

— Почему же косвенно? Вполне себе прямо.

Я пожалела, что на него нельзя натравить котенка. Который, к слову, косился на Золтера очень подозрительно. Тем временем мы пересекли двор и оказались на лестнице, по которой утром спускались вместе с Лизеей. То ли замок в этой части решил не перестраиваться, то ли сегодня у магических колебаний был выходной, но лестница осталась на месте, и этот поворот я тоже очень хорошо помнила.

— Я не лицемерю, — заметила я, когда мы оказались в коридоре под шипение виеррахов.

Котенок выгнулся у меня в руках, но Золтер взмахнул рукой, запечатывая тени в стенах, и звереныш снова прижался к моей груди. Правда, напряженный и поводящий ушами, словно выискивающий малейшую опасность.

— Разумеется, нет, Лавиния. Именно поэтому последний год рядом со своим мужем ты делала вид, что у вас счастливая семья.

— Молчали бы вы... про моего мужа.

— Или что? — Он приподнял брови. Глаза опасно сверкнули.

Я вернула ему похожий взгляд и пошла дальше.

— Нам сюда, — это тоже прозвучало язвительно.

Особенно если учитывать, что я почти пролетела поворот в анфиладу.

Нет, похоже все-таки не выходной, потому что этой анфилады я не помнила.

— Рядом с моим мужем меня удерживали обстоятельства, — бросила я.

— Позволь узнать, какие именно?

— Нелегкая семейная ситуация брата.

— Или нежелание показать энгерийскому обществу развод благопристойной леди Лавинии?

— Это сейчас была мораль? — я пересадил котенка на плечо и сложила руки на груди. — Если да, то она прошла мимо, потому что рядом с вами меня тоже удерживают обстоятельства, но сказать, что я лицемерю, я не могу.

Теперь глаза его потемнели, но я только ускорила шаг.

Все, хватит с меня. С чего я вообще с ним разговариваю? Можно подумать, его интересует ситуация в жизни Винсента, или что-то еще. Его аэльвэрству скучно, даже помереть не может, вот и развлекается, как умеет. Осознание этого подстегнуло, как хлыстом, и я пошла еще быстрее. Все, чего мне сейчас хотелось, как можно скорее остаться одной.

У дверей моей спальни, массивных и тяжелых, с резными узорами, Золтер остановился.

— Приведи себя в порядок, Лавиния. Ужинать будем вместе.

— Какая жалость! Я надеялась, что сейчас поужинаю с котенком, а потом лягу спать. Также с котенком.

Он усмехнулся.

— Если тебя не устраивает имя, которое придумал я, придумай свое.

— Льер, — сообщила я. — Назову его Льер.

Я влетела в комнату раньше, чем его остолбеневшее аэльвэрство успело открыть свой аэльвэрский рот. Захлопнула двери, отпустила малыша и только после этого привалилась к стене, пытаясь унять бешено бьющееся сердце.

Унять не получилось: дверь распахнулась с таким треском, что чудом не раскрошилась в пыль. Бьйрэнгал подпрыгнул, я отскочила, но меня перехватили за руку и резко впечатали в свою грудь. А потом так же резко впились подчиняющим, жестким поцелуем в мои губы.

Я задохнулась, попыталась вырваться — и не смогла.

Губы вспыхнули, и вслед за ними вспыхнуло что-то в груди: что-то обжигающее, сумасшедшее, яростное, и... удивительно нежное. Наверное, именно последнее и заставило меня замереть, впитывая каждое мгновение странного и непонятного поцелуя.

Впрочем, поцелуем это назвать было сложно.

По крайней мере, поцелуем в моем представлении.

Ладонь на моем затылке не позволяла мне отстраниться, пальцы скользили по напряженной шее, вверх-вниз — и снова вверх. Под этими прикосновениями рождалась жаркая дрожь, рождалась и сбегала по плечам прямо на грудь, заставляя чувствовать почти невесомую ткань платья, как если бы она была холщовой. Эта дрожь отдавалась в кончики пальцев, в ладони, которыми я упиралась в его плечи, наверное, именно поэтому я чувствовала ее и в нем тоже.

В судорожном вздохе, который мы разделили на двоих, когда по губам скользнул обжигающе-ледяной воздух.

В бесстыдном прикосновении языка к языку, которое тут же сменилось укусом, заставившим вздрогнуть. И тут же, мгновенно — в глубокой, раскрывающей ласке. Его пальцы скользнули по моему плечу, стягивая ткань платья, повторяя скольжение кружева по плечу.

— Лавиния. — Хриплый выдох опалил кожу, и так горящую под его пальцами. — Моя Лавиния...

Никогда не представляла, что мое имя может произнести так порочно, так собственнически-властно, так...

Широко распахнула глаза, ударились о взгляд темных, темнее чем самая глубокая ночь, глаз. Он смотрел так, словно видел меня впервые, или словно впервые узнал меня такой. Раскрытой, прижимающейся к нему, подающейся навстречу каждой ласке, вжимающейся ставшей безумно чувствительной грудью в его грудь.

Всевидящий, что я творю?!

Осознание случившегося заставило меня замереть повторно, а потом резко, с силой оттолкнуться от его плеч и шагнуть назад.

— Я не ваша, — повторила скорее для себя, хотя прозвучало это...

— Лицемерие. — Он провел пальцами по губам, заставив отхлынувшую было от моих щек краску вернуться на них в двойном объеме. — Это то, о чем я только что говорил.

— Но вам же понравилось, — не осталась в долгу я. — Вам нравится лицемерие, ваше аэльвэрство, признайтесь. Иначе бы вы не пошли за мной и не стали меня целовать.

Глаза его вспыхнули, а затем потемнели: опасно, как тлеющие угли. Он шагнул ко мне, перехватил за локоть и рывком дернул в сторону кровати. Правда, не успел сделать и шага, как снизу раздалось звучное «кляц». Золтер подозрительно споткнулся, а я опустила глаза и увидела котенка, который... в общем, он больше напоминал пиранию. С крылышками. С ушами и хвостом, как у кота, но все-таки пиранию, потому что это нечто из животного мира Аурихэйма сейчас вцепилось в сапог его аэльвэрства, плотно сжало челюсти, и так и повисло.

Меня отпустили столь же резко и бесцеремонно, сколь и схватили, и так же резко схватили бьйрэнгала за шкуру. Челюсти котенка сразу же разжались, он зашипел, а я протянула руки:

— Отдайте!

Глаза Золтера по-прежнему метали молнии, ему бы сейчас на башенку, под небо, идеальная была бы картина. Очень гармоничная.

— Отдайте, — повторила я. — Или я воспользуюсь магией, и ничем хорошим это не кончится!

Котенка мне вернули на вытянутой руке: Золтер просто разжал пальцы, и детеныш свалился в мои ладони. Тут же снова зашипел, готовый к бою, но я погладила его по голове, осторожно, чтобы не поцарапаться шипами.

— Спокойно, Льер. Его аэльвэрство уже уходит.

Его аэльвэрство скрипнуло зубами, ну или что там у него скрипело от старости.

— Не испытывай мое терпение, Лавиния.

— Да было бы что испытывать, — сказала я, — у вас его вообще не осталось. Сначала бросааетесь словами о лицемерии, потом бросааетесь на меня. Кстати, вам напомнить, что вы обещали меня не трогать, пока я сама не попрошу? Так вот, я вас об этом не просила.

— Словами — нет, — вернуло мне сарказм его аэльвэрство, после чего развернулось на каблуках своих слегка покусанных сапог и направилось к двери.

Громыкнуло ей так, что даже гроза в Мортенхэйме могла бы позавидовать.

После его ухода я еще минут пять гладила котенка, который явно к такому не привык, поэтому возился у меня на руках, всячески переворачивался, изодрал мне шипами рукава, поцарапал оба запястья, а потом все-таки спрыгнул и побежал трепать свисающее до пола покрывало.

Как воспитывают б'йрэнгалов, я понятия не имела, да если честно, мне сейчас было не до этого. Я до сих пор помнила волны прокатывающейся по телу дрожи, чувствовала скольжение пальцев. Губы горели, сердце колотилось о ребра, и все это... я допустила сама. Глубоко вздохнув, стараясь выровнять дыхание, направилась в ванную, чтобы узреть леди Лавинию во всей красе.

Грудь высоко вздымается, волосы слегка (ладно, слегка — это мягко сказано) в беспорядке. Глаза сверкают, а внутри вместо привычного неприятия чувство какой-то волнующей, будоражащей легкости.

Во всем виноват узор?

Вернула рукав на место, прикрывая оголенное плечо, зато подтянула снизу, но узор вообще никак не реагировал. Казалось, даже слегка побледнел, хотя возможно, мне это только казалось.

Дернула ткань вниз, услышала жалобный треск и выругалась совершенно неподобающим для леди образом.

Что бы это ни было, какая бы магия только что ни была замешана в том, что сейчас произошло, это больше не должно повториться. Я не могу целовать Золтера и испытывать такие чувства.

Или могу?

Как вообще можно тянуться к мужчине, который...

Я напомнила себе о том, что случилось после Арки, в красках представила случившееся, и разом стало легче. То есть легче, разумеется, не стало, но сердце унялось мгновенно, а прикосновение прохладной воды к разгоряченному лицу окончательно привело меня в чувство.

Мне нужно скорее, как можно скорее попасть в библиотеку. У Эльгера получилось прорваться в мои сны в Аурихэйм один раз, значит, получится и второй, и к этому дню, а точнее, к ночи, я должна быть готова. Я должна узнать как можно больше, чтобы помочь ему и Винсенту вытащить меня отсюда.

Осталось только выяснить, как простой смертной воспользоваться библиотекой.

Из спальни донеслось глухое «бум», и я улыбнулась.

Кажется, я даже знаю, с какой стороны к этому подойти.

Узор пульсировал, как раскаленная проволока, обвивающая мою руку. Словно крючьями вгрызаясь в кожу, обжигал, жалил, заставлял задышаться, как если бы я стояла в самом центре пожара.

— Лавини-и-и-ия!

Голос Золтера я узнала, даже несмотря на ломкие, шипящие нотки. Окружающая меня тьма клубилась непроглядным туманом, запечатывала в кокон, но даже ее глубокий, смертельный холод не способен был справиться с тем огнем, который рождал пылающий на моем предплечье узор.

— Лавин-и-и-иния...

Из темноты проступали очертания лица: тленного, рыхлого, но даже так черты были узнаваемы.

— Думала, сумеешь от меня избавиться? — Хриплое карканье, вот что сейчас напоминал этот голос. — Когда я вернусь, ты пожалеешь о том, что родилась на свет. Все, кого ты любишь, умрут. Все... очень медленно...

Он протягивал ко мне руку, и черное, словно обугленное запястье, сжималось на моей шее, лишая возможность вдохнуть. В отчаянии рванулась назад, ударив всей своей силой, яркой, вспоровшей тьму. Сияние магии рассыпалось вокруг живым серебром, ничем не напоминающим иней смертельной защиты. Не то крик, не то рычание Золтера поглотила тишина, вокруг ослепительным буйством красок взорвалась жизнь.

— Ш-р-р-р.

Я дернулась от ткнувшегося мне в щеку чего-то холодного и мокрого.

— Ш-р-р-р-рррау!

— Ай!

Я подскочила на постели, котенок подскочил вместе со мной, выгнул спину и зашипел. Узор на руке дергало болью, но уже не так сильно: я подтянула рукав и увидела, что кожа на руке слегка припухла, словно ее действительно обожгло. Такая же припухлость тянулась по всему предплечью, взбиралась на локоть и выше.

Поежившись, притянула к себе малыша и поцеловала в нос.

— Прости, не хотела тебя пугать.

Бъйрэнгал шрявкнул и ткнулся головой мне в подбородок.

— Ай, — выразительно сказала я, потирая царапину от шипа.

К счастью, они хотя бы не ядовитые, но этим и еще немногим мои знания о сидящем на кровати существе и ограничивались. В связи с чем мне предстоял поход в библиотеку, точнее, это был отличный предлог. Поскольку на ужин Золтер вчера не явился (к счастью), я хотела поинтересоваться об этом сегодня. Должен же существовать какой-то артефакт или что-то, открывающее возможность воспользоваться библиотекой не только для элленари.

Ирэя сказала, что такое невозможно, но верить Ирэе я не собиралась.

Котенок вскинул уши и насторожился, спустя мгновение приоткрылась дверь.

— Доброе утро, аэльвэйн Лавиния, — заметив, что я сижу на кровати, Лизея вошла. — Не спите уже. Подать вам завтрак?

— Доброе утро, — сказала я, удержав бъйрэнгала, потому что элленари косилась на него с откровенной опаской. — Нам подать. Но пока что я даже не представляю, что ест он. Хотя вчера пил молоко, и ел что-то еще.

— Измельченные кости и сырое мясо, — сообщила Лизея, не торопясь проходить в комнату. — Но это пока не подросток. Потом он начнет охотиться.

— На кого?!

— Кого найдет, на того и начнет.

Я поперхнулась воздухом и посмотрела на умильно облизнувшегося зверя. Да, мне точно нужен справочник по местным котяткам.

— М-м-м... Хорошо. Тогда я буду рада, если ты принесешь нам что-нибудь поесть.

Элленари кивнула и с явным облечением вышла. Я же покосилась на расправившего крылья малыша.

— Ну и что мне с тобой делать, чудовище?

Чудовище снова облизнулось, заурчало и ткнулось носом в ладонь.

Ладно, должен же быть способ его воспитать. В смысле, приучить не охотиться на того, кого он найдет.

Стянула ночную сорочку, развернулась было к ванной, но замерла — узор в полумраке слегка светился. Осторожно коснулась припухшей кожи и вздрогнула: прикосновение отозвалось болью.

Сон казался слишком реальным, чтобы просто так выкинуть его из головы, но смысла в нем не было никакого. Золтер жив, его смерть невозможна, и все это, скорее всего, просто жуткая смесь случившегося в реальности. Что касается узора, нечего целоваться со всякими на ночь глядя.

Да еще и получать от этого удовольствие, аэльвэйн Лавиния.

Я напомнила об этом себе, пожалуй, чересчур язвительно, после чего погрузилась в воду наполненной ванны (стоило лишь к ней приблизиться). Как выяснилось еще в вечер встречи с Амалией, краны были декоративными и присутствовали исключительно как напоминание о мире смертных. Здесь все было замешано на магии, суть которой я пока даже не пыталась постичь.

Амалия.

При мыслях о ней я испытала короткий укол совести, потому что вчера про девушку даже не вспомнила. Впрочем, вчера у меня был и без того насыщенный день, а муками совести я буду терзаться потом, когда найду способ вытащить нас отсюда.

Как бы мне ни хотелось подольше понежиться в воде, сегодня мне предстояло еще много всего. Поэтому к моменту, когда вернулась Лизея, я уже расчесывала волосы.

— Помочь вам одеться, аэльвэйн? — спросила девушка, устраивая поднос с завтраком на столе.

— Нет, спасибо. Я справлюсь сама, — мельком глянула на уже дожидаящееся меня платье. — Скажи, у меня есть возможность самой выбирать наряды?

— Я спрошу у его аэльвэрства.

— Буду очень благодарна, — поскольку элленари не решалась, с парящего в воздухе второго подноса на пол миски я поставила сама. К ним немедленно устремились с довольным урчанием, а я снова обратилась к девушке. — Еще мне нужно кое-что уточнить: например, где я могу с ним погулять?

Лизея кивнула, собираясь уже выйти, но я ее остановила:

— Подожди. Как мне воспользоваться библиотекой?

Элленари удивленно посмотрела на меня.

— Бьйрэнгал, — пояснила я, указав на чавкающего котенка. — Прежде чем он начнет охотиться на всех подряд, мне бы хотелось узнать, можно ли это предотвратить. И не только это, я хочу почитать про их вид, происхождение... словом, узнать как можно больше.

Лизея заправила за ухо серебристую прядь и наклонила голову.

— Боюсь, это невозможно, аэльвэйн Лавиния.

— Да, я знаю, что магия Аурихэйма мне неподвластна, но разве нет никакого артефакта или заклинания, открывающего другим расам возможность воспользоваться знаниями элленари?

Девушка покачала головой.

— К сожалению, нет. Но я могла бы вам помочь, если его аэльвэрство позволит.

Отказываться сейчас было бы очень подозрительно, поэтому я кивнула. Разумеется, с Лизеей никакой речи о том, чтобы искать что-то помимо информации о б'йрэнгалах, не шло, но если честно, я сомневалась, что Золтер разрешит даже такую малость. Скорее, явится ко мне, скажет: «Пальцы в рот не совать, родились из такой-то Бездны, столько-то тысяч лет назад», — и на этом его просветительская работа закончится.

— Уложить вам волосы, аэльвэйн Лавиния?

— Спасибо, Лизея, но я сама.

Элленари кивнула и вышла, а я опустилась за столик и рассеянно отломала аналог местной булочки. На булочку это, правда, было похоже относительно, но изо всего, что я знала, больше всего похоже именно на свежее выпеченный хлеб. Мягкий, воздушный, он просто таял во рту.

Решено. Буду звать это аурихэймский хлеб. А вот это сладкое и густое — аурихэймский джем. По цвету, кстати, похож на клубничный, а по вкусу — на смесь персика с жасмином.

Пока завтракала, думала о том, что мне делать дальше. Его аэльвэрство мне точно не помощник, ни один элленари мне не помощник. Амалия... она скорее опять ударится в слезы, чем выдаст и себя, и меня, да и подвергать ее лишней раз опасности не хотелось.

— Остаемся только мы с тобой, Льер, — сообщила я довольному жизнью котенку. — И кажется, надо действовать быстро.

Совсем быстро не получилось, потому что волосы я все-таки уложила. Выйти на люди простоволосой в Энгерии считалось верхом неприличия, все равно что в одной ночной сорочке. Самостоятельно делать себе прически, в общем-то, тоже, но я тайком от матушки научилась этому искусству с помощью своей камеристки. Меня это успокаивало и помогало сосредоточиться: расчесывая прядь за прядью, поднимая их наверх, я возвращала мысли в нужное русло, а волнение по поводу предстоящего постепенно сошло на нет.

По сути, мне ничего особо не угрожает, если наткнусь на кого-нибудь, скажу, что б'йрэнгал захотел погулять. Тем более что после завтрака его действительно надо вывести погулять, пока он не погулял прямо в спальне.

Эльгер сказал, что я меняюсь, а значит, оказавшись в библиотеке, попробую ей воспользоваться. Порталы же у меня как-то получилось создать (понять бы еще, как), но пока не попробую — не узнаю.

Платье сегодня было ярко-желтым, как напоминание о моей юности. Надевалось, оно, правда, в разы проще: обтекало кожу легкой невесомой тканью, корсет, поддерживающий грудь, шел сверху.

Все у этих элленари не как у людей!

Хотя в Темные времена что-то отдаленно похожее было и у людей. Интересно, моду тоже они в наш мир привносили?

С такими странными мыслями (и бодро прыгающим Льером) я вышла в коридор. Прошлый мой поход в библиотеку не задался, но сегодня виеррахи вели себя сносно: шипели, клубились вдоль стен, недовольно втягивались в мрамор и камень, когда б'йрэнгал на них прыгал. Поначалу я боялась, что котенка зацепит тленом и одергивала, но довольно скоро поняла, что они не причинят ему вреда. Армия Приграничья вела себя так, как если бы рядом со мной шел Золтер.

Впрочем, странности в Аурихэйме меня уже не удивляли, а вот повороты в коридорах — вполне. Направление я помнила очень четко, но замок уже умудрился перестроиться до неузнаваемости. Несколько раз мы наткнулись на тупик, один раз миновали темную мрачную анфиладу и вышли на балкон, с которого открывался вид на тяжелое свинцовое море и лезвия молний.

Льеру было весело: он изучал территорию и охотился за недовольно шипящими виеррахами, а мне не очень. Чем дальше, тем больше я понимала, что бродить здесь можно целую вечность (если, конечно, не существует способа отыскать путь с помощью магии). Простейшим поисковым заклинанием Винсент меня учил, но в прошлый раз в этих стенах моя магия не сработала.

Зато сработала на балу, напомнила я себе.

И вчера, в зверинце, тоже.

Сосредоточилась на плетении, вспоминая схему и ключевые узелки заклятия. Теперь осталось позвать жизнь... в смерть. Потянулась к самой сути природы, далекой и недостижимой, и неожиданно она откликнулась. Хлынула в меня удивительно быстро, позволяя магии вспыхнуть в груди огоньком, а на ладони — серебряной искоркой. Теперь предстояло представить библиотеку — высокие своды, темный мрамор, столы, связать точку пространства, где я сейчас нахожусь, и нужное мне место.

Вложила импульс силы, и тонкая светящаяся нить расчертила коридор, уводя меня за поворот.

Да, кажется, Эльгер был прав.

Я действительно меняюсь. Потому что в миг, когда на меня напали виеррахи, не получалось даже защищаться, а ведь в случае серьезной угрозы магия просыпается первым делом.

— Льер! — шикнула я на котенка, который опять забавлялся... с бабочкой?

Откуда здесь взяться бабочке?!

Красивые алые крылышки, тронутые ярко-синим узором, затрепетали, когда она вспорхнула повыше и села на стену.

— Пойдем, — кивнула котенку, и он нехотя сложил крылья. — Нельзя есть бабочек.

Судя по выражению морды, б'йрэнгал считал иначе, но меня послушался. Хотя напоследок оглянулся и облизнулся.

Видимая только мне нить заклинания вела по пустынным коридорам, и вот я уже узнала поворот, который мы с Ирэей проходили к змеевидной лестнице. Я направилась к нему, но Льер метнулся к дверям за очередным виеррахом. Вздохнув, шагнула за ним, чтобы взять на руки. Наклонилась, когда из-за дверей (массивных, с тяжелыми ручками в виде оскаленных звериных морд), донеслось:

— Пока смертная девчонка здесь, ничего не кончено, Наргстрен.

Оглушенная услышанным, я замерла. Крепко прижала к себе котенка, осторожно выпрямилась. Сейчас оставалось только порадоваться тому, что местные ткани гораздо легче тканей из нашего мира, которые шуршат и шумят при каждом движении.

— Ритуал не состоялся.

— Тем не менее она здесь. Зачем-то он ее оставил.

— Тебе объяснить, зачем?

К щекам прилила кровь, и, должно быть, я слишком сдавила малыша, потому что он недовольно шрякнул. Я не подпрыгнула только потому, что вросла в пол, особенно когда из-за двери донеслось:

— Ты слышал?

— Что я должен был слышать?

— Какой-то звук.

— В этом замке полно звуков. Полог, который я наложил, никто не пробьет, так что уймись, Наргстрен, и подумай сам. Золтер ничего не делает просто так, и он не разорвал связь. Для того, о чем говоришь ты, узор связи не нужен.

— Откуда ты знаешь, что узор все еще на ней?

— Лизея сказала.

Я плотно сжала губы, стараясь дышать тише. Впрочем, сейчас даже собственное дыхание казалось оглушающе-громким, не говоря уже о возне б'йрэнгала. Тот был явно недоволен таким ограничением свободы, но пока терпел. Просто копошился у меня в руках и вздыхал совсем по-человечески. К счастью, тихонечко, насколько хватало маленьких кошачьих легких.

— Да, — раздалось из-за двери спустя долгую паузу, — это действительно странно.

— Говорю тебе, он что-то задумал, и нам надо добраться до него раньше, чем это что-то разрушит оба мира ради его могущества.

— Легко сказать. Льер должен был его убить, он нашел способ обойти клятву жизни...

— Льер поплатился за свою слабость. Я сразу говорил, что не стоит доверять это дело мальчишке, который едва разменял четвертый десяток. Это даже по человеческим меркам просто смешно.

— В этом мальчишке, как ты говоришь, течет очень сильная кровь. Если кто-то и мог справиться с Золтером, то только он.

— Тем не менее он не справился. И где мы сейчас?

— Там же, где будем завтра, если оставим все как есть.

Сколь бы ни было велико искушение остаться и дослушать этот разговор до конца, я понимала, что это опасно. Котенок в руках уже вертелся юлой, в любой момент здесь мог появиться кто угодно, мог обратиться ко мне — и что тогда? Медленно отступила за поворот, по-прежнему прижимая к себе малыша, глубоко вздохнула, прошла до конца коридора, и только после этого отпустила звереныша на волю.

В голове творилось непонятно что, в сердце — и того хуже.

Элленари бессмертны, они живут бесчисленное множество лет, но Льеру едва исполнилось тридцать. Он участвовал в заговоре против могущества Золтера, рисковал всем, чтобы потом отказаться от своих планов. И не только от своих.

Он действительно собирался вернуть меня в Мортенхэйм?

Думать об этом сейчас было странно, но не думать я не могла. Равно как и о том, должна ли рассказать об услышанном Золтеру. Если верить элленари, он собирается разрушить миры

ради своего могущества, но верить словам элленари, по меньшей мере, глупо. Все, что они говорят, нужно по десять раз обдумывать, и далеко не факт, что во всем этом удастся найти хотя бы клочок истины. Как бы там ни было, Льера больше нет, а участвовать в интригах Аурихэйма — увольте. Пусть сами разбираются со своими проблемами и с тем, что натворили. Точнее, пусть Золтер с этим разбирается. Насколько я помню, Хьерг щепетильностью не отличался и с радостью привел меня туда, где меня должны были убить.

Если бы не Льер, сейчас я бы уже была мертва.

Закусив губу, погасила заклинание и создала новое, настроенное на Золтера. Нить протянулась сквозь замок, к счастью, уводя меня от той дороги, которой я пришла.

Да, вряд ли этот разговор будет легким, но настроена сейчас я была более чем решительно. Мне и самой отчаянно хотелось понять, почему на моей руке до сих пор горит узор, если Арка нам отказала. Я не задавалась этим вопросом раньше, потому что голова была забита другим, но заговорщики правы: зачем оставлять связь, которая сможет его ослабить, если меня убьют? Впрочем, это был всего лишь один из немногих вопросов, на которые я собиралась получить ответы.

Нить поискового заклинания продолжала петлять, перебрасывая меня из коридора в коридор, прогоняя через анфилады, окна в которых были затянuty витражами, изображающими могущество Смерти. Сопровождали меня котенок и, как ни странно, бабочка, на нее то и дело поглядывал б'йрэнгал. Поскольку я шла рядом, летать за ней он не решался, а я была так увлечена плетением поиска, что даже не заметила, как вышла в знакомый коридор, только с другой стороны.

Остановилась, сверилась с заклинанием — все правильно.

Меня привели к моим покоям.

Неволью ускорила шаг, следуя за стремительно сокращающейся нитью, и в миг, когда погасла последняя искорка, остановилась прямо у своих дверей.

Нет, не может такого быть!

Или может?

Приоткрыла двери, шагнула в комнату и замерла: Золтер стоял у окна, спиной ко мне.

— Ну что же ты застыла? Входи, Лавиния.

Его голос звучал негромко, но вибрирующий в нем гнев отразился от стен и ударил в меня.

— Послушайте, — я шагнула в комнату, прикрывая за собой двери, — мне очень нужно с вами поговорить, поэтому...

— Поэтому, — жестко произнес он, наконец, обернувшись. — Ты сейчас объяснишь мне, кто позволил тебе выйти из этой комнаты.

— Я выходила с ним, — произнесла ровно, хотя от обрушившейся на меня ярости внутри все перевернулось и вспыхнуло ответной. — Насколько вам известно, у всех зверей есть естественные потребности.

— Я не спрашивал, с кем ты выходила. — Преодолев разделяющее нас расстояние столь стремительно, что по комнате пронесся порыв ветра, Золтер магией отшвырнул бросившегося на мою защиту котенка. Льер повис в воздухе, дергая лапками, я шагнула к нему, но путь мне, естественно преградили.

— Отпустите его, — процедила я, — или вам доставляет удовольствие издеваться над более слабыми?!

Мы стояли друг напротив друга, и мне почему-то отчетливо вспомнились слова брата: «Лави, никогда не пытайся обыграть мужчину». Вообще-то это была шутка, и шутка, касающаяся исключительно их с Луизой отношений, сказанная им еще до моего первого выхода в свет, но почему-то сейчас она вспыхнула в сознании ослепительно-ярко. С той же силой, с которой внутри растекалось тепло магии жизни, не позволяющее холоду смерти пробраться внутрь.

Не знаю, о чем думал Золтер, но его взгляд, цепляющий мой, неожиданно метнулся мне за спину. Одно движение пальцев — и б'йрэнгал плюхнулся на брюхо, издав обиженное «Ш-р-р-

ряу!» Что касается Золтера, он рывком развернул меня к открытой двери.

— Что это?

Бабочка, которая порхала за нами по коридорам, решила, что здесь лучше, и влетела следом. Разумеется, ничего умнее, чем сесть на мою ладонь, она не придумала.

— Бабочка, — ответила я, надеясь, что ее не постигнет та же участь, что б'йрэнгала, а то и похуже. — Неужели не видно?

Но Золтер смотрел на бабочку примерно так, как я — первые дни на Аурихэйм.

— Где ты ее нашла?

— Спросите лучше, где она меня нашла. — Поскольку улетать бабочка не собиралась, я подошла к двери и закрыла ее. — В коридорах вашего кошмарного замка.

— Что ты сделала, Лавиния? — Его взгляд стал настолько цепким и пристальным, что я пожала плечами.

— Ничего. Просто искала дорогу назад. Мы заблудились.

— Ты создала поисковое заклинание? Сама?

— Нет, мне виеррахи помогли, — огрызнулась и тряхнула ладонью. Бабочка взлетела и вернулась. Правда, теперь мне на голову. — Если мы закончили с воспитательными моментами, я хочу поговорить о том, что...

Он смотрел на меня как-то странно. Нет, я согласна, что в Аурихэйме все странно, но такой взгляд я видела впервые: меня изучали так пристально, словно не имели ни малейшей возможности сделать этого раньше. Тогда как (Золтер и прочие меня в этом отчаянно уверяли) смертные не представляют для элленари ни малейшего интереса, и вообще пыль под ногами.

Но это сейчас дело десятое.

— Против вас готовится заговор.

— Я знаю, — отмахнулся Золтер, по-прежнему сосредоточенно глядя на меня.

— Знаете?! И ничего не хотите по этому поводу предпринять?

Он нахмурился, словно очнулся.

— Что ты слышала?

— Слышала, что... — вот тут я все-таки осеклась, потому что речь шла о Льере, а его имя мне упоминать не хотелось, и вовсе не потому, что Золтер это запретил. — Что они собираются добраться до вас раньше, чем вы разрушите оба мира ради своего могущества.

Он усмехнулся.

— Ничего не хотите сказать?

— Тебе?

Это прозвучало так унизительно, что я очень сильно пожалела о своих словах. Странно, раньше отношение Золтера меня не задевало, а сейчас просто сдавило грудь, как если бы это пренебрежительное «тебе» имело ко мне хоть какое-то отношение. Как я уже сказала, все люди для элленари — просто пыль. Надо было молчать, и пусть бы он действительно со всем разобрался сам.

— Если не возражаете, я хочу остаться одна, — сказала я, стараясь удержать совершенно непонятную мне болезненную обиду.

— Мы не закончили разговор о твоей прогулке, Лавиния.

— А по-моему, закончили.

— Не дерзи мне, девочка, — у него чуть шевельнулись ноздри.

— Вы мне постоянно дерзите, отчего бы и мне не дерзить вам.

Я взяла котенка на руки, собираясь отойти, но меня перехватили за локоть.

— Я тебя не отпускал.

Я посмотрела ему в глаза.

— Собираетесь придумать мне очередное наказание? Или уже придумали? Так не тяните. Мне раздеться? Одеться в прозрачное платье? Собраться на охоту? Пойти с вами посмотреть на наказание Ирэи? Что?

Мой голос звучал спокойно, но горечь вряд ли можно скрыть, особенно от высшего элленари.

— Или будете в очередной раз мучить Амалию? Не стоит. Поверьте, девочка и так на грани срыва, так что боюсь, что после очередных пыток она может просто стать для вас бесполезной.

Демоны меня дернули вообще говорить об Амалии, но начав говорить, остановиться я уже не могла.

— В нашем мире женщин считают слабыми, но достойные мужчины компенсируют это упущение силой. Вы обладаете могуществом, сравниться с которым мало кто может, и на что вы его используете? Брать все, что пожелаете? Делать то, что считаете нужным? Простите, но магия для этого не нужна. Вы могли бы сделать все иначе, могли бы сразу мне все рассказать. Но зачем? Для вас я всего лишь кукла, которой можно надеть ошейник, которую можно пометить узором и, не спрашивая ее желания, притащить к Арке. Может быть, в нашем мире тоже достаточно зла и тьмы, но света в нем несоизмеримо больше. Мы умеем любить так же ярко, как ненавидеть, и может быть, не всегда можем отличить первое от второго, но мы чувствуем. Мы живем. Этими чувствами, всеми гранями наших эмоций, а вы — несмотря на всю свою силу, при своем хваленом бессмертии, вы все здесь... просто мертвы.

Я выпалила это на одном дыхании, смутно представляя себе, что будет дальше.

Дальше пальцы на моем локте разжались, но облегчения я не испытала. Может быть, в этом мире вообще ничто не способно принести облегчения.

Сделала несколько шагов и остановилась, потому что в отличие от котенка, поглядывающего на решившую полетать бабочку, я смутно представляла, что мне делать. Теперь Золтер посадит меня под замок, запрет в клетке Каори (так в нашем мире называлась магическая клетка, не позволяющая выйти из дома или из комнаты, а в особо жестоких случаях запирающая человека на крохотном участке помещения) или в ее элленарийском варианте, но как бы там ни было, в библиотеку мне уже не попасть.

Прежде чем эта мысль успела окончательно оформиться и придавить меня своей тяжестью, из-за спины донеслось:

— Аурихэйм умирает.

Умирает. Если вспомнить, что я видела и чувствовала в лесу. В лесу, которому обещала помочь. Нет ничего удивительного, что все это просто вылетело у меня из головы, но если бы я на минуту остановилась и задумалась, сложила два и два...

Обернулась, чтобы встретить взгляд Золтера, в котором сейчас не было тьмы. Скажем так, в нем не было ничего из того, что я помнила по нашему предыдущему общению.

— Ты права, Лавиния. Мы мертвы, или очень скоро будем. Подобно тому, как ваши маги сейчас заряжают своей силой артефакты, элленари впитывают магию Аурихэйма. Пять тысяч лет назад был нарушен баланс, из-за чего смерти стало больше, чем жизни, и это породило Первозданную пустоту. Она пожирает наш мир, как ржавчина металл.

Я отпустила котенка и обхватила себя руками, потому что очень хорошо помнила эту первозданную пустоту. Абсолютное ничто. Холод, боль, забвение — но это мои чувства, когда я ее увидела, а что чувствует тот, кто попал под ее действие?

— Зачем вам нужен был мой ребенок?

— Он мог все изменить.

— Я не понимаю.

— Он мог стать артефактом, соединяющим два мира. Позаимствовав силу жизни из мира смертных, мы могли воскресить Аурихэйм.

Вот теперь меня пробрало основательно:

— Что значит — стать артефактом?

— То и значит, Лавиния. По достижению шести лет, когда твой сын набрал бы полную силу элленари, соединившего жизнь и смерть, он бы раскрыл разделяющие наши миры границы. Арка и точное соблюдение условий ритуала требовались для того, чтобы ребенок родился сильным и смог удержать потоки магии, текущие сквозь его тело.

— Но я — смертная, — напомнила я.

— Магия в мире смертных сильнее всего цеплялась именно за женщин. — Золтер усмехнулся. — Ты и твоя сестра — прямое тому доказательство. Ты замечала, что у ваших мужчин чаще всего нет определенного вида магии? Твой брат использует знания армалов, но в нем нет истинной силы. Его кровь — его сила. Кровь, в которой течет магия, разбавь ее — и ничего не останется, ваша сила, твоя и Терезы — истинная. Армалы и мааджари — элленари, пришедшие в ваш мир, чтобы жить среди смертных, но увы. Магия рождена в Аурихэйме, и по ту сторону границы она слабела, с каждым тысячелетием. Поэтому мы оставили людей с их историей и ушли.

У меня сейчас голова лопнет. Нет, правда. Если бы на моем месте была Тереза, которая разбиралась в магии, как я в растениях... но нет, Терезы на моем месте быть не могло. Несомненно, к счастью.

— Я не совсем поняла про ребенка и артефакт.

— Тебе и не надо ничего понимать, Лавиния. Ребенка не будет, — коротко отозвался он.

Коротко и как-то резко, как если бы пожалел, что все это сказал.

Не сказать, что я сильно обрадовалась такой новости. То есть да, в общем-то, обрадовалась, потому что определенного рода надежду это внушало, но радость перед лицом того, что гибнет целый мир меркла мгновенно.

— Я могла бы помочь иначе, — сказала я. — У меня магия жизни, и там, в лесу ...

— Ты, — он посмотрел на меня сверху вниз, — могла бы помочь иначе? Ты, Лавиния — там, где не справились поколения элленари?

Сколько себя помню, меня никто не принимал всерьез. Даже Тереза и Винсент, хотя они и учили меня магии, но их магия — это было глубоко, а моя — так, поверхностное баловство. Для них я просто обожаемая младшая сестренка, Лави, тепличный цветочек, который надо оберегать и с которого надо сдувать пылинки. А ведь магия жизни способна творить чудеса.

Буквально.

— У любой задачи есть, по меньшей мере, два решения, — сказала я.

— У этой нет.

— Моя гувернантка тоже так считала, — я хмыкнула и сложила руки на груди. — Когда я решила заданную мне задачу другим способом, она полчаса пыталась найти ошибку, а потом наказала меня за лишнее для леди своеволие. Но это моя гувернантка, а вы — правитель, который ищет возможность спасти свой мир. Вам не кажется, что стоит позволить мне...

— Нет.

За спиной раздался грохот: котенок все-таки попытался добраться до бабочки, но что-то не рассчитал и свалился.

— Золтер, послушайте, — выдохнула я, поморщившись от резанувшего слух имени. — Вы ведь действительно правитель. Вашему миру нужна помощь. Это...

Я указала на бабочку.

— Это что-то да значит, верно? И то, что я смогла создать портал...

— Довольно. — Голос он не повысил, но от прозвучавших в нем интонаций — подавляюще-властных, желание говорить дальше пропало. — Мои решения под сомнение не ставят, Лавиния. Надеюсь, ты это запомнишь, когда в следующий раз соберешься выйти из комнаты. И да, на наказании Ирэи тебе придется присутствовать. Сегодня вечером.

Он вышел, а я с трудом подавила желание запустить в закрывшуюся дверь чем-нибудь потяжелее.

У-урод! Какой же он все-таки урод!

Прошлась по комнате, сжимая и разжимая пальцы. И так, что у нас получается? Заговорщики уверены, что Золтер что-то задумал, но Золтер говорит, что я теперь бесполезна, и что ребенка не будет. Больше того, не хочет даже подпускать меня к тому, что творится в Аурихэйме. Заговор, кажется, его тоже совершенно не волнует, он не спросил у меня никаких деталей или имен. Хотя одно имя во время несостоявшегося похода в библиотеку я все-таки услышала: Наргстрен. Собеседник этого Наргстрена считает, что я здесь не просто так, но...

Вот ведь ирония — магия в нашем мире сильнее всего «цеплялась», выражаясь словами Золтера, именно за женщин, и именно в женщинах ее сильнее всего подавляли. Отказывались развивать, заставляли сходить на нет, сбивали малейшую искру и тут же ее тушили. Не потому ли мы сейчас имеем то, что имеем? Угасающую магию, которую не удается удержать.

Да, артефакты заряжаются, но что будет, когда магия в нашем мире иссякнет вместе с последним магом?

Я потеряла виски.

Тереза, Винсент, как же мне не хватает ваших знаний. Вы бы в два счета решили эту задачку, не говоря уже про Эльгера... Хотя он уверен, что дело совсем в другом.

Я снова прошла по комнате, отогнала котенка от бабочки, которая полетела в ванную, и резко остановилась. Так резко, что чуть не упала: чтобы удержать равновесие, пришлось ухватиться за столбик кровати.

Просто я только что осознала, что слышала разговор элленари через полог безмолвия.

Амалия продолжала плакать. Если честно, я уже сомневалась, что поступила правильно, когда просила у его аэльвэрства разрешения ее увидеть: стоило мне войти, у сидевшей в кресле девушки задрожали губы, и она разрыдалась. На этот раз магией я не стала пользоваться, потому что магия способна принести лишь кратковременное облегчение, проблему она не решает. А проблема была, и существенная.

— Мы никогда отсюда не выберемся, — всхлипывала Амалия. — Вы обещали, что сможете вытащить нас, но мы по-прежнему здесь.

И ничего так, что с моего обещания прошло не больше пары дней?

— Амалия, я всегда держу свое слово.

— И как вы собираетесь это сделать? — Девушка подняла опухшее от слез лицо. — Как вы собираетесь пересечь границу Аурихэйма, если сами сказали, что сделать это может только элленари?!

Каюсь. Сказала. В прошлый раз.

— Амалия, ко мне в сон приходил месье Эльгер. Сильнейший маг нашего мира. Он сказал, что я меняюсь, и что нам нужно понять, что со мной происходит...

Хорошо бы сделать это до того, как я пойму, что мне делать с умирающим Аурихэймом. Его аэльвэрство слушать меня не стало, но после нашего разговора я не могла перестать думать про плачущий лес: олицетворение того, что происходит с домом элленари. Если бы у меня только было побольше сведений — например, о том, что нарушило баланс. Вот только откуда их взять? Если теперь по любому поводу надо спрашивать Золтера.

— Месье Эльгер?

— Эрик Эльгер. Герцог де ла Мер.

Амалия судорожно сцепила пальцы. Имя герцога де ла Мера в высшем свете не знал только... ладно, его знали все. Как ни парадоксально, преимущественно из-за его отца, который собирался занять трон Вэлей, а после залить кровью мир ради возрождения магии. В связи со всем, что я узнала, мне вдруг стало интересно, как он собирался это сделать? Или в знаниях мааджари об элленари было чуть больше, чем где бы то ни было?

— Он сможет нас спасти?

— Если я выясню, что творится с моей магией. Ты же понимаешь, что говорить об этом никому нельзя?

Девушка кивнула, быстро-быстро.

— А что с ней происходит?

— Я... создаю порталы, — раскрыла ладони, хотя к моим ладоням порталы не имели никакого отношения. — Пространственные переходы, правда, пока на очень небольшие расстояния.

Если вспомнить Ирэю, она провалилась сквозь пол и выпала в тронном зале, во время наказания Льера я просто рванулась к нему — и оказалась рядом. Единственное, что объединяло эти моменты — сильные эмоции. Может быть, в этом все дело?

— Еще я спасла тебя.

Амалия широко распахнула глаза.

— В лесу. Помнишь первый раз, когда ты пришла в себя в Аурихэйме?

И почему Золтер запретил мне об этом говорить?

Вопросы, вопросы, вопросы — и ни одного ответа.

— Аурихэйм не откликается на магию смертных, но на мою магию по какой-то причине откликается. Поэтому... — я улыбнулась и протянула ей руку. — Мы обязательно вернемся.

Амалия вложила в ладонь дрожащие пальцы. Под глазами девушки залегли глубокие темные круги, и даже оттеняющее ее светлую кожу голубое платье сейчас не освежало.

— Я очень надеюсь, леди Лавиния, — сдавленно прошептала она. — У меня такое чувство, что этот мир меня убивает. Я здесь постоянно мерзну... Помните, я говорила, что мне не страшны холода? Но здесь с утра до ночи продирает озноб, хотя жара у меня нет.

Я приложила ладонь к ее лбу: действительно, жара нет.

— Ты говорила кому-нибудь об этом? — спросила встревоженно.

Да, Аурихэйм — не лучшее место для юной леди, и я сама частенько мерзну от близости Смерти, но...

— А со мной кто-то говорит? — Она горько усмехнулась. — Мне приносят еду с таким видом, словно кормят зверье. Единственная, с кем я говорю — вы.

Я прищурилась.

— Кто тебе прислуживает?

— Прислуживает? — Амалия приподняла брови. — Несет тяжелую повинность, вы хотели сказать. Они каждый день меняются, и ни одна не назвала своего имени, хотя я пыталась спросить.

Взметнувшуюся было внутри ярость я заставила отступить. Нет, с этим элленарийским снобизмом пора что-то делать, и если это делать — то делать сегодня, когда во время наказания Ирэи во внутреннем дворе соберется толпа. При мысли о том, какой может быть реакция Золтера, внутри что-то подозрительно задрожало, но эту дрожь я уняла раньше, чем она растеклась по всему телу и добралась до сердца. Если я права (а я права, потому что иначе объяснить случившееся с пологом просто нельзя), моя магия в Аурихэйме не подчиняется никаким законам и правилам, странным образом набирает силу, хотя в этом мире почти не осталось жизни.

Пока я буду молчать, Золтер тоже будет молчать.

А значит, пришло время заявить об этом во всеуслышание.

Оставшееся до вечера время я посвятила общению с магией. Раньше я принимала ее как данность и не заостряла внимания на своих ощущениях, но сейчас отмечала все, что казалось мне интересным. Например, в нашем мире я чувствовала мягкое раскрытие сил, в Аурихэйме магия вспыхивала сразу. Здесь я чувствовала ее неотделимо от себя постоянно: в каждом вздохе, в каждом движении пальцев, над которыми мерцала жемчужная дымка, в родном мире она зарождалась во мне лишь тогда, когда я того хотела.

Чем больше я обращалась к магии, тем больше понимала суть слов Золтера об истинной силе: мы с ней действительно были единым целым. Мне не нужно было ее звать, она была со мной каждое мгновение, струилась по моему телу, бежала по венам, раскрывалась цветами и жизнью.

После того, как у меня на балдахине вырос цветок, я поняла, что стоит остановиться и прекратить. Не то, чтобы это меня напугало (что может сделать маленький безобидный цветок?), но я была достаточно подкована в магии, чтобы понимать, что если чего-то не можешь объяснить, в это погружаться не стоит. По крайней мере, пока рядом не будет того, кто может.

Я ожидала, что за мной придет Лизея, но Золтер явился лично. Окинул меня отстраненным взглядом и поинтересовался:

— Ты ужинала?

— Чтобы меня стошнило на глазах у всех? — хмыкнула я. — Увольте. Публичные казни и наказания не возбуждают мой аппетит.

На самом деле я была не вполне уверена, что поступаю правильно: все-таки для магии нужны силы, но мне кусок в горло не лез. Во-первых, потому что смотреть на истязания Ирэи мне совершенно не хотелось, а во-вторых — по причине того, что я задумала.

— Что же его возбуждает? — поинтересовался он, отточенным жестом подавая мне руку.

Это было как-то слишком по-энгерийски, поэтому я даже не сразу нашлась с ответом. Обычно его аэльвэрство предпочитало приказывать или брать, так что подобный джентльменский жест совершенно выбивался из образа. Раздумывая над этим, я поняла, что что-то странное творится не только с моей магией, но и с Золтером. Пока я не упустила эту мысль, надо будет к ней вернуться. После того, как вернусь к себе.

— Вы сегодня так милы. Мне ожидать солнца и радугу?

— Ты была бы не ты, если бы не сказала что-то подобное, — хмыкнул он.

Но руку не убрал, и я добровольно положила ладонь на стиб его локтя.

— Ты не ответила на вопрос.

— Он не показался мне интересным, — хмыкнула я. — Тем более что раньше вас это не интересовало.

— Интересует сейчас, — коротко произнес он, и мы направились к дверям.

Вся дикость ситуации заключалась в том, что мы шли не на званый ужин, а смотреть на наказание, но вели себя именно как собравшиеся на официальный прием. Еще большая дикость — то, что я уже начинала к этому привыкать, но самая, пожалуй, из ряда вон — то, что я иду рядом с мужчиной, который предпочитает брать женщин силой и делает вид, что все хорошо.

Эта мысль заставила отнять руку.

— Что-то снова не так?

— Снова? — я приподняла брови. — Оно постоянно не так.

— Что именно?

— С чего предпочитаете начать?

— С чего угодно. Но не сейчас. Поговорим об этом за ужином.

Я не ослышалась? Он сказал — поговорим?

— Руку, Лавиния. — Это прозвучало привычно-жестко, проходящие мимо элленари склонились, но Золтер даже не взглянул в их сторону.

Ладонь я вернула на место, вглядываясь в его лицо и пытаюсь понять, что кроется за столь резкими переменами. То ли это очередная игра, то ли... не знаю.

В любом случае, серьезный разговор нам сегодня точно предстоит. Не знаю, состоится ли он за ужином (после того, как я покажу всем, на что способна жизнь), но в том, что избежать его не получится, можно было не сомневаться. Украдкой взглянула на повелителя Аурихэйма, когда мы вышли к лестнице — что раньше, что сейчас, я не могла его понять.

Может быть, в этом все дело? В том, что элленари непостижимы. Да и можно ли понять существо, которое прожило бесчисленное множество лет?

Сколько ему вообще лет?

Перевела взгляд на картину, отражавшую суть магии и ее зарождение.

Смерть и жизнь, вливающиеся друг в друга, рассыпающиеся искры стихий — пламя и лед, земля и воздух. А ведь в нашем мире почти не осталось магов стихии, да и здесь я их не встречала. Целительскую магию вообще сложно выделить во что-то особенное, ее проявления — именно то, о чем Золтер говорил про мужчин-магов. Использование силы крови, зелий и созданных давным-давно плетений, возможно, усовершенствованных и доработанных.

О, сколько знаний можно было бы найти здесь! Тереза бы многое отдала, чтобы к ним прикоснуться.

И кажется... я тоже.

— Стихии угасают, потому что из Аурихэйма уходит жизнь? — неожиданно спросила я.

Он скользнул взглядом по моему плечу. Я бы сказала, огладил, от этого не-прикосновения стало жарко даже в насквозь промерзших стенах его замка.

— Годы жизни в Энгерии все-таки не истребили желания поглубже погрузиться в магию?

Я поправила волосы, заставляя их лечь на плечо. В Аурихэйме предпочитали прически попроще, преимущество отдавали распущенным волосам, украшенным завитками, иногда несколько прядей чуть поднимали наверх.

— Желание ничто не способно истребить. Если оно искреннее, — заметила я.

— Да, ты права. — Признание моей правоты от Золтера звучало еще более странно, чем все остальное. Тем не менее, чем ближе становились распахнутые двери и внутренний двор, залитый иссиня-черным пламенем и вспышками молний, тем больше мне становилось не по себе. Поэтому я предпочла продолжить:

— Вы сейчас про искренность или про стихии?

— И про то, и про то.

— А что насчет сил хэандаме?

Он усмехнулся.

— Силы хэандаме возникли, как полная противоположность магии. На них не способны повлиять ни смерть, ни жизнь.

— Тем не менее они умрут вместе с Аурихэймом, если мы ничего не сделаем?

«Мы» сорвалось с моих губ случайно, но взгляд Золтера после них оказался слишком глубоким. К счастью или не очень, мы уже шагнули во двор, и рев толпы взмыл ввысь, чтобы с грохотом обрушиться по стенам замка на нас.

Элленари приветствовали своего повелителя.

Мне было не привыкать к местным развлечениям, но все же сейчас я поморщилась. Среди пестрой толпы, ожидающей расправы над женщиной, с которой танцевали в одном зале и которой говорили комплименты, мне не был никто интересен. По большому счету, мне здесь вообще ничто интересно не было, но я не без потайного злорадства представляла, как вытянутся их лица, когда я отпущу магию.

Аурихэйм не признает смертных, Аурихэйм не признает смертных.

Сегодня посмотрим, кто и кого здесь не признает.

Сделать все нужно было до того, как начнется наказание, и в идеале наказание не должно было бы состояться, но меня все равно потряхивало.

— Ты такая напряженная, Лавиния.

— А вы такой отзывчивый! — огрызнулась я.

Особенно когда увидела помост.

Да что ж за раса-то такая, а! Вечно им надо над кем-то показательно издеваться.

— Снова думаешь о том, насколько мы мерзкие? — хмыкнул Золтер.

— Как вы угадали?

В прошлый раз меня сопроводили к трону, на котором он восседал, в этот раз мы шли к нему вместе, вот только соседнего кресла больше не было. Разумеется, я же больше не будущая королева, а так, пленница. Пленницам не положено сидеть, им вообще ничего не положено.

— Видимо, ты плохо знакома с историей. Публичные казни были любимой забавой смертных в Темные времена.

— С историей я знакома хорошо, но в Темные времена у людей было помутнение рассудка из-

за давяющей власти магии. У вас оно, здесь, кажется, не проходит.

Золтер снова хмыкнул, и, когда мы приблизились, опустился на трон. Ни один мужчина (достойный, я имею в виду) в Энгерии не позволил бы себе сесть, когда стоит женщина, но с достоинством у них тут большие проблемы. Боюсь, что не только с достоинством.

Чувствовать магию, как вторую суть, было необычно, но я уже начала привыкать. По крайней мере, сейчас, когда напряженная, вглядывалась в арку, из которой в сопровождении двух стражей вышла Ирэя. Чем ближе они подходили, тем сильнее внутри натягивалась невидимая струна. Раскаленные волосы принцессы полыхали в ночи, а вот лицо было неестественно-белым.

Я глубоко вздохнула, когда она поднялась на помост. В нашу сторону элленари не смотрела, но когда Золтер вскинул руку, и над двором растянулась тишина, я увидела, как ее ногти вонзились в ладони.

— Поскольку оскорбление, нанесенное аэльвэйн Лавинии моей кузиной, касается лично ее, — его голос ворвался в шипение плетей, готовых обрушиться на спину Ирэи, — я счел верным предоставить ей самой решить, какого наказания достойна Ирэя. Аэльвэйн Лавиния?

Тишина, повисшая после этих слов, оказалась гораздо более громкой, чем можно себе представить. Взгляды, обращенные на меня, были весьма говорящими — изумленные, яростные, полные неверия. Они скользили по мне, тяжестью опускались на плечи, оплетали, как паутина. Тем не менее из толпы не донеслось ни звука: как Золтер и говорил, оспаривать его слова не решались.

Ирэя все-таки повернулась к нам. Точнее, повернула голову, и взгляд ее горел такой ненавистью, какую мне не доводилось видеть еще никогда. Подозреваю, что отданное в руки смертной право решать ее участь само по себе оказалось гораздо более страшным наказанием, чем боль, которую могла причинить плеть.

— Я не желаю наказания для ее аэльвэйства.

В тишине мой голос прозвучал очень громко, а мне так вообще показался оглушающим.

— Ты уверена, Лавиния?

— Уверена, — отозвалась я, выравнивая дыхание и мысли.

Ко взглядам после развода с Майклом мне не привыкать, а остальное... С остальным я справлюсь.

— Освободите ее аэльвэйство, — последовал приказ. — Надеюсь, Ирэя, ты сделала выводы.

— Сделала, кузен. — Ее голос больше напоминал шипение, тем не менее она изобразила местное подобие реверанса, после чего слетела с помоста. Вторя отзвучавшему эху, растаяла плеть.

Еще мгновение — и момент будет упущен, поэтому я раскрылась навстречу бьющейся во мне магии.

— Ваше аэльвэрство. — От толпы отделилась женщина-элленари.

Она шагнула вперед, и в меня ударило тьмой. Я даже не сразу поняла, что исходит она от Золтера: его лицо стало каменным, как окружающие нас стены, взгляд потемнел до глубин черной и беспощадной смерти.

Сейчас было самое время отпустить магию, но я не могла, горло словно сдавила невидимая рука. Направляющаяся к нам женщина чем-то (возможно, идеально ровной спиной и умением держаться) отчаянно напомнила матушку. Одежды, ничуть не похожие на вольные наряды элленари, были ближе к наряду княжны Загорья: плотная темная ткань, тронутая лишь пылью серебряного рисунка. Невысокая, с узорами на скулах, от которых я почему-то не могла отвести взгляд, женщина приблизилась, и мне стало нечем дышать.

Иссиня-черные волосы, водопадом расстелившиеся по хрупким плечам, глаза глубокой, насыщенной синевы.

Как небо перед рассветом.

Элленари была невыносимо похожа на Льера.

В тот миг, когда я об этом подумала, женщина словно надломилась и встала перед Золтером на колени.

— Ваше аэльвэрство, — голос ее тоже казался надломленным, — я прошу вас о милосердии. Позвольте моему сыну вернуться домой.

Надо было что-то сказать или сделать, но я замерла. Только чувствовала, как бьется вместе с магией мое сердце, и кажется, его грохот был слышен каждому из собравшихся. Потому что тишина снова стала глубокой и вязкой, и даже молнии, разрезающие черное небо, крошились с треском.

— Поднимитесь, аэльвэя Орстрен, — голос Золтера ударил подобно грому. — И немедленно покиньте мой двор.

Что?

— Ваш сын был казнен и останется здесь столько, сколько я того пожелаю.

В глазах женщины мелькнуло отчаяние. Сродни тому, которое я видела в глазах матери лишь однажды: когда Винсенту сообщили о том, что Тереза добровольно отправилась к Эльгеру, чтобы спасти мужа. Брат всегда оберегал нас от такого рода известий, но в тот раз предпочел сказать правду.

— Пожалуйста.

— Уведите ее.

Этот короткий приказ прозвучал как пощечина, а я резко развернулась к нему:

— Как вы можете?!

Золтер перевел на меня взгляд. До ужаса медленно, но сейчас впору было радоваться тому, что это произошло так — клубящаяся в нем смерть повторно перекрыла дыхание, а ее тяжесть ударила в грудь, на миг разделяя с собственной магией.

К нам уже приблизилась стража, поэтому я бросилась к женщине, чтобы помочь подняться. Она взглянула на меня даже без удивления — равнодушно, как обреченная, но руку мою приняла. Правда, стоило ей выпрямиться, тут же отстранилась, оттолкнула попытавшегося взять ее под локоть элленари и направилась к арке ворот. Я смотрела ей вслед, чувствуя, как внутри все переворачивается.

Магия жизни считается даром, но и подводные камни в ней тоже есть: чужие чувства. Сейчас чувства этой женщины приближались к тому, что я видела, к выжженной, страшной пустоши.

— Ваше аэльвэрство...

— Руку, — последовал приказ.

На этот раз все было как всегда: не дожидаясь моего согласия, поднявшийся Золтер сдвинул мои пальцы и устроил на сгибе своего локтя. Вспышка — и портал уже отрезал нас от толпы и от матери Льера, чье лицо до сих пор стояло перед глазами.

— Ужин тебе принесут. Из комнаты не выходить. — Короткая череда приказов обрушилась на меня, едва мы оказались в моей спальне.

— О чем она говорила? — спросила, стараясь не обращать внимания на разрастающийся в груди давящий ком.

— Это не твое дело.

— Не мое? — холодно поинтересовалась я. — А что тогда мое? Что она имела в виду?!

— Элленари не умирают, — жестко произнес он. — Насколько ты знаешь. Погибшие в бою становятся армией приграничья, казненные — остаются прикованными к месту казни, чтобы переживать ее снова и снова до тех пор, пока наказание не сочтут достаточным.

Я задохнулась от такой перспективы.

— Вы... вы... неужели в вас нет ни капли милосердия?

— Ни капли, Лавиния, — подтвердил он.

— Послушайте. Льер и так...

— Я запретил произносить его имя, — резко произнес он. — Хочешь оказаться на месте Ирэй?

Новый портал — и я снова одна, а в тишине оседают на пол мерцающие изумрудные искры и отголоски давящей силы Золтера. Сцепив пальцы, прошлась по комнате, готовая прямо сейчас бежать обратно. Вот только к чему это приведет? Я все равно не смогу помочь матери Льера, даже не зная, где сейчас ее сын.

Не знаю, потому что... не искала!

Жемчужная искра вспыхнула над ладонью, согревая. Повторить нужное заклятие оказалось гораздо проще, чем создать в первый раз, вот только нить не спешила вытягиваться в нужном направлении. Мерцала, подрагивала, словно билась о невидимую стену.

Да, в случае с поиском людей (или не совсем людей) все гораздо сложнее. Будь здесь Тереза, она отыскала бы его в считанные секунды, у меня же не было ни единой вещи, способной к нему привести.

Впрочем, кое-что все-таки было. Перстень Винсента.

Обычно для поиска требовалась личная вещь, или хотя бы вещь, которой человек касался. Не представляю, работает ли это с призраками (или как называют элленари, лишившихся материального воплощения), но перстень был в руках Льера. Он был у него несколько дней, возможно, это поможет. Подхватив его, раскрыла ладонь, перенаправила узелок плетения. Нить слабо задрожала, потянулась к двери, и... растаяла.

Да что же это такое-то, а!

Я сжала перстень сильнее, окутывая его поисковым плетением, а потом, сама не знаю зачем, представила лицо Льера. Его голос — низкий, глубокий, вкрадчивый... Почему-то именно это определение пришло мне на ум, а следом на ум пришло уже совсем другое: скользкие по моим губы, пробуждающие волнующий жар.

Осознание было коротким, потому что невесть откуда взявшийся ветерок подхватил мои волосы.

Оглушительное:

— Шрау! — и скрежет когтей донеслись совсем рядом, а потом вокруг меня вспыхнули искры.

Я провалилась в портал.

Буквально.

Мордочка б'йрэнгала — последнее, что увидела перед тем, как магия вышвырнула меня на узорную плитку. В лицо ударил порыв ветра, из распахнутых настежь дверей, ведущих на балкон. Сами двери напоминали крылья какого-то чудовищного зверя: огромные, изогнутые стальные прутья, разделенные вставками витражного стекла.

С бешено колотящимся сердцем огляделась, пытаюсь понять, где нахожусь, но эта комната была мне не знакома. Тоже жилая, судя по обстановке — кровать, кресло, все в темно-синих тонах, причем больше темных, чем синих, поначалу я даже подумала, что здесь все черное. Единственным цветом, его разбавлявшим, был цвет потемневшей стали покрывала и узора на стенах. Еще над полом тянулся фиолетовый дымок, и исходил он от непонятных растений с большими листьями, больше напоминавшими пластины металла. Плитка подо мной была просто ледяная, поэтому я поспешно поднялась.

Вот только этого мне для полного счастья не хватало, честное слово.

Нет бы показать, где сейчас Льер!

Но это же слишком просто, зачем леди Лавинии искать простые пути.

Гораздо проще провалиться в портал неизвестно куда.

Сильнее сжимая перстень в ладони, направилась к двери, когда заметила светлое пятнышко. Даже не пятнышко, тонкая полоска: что-то торчало из-под подушки. Не вполне понимая, зачем, шагнула ближе к кровати, приподняла край наволочки и широко распахнула глаза.

Светлело не что иное, как моя лента.

Лента, которая была вплетена в мои волосы, когда меня забрали в Аурихэйм.

Эта мысль стала последней перед тем, как за дверями ванной комнаты что-то разбилось. Не просто разбилось, судя по силе удара и звуку, разлетелось даже не в крошку, а в пыль, и на миг показалось, что вместе с этим чем-то разлетелась я — так сильно меня полоснуло отголосками чужой боли.

Не вполне отдавая себе отчет в том, что делаю, я приблизилась к приоткрытым высоченным дверям. И замерла, потому что в заполненной тленом, окружившим его как рой насекомых, комнате стоял Льер.

Сначала я не поверила глазам, и себе тоже не поверила: Золтер сказал, что Льер умер, но мертвым он не выглядел. Не представляю, как выглядят призраки, но если верить Терезе (и умным книгам) — это просто размытые контуры без лиц и каких-либо черт. Странную затопившую меня радость я осознать не успела, равно как не успела осознать, что делаю. Уже почти шагнула к нему, когда на моих глазах Льер начал меняться.

Черты лица стали резче, контур губ и подбородка смазался, чтобы спустя мгновение стать четким, но... другим. Иссиня-черные волосы вспыхнули огнем, словно кто-то развел рядом с ним пламя, но пламени не было. Тем не менее они впитывали раскаленный цвет, цвет волос Золтера. Изменились скулы и надбровные дуги, над ними вспыхнул королевский узор. Спустя мгновение рассеялся и морок тьмы, и когда это произошло, передо мной стоял Золтер.

Я видела его так же четко, как несколько мгновений назад — Льера.

Что это?

Что это только что...

Он повернулся к двери, и я отпрянула. Метнулась в сторону балкона, и, едва успела оказаться снаружи, как в комнате раздался шаг. Двери с грохотом захлопнулись, отрезав меня от того, кто за ними остался. Не представляя, что делать дальше, не в силах поверить в случившееся, я прижимала к груди ленту, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Льер... жив?

Не просто жив, Льер — это Золтер? Точнее... Что точнее, я пока понять не могла, зато вспомнила фразу Золтера о том, что элленари способны принять чей угодно облик. Но если Льер — это Золтер, точнее, он носит его личину, то настоящий Золтер...

Я поняла, что не готова думать об этом здесь. Сейчас — точно нет. Мне нужно вернуться к себе, собраться с мыслями и понять, что вообще происходит.

Над Аурихэймом снова нависло безветрие и мертвая тишина, и это играло мне на руку. Сквозь витражные стекла невозможно было что-либо разглядеть, поэтому оставалось надеяться только на слух. Затаив дыхание, я вслушивалась в то, что происходит за дверями, но оттуда не доносилось ни звука. Точно так же, как выпитый досуха мир, лишенный почти всех проявлений жизни (я ведь действительно не видела здесь ни птиц, ни животных, не считая жутких псов и б'йрэнгалов, ну и еще запертых в зверинце Золтера неизвестных существ), комната безмолвствовала.

Выждав еще несколько минут, для верности, осторожно приоткрыла дверь.

Никого.

Глубоко вздохнула и шагнула к кровати, стараясь ступать еле слышно. Ленту надо оставить на том же месте, и...

— Что ты видела, Лавиния?

Его голос раздался из-за спины так резко, что я едва не заработала разрыв сердца. Обернулась, наткнувшись на жесткий темный взгляд.

— Все.

Отпираться не было смысла, да и сейчас, когда я оказалась лицом к лицу с ним, поняла, что мне до безумия хочется высказать ему все, что я думаю. А думала я многое: в частности, о том, что очнулась после кошмарной ночи и вместо его лица увидела ненавистную физиономию Золтера. Мужчины, который взял меня силой, и... Льер ведь об этом знал! Я сама ему

рассказала.

— Понравилось меня целовать? — поинтересовалась я, с трудом сдерживая кипящий внутри гнев. — Будучи им?

— Не говори о том, чего не понимаешь.

— О, я многого не понимаю. Например, как можно быть настолько жестоким к собственной матери!

Он остановился. Впрочем, «остановился» — это было слишком слабое слово для того, кто просто замер в одно мгновение.

— Что молчишь, Льер? Ответить нечего? — я уже не сдерживала чувства, и голос дрожал.

От долго и прочно упрятанных на глубину чувств, от того, что я все это время скрывала даже от себя самой.

— Понравилось быть мертвым?

— Замолчи.

— И не подумаю!

— Как ты здесь оказалась?

Его голос звучал настолько холодно и отстраненно, что сходство с Золтером стало не просто идеальным. Сейчас я при всем желании не отличила бы Льера от его аэльвэрства, а впрочем, не отличала же. Никто не отличал.

За исключением коротких мгновений, когда я что-то скорее чувствовала, чем понимала, отличить первое аэльвэрство от второго не представлялось возможным.

— Это все, что тебя интересует? — поинтересовалась в тон ему.

— Сейчас — да. В эту комнату никто не мог войти: ни через портал, ни просто так. Никто не мог увидеть, услышать или почувствовать, что здесь происходит. — Слова он сейчас цедил. — Так скажи мне, Лавиния, как ты порвала магическую защиту высшего уровня и оказалась здесь?

Магическую защиту высшего уровня?!

— С удовольствием! — выдохнула я. — Не знаю!

— Не лги мне.

— Я никогда не лгу! В отличие от некоторых. Я говорила, что с моей магией что-то происходит, но ты был слишком занят маскарадом, чтобы обратить на это внимание.

Льер все-таки шагнул ко мне. Видеть его в этой маске сейчас было особенно дико, поэтому я отпрянула.

— Не смей. Не смей меня трогать и не смей ко мне приближаться.

— Не смей мне приказывать, Лавиния.

— А то — что? Меня постигнет участь Ирэй?! — я сжала кулаки. — Всевидящий, какое благородство! Аэльвэйн Лавиния может решать участь моей кузины! Ты, кто вытащил меня на охоту и заставил на все это смотреть?! И ты говорил мне про лицемерие?!

— Руку.

Я отвела руки за спину и отступила.

— Лавиния.

Его голосом можно было убивать, но я сложила руки на груди.

— Не испытывай мое терпение.

— Помост для наказания, наверное, еще не успели разобрать. Сразу пойдем туда?

Глаза потемнели еще сильнее, сквозь радужку в белки плеснули чернила смерти.

— Я справлюсь без посторонних.

Он шагнул ко мне так стремительно, что я не успела отпрянуть. Подхватил с той же легкостью, что котенка, перекинул через плечо, шагнул в портал и швырнул меня на постель.

К счастью, здесь было мягко.

К несчастью, у меня задралось платье, и меня затрясло. Поэтому я не успела остановить б'йрэнгала, бросившегося на Льера. Короткое движение руки — и котенок, не долетев до него, свалился на пол. Со стороны он смотрелся как поломанная игрушка, и я метнулась к нему. Запутавшись в платье, больно ударилась о столбик, рывком опустила на колени, положив руку на крохотное тельце и чувствуя, как медленно бьется сердечко.

Бьется.

Хотя звереныш казался каменным.

— Что ты сделал?! — прошипела я, вскинув голову.

— Обездвиживающее заклинание, — произнес он.

Его бесчувственная физиономия не поменяла выражения даже сейчас.

— Сними!

— Нет. Ему полезно понимать, на кого можно рычать, а на кого нет.

Под рукой ничего больше не оказалось, поэтому я запустила в него туфелькой. Следом — второй, а потом пружиной взвилась на ноги.

— Ты... — выдохнула я. — Ты хуже самого мерзкого чудовища, которое я когда-либо видела! Золтер хотя бы не притворялся.

Миг — и Льер оказался рядом со мной, на ходу выхватив из раскрывшегося пространства то, от чего я избавилась в самом начале. Металл коснулся кожи, и украшение мгновенно сплелось звеньями, сомкнувшись ошейником.

— Это, — прорычал он, — научит тебя выбирать слова, Лавиния. Будешь ходить в нем, пока не перестанешь мне возражать. А это... — Мне в запястья вдавили браслеты, которые точно так же оплели руку: — Позволит мне сразу узнать, если ты выйдешь из комнаты. И тогда мы вернемся к вопросу о наказаниях.

— Не боишься, что я расскажу обо всем, что видела? — выплюнула ему в лицо.

— Вперед. Элленари очень изобретательны в вопросах казней, а за смерть Повелителя отвечает вся семья. Чаще всего, убийца просто смотрит на то, что делают с его родными и близкими, и только потом умирает сам.

Он вышел из комнаты сквозь разорвавший пространство портал, снова оставив меня в пелене стремительно тающих искр. Я смотрела на них и думала о том, что за все время нашего знакомства, даже при всей его несоизмеримой жестокости, Золтеру ни разу не удалось сделать мне так больно.

Да что там, так больно мне не было никогда.

А.О.

Может, все дело было в том, что она действительно отличалась от женщин, с которыми ему приходилось иметь дело. В мире элленари не существовало столь четкой границы между полами, как в мире смертных. Женщина могла возглавлять армию, женщина могла править Двором. Правда, с тех пор, как последняя Королева ушла за грань, прошло пять тысячелетий, но сути это не меняло. Женщина-элленари была равна мужчине, женщины-элленари не

стеснялись собственного тела и желаний. Для них это никогда не было чем-то запретным, скорее — естественным и проходящим. Истинное наслаждение постигалось разве что в соединении с мьерхаартан, но из-за случившегося много лет назад пары перестали возникать. Все больше и больше союзов Арка отказывалась благословить, и в результате обряд слияния стал чем-то вроде пережитка прошлого.

Никого он не интересовал по большому счету, этот обряд слияния.

Кроме Золтера, который так настойчиво собирался объявить Лавинию своей, и с этим Льер уже который день тщетно пытался разобраться. То, что лежало на поверхности, то, что озвучил Золтер, было всего лишь верхушкой, но что под ней скрывалось — никому не известно. Никому, кроме повелителя Аурихэйма.

Версия для всех была такова, что Лавиния должна родить ребенка, артефакт, соединяющий миры. Узнай она о том, что это значит на самом деле... Нет, представить ее реакцию на такое Льер даже не пытался. Ребенок смерти и жизни, достигнув определенного возраста, возраста пробуждения магии, стараниями Золтера превратился бы в артефакт. Буквально. Одушевленный предмет, соединяющий жизненные силы двух миров.

Все было бы просто, ясно и понятно, если бы не два «но».

С помощью столь мощного артефакта, привязанного к тебе кровью, всю силу мира можно забрать себе. И второе — Арка. Клятая Арка и высшее благословение в ночь схождения луны и солнца.

Почему именно оно?

Он перевернул всю библиотеку Двора в попытках найти хотя бы что-то, что способно было дать подсказку. Перебирал факт за фактом, пытаясь распутать клубок, чтобы понять, что такого особенного в Лавинии, почему именно она. Почему именно девственница. Почему нужно было проворачивать всю эту историю с ее мужем. Искал — и не находил.

Равно как и не представлял, почему с ее предплечья не сходит метка.

И что творится с ее магией.

Сейчас, когда эмоции отступили, уже не мешая мыслить здраво (признаться, до ее появления он вообще мало что испытывал по тому или иному поводу), оставалось только ругать себя за несдержанность.

Она действительно ничего не понимала, но умудрилась его найти. Поисковый портал, мгновенный выход на того, кого ищешь — непростое заклинание даже для элленари. Смертным его воспроизвести так и не удалось: несмотря на то, что они веками изучали записи армалов. Даже те, кто получил доступ к знаниям мааджари, даже из них самые простые порталы вытягивали силы. Сильнейших магов заставляли лежать пластом и восстанавливаться по нескольку дней.

— Ваше аэльвэрство, — вошедший коротко склонил голову.

Наргстрен.

Один из главнокомандующих Золтера, его наставник и тот, с кем они вместе планировали заговор. Если верить Лавинии, заговорщики от своих планов не отказались, а значит, времени у него остается все меньше и меньше.

— Я тебя слушаю.

— Вы просили лично докладывать об аэльвэе Орстрен. Она по-прежнему стоит за воротами замка.

Маска Золтера обжигала, как если бы он в самом деле приложил к лицу раскаленный металл. Была у элленари, управляющих стихиями, такая казнь: заковать в доспехи и раскалить их докрасна, держать приговоренного в них до тех пор, пока он не уйдет за грань в жутких мучениях. В том, что Лавиния сегодня бросила ему в лицо, была истинная правда. Поцелуй, от которого он не сумел удержаться, принадлежал не ему. Не ему принадлежали все их разговоры и любые чувства, которые она испытывала.

И это сводило с ума.

Сводило, сводило и свело.

Когда их мир был полон жизни, элленари были полны чувств. Чувства, которые испытывали люди, не шли ни в какое сравнение с тем, что могли испытать они. Если радость — то бесконечная, как вереница миров и раскинувшееся над головами небо, если ненависть — то глубокая и черная, как сама смерть, как ее ледяное сердце. Если любовь... Про любовь Льер знал от матери. Она говорила, что помнит, как впервые повстречала отца, и что Арка благословила их именно в ночь схождения луны и солнца.

Отец вырос вместе с Золтером, они были друзьями, и долгое время именно он помогал повелителю Аурихэйма сдерживать надвигающуюся пустоту. Самую страшную из существующих во всех мирах силу, способную даже Смерть поглотить без остатка.

Однажды отец не вернулся: пустота завладела им и увела за грань, а Льеру, тогда еще совсем неопытному юнцу, Золтер предложил занять пост главнокомандующего. Военное дело было у них в крови, и он согласился, не раздумывая. Что касается матери, она перенесла удар гораздо легче, чем могла бы.

— Если бы во мне было столько чувств, как когда мы вошли под Арку, — сказала она, — я бы умерла в тот же миг, когда его сердце остановилось.

Но чувств не было.

Не было чувств и в нем, вот только сегодня, глядя на нее, он чувствовал. Она — тоже, иначе не опустилась бы перед ним на колени. Мать никогда и ни перед кем не склонялась.

Чувства.

Откуда им взяться в мертвом, угасающем мире?

Откуда, если не от хрупкой, бессильной смертной? Смешно.

Тем не менее смешно ему сейчас не было. Рядом с Лавинией он терял контроль, рядом с ней он переставал быть самим собой (и речь шла вовсе не о личине Золтера). Нет, он просто становился кем-то другим. Другим Льером, которого раньше не знал, которого не понимал, и именно это, странное чувство, слабость — обрушилось на него с силой глубинной тьмы.

Он не хотел меняться.

Он не хотел чувствовать, не хотел что-то испытывать по поводу того, через что должен был просто перешагнуть.

Должен — значит, перешагнет.

— Отправь аэльвэю Орстрен в ее владения, — коротко приказал Льер. — И поставь печать, чтобы Двор не пропустил ее в следующий раз.

— Мой повелитель. — Наргстрен склонил голову, но в глазах заговорщика он уловил короткую искру раздражения.

Впрочем, эта искра не значила ровным счетом ничего, и Льер отвернулся: разговор был закончен. С Лавинией тоже.

Он сделает то, что обещал, но до того — никаких послаблений.

Ни ей, ни себе.

Если она его возненавидит, это будет очень кстати. По крайней мере, когда все закончится, у него останется хотя бы ее ненависть. Теперь уже точно его.

Безраздельно.

После случившегося меня посетило странное чувство. Развод с Майклом ударил по моей гордости (или, точнее сказать, по тому, что я ею считала), но чем больше сейчас задумывалась о наших с ним отношениях, тем больше убеждалась, что любви там не было. Все это было навеяно чарами элленари, вся моя влюбленность, начиная с первого танца и тайных поцелуев украдкой. Впрочем, о поцелуях лучше не думать. Майкл всегда делал это так, будто стеснялся, а может, просто не умел целоваться — под магией места для стеснения не остается.

Магия магией, но я даже ее не чувствовала, зато чувствовала усталость. Глухую тоску и, пожалуй, на этом все. В таком состоянии меня и застала Лизея.

— Доброе утро, аэльвэйн! Вы сегодня рано... — Элленари наткнулась взглядом на ошейник, браслеты и замерла.

Я же прислушалась к себе и поняла, что по этому поводу тоже ничего не испытываю. Такое абсолютное ничего, каково моя магия просто не предполагала. На лице Лизеи и то отражалось больше чувств, что, несомненно, было очередной странностью. Великая раса элленари не чувствует, в этом меня неоднократно пытались убедить... словами. Зато вчера убедили действиями, и с этим, похоже, остается только смириться.

— Мне очень жаль, — тихо сказала девушка, и мне захотелось запустить в нее чем-нибудь тяжелым.

— Не надо меня жалеть, — это прозвучало резко, и Лизея кивнула.

— Я жалею не вас. Я сожалею о том, что все так получилось. Не стоило вам ему возражать.

Я усмехнулась.

— За что тебя выгнали из семьи?

Она вздрогнула, словно я ее ударила. Но потом все-таки произнесла:

— Я отказалась выйти замуж за того, кого выбрал отец.

М-да. Мир другой, а в головах все то же. И они еще будут меня убеждать в том, что у них все не как у людей.

— Ты молодец, — сказала я и отвернулась от зеркала, чтобы не видеть ее лица.

Хотя не была уверена, что она молодец, и вообще ни в чем не была уверена. Ее имя упоминали заговорщики: именно Лизея сообщила про мой узор, но вряд ли она была в курсе заговора. Особенно учитывая, что появилась при дворе Золтера недавно, и вряд ли могла участвовать в том, что началось задолго до ее появления.

— Вы тоже молодец, — неожиданно донеслось сзади. — Не представляю, что бы я делала на вашем месте.

— Скучаешь по семье? — я по-прежнему смотрела на свои руки.

— Нет. — Тишина. — Может быть... немного. По сестрам.

— У меня тоже есть сестра. И брат, — не уверена, что это вообще было кому-то интересно, но мне просто нужно было это сказать.

— Они младше вас?

— Старше, — я наконец-то повернулась к ней.

— Намного? — Лизея положила платье на постель и приблизилась.

— В нашем мире намного. Для вас, наверное, это сущий пустяк.

Винсент и Тереза действительно были значительно старше меня по человеческим меркам. Не представляю, с какой радости я вообще появилась на свет, если матушка и отец были так далеки друг от друга. У них уже был Винсент — достойный наследник, и Тереза, наделенная сильнейшей темной магией. В отличие от матушки, отец был на магии просто помешан, об этом мне рассказывал Винсент. Он не чурался прогресса, но предпочитал изучать то, что в

нашем мире медленно угасало.

— Не знаю. Не уверена, — Лизея улыбнулась. — Рядом с вами все пустяки становятся важными.

— О чем ты?

— Мне казалось, что разорванная родовая связь для меня ничего не значит. Но теперь я понимаю, что это не так.

— Вряд ли это связано со мной.

— Может быть, и нет. Но раньше я не... — она запнулась. — Не знаю, как это объяснить. Давайте я лучше помогу вам привести себя в порядок.

— Не стоит, — остановила я. — Не уверена, что я сегодня куда-то пойду.

— Но если его аэльвэрство...

— Я не желаю его видеть и с ним разговаривать.

Лизея открыла рот. Потом его закрыла. Потом все-таки выдохнула:

— О...

— Прости за то, что спросила у тебя о семье. Я не должна была.

Она моргнула.

— Вы что, сейчас извиняетесь?

Я вздохнула.

— Мне очень хочется верить, что да.

Хочется верить, что я еще на это способна.

Элленари не нашлась с ответом, как раз в это время из-под кровати вылез Льер. Тот, который нормальный, потянулся, зевнул во всю зубастую пасть и уставился на нас.

— Погуляешь с ним? — спросила я у Лизеи, которая ощутимо напряглась. — Он не причинит тебе вреда.

— Вы что, правда не собираетесь выходить? — уточнила она, неверяще глядя на меня. — Даже если его аэльвэрство вас позовет?

— Правда, — ответила я. — Тем более что выходить без разрешения мне запрещено, а бегать к нему по его приказу у меня нет ни малейшего желания.

— И что мне ответить, если он попросит вас привести?

Я пожала плечами.

— Передашь ему мои слова.

— Аэльвэйн Лавиния, — Лизея покачала головой, — вы уже не раз доказали свою смелость, но сейчас вы играете с огнем. После появления аэльвэи Орстрен от него все шарахаются.

Неудивительно, если учесть, с какой легкостью он выставил собственную мать.

— Я здесь недавно, но у меня... мой хороший знакомый сказал, что его аэльвэрство и отец аэльвэра Орстрена были лучшими друзьями. Когда он погиб, повелитель был в ярости, и теперь, когда его сын оказался предателем и заговорщиком...

Видимо, хороший знакомый — тот, кто целовал ее в губы. Тот же, кому она рассказала про узор? Когда мы собирались на охоту, элленари притянул ее к себе прямо во дворе, при всех. Попыталась воссоздать образ: высокий, широкие плечи... на этом образ заканчивался, потому что мне было не до него. Тем не менее узнать мужчину при встрече, я, наверное, могла бы. Например, если снова увижу рядом с Лизеей.

— Словом, я очень вас прошу, оденьтесь. И позвольте помочь вам с прической. Боюсь, что любое ваше неповиновение сейчас может закончиться очень и очень плохо, и на этот раз вы не отделаетесь запечатывающими магию браслетами.

— Запечатывающие магию браслеты?!

— Вы не знали? — изумилась Лизея.

Я глубоко вздохнула, сдержав совершенно недостойное леди желание выругаться.

— Мне как всегда не сказали всей правды.

— Что? — девушка моргнула.

— Расскажи, как они работают.

В нашем мире запечатывающие магию оковы больше напоминали кандалы, да что там, кандалами они и были. Тяжесть металла и цепей позволяла им выдержать мощную магию, точнее, невероятной силы заклинание, не позволяющие тому, на кого они были надеты, пользоваться своим даром. Ну или проклятием, кому как повезет.

— Вы же не собираетесь их снимать? — Лизея слегка побледнела.

— А я смогу?

Элленари побледнела еще сильнее.

— Лизея?

— Нет, — сказала она. — Не сможете. Последний, кто попытался снять браслеты из кузницы запрета на магию, отправился за грань.

— Не повезло, — философски заметила я.

Наверное, во мне что-то действительно изменилось, если я могла так спокойно говорить о таких вещах. С другой стороны, оказаться в таком месте и остаться прежней — наверное, нужно быть пресветлой. Я себя такой никогда не считала и никогда ей не была.

— Так что? Расскажешь?

— Вашу магию запирает не заклинание, аэльвэйн Лавиния. Сами браслеты.

Лизея подняла мое запястье, чуть развернула и пустила короткий импульс магии. На металлических пластинах тут же вспыхнул рисунок, чем-то напоминающий древние узоры армалов. Синие контуры мерцали под дымкой несколько секунд, а после погасли, превратив металл в самый что ни на есть обычный, разве что немного потемневший от времени.

— Заговоренный металл. Именно поэтому снять их может только знающий заговор. А это — кузнец-создатель и его аэльвэрство.

Да, повезло так повезло.

— Кузнецы элленари живут в той деревушке, которую мы пролетали по дороге на охоту?

— Да, — Лизея кивнула. — Аэльвэйн... вы не прикажете ему на меня не смотреть?

Котенок уставился на девушку, не мигая. Его пристальный взгляд был пронизывающим до дрожи, поэтому отчасти я ее понимала.

— Льер, — позвала коротко. — Иди сюда?

Бьэрэнгал шрявкнул и моргнул, после чего подошел ко мне, подталкивая ладонь шипастой головой.

— Поскольку сегодня гуляешь с ним ты, придется вам подружиться, — сказала Лизея. Судя по выражению ее лица, дружить с ним она совершенно не хотела. Даже серебро с ее волос перекинулось на щеки, придавая девушке совсем бледный и потусторонний вид. Правда, отказываться она не стала.

— И с чего мы начнем? — спросила негромко.

— С того, что будем его кормить.

Кормили котенка мы вместе, потому что б'ярэнгал чувствовал страх и постоянно скалил зубы. Мне пришлось несколько раз его одернуть, чтобы он не рычал на Лизею, и еще несколько раз сказать ей о том, что пока она боится, они не подружатся. В конце концов я просто поставила поднос с собственным завтраком на пол, уселась рядом с котенком и предложила девушке присоединиться. Так мы и сидели, попивая странный травяной напиток под названием хьюр, чем-то отдаленно напоминающий чай. Правда, для чая он был слишком горький и слишком пах тиной, но в целом... в целом я уже начинала привыкать к странностям местной кухни.

А чтобы Лизея привыкла к Льеру, пришлось отвлекать ее разговорами о том, что подают на завтрак в нашем мире.

— Поджаренный хлеб? — спросила она удивленно. — А что это?

— Это... похоже вот на это, — подняла местный аналог булочки.

— Каткан.

— Да, похоже на ваш каткан, только хрустящее. Держи, — я протянула ей булочку-каткан, и она с удовольствием взяла.

— Почему хрустящее? Каткан должен быть мягким.

— Потому что у нас так принято.

— Никогда не была в мире смерт... людей, — заметила Лизея.

Странно было бы, если бы была. С таким отношением со стороны элленари.

Хотя... люди же ходят в зверинцы. Этого я, кстати, тоже никогда не понимала. Ни зверинцев, ни зоопарков: диким животным место на воле.

К сожалению, я не представляю, захочет ли б'ярэнгал остаться со мной, когда подрастет. Эта мысль оказалась как-то очень некстати, потому что сама я не собиралась оставаться в Аурихэйме. И даже представить не могла, как Винсент отреагирует на появление в Мортенхэйме такого вот... необычного зверя.

Стоило подумать о Винсенте, и очарование завтрака испарилось. Я сама не заметила, как увлеклась разговором с Лизеей. Увлеклась настолько, что даже забыла о том, где нахожусь.

— Элленари слабеют в вашем мире, — продолжила она, видимо, истолковав мое молчание по-своему.

— Слабеют? — я приподняла брови.

— Да. Магически. Мы теряем до половины силы своей магии, когда переходим границу, а если останемся там надолго, можем опустеть. Поэтому за вами отправили одного из сильнейших... — Лизея осеклась и поспешно добавила: — Почему вы назвали его Льер?

Я хотела ответить, и ответила бы, если бы не явление этого самого Льера. Его лже-аэльвэрство вошло в комнату так стремительно, что крутившийся рядом с Лизеей б'ярэнгал подпрыгнул и оцетинился, шипы налились алым.

Хм... а вот это уже что-то новенькое.

Лизея поспешно вскочила, оправляя платье, я же осталась сидеть.

— Не знаю, — ответила, нисколечко не сомневаясь, что он слышал последний вопрос девушки. — Должно быть, была не в себе.

— Выйди. — Это относилось к Лизее, и та вылетела за дверь так поспешно, что я увидела лишь мелькнувший серебристый шлейф длинных волос.

— Вы сегодня прекрасно выглядите, — сообщила я, даже не потрудившись подняться, — ваше аэльвэрство. Льер!

Последнее относилось к зверенышу, который явно примеривался, чтобы броситься на вошедшего и вцепиться ему в сапог. Вчера, когда котенок приходил в себя после заклинания, я сидела рядом с ним и обнимала до тех пор, пока он перестал испуганно дергать лапами

(подвижность возвращалась постепенно) и пицать. За это мне хотелось запустить в вошедшего подносом, но что-то подсказывало — его непробиваемость не прошибет даже поднос.

Б'йрэнгал, недовольно рыча, приблизился ко мне, шипы снова стали темнеть.

— Что это было? — поинтересовалась я, глядя на мужчину.

— Ты предлагаешь мне общаться с тобой так?

— Ну, вам не привыкать общаться со мной свысока, — хмыкнула я. — Так что я, пожалуй, посижу.

У него как-то резче обозначились челюсти, но Золтеру это шло.

— Если ты про шипы, — произнес он, приблизившись, — то красный цвет означает, что он готов их выбросить, защищая тебя. И умереть. Б'йрэнгалы умирают, когда теряют шипы.

— Эй, малыш, — сказала я, наклонившись к утробно рычащему котенку, — давай обойдемся без геройств, хорошо? Мне не нужно, чтобы из-за меня кто умирал. Особенно такая прелесть, как ты.

Прелесть наклонила голову, глядя мне в глаза.

— И потом, если ты умрешь, я останусь совсем одна. Некому будет меня защищать.

— Прекрати паясничать! — донеслось сверху.

Я подняла голову.

— Простите, я забыла, что вы здесь. Вы что-то хотели?

Золтеровы глаза привычно потемнели.

— Тебя ничему жизнь не учит, Лавиния?

— Нет, ну почему же, — я улыбнулась. — За время нашего знакомства я научилась многому. Хочешь каткан?

Последнее относилось к котенку, который поглядывал то на Льера, то на меня. Я на Льера старалась вообще не смотреть: после случившегося видеть его под личиной Золтера было как-то неправильно, дико и... больно. Что самое удивительное, стоило ему появиться — равнодушие как не бывало!

— Завтра ты будешь присутствовать со мной на празднике рождения Двора Смерти.

— Не буду.

— Лавиния.

— Ваше аэльвэрство? — я снова вскинула голову и не без удовольствия отметила, как его перекосило от обращения.

— Не заставляй меня быть с тобой жестоким.

— Да кто же вас заставляет?! — искренне изумилась я. — Хотите — будьте. Не хотите — не будьте, это только ваш выбор.

— Хватит!

Он подошел ко мне так резко, что б'йрэнгал снова зашипел. Вздернул меня на ноги, сжимая плечи так, что кожа вспыхнула даже под платьем.

— Уберите свои монаршие... руки, — сказала я, глядя в полыхающие чужие глаза. — Я не пойду с вами никуда, ваше аэльвэрство, а вы не станете настаивать, потому что в противном случае вам действительно придется меня наказать. В отличие от вас я не собираюсь притворяться, что все хорошо. Не собираюсь терпеть ваше присутствие, и не собираюсь вам улыбаться. Ни вам, ни вашим подданным. Ты ведь этого хотел, Льер? Хотел получить трон, а тут все так удачно сложилось? Тебе даже не пришлось его убивать, нужно было просто заставить... подвести меня к этой мысли, правда? Ты заставил его поверить в то, что между нами что-то было. Заставил его выйти из себя. Заставил меня ненавидеть его. Все просто и де-

аль-но!

Полог безмолвия растянулся над нами еще до того, как я заговорила о наказании, но сейчас мне больше нечего было сказать. Я сказала все, что думаю, все, что чувствую, и мне было совершенно неважно, что со мной будет дальше.

Наверное, неважно. Мне очень хотелось в это верить, потому что глядя в эти глаза я видела другие, совершенно другой образ, который придумала сама. Совсем как когда-то с Майклом.

— Ты действительно этого хочешь, Лавиния? — холодно спросил он. Очень холодно: настолько, что его побелевшие губы казались покрытыми инеем. — Хочешь остаться в этой комнате навсегда? Никогда из нее больше не выходить?

— Единственное место, куда я хочу отсюда выйти, — ответила я, — мой родной мир.

— Что ж. — Его пальцы замерли в дюймах от моего подбородка, так и не коснувшись кожи, но каким-то образом умудрившись обжечь. — Значит, останешься. Будешь сидеть здесь, пока сама не попросишь меня о возможности покинуть эту спальню.

Льер повернулся, окатив меня холодом набирающей силу смерти и тонким ароматом неизвестных мне трав.

— Ненавижу тебя, — выдохнула ему в спину.

Широкую спину, обтянутую темно-синим, контрастирующим с закатным пламенем волос Золтера.

Движение я почти уловила, и даже почти отпрянула, когда сильная ладонь легла на мою шею, возвращая назад. Прикосновение губ вышло неожиданным, диким и острым, совсем как тот поцелуй на охоте. Невыносимо-коротким, оборвавшимся ожогом укуса и непонятной дрожью, прокатившейся по всему телу.

Льер разомкнул губы, по-прежнему касаясь моих.

— Твоя ненависть, — произнес он, и от этого не-поцелуя вспыхнули щеки, — такая сладкая, Лавиния. Продолжай.

Скольжение его пальцев по коже — с шеи на грудь, было бессовестно-откровенным, но прежде чем он успел отстраниться, я подалась вперед, впиваясь поцелуем в красивый рот... увы, не его. Мгновение, когда я целую мужчину первой, оказалось для меня диким и будоражащим, огнем растеклось по венам и ударило в сердце, заставив его на миг замереть. Вплетенные в раскаленные волосы пальцы горели так же, как полыхала я, и только глухой стон мне в губы заставил опомниться.

Я подалась назад, глядя Льеру в глаза: сумасшедшие глаза, сменившие цвет на родной темно-синий. С силой уперлась ладонями в грудь, оттолкнула.

— Представляешь, каким было бы продолжение? — спросила шепотом, очертив пальцами его скулу. — Представляй. Только это тебе и остается.

На этот раз я отвернулась первой, и под удар двери услышала удар сердца. Первый, как мне показалось за все это время.

Не совсем отдавая себе отчет в том, что делаю, приблизилась к стене, прижалась пылающей щекой, позволяя холоду втекать в меня сквозь нее. Аурихэйм действительно меня изменил, и я понимала, что возвращение домой этого не отменит. Не знаю, что будет с моей магией, но сама я уже никогда не стану прежней.

После ухода Льера я занялась тем, что убрала за собой посуду, аккуратно составила все на поднос, и, дождавшись, пока Лизея заберет котенка на прогулку, взяла перстень Винсента. В последнее время мне с ним совершенно не везло: брат то пропадал в парламенте, то встречался с ее величеством, пару раз я наткнулась на него спящего — в кабинете и у себя в комнате, прямо поверх покрывал. Ощущение было такое, что его светлость герцог де Мортен полностью ушел в работу, чтобы избавиться от чувства вины, связанного с тем, что он не сумел меня защитить.

Не знаю, говорил ли Эльгер брату про Аурихэйм, но сейчас я искренне сожалела о том, что во сне ничего не сказала Эльгеру про перстень. В таком случае мы действительно смогли бы общаться, пусть односторонне, но... Винсент смог бы передавать мне хоть какую-нибудь информацию. А я могла бы сказать, что люблю его и что он совершенно ни в чем не виноват. Вот только тогда я была настолько потрясена, что совершенно упустила это из виду, а Эльгер по какой-то причине больше не торопился ко мне в сон.

Хотелось бы мне понять, по какой.

Покрутив перстень в руках, вздохнула. Сейчас в моем распоряжении не было даже магии, поэтому упирая острие ножа в кончик пальца, поморщилась. Укол вышел чересчур болезненным, и, едва приложив палец к перстню, я тут же сунула его в рот.

Когда магическая дымка рассеялась, я увидела Винсента за столом в кабинете. Казалось, за это время он постарел еще сильнее, словно из него тоже что-то вытягивало силы, как из Аурихэйма.

— Держи. — Голос Терезы раздался так неожиданно, что я чуть не укусила себя за палец.

Сестра подвинула ему бокал (судя по переливающемуся искрами темно-синему содержимому) с восстанавливающим зельем. Винсент хмуро взглянул на нее, и заработал в точности такой же взгляд. По этой части (умению хмуриться) они друг другу не уступали, да и в целом, фамильные черты Биго — тяжелые надбровные дуги, высокий лоб, разрез и цвет глаз — отражались на их лицах настолько ясно, что всем с первого взгляда становилось понятно: брат и сестра.

Что касается меня, я всегда немного выбивалась из этой картины.

— Я больше не хочу об этом говорить, — тяжело произнес брат, ополовинив зелье.

— А о чем хочешь? — язвительно поинтересовалась Тереза.

— Аурихэйм?!

— Эрику незачем лгать.

— Эрику, — передразнил Винсент, морщась от горечи, допил остатки. — Эрик в прошлом не дружил с головой настолько, что пытался тебя убить.

— Не меня, а Анри. Это было давно.

— Не знал, что безумие лечится.

— Не лечится. Оно исцеляется, — хмыкнула Тереза и подалась вперед, сцепив ладони на уровне лица. — Любовью.

— Все равно это полный...

— Он сказал о том, что происходит с ее магией. Вспомни Луизу.

Я замерла.

То, что Луиза обернулась змеей под действием заклятия Аддингтона, мне рассказывали. Но при чем тут я и моя магия?

— Помнишь, когда под действием заклятия змеи у нее проснулась магия, которую отец отказался в ней развивать?

— О чем ты, Тереза? — Винсент устало потер виски. — Мы лично учили Лавинию магии, в ней

нечему просыпаться...

— Я о том, что если в ней проснулась иная магия? — Сестра задумчиво посмотрела на лежащие под рукой брата бумаги. — Исходя из того, что сказал Эрик, это очень на то похоже. Смотри, Луиза могла даже слышать через полог, который накладывал ты, а когда я попыталась учить ее, меня ударило потоком силы так неожиданно, что я даже не успела поставить щит.

Я моргнула.

Луиза могла слышать через полог? Совсем, как... как я, когда услышала заговорщиков?!

— В ней не может быть другой магии, Тереза. Она родилась с магией жизни.

— Но что-то же с ней происходит...

— Если только Эльгер все это не сочинил.

— Зачем это ему?! — Судя по тому, как резко сестра припечатала ладонями стол и поднялась, ее это очень задело.

Я же подалась вперед, в надежде услышать хоть что-то, что-то еще, что поможет мне во всем разобраться.

— Как мило, — текучий, полный яда голос донесся из-за спины, и я вздрогнула.

Реальность Мортенхэйма поплыла под стремительно укутавшей ее дымкой, растаяла вмиг.

Я обернулась и увидела Ирэю.

— Что ты здесь делаешь? — любезничать с ней у меня не было ни малейшего желания. У меня вообще не было ни малейшего желания любезничать с кем бы то ни было из элленари, но с Ирэей — особенно.

К счастью, котенок еще не вернулся с прогулки. Несмотря на то, что о бьйрэнгалах я знала не так уж много, догадывалась, что запах убийцы матери они запоминают.

— Пришла за долгом, разумеется. — Элленари скользнула взглядом по заправленной постели, а я похолодела.

Долг.

Демонов долг, про который я и сама напрочь забыла, про эту крохотную мерцающую на ладони точку, спящую до поры до времени. Кажется, время пришло.

— Что? Уже не торопишься меня выставить?

Рыжая откинула за спину роскошную косу. Ее волосы полыхали как огонь, расплескавшийся по выжженной тьмой пустоши платья. Черного: лиф полностью состоял из тонкого кружева, под которым был виден корсет и высокая грудь с едва прикрытыми плотной тканью сосками, а низ стелился атласными волнами.

— Что ты хочешь в качестве долга?

— О, ничего особенного, смертная. Тебя. На одну ночь.

Если бы у меня еще находились силы удивляться, я бы удивилась. Сейчас же во мне нашлись исключительно слова:

— Что, прости?

— Тебя, — повторила Ирэя. — Завтра состоится праздник в честь рождения нашего Двора. Ты понадобишься мне в качестве фрейлины. Будешь всюду меня сопровождать. Будешь общаться с моими гостями. Будешь с ними милой и обходительной... очень милой и очень обходительной.

Я даже представлять себе не хочу, что значит быть «милой и обходительной» в понимании Ирэйи, а особенно — с ее гостями.

— Ты, конечно, можешь пожаловаться кузену, — заметила она, скользнув пальчиками по каминной полке. — Но долг элленари неприкосновенен. Отменить его не может никто, даже повелитель, его можно только забрать.

— Что будет, если я откажусь?

— А ты попробуй, — Ирэя улыбнулась. — Попробуй подумать о том, что ты хочешь отказаться.

Отказаться я действительно хотела, поэтому подумать об этом труда не составило. В следующий миг мне в ладонь словно вонзили жало, а крохотная точка плеснула зеленью на запястье и выше. Дышать стало нечем, от судорожной боли свело внутренности. Мгновение — и меня отпустило, вернулась способность мыслить здраво, только дрожь в кончиках пальцев напоминала о том, что я чувствовала несколько мгновений назад.

— Это только крохотная часть той боли, которую ты испытываешь, если откажешься возвращать долг, но что бы ты ни решила, смертная, меня это устроит. Я пришлю тебе платье завтра. Ближе к вечеру. Если решишь пойти, наденешь его и только его.

Темной тенью скользнув к дверям, она задержалась лишь на миг, чтобы пройтись по мне снисходительно-насмешливым взглядом, после чего оставила меня одну.

В том, что касается неисполнения долга, она не лгала: боль я почувствовала сразу, как только допустила эту мысль. Мысль ушла и забрала с собой боль, но что будет, если я действительно откажусь выполнять то, чего она хочет? И можно ли вернуть долг на своих условиях? Ловушки слов элленари я помнила отлично, но если есть ловушки, значит, существуют и лазейки. Осталось только их найти.

— Лизея, расскажи мне про долг элленари, — попросила я, когда девушка вернулась с котенком.

Судя по всему, они подружились: Лизея больше не шарахалась от б'ярэнгала, а он не смотрел на нее подозрительно и не скалил зубы.

— Про долг? Зачем вам это, аэльвэйн Лавиния?

— Интересно. В библиотеку меня все равно не пускают, а я хочу больше узнать про ваши традиции.

Девушка улыбнулась и даже наклонилась, чтобы погладить Льера по голове. Правда, когда тот недовольно дернул ухом, руку тут же убрала.

— Долг элленари — это отсроченная клятва, которую ты даешь взамен на какую-либо услугу.

Интересно.

— Этот долг — я имею в виду, клятва, что произойдет в случае, если ты откажешься ее выполнить?

— Смерть, — сказала Лизея. — Страшная мучительная смерть. Но редко кто отказывался от такого, аэльвэйн. Были даже случаи, когда убивали родных, только чтобы не терпеть боль.

Да, с клятвами (и прочим) здесь надо быть осторожнее.

— Что считается исполнением клятвы?

Лизея удивленно на меня посмотрела:

— Исполнение желания или просьбы, приказа того, кому ты должен.

— Одного?

— Разумеется.

— То есть чисто теоретически, если брать за исполнение желания что-то одно, все прочие детали можно опустить?

— Не совсем понимаю, о чем вы, аэльвэйн.

— Например, если кто-то говорит: ты должен убить того-то и того-то. Способ убийства имеет значение?

Поверить не могу, что я об этом говорю. Поверить не могу, что я говорю об этом так спокойно.

— Нет, — Лизея покачала головой. — Если возврат долга заключается в убийстве кого бы то ни было, способ не важен.

— Замечательно.

— Вы хотите кого-то убить, аэльвэйн Лавиния?

Скажи мне кто-то месяц назад, о чем могут говорить две милые молодые женщины, покрутила бы пальцем у виска. Мысленно, разумеется, потому что осуждать чужие вкусы, разговоры и интересы леди не должны, пусть даже большинство из них только этим и занимается.

— Нет.

Лизея улыбнулась.

— Хорошо. Потому что убийство и вы в моем представлении совершенно не сочетаются.

В моем тоже. Тем не менее это не помешало мне вонзить кинжал Золтеру в грудь.

Стоило мне об этом подумать, как в руки плеснуло холодом, а узор напротив, словно раскалился. Я не хотела об этом думать, но не думать уже больше не могла. Если элленари бессмертны, где он сейчас? Остался привязан к своему Двору, к той комнате, где все случилось? Или же на повелителя Аурихэйма не распространяются ограничения?

В таком случае он может быть где угодно.

При мысли об этом стало еще холоднее.

— Лизея, я бы хотела увидеть Амалию.

— Я спрошу разрешения у его аэльвэрства. — Девушка улыбнулась и вышла, оставив меня одну.

Я же похлопала по креслу, приглашая Льера присоединиться ко мне, и тот с восторгом запрыгнул сначала на подлокотник, а после бесцеремонно устроился прямо на моих коленях.

Что меня определенно радовало, так это лазейка, которую я все-таки нашла. Ирэя сказала: «Ты нужна мне в качестве фрейлины», а это значит, что ее фрейлиной на одну ночь я все-таки стану. Другое дело, что заставить меня надеть то, что хочет она, Ирэя уже не сможет. Равно как и быть милой с ее гостями — уровень «милоты» я буду определять сама.

Прислушалась к своим ощущениям и поняла, что «долг» меня совершенно не тревожит.

Вот и чудесно.

Хотите игр, ваше аэльвэйство? Значит, будем играть.

— Это платье вам нравится? — Эллени с малиновыми волосами явно выбились из сил, пытаюсь мне угодить. Я же отвергла уже с десятков нарядов, и сейчас рассматривала одиннадцатый.

Когда служанка принесла мне платье от Ирэй (разумеется, вульгарное дальше некуда и не прикрывавшее почти ничего), я отправила ее обратно с рекомендациями прислать ко мне наряды на выбор, иначе я пойду в ночной сорочке. Судя по тому, что в моей комнате очень быстро появились эллени с целым гардеробом, видеть свою фрейлину в ночной сорочке принцесса не пожелала.

Глянув на одиннадцатое платье, я вздохнула, и у эллени нервно задергались крылышки. На самом деле в мои планы не входило над ними издеваться, я просто искала что-то, способное до глубины души (или что у них там имеется) впечатлить и Ирэй, и Льера, но в процессе выбора поняла, что впечатлить эллени достаточно сложно. Откровенность их не смущает, я бы сказала, для них это обыденность. Самые роскошные, самые изысканные наряды из тончайших тканей, плотно облегающих тело или струящихся волшебными газовыми облаками — в любой день в их распоряжении.

— Мне нужно подумать, — сказала я. — Возвращайтесь через пару часов.

Эллени разом вздохнули и вылетели из комнаты, закрывшаяся дверь поглотила стрекотание их крыльев. Я же окинула разложенные на постели наряды и закусил губу. Не то, все не то...

А если?..

— Лизея, — позвала я, коснувшись крохотной спирали, похожей на металлическую ракушку.

Этот артефакт мне оставила девушка, чтобы я могла позвать ее в любой момент. Изначально у меня не было желания посвящать ее в свои планы, и, судя по тому, в какое время Ирэй прислала служанку, она тоже готовила кузёну сюрприз. Видимо, была уверена, что я не пойду за помощью к Золтеру (и причиной тому, видимо, стали антимагические браслеты, которым рыжая даже не удивилась). Впрочем, о мотивах и планах Ирэй задумываться мне было особо некогда: я размышляла над тем, что мне делать самой и в частности, над словами Винсента.

Иной магии во мне и правда никогда не было — Тереза и Винсент почувствовали бы ее сразу, единственное, с чем можно было связать столь необычные проявления моей силы — это влияние Аурихэйма. Куда еще меня могут завести эти странности, я пока не задумывалась. Главное пережить сегодняшнюю ночь и показать всем эллени (а в частности, одному из них), что с магией или без, играю я исключительно по своим правилам, и что со мной лучше не связываться.

— Аэльвэйн... — вошедшая Лизея увидела платья и осеклась. — Что это?

— Наряды на сегодняшний вечер.

— Но разве вы... его аэльвэрство мне ничего не говорил...

— Его аэльвэрство ни о чем не знает. И я буду тебе искренне благодарна, если ни о чем не узнает и дальше. Это сюрприз.

Лизея улыбнулась.

— Вы не представляете, как я рада, аэльвэйн.

— Почему? — невольно улыбнулась в ответ.

Лизея мне искренне нравилась, мне нравилось с ней общаться: в ней не было этого снобизма, которым за несколько футов несло от всех эллени, не было превосходства, с которым я постоянно сталкивалась на каждом шагу. Она оставалась рядом со мной не потому, что так приказал Золтер, который Льер, и вовсе не потому, что для нее это было обязанностью. Ей тоже нравилось проводить со мной время, и вчерашний короткий ужин с ней оказался куда приятнее, чем несколько часов, которые я провела с Амалией.

Амалия больше не плакала, но разговор у нас совершенно не удался. Попытки поговорить о доме вызвали в ней какие-то совершенно упаднические мысли, и я вынуждена была перевести тему. Попробовала поговорить о местной кухне и о том, как мне не хватает книг, но

в итоге мы снова скатились к тому, от чего ушли. Амалия постоянно намекала, что я должна вернуть ее обратно, потому что именно из-за меня мы здесь оказались, в конце концов я не выдержала, и достаточно резко ее осадил. После этого наше общение быстро закончилось.

— Потому что у вас сияют глаза. Мне кажется, это первый раз, когда я вижу, чтобы у вас сияли глаза. Вы... вся сияете.

Правда?

Я даже в зеркало посмотрела, чтобы убедиться, и, кажется, Лизея была права. Впервые за все проведенное в Аурихэйме время я чувствовала себя на удивление уверенной и полной сил (даже несмотря на «оковы»).

— Спасибо, — отозвалась я, — мне очень приятно, что ты об этом сказала. И я бы хотела с тобой посоветоваться о том, что мне надеть.

Элленари мгновенно взглянула на оставленные наряды.

— Мне кажется, вам пойдет...

— Нет. Из этого мне ничего не нравится. Ты не расскажешь, как одеваются при Дворе Жизни?

Лизея посмотрела на меня как-то странно: надеюсь, я не сказала глупость. В наших легендах Двор Жизни существовал наряду с Двором Смерти и Двором Стихий. Правда, про хэандаме ровным счетом ничего не упоминалось.

— Лизея, я спросила что-то не то?

— Нет, аэльвэйн, просто... у нас не принято упоминать... — она осеклась, но потом все-таки продолжила. — Двор Жизни, они все мертвы.

После слов Лизеи в комнате стало очень тихо. Так тихо, что тоненький писк из-за двери ванной комнаты и скрежетание когтей показались слишком громкими. Я вспомнила, что закрыла Льера, потому что постоянное шипение и вытаращенные глаза крылатых элленари совершенно не способствовали благоприятной обстановке для выбора платья. Когда котенок обрычал одну попытавшуюся приблизиться ко мне и звучно клацнул зубами, из-за чего ее крылья посинели, пришлось отвести его в ванную и попросить посидеть там.

— Элленари не могут умереть, — напомнила я Лизее, или, скорее, себе, выпуская б'йрэнгала.

Тот с радостью метнулся к девушке, затормозил на повороте когтями и оставил на полу глубокие борозды.

— Не могут, но... это был особый случай. — Она опустила глаза и протянула котенку руку, позволяя пройтись по ладони шершавым языком.

— Чем же особый?

— Спросите лучше у его аэльвэрства.

— Я спрашиваю у тебя.

— Они... — Лизея пожевала губы, словно сомневаясь, но потом все-таки произнесла. — Двор Жизни в те годы был правящим двором.

Я приподняла брови.

— Да, ее ниальство Альхиина была повелительницей Аурихэйма. Двор Жизни процветал и здесь все было совсем по-другому.

Представляю. Когда здесь правила жизнь, наверняка все было иначе.

— Они были могущественны. Очень. Их единственная слабость — рождение только магически одаренных девочек. Мальчики рождались слабыми, их магия заключалась лишь в бессмертии, потому что они урожденные элленари. Их использовали исключительно для деторождения, в качестве воинов, служителей при Дворе или фаворитов. Каждый выбирал свою судьбу сам, но...

— Подожди, — я покачала головой. — А как же наследники благородных родов? Их тоже использовали в качестве... фаворитов?

— Да, это была большая честь, стать наложником, — Лизея пожала плечами. — Ну или воином, оберегающим Двор.

Я покачала головой. Да, Аурихэйм мне точно не понять, сколько бы времени я здесь ни провела.

— Ее ниальство была одержима идеей еще большего могущества. Скажем так, они были одержимы оба: его аэльвэрство и она...

— Его аэльвэрство — мы сейчас говорим о прародителе повелителя Аурихэйма?

— Да нет же, — Лизея мотнула головой. — Его аэльвэрство Золтер был очень заинтересован в сотрудничестве с Альхиной. Совместными усилиями ученых наших дворов они нашли способ соединить источники Жизни и Смерти и получить доступ к могуществу, равному по силе только Изначальной. Возможность читать мысли и слышать любое живое существо из любого уголка Аурихэйма, возможность раскрывать границы миров и перекраивать сущее... эта сила была действительно неукротима. Случись им справиться с этой силой, Аурихэйм стал бы неуязвим — и, возможно, получил бы силу и власть, какой не знал ни один мир до него. То, что они придумали, так и не было обнародовано, но в процессе экспериментов что-то пошло не так. Его аэльвэрство отказался от продолжения, но Альхины не захотела остановиться.

То, что Золтеру очень много лет... было очень много лет, я догадывалась. Но то, какой он на самом деле древний, произвело на меня странное впечатление. Разум отказывался верить, что такое возможно. Точнее, разум вообще отказывался воспринимать все это, не как легенду. Хотя пора бы уже.

— Что-то произошло во время эксперимента во Дворе Жизни. Его аэльвэрство со свитой и главнокомандующими как раз направлялись туда и чудом остались воплощенными. Наш повелитель едва сумел сдержать смертоносную мощь, которую выпустила Альхины, но все они, все элленари жизни, включая повелительницу, не просто ушли за Грань, они растворились в пространстве. На землях Двора Жизни впервые возникла первозданная пустота, оттуда она распространялась по Аурихэйму, как заразная болезнь.

Я молчала, слишком потрясенная, чтобы что-то сказать.

— Так что не стоит вам наряжаться в их одежды, — покачала головой Лизея. — Лучше выберите что-нибудь из этих платьев, они такие красивые...

Судя по мечтательному взгляду девушки, историческое отступление ее совершенно не взволновало, что касается меня, мне сейчас вообще стало не до платьев. Насколько амбициозной и бессмысленно жестокой нужно быть, чтобы уничтожить весь свой двор ради сомнительного эксперимента? Разумеется, Альхины рассчитывала на другой результат, но... но если существовала хотя бы малейшая возможность такого исхода — разве не первый долг королевы защищать свой народ и свой мир? Не просто королевы, повелительницы!

— Леди Лавиния... ой, аэльвэйн, — тут же поправилась Лизея и кивнула в сторону разложенных нарядов.

Я нахмурилась, но тут же напомнила себе, что прошлое Аурихэйма не имеет ко мне никакого отношения. Зато имеет настоящее, и в настоящем у меня проблемы поважнее амбиций правительницы Двора Жизни.

Ирэя.

И Льер.

Какая из этих проблем серьезнее, ума не приложу, но их надо решать по мере поступления. Первая — Ирэя, которая хочет видеть меня своей фрейлиной, вторая — Льер, который сейчас вроде как Золтер...

Золтер!

Я посмотрела на Лизею и улыбнулась.

— Кажется, у меня есть идея насчет платья, — сказала я.

— Платье не сделает тебя королевой, смертная, — фыркнула Ирэя, когда мы встретились в ее покоях. Ее свита смотрела на меня сверху вниз, точнее, порывалась: сложно посмотреть сверху вниз на того, кто точно так же смотрит на тебя.

Во взглядах остальных фрейлин читались злоба и раздражение, во взглядах мужчин к снисходительности примешивалось вождение. Что ж, значит я сделала правильный выбор: к непроглядно-черной ткани, символизирующей Двор Смерти и ночь, добавилось золото солнца, с которого начинается новый день. Узкий прозрачный лиф оплетали ветви и листья, раскаленные, словно залитые медовым закатным светом. Эти же листья стекали по рукавам, расходящимся полупрозрачной черной дымкой. В ткань юбки, искрящуюся золотом, напротив, вплеталась глубинная тьма. Когда я двигалась, это выглядело так, словно она пожирает цвет, разрушая его изнутри.

Это платье для меня приготовил Золтер, я должна была его надеть после ночи у Арки, уже будучи королевой. Символизировало оно именно ночь схождения луны и солнца и власть Смерти, впитавшую Жизнь.

— Посмотрим, — сказала я, и улыбка сбежала с губ принцессы.

Подозреваю, что она позволила мне появиться в нем исключительно потому, что хотела сделать пакость кузену и насладиться выражением его лица. Что же, это мне тоже было более чем на руку.

— Не забывайся, — жестко произнесла Ирэя. — Сегодня ты отдаешь мне долг, и именно ты моя фрейлина.

— Все так, — я кивнула. — И долг я вам верну сполна.

Судя по взгляду принцессы, ей эта идея с каждой минутой нравилась все меньше, а вот мне — все больше. Когда понимаешь правила игры, играть становится даже забавно. Особенно с теми, кто откровенно на это нарывается.

— Надеюсь на это, — холодно сказала она, а потом приказала: — Следуйте за мной.

Я шагнула вперед, когда одна из фрейлин резко оттолкнула меня в сторону, на ходу бросив: «С дороги, смертная». По рядам присутствующих пронесся общий смешок, а я обернулась к идущему за мной элленари. На лице его играла скабрзная улыбочка, которая погасла в тот же миг, когда он расстался с пристегнутым к поясу кинжалом. Остальные улыбки увяли, когда я вцепилась в роскошную прическу оттолкнувшей меня девицы, вжимая кинжал ей в горло. Оглушительный визг и плеснувшая в меня общая ярость прокатились над нами мощной волной.

Шагнувшего ко мне владельца кинжала, остановила, как ни странно, принцесса. Обернувшись, Ирэя вскинула руку, и тот словно запнулся, отступил назад.

— Извинись, — холодно приказала я.

— Я тебя убью, — прошипела фрейлина, не имеющая возможности дернуться. — Это найрийская сталь, у меня останется шрам!

— Повторять не стану, — спокойно сказала я и вдавила сталь, какой бы она там ни была, в кожу еще сильнее.

— Ваше аэльвэйство! — сдавленно прошептала элленари, глядя на Ирэю, но та не пошевелилась.

После этого на просторную гостиную принцессы упала еще и тишина. Долгая, напряженная и тяжелая, в конце которой все-таки раздался сдавленный ненавидящий шепот:

— Прощу прощения.

Я отняла кинжал и разжала руку, с силой оттолкнув девицу к стене.

— Это ваше, — вернула оружие в ножны окончательно застывшего элленари и направилась к Ирэе.

Девушка у стены сверлила меня ненавидящим взглядом, хотя со шрамом она погорячилась. Капелька выступившей на коже крови была крохотной, а вот злоба в ее глазах — бескрайней, как Аурихэйм. Она бросилась на меня, но Ирэя вскинула руку, и элленари отбросило к стене. Вспышка магии отозвалась во мне, хотя не должна была, кожу под браслетами обожгло сотнями игл.

— Ваше аэльвэйство, — всхлипнула фрейлина, поднимаясь, — за что?!

— Ты позволила смертной заставить себя врасплох, — презрительно процедила Ирэя, — останешься здесь.

— Но...

— Останешься здесь! — резко повторила принцесса. — Остальные — следуйте за мной. И если из-за ваших глупостей мы опоздаем...

Она не договорила, но глупостей больше не последовало. Меня не пытались толкать, ко мне вообще больше не приближались, а зацепить пытались разве что шепотками и то и дело долетавшими до меня «смертными», сказанными настолько презрительно, насколько это вообще возможно. Времена, когда это могло меня задеть, давно остались в прошлом, сейчас я шла, как могла бы идти королева — расправив плечи и отставая от Ирэйи ровно на полшага, как того требовал этикет. По крайней мере, этого требовал этикет в Энгереи, какому этикету подчиняется Аурихэйм, мне было неизвестно.

Гораздо больше меня волновала предстоящая встреча, хотя мне почти удалось себя убедить в том, что волновать меня она не должна. Нет причин беспокоиться из-за встречи с тем, кто выдает себя за другого и кто по природе своей не способен испытывать никаких чувств. Причин нет, но я все равно не могла избавиться от странного чувства и легкого покалывания под браслетами.

Прическу мне делала Лизея, и, как выяснилось, в том что касается управления магией красоты, она мало чем уступает Магистру.

— Это мое увлечение, — призналась элленари. — Я с детства любила делать прически и помогать остальным становиться красивее.

Не знаю, как насчет остальных, но мне Лизея сотворила невероятную красоту, собрав часть волос наверх, а часть оставив распущенными, позволяя им спадать по плечам крупными волнами. Сверху она украсила их необычными крохотными камнями, напоминающими звезды.

— Это роакариз, — сказала она. — Его еще называют подземной искрой. Говорят, он приносит удачу.

В ту минуту мне почему-то вспомнился мой первый бал и подарок Винсента — неброское кольцо и изящный браслет с сердоликом, самое то для дебютантки. В нашем мире сердолик называли солнечным камнем, считалось, что он защищает от любого зла и изгоняет любую тьму. Тем не менее тьму из сердца Майкла и мое зачарованное им увлечение, подарочек Золтера, он изгнать не сумел.

Об этом я, разумеется, Лизее не стала ничего говорить: девушка действительно старалась, поэтому с благодарностью приняла украшения, в том числе и серьги.

Нас традиционно не объявляли, но стоило Ирэе шагнуть в зал, сквозь музыку пробилась волна возбужденных голосов, которые мгновением позже затихли. Я хорошо помнила, как вошла в этот зал рядом с Льером в свадебном платье, и как Золтер приблизился к нам, но на этот раз все по-другому.

Золтер мертв.

Льер в его облике восседал на троне, в черных одеждах. На груди его серебром горел медальон, и это серебро растекалось во тьму его наряда, вплетаясь в нее прожилками паутины. Он повернулся к нам, когда мы спускались по лестнице, и живой коридор расступился, пропуская принцессу со свитой к ее повелителю.

Впрочем, на Ирэю Льер не смотрел.

Он смотрел на меня.

Медленно поднялся с трона, взглядом скользя по подолу и складкам юбки, напоминавшим

ожившую тьму, по лифу, по груди, легко прикрытой цветами и листьями, по губам, чтобы наткнуться на ответный взгляд в упор. Сегодня я не собиралась отводить глаз и не собиралась их прятать. Ни от кого.

Стоявшая рядом с тронем девица: та самая, черноволосая, которая очень заинтересовалась моим присутствием, когда мы собирались на охоту, сжала кулаки. Похоже, сюрприз Ирээ ей пришелся не по вкусу, равно как и Льеру. В том, что ему не по вкусу, сомневаться не приходилось: скулы обозначились резче, глаза сверкают так, что можно затушить все магические искры, освещающие полутемный зал.

— Кузен, — Ирээ заговорила первой, когда приблизилась.

Я обратила внимание на то, что реверансы здесь не в чести, все больше поклоны или вот такие вот полупоклоны, когда голова чуть опущена, взгляд из-под ресниц, а глаза сверкают нескрываемым ехидством. Именно в эту минуту я почему-то вспомнила, что Ирээ набросилась на меня из-за Льера.

Между ними что-то было?

— Кузина.

— С Рождением Великого Двора, — она ослепительно улыбнулась.

— С Рождением Великого Двора, — отозвался он.

Судя по всему, это и был местный Аурихэймский этикет, мне же оставалось только стоять чуть позади с остальными.

Взгляд Льера метал молнии, причем непонятно, кому этих молний доставалось больше, мне или Ирээ. Как ни странно, сейчас я подумала о том, что глаза Золтера напоминают темное пронизанное вспышками небо, скрытое от нас за густой пеленой занавесей, а глаза Льера — как глубокая ночь, лишенная звезд. Эта глубокая ночь сейчас утопила во тьме даже молнии, особенно когда он обошел Ирээ, направляясь ко мне. Шаги ввинчивались в музыку гулким, чеканным эхом, разрывая ноты в клочья. Их сила отражалась от стен и взлетала под своды бального зала, украшенного соответственно случаю.

Иссиня-черные жилы сплетались лозами, искрились тьмой боевые шары. Тонкие нити серебра растекались по стенам, создавая завораживающую, потустороннюю атмосферу. Сегодня здесь было место даже вьеррахам, стелящимся вдоль стен и по полу черным туманом, а над нашими головами, под самым потолком, раскрывалась пропасть глубинной тьмы, символизирующей непобедимую бесконечность Смерти.

— С Рождением Великого Двора, ваше аэльвэрство, — мой голос разорвал тишину, воцарившуюся после того, как Льер остановился напротив свиты.

Ноздри его едва уловимо шевельнулись, а потом он протянул мне руку.

— Первый танец, — пронесся по залу шепот, подхваченный сотнями голосов. — Он приглашает смертную на первый танец.

Тем приятнее было ответить, глядя ему в глаза:

— Прошу прощения, ваше аэльвэрство. Но сегодня я не танцую.

Последнее мое заявление снова оборвалось тишиной. Такой, что слышно было наше дыхание: мое и его, и биение сердец. Наверное, если бы я положила ладонь ему на грудь, я бы почувствовала, как оно колотится мне в ладонь, осязаемо, глубокими сильными рывками. Отзываясь во мне.

Черты его лица заострились, становясь хищными, и в этот миг к нам приблизилась Ирээ:

— Кузен. Моя фрейлина сегодня отказывается танцевать, потому что обещала провести весь вечер рядом со мной.

— Ваша фрейлина? — Тяжелый взгляд перетек на принцессу.

— Да, — за Ирээ ответила я, и раскрыла ладонь, позволяя магической печати вспыхнуть ярче. — Это мой долг, ваше аэльвэрство. Кроме того, вы желали видеть меня на празднике, и я сочла правильным исполнить ваше общее с ее аэльвэйством желание.

Льер коротко взглянул на меня. Потом — снова на принцессу.

— Если с ее головы упадет хотя бы волос...

— Я помню, кузен, — отмахнулась она. — Ее долг только в том, чтобы скрасить мне эту ночь, великую ночь для нашего Двора. Кроме того, я бы не беспокоилась за ее волосы: аэльвэйн Лавиния чуть не выдрала Отри их все, а после чуть не перерезала ей горло кинжалом из найрийской стали.

После этого в зале стало еще тише. Если до этого смотрели преимущественно на Льера с Ирэей (после несостоявшегося наказания всем было интересно, какой будет их следующая встреча), то сейчас взгляды потянулись ко мне. Уже не проходящие, не мимолетные, гораздо более внимательные. Жестокая сила и опасные развлечения всегда представляли для элленари живой интерес.

— Это правда, аэльвэйн? — голос Льера был голосом Золтера, возможно, именно поэтому было так легко податься вперед и доверительно прошептать:

— Сильной женщина становится там, где рядом с ней нет сильного мужчины.

После чего повернуться к Ирэе.

Взмахом руки принцесса приказала всем нам следовать за ней.

— А ты не так проста, смертная, — бросила она на ходу.

— Я же обещала вернуть долг сполна.

Ирэя усмехнулась.

— Возможно, мы могли бы подружиться, Лавиния. — Она бросила на меня взгляд через плечо. Это замечание я предпочла оставить без ответа по одной простой причине: несмотря на все заявления Льера, кривить душой не любила и не хотела. Дружбы с той, кто на глазах у детеныша убивает раненую мать, пусть даже опасного зверя, у меня не получится.

— Ваше аэльвэйство! — К нам стремительно приблизился элленари.

Форма, знакомая мне, выдавала в нем одного из главнокомандующих, узор на скулах ложился тонкими завитками.

— Наргстрен! — Принцесса снова ослепительно улыбнулась. Настолько ослепительно, что огонь ее платья, тон-в-тон с волосами, померк перед этой улыбкой. — Я думала, ты отправился на границу.

— Отправлюсь. Завтра. — Он склонился, целуя тонкое запястье, и в глазах элленари я увидела голод. Тот самый голод, который мужчина способен испытывать рядом с давно желанной женщиной, которую не в силах получить.

— Я буду скучать, — Ирэя произнесла это, чуть подавшись к нему.

— У нас впереди целый вечер.

Короткий взгляд элленари — теперь уже значащий гораздо больше, чем просто жажда обладания.

Ирэя тоже была с заговорщиками?!

Если это так, почему Льер ничего ей не сказал? Почему он вообще ничего не сказал — своим же, почему? Ведь их план удался... почти. Судя по тому, что они до сих пор ничего не знают, личина Золтера в их план не входила. Так почему? Почему он под ней скрывается? Почему молчит?

Вопросов становилось все больше, но, почувствовав на себе пристальный взгляд Наргстрена, я мигом выкинула их из головы. «Когда леди слишком много думает, — говорила матушка, — у нее становится такое выражение лица, которое джентльмены могут неверно истолковать». В общем, сейчас я сделала именно то самое выражение, которое джентльменам истолковывать необязательно: очаровательная светская улыбка и хлопанье ресницами всегда срабатывало в Энгерии. В Аурихэйме... ну, признаюсь честно, я раньше не пробовала.

— Аэльвэйн Лавиния, — Ирэя не спешила отнимать руку, — моя фрейлина на сегодняшний вечер. Наргстрен Райландер, один из самых выдающихся главнокомандующих в армии моего кузена.

То, что мне оказали великую честь, сообщив имя главнокомандующего, я поняла. Видимо, Ирэе очень нужно было мое расположение... временно, или же усыпить мою бдительность. Тоже временно. Для чего — будем разбираться по мере поступления этого самого «чего».

— Приятно познакомиться, аэльвэр Райландер, — я кивнула.

Руку мне, разумеется, целовать не стали, но я и не стремилась. Зато успела отметить, как цепкий взгляд прошелся по мне от макушки до пяток.

— Ваш кузен не перестает удивлять, ваше аэльвэйство.

— Это почему же? — Ирэя поиграла пальчиками, которые только что были в его ладони.

— До настоящего вечера он прятал аэльвэйн Лавинию ото всех.

— Поверь, он бы прятал ее и дальше. Но она задолжала мне... долгая история.

В том, чтобы присутствовать при разговоре, во время которого о тебе говорят в третьем лице, есть немало преимуществ. В частности, главное, когда о тебе забывают, можно отметить много всего интересного. Например, взгляд Наргстрена, которым он обменялся со стоящим чуть поодаль элленари: тем самым, которого целовала Лизея перед охотой. Мое предположение о том, что именно он участвовал в заговоре, подтвердилось, и сейчас я постаралась получше запомнить его лицо. Волевое, с широкими крыльями носа и грубоватым подбородком. Миндалевидный разрез глаз и волосы цвета смешанного с пеплом угля.

— Просить тебя о танце именно сейчас, я полагаю, бесполезно? — Наргстрен кивнул на зал, в котором вокруг танцующего с темноволосой элленари Льера вился хоровод элленари. Я видела такое впервые, когда все желающие танцевать просто окружили главную пару, партнеры передавали партнерш другим мужчинам, те подхватывали их и кружили, не отпуская предыдущих. От грохота каблуков и смеха даже музыку было едва слышно.

Что касается Льера... я помнила, каково это — танцевать с ним.

Всеобщее безумие и веселье его и темноволосой элленари словно и не касалось: отталкивалось от кружащейся в танце пары, словно от магического щита. Они двигались быстро и слаженно, и его ладонь, направляющая темноволосую, вжимающая ее в себя, почему-то сейчас обжигала меня. Я отвернулась в тот момент, когда Ирэя произнесла:

— Нет. Это развлечение давно утратило для меня свою прелесть.

Она взмахнула рукой, и прямо перед ней возник бокал с вином, едва не выплеснувшимся на огненно-алое платье.

— Мне остается только ждать утра?

— Не думаю, что ждать придется так долго. Заглядывай, когда закончится пляска. — Ирэя кивнула и мы вместе с ней направились к ложе, видимо, обустроенной специально для принцессы.

Что ни говори, а ложа была огромной: просторная, она занимала большую часть дальней стены зала, по соседству с фонтаном. В фонтане плескались рыбки... правда, фонтан был не совсем обычным, и рыбки тоже. Иссиня-черная дымка смерти взлетала и рассыпалась брызгами со звуком, больше напоминавшим шипение клубка змей, чем плеск воды. Рыбки были призрачными (ничто другое в этом фонтане точно не выжило бы), серебристые, помахивающие вуалью хвостов и плавников, они выпрыгивали из тьмы, чтобы тут же нырнуть глубже.

Вместо привычных взгляду кресел в ложе принцессы были разбросаны подушки, а по центру расстелено огромное пуховое покрывало. Расставленные между подушками блюда ломились от фруктов и ягод — диковинных, которых я раньше никогда не видела, и прочей еды. Что касается вина, то оно лилось рекой. Буквально.

В отличие от призрачного фонтана, река плескалась, как настоящая. Только цвет у нее был рубиновый, и когда кто-то из свиты Ирэй зачерпывал из нее бокалом, шипела магической дымкой.

— Сюда, — указала Ирэя на покрывало, на котором устроилась. — Будешь со мной принимать гостей.

Поразительно, но оно не пропускало ни частицы холода, исходящего от этого замка.

Спорить с ней я не стала, опустилась рядом, тем более что это место показалось мне гораздо более выгодным, чем любая из подушек. Чуть поодаль от нас элленари, у которого я позаимствовала кинжал, уже задирает юбку одной из фрейлин.

Стараясь отрешиться от доносящихся с той стороны звуков, я отвернулась.

— Не нравятся наши развлечения, смертная? — лениво поинтересовалась Ирэя, отщипывая ягодку от грозди. Она напоминала сиреневую малину или ежевику, но росла почему-то как виноград.

— Не думаю, что мое мнение что-то изменит, — заметила я.

— Не изменит, — хмыкнула Ирэя. — Но разве тебе хоть раз не хотелось сбросить маску благопристойности?

— Не хотелось, — покачала головой. — Возможно потому, что это не маска.

Принцесса ничего не ответила, отвлекшись на поданный фрейлиной бокал с вином, а в следующий миг к нам уже подошли. И это было только начало, придворные спешили выразить свои заверения в глубокой преданности Двору и королевской крови, поздравить Ирэю лично и восхититься тем, как прекрасно она выглядит.

Выглядела принцесса и впрямь роскошно: огненные локоны текли по округлым плечам лавой, чувственные губы, чуть приоткрытые, манили к ним прикоснуться. Я видела неприкрытое вожделение в глазах мужчин (а зачастую и женщин), вожделение, перетекающее от нее ко мне и обратно, чувствуя, что с каждой минутой мне становится все жарче, и все сильнее кружится голова. Должно быть, дело было в духоте: несмотря на раскинувшееся вокруг пространство, здесь было нечем дышать.

Густой, вязкий аромат благовоний, который тянулся над ложей, смешивался с тонким горьковатым запахом. Не сразу поняла, что он исходит от растений, похожие я уже видела в комнате Льера, когда узнала его тайну, но сейчас смогла рассмотреть поближе. Тонкие стебли напоминали прутья, листья — металлические пластины. Венчали их раскрытые цветы: черные с фиолетовым лепестки сходились в окруженной зубцами сердцевине.

— Ахантари, — заметив мой взгляд, произнесла Ирэя. — Их аромат привлекает жертву, и стоит к ним наклониться...

Принцесса бросила ягодку, и лепестки цветка сомкнулись с жутким хрустом.

— Вот так. Очаровательные создания. Хочешь вина?

Я покачала головой.

Не пить. Не есть.

Сегодня ночью это было правило выживания: по крайней мере, я не настолько наивна, чтобы принять что-то из рук Ирэи. Что бы то ни было даже с тарелки, стоящей в этой ложе.

— Ты слишком напряженная, смертная. — Она коснулась моего плеча, провела ладонью по обнаженному участку кожи, заставив его вспыхнуть огнем. — Тебе нужно расслабиться.

Мне нужно на свежий воздух.

Я отчетливо это поняла в тот миг, когда взгляд сидевшего рядом элленари: с короткой стрижкой и узором-молнией на черной рубашке, показался мне затягивающим. Что-то подобное я испытывала рядом с Льером на балу в Мортенхэйме, когда все происходящее кажется нереальным. Мир перед глазами на миг подернулся дымкой, потом стал прежним, но еще более горячим. Мне казалось, что под кожей вместо крови бежит огонь, нанесенный Золтером узор раскаленными крючьями впивался в кожу.

Нет, это уже совершенно точно не к месту.

С трудом справившись с превращающим зал в карусель головокружением, я поднялась.

Поискала Льера взглядом и не нашла. Если поначалу от зала нас отделяли желающие поздравить принцессу элленари, то сейчас обзор был отличный. Закончилась и пляска, но трон был пуст. Пламя волос Золтера не полыхало нигде.

— Ищешь кузена?

Повернулась к Ирэе, она улыбалась.

— Найтриш предпочитает развлекаться в уединенных местах, а ей он никогда не мог отказать.

Странное чувство, сдавившее грудь, обожгло. Прокатилось по коже, заставляя плотно сжать губы: мысли о том, как ладони Льера скользят по плечам другой женщины оказались более чем живыми. Я вдруг воочию представила картину, как и без того фривольное платье падает к ее ногам, и как она льнет к нему, скользя обнаженным телом по грубым одеждам.

Давящее чувство усилилось, но его смыло жаркой волной, прокатившейся по всему телу и собравшейся томительной тяжестью внизу живота.

— Мне нужно на воздух, — сказала я, чувствуя, что здесь этот воздух становится слишком вязким. Слишком горячим, как разогретый палящим солнцем полуденный зной где-нибудь в каменных кишках Лигенбурга.

— На воздух? — изумилась Ирэя. — А ты дойдешь?

Я сделала шаг и поняла, что меня повело. Пришлось ухватиться за столбик, поддерживающий ложу принцессы.

— Ох, и правда нужно. Кажется, аэльвэйн Лавинии дурно. — Насмешка в ее голосе была откровенной. — Нияр, проводи. Проследишь, чтобы с ней ничего не случилось. Ничего такого, чего она сама не захочет...

Я увидела элленари, поднявшегося с подушек. Того, чей кинжал позволил мне поставить на место одну из фрейлин, но сейчас его черты казались далекими и смазанными, расплывались перед глазами.

— Аэльвэйн, — он протянул мне руку, и мне пришлось на нее опереться.

Пришлось, потому что без нее я не сделала бы и шага, но от короткого прикосновения в тело словно ударила молния. Я поняла, что умру, если сейчас он меня отпустит, поняла, что не смогу жить без его запаха, без этого скользящего по телу многообещающего взгляда, без губ — пухлых и чувственных.

Это странное чувство пугало и завораживало, невыносимое желание стать еще ближе к нему было нестерпимым. Мы шли через зал, и все, о чем я сейчас могла думать — это о том, как двери за нами захлопываются, как он прижимает меня к стене и скользит губами по моей шее. Спускаясь все ниже и ниже, к лифу, укрытому под вуалью листьев, как платье царапает кожу, когда Нияр стягивает его с меня.

Все это было настолько живо, что я сама потянулась к нему, стоило нам выйти из суеты праздника.

— Не здесь, — хрипло произнес он, скользнув пальцами по моему подбородку и раскрывая губы.

Не знаю, сколько мы прошли коридоров, прежде чем меня толкнули в нишу, вжимая в ледяной камень. Ладони скользнули по моей юбке, задирая платье наверх, прохладный воздух обжег разведенные коленом элленари ноги. В противовес этому предплечье горело огнем, словно спираль узора сжималась все сильнее, но мне было все равно. Единственное, что было важно — мужчина напротив, единственное... И я подалась к нему, чувствуя, как его ладонь скользит по внутренней стороне бедра. Потянулась за раскрытыми губами, желая прижаться к ним, когда Нияр отлетел в сторону. Юбка с шелестом осела вниз, а я вскинула голову и наткнулась на полыхающий яростью взгляд Золтера.

То есть Льера.

— Она сама... — элленари попятился. — Ваше аэльвэрство, вы сами видели: она не возражала. Она...

— Что с ней? — яростью в этом голосе хлестнуло даже меня.

— А...ахантария, — сдавленно пробормотал Нияр, отступая. — Ирэя распорядилась...

Договорить он не успел: шипящая удавка глубинной тьмы захлестнула его шею, впиваясь в кожу с невиданной мощью. Смерть ударила в нее с силой, от которой холодом полоснуло пространство. Лицо элленари стремительно почернело, не только лицо, но и руки, одежда, он весь, чтобы спустя миг рассыпаться тленом. Я смотрела, как в воздухе кружатся серебристые хлопья — единственное, что от него осталось. В следующий миг Льер уже шагнул ко мне.

Вспышка портала — и мы оказались в комнате, лицо Золтера стремительно менялось, за несколько ударов сердца в ладонь волосы почернели, впитывая ночную синеву. Я смотрела ему в лицо, чувствуя, как кожа горит под платьем, как с каждым вздохом становится все тяжелее просто смотреть.

Потянулась, чтобы коснуться ладонью его лица, повторить знакомый узор на скуле, но Льер перехватил мою руку. Одно прикосновение — и от меня почти ничего не осталось, я падала в глубину его глаз, сгорая от желания почувствовать его губы на своих. Если бы он меня не удерживал, поцеловала бы сама, но он удерживал. Не позволяя прикоснуться к себе, и лицо его словно продолжало меняться: плотно сжатые губы, дрожащие крылья носа. Нет, он оставался собой, и в минуту, когда я это поняла, Льер меня все-таки поцеловал. Просто рывком подался вперед, сокращая расстояние между нами.

Удар сердца вышел невыносимо долгим, гораздо более долгим, чем предыдущие.

Скольжение губ по губам отозвалось во мне стоном — глубоким и низким, от которого по телу прокатилась новая волна жара. От него или от прикосновения сильных пальцев к щеке, от глухого и хриплого:

— Лавиния...

Платье все-таки сползло вниз, обнажая ставшую чувствительной кожу, но этого я уже почти не почувствовала. Зато почувствовала касание жесткой ткани к груди. Всхлипнула, когда он подхватил меня на руки, и второй раз — когда спиной коснулась ледяной ткани покрывала.

— Тс-с-с, — Льер дотронулся до моих губ, — тихо.

И я, сходя с ума от этого прикосновения, раскрыла рот, позволяя пальцам скользнуть глубже. Не то рычание, не то сдавленный стон, отозвались во мне каким-то странным животным наслаждением. Почти болезненным, поэтому когда он убрал руку, протестующе всхлипнула и широко распахнула глаза.

Его сейчас напоминали провалы: глубокие и бесконечные, в которых смутно читалось... что-то, но я не хотела ничего читать. Я хотела его, целиком, без остатка, хотела чувствовать его в себе, чувствовать, чувствовать, чувствовать... Всей кожей, всем телом, внутри и снаружи.

Поэтому вскрикнула, когда его пальцы скользнули вниз. Не только пальцы, когда он коснулся меня губами, я выгнулась на покрывалах, сминая холодную ткань дрожащими руками. Сумасшедшие, острые прикосновения отзывались внутри болезненно-сладкими, тянущими ощущениями. Движения ладони и языка, поначалу неспешные, с каждым мгновением становились все более резкими, жесткими, обжигающими.

До той минуты, пока его пальцы не скользнули внутрь, и тогда я закричала.

Выгибаясь, комкая покрывало, стягивая его под себя. Содрогаясь от яркого болезненного наслаждения, чувствуя, как сильные ладони скользят по моим бедрам. Льер приподнялся, вглядываясь в мое лицо, а после одним движением притянул к себе, укрывая всем телом, обнимая, впитывая каждую частичку моей дрожи.

Это было последнее, что я запомнила, потому что после головокружительно-сладкой истомы упала в его руки. И в глубокую, непроглядную темноту.

Пробуждение началось с ласкового прикосновения: это прикосновение было тем самым, от которого у меня всегда заходило сердце. Жизнь тянется к солнцу, поэтому я редко просила служанок задернуть на ночь портьеры. Почти каждое утро для меня начиналось с первой утренней ласки, со скольжения солнечного света по коже, даже зимой. Подушка пахла цветами, и мне не хотелось открывать глаза: такой теплой и мягкой она была. Покрывало, напротив, холодило горячую после сна кожу, и я посильнее завернулась в него, улыбаясь. Давно у меня не было такого хорошего настроения, как сегодня. Давно я не чувствовала себя настолько живой, настолько наполненной магией, что все внутри звенело от счастья.

Пожалуй, надо будет сказать Луизе, что я не прочь выбраться в Лигенбург, только бы погода не подвела. Но судя по солнышку, весна все-таки вернулась в Энгерию, а значит...

— Аэльвэйн Лавиния.

Я моргнула и широко распахнула глаза.

Лизея стояла рядом с моей кроватью и держала поднос. На нем, вопреки обычаю, дымился в чашке какой-то резко пахнувший отвар. Лицо элленари светилось от радости, и как я поняла, не только от радости, но и от... солнца. Оно разогревало иней ее волос, бликами отражалось от сияющей пудры на коже.

Рывком отбросила покрывало, прыгнула на пол и бросилась к окну. Занавеси были прикрыты неплотно, и я раздвинула их, чтобы увидеть залитое ослепительным солнечным светом море. Оно простиралось до самого горизонта, играя всеми красками синевы, в горах, обычно запечатанных серой туманной дымкой, сейчас сверкала зелень молодой листвы. Небо было высоким и чистым, без единого облачка, а еще не было ни одной молнии.

Не в силах поверить в то, что вижу, повернулась к Лизее.

Она по-прежнему стояла с подносом, а потом, внезапно опомнившись, поставила его на столик.

— Это для вас, моя королева.

Что?!

Я перевела взгляд на руку, на которой сиял... брачный браслет. Узора, который на меня нанес Золтер, не было, хотя я могла поклясться, что предплечье под ним горит.

— Восстанавливающее силы горячее зелье, — она кивнула на чашку. — Поможет прийти в себя и взбодрит. Отдыхайте, а я пока принесу завтрак. Сегодня у вас очень важный день.

Элленари снова склонилась и вышла, я же смотрела ей вслед, пытаюсь осознать происходящее. То, что творилось за окном, ничем не напоминало знакомый мне Аурихэйм, но то, что творилось в этой комнате... Я обвела взглядом спальню. К черному и серебру в интерьере примешивались белый и кремовый. Нет, это определенно не были мои комнаты, хотя на кушетке в изножье свернулся разомлевший на солнышке б'йрэнгал. Заметив мой взгляд, котенок завалился на спину кверху пузом, облизнулся и продолжил спать. Судя по всему, Лизея его уже покормила и сводила на прогулку.

Решительно не понимая, что происходит, я мысленно вернулась ко вчерашнему вечеру, словно вымаранному из памяти с помощью магической кисти. Сначала я выбирала платье, чтобы вернуть Ирэе долг, потом наряжалась. Потом Лизея пожелала мне удачи и сказала, что роакариз, нити которого были вплетены в мои волосы, ее приносит. Потом была встреча с Ирэйей, короткий разговор с Льером и обжигающая ревность, когда я осознала, что он ушел с темноволосяй элленари.

При мысли об этом даже сейчас застучало в висках, а потом...

Потом я вспомнила.

Шарящие по моему телу руки Нияра, и как я сгорала от жажды прикосновений элленари, задранная юбка, сбивающееся дыхание. Яростный взгляд Льера, оседающий над дальним коридором пепел: единственное, что осталось от поданного Ирэйи.

Наверное, на этом с воспоминаниями стоило остановиться, но я не смогла. Они хлынули на

меня удушающе-жаркой волной, прокатившись от щек до кончиков пальцев. Я подняла руки: свободные от запирающих магию браслетов запястья показались чужими. Не моими. Не могла я вчера тянуться этой самой ладонью к лицу Льера, чтобы коснуться — порочно и откровенно, впитывая жар его кожи. Не могла выгибаться от бесстыжих ласк, сгорая в единственном желании: раствориться в них, в его руках, в его власти.

Не могла, но выгибалась, сходя с ума от наслаждения.

Как именно, я сейчас помнила слишком хорошо, и то, как кричала под ним — тоже.

Осознание этого заставило меня замереть в подобии ступора, наверное, я бы так и стояла неведь сколько времени, если бы не открылась дверь.

Если бы шагнувший в нее в облике Золтера Льер не подхватил мою руку, целуя дрожащие пальцы.

Если бы на его запястье я не увидела такой же брачный браслет, как у меня.

Если бы он не произнес (голосом Золтера, но так, как умеет только он):

— Доброе утро, моя королева.

— Что это? — я показала ему браслет. — Что это, откуда оно взялось?!

Мне хотелось кричать, и только Всевидящий знает, как я сейчас была к этому близка.

По комнате прокатилась волна полога безмолвия, а после короткая вспышка магии запечатала двери. Я видела такое однажды, что-то похожее создавал Винсент, когда запирался для частных разговоров у себя кабинете. Любой, кто захочет войти, почувствует упругую магию под ладонью, и даже не сможет взяться за ручку.

— Сегодня ночью Арка благословила наш союз. То, что ты можешь видеть за окном, — подчиняясь взмаху его руки, занавеси разошлись в стороны, — последствия этого.

Я открыла рот, а после его закрыла: приличных слов у меня не осталось.

— Вчера ночью Ирэя посадила тебя рядом с ахантарией. Ахантарии растут в Долине Смерти, раскрываясь ближе к полуночи, эти цветы распространяют аромат, пробуждающий дикое, неконтролируемое желание. Так они заманивают своих жертв, преимущественно животных, слепо ищущих себе пару, в заросли, чтобы их сожрать. Элленари используют этот цветок в качестве составляющей зелья или просто как возбуждающее, но для смертных его действие слишком сильное. Аромат ахантарии вызывает кратковременную потерю памяти, но какие-то события могут навсегда остаться за чертой забвения.

Я мысленно вернулась к своему пробуждению: к тому, как собиралась с Луизой в Лигенбург, даже не вспомнив поначалу все события Аурихэйма, и мне стало не по себе. Что еще я могла забыть?!

— Ты не помнишь обряд? — спросил Льер. — Мне жаль.

А мне-то как жаль!

Луиза сбежала с собственной свадьбы с Винсентом, чтобы воздвигнуть между ними стену непонимания на целых восемь лет. Тереза поцеловалась в саду с Анри и стала его женой. А я вышла замуж и даже не помню, как это произошло.

Да, что ни говори, я однозначно выделилась.

— Ирэя рассчитывала на то, что я сумею тебя найти из-за узора Золтера, — он коснулся брачного браслета, и я отдернула руку. — Убийство Нияра должно было всколыхнуть недовольство. Убийство Ангсимильера Орстрена, затем второе — аристократа, ее поданного, ради простой, ничего не значащей пленницы. Убийство элленари, посягнувшего на королеву — это совершенно другое дело.

У меня было много вопросов, но все они потерялись после этого заявления.

— Это основательно пошатнуло бы репутацию Золтера, позволило Ирэе и остальным (в перспективе) поднять мятеж.

— Умно, — заметила я, с трудом удержавшись от нескольких колоритных восклицаний, которые почерпнула от конюхов. — Но что насчет клятвы на крови?

— Клятва на крови не позволит элленари причинить вред повелителю. Помнишь, когда на балу я спросил Золтера о том, могу ли я защищать тебя даже ценой клятвы жизни? После его согласия я был единственным, кто мог его убить, но мятеж не всегда подразумевает убийство. Когда сотни, тысячи, десятки тысяч элленари отказываются признавать власть, это уже совсем другое.

— Неужели?

— Да. Отток силы, огромной темной силы, ослабляет Двор. Каждый из присутствующих элленари привносит частицу магии в окружающий мир. Отказ находиться при Дворе не нарушает клятву, но элленари приходится отказаться от власти. Передать ее более достойному. Более сильному. Того, кого примет аристократия. Долгие годы власть Золтера была единолична, но в последние десятилетия она пошатнулась. Причиной тому стало наступление Пустоты, и не только. Когда его отец передал ему корону Двора, подобное уже было.

— Почему?

— Потому что его считали недостойным. Недостаточно сильным, но его отец потерял свою мьерхаартан, стремительно слабел и вынужден был передать корону наследнику. Его отказывались принимать, но одна ситуация все изменила.

Кажется, я даже догадываюсь, какая.

— Спасение мира после эксперимента Альхиины?

Льер нахмурился:

— Откуда тебе стало известно об Альхиине?

— Лизея рассказала, — я пожала плечами. — Зачем тебе обличие Золтера?

— Так надо.

— Так надо — не совсем то, что говорят потенциальной союзнице, — я сложила руки на груди. — Или... — с губ сорвался смешок. — Жене.

Взгляд Льера стал жестким.

— Это не шутки, Лавиния.

Какие уж тут шутки.

— Немного восстановим события, — произнесла я. — То есть ты воспользовался тем, что я была в полубессознательном состоянии, и тихонечко отвел меня к Арке? Где я согласилась стать твоей?

— Моей ты согласилась стать в этой самой спальне, — произнес Льер, и мне захотелось запустить в него чем-нибудь тяжелым.

— Да, и мне, видимо, остается только поблагодарить тебя за чудесное избавление прошлой ночью, — я сама не ожидала, что выйдет настолько язвительно, но оно вышло.

— Аромат ахантарии действует до двух суток. — Льер пристально на меня посмотрел. — Ты хотела сгорать от желания все это время?

Нет, я хотела чем-нибудь его огреть. И сейчас хочу, в отличие от последствий аромата ахантарии это желание не проходит.

— Ну что вы, — я покачала головой. — Я же говорю, примите мою искреннюю благодарность. Ваше азльерство.

Последнее я выделила особо. Отвернулась, но он перехватил меня за руку, невольно заставив повернуться к нему лицом:

— Отныне — ты моя жена, Лавиния. Перед лицом Аурихэйма и всех моих подданных.

Я вырвалась и отступила назад.

— Отныне я — жена Золтера, — я сложила руки на груди, возвращая ему жесткий взгляд. — Ты привык действовать, руководствуясь понятными только тебе одному мотивами, но если хочешь продолжать, придется считаться со мной.

Его ноздри шевельнулись, выдавая ярость, но я не отвела взгляд.

— Тебе нужно обличье Золтера — я не против. Ты молчишь о том, что затеял что-то за спинами бывших союзников — на здоровье. Ты делаешь меня своей женой, чтобы прикрыть спину на время реализации своих планов — пожалуйста. Но начиная с этого дня ты будешь рассказывать мне все. Ты перестанешь недоговаривать, перестанешь уходить от ответов. Я поддержу тебя, если сочту, что наши интересы совпадают. В противном случае...

Я не договорила.

Моя жизнь уже давно мне не принадлежит, и я не стану прятаться от того, что рано или поздно может меня настигнуть, но и помыкать собой больше не позволю. Никому.

— Для начала у меня есть несколько условий. Амалия и Лизея станут моими фрейлинами, — он сдвинул брови, но я вскинула руку, пресекая любые возражения. — Ты больше ни разу ко мне не притронешься. Я смогу передвигаться по замку и за его пределами где захочу, когда захочу и куда захочу. И последнее, — я внимательно посмотрела ему в глаза. — Ты оставишь Ирэю мне. С ней я разберусь сама.

На скулах Льера заиграли желваки, но я больше не проронила ни слова. Просто стояла и ждала, молча ждала, пока он ответит.

— Хорошо, — наконец, произнес мой новоявленный супруг. — За исключением одного пункта. Я не притронусь к тебе, пока ты сама этого не пожелаешь.

Я вскинула брови.

— Под ахантарией?

Льер плотно сжал зубы.

— Сама. По своей воле, находясь в трезвом уме.

— Чудесно. В таком случае давай скрепим нашу договоренность магией.

Судя по тому, как сверкнули глаза, ему это совершенно не понравилось, но меня это совершенно не смущало. Улыбнувшись, я коснулась кинжала на его поясе. Обвела пальцами рукоятку перед тем, как вытащить из ножен, и вдавила острие в кончик пальца.

— Не думал же ты, что я поверю элленари на слово, дорогой муж? — поинтересовалась, глядя ему в глаза, и добавила. — Клянись.

Майкла и его семью ее величество королева Брианна не жаловала, поэтому при дворе мы бывали редко. Гораздо реже, чем могли бы, согласись я принять предложение руки и сердца от партии, которую мне подыскал бы Винсент, но у меня не было ни малейшего шанса. В смысле, принять предложение руки и сердца от кого бы то ни было, кроме Майкла. Сейчас, оглядываясь назад, я понимала, что это в самом деле напоминало одержимость. Я не хотела слушать никого: ни Терезу, ни Луизу (которая, к слову, была тактичнее всех в оценках моего будущего замужества), ни Винсента, ни даже матушку. Матушку, к словам которой я всегда прислушивалась, даже если они были чересчур строгими.

Как бы там ни было, именно матушке я сейчас была обязана тем, что у меня почти не дрожат руки, что я предельно собрана и готовлюсь к выходу перед элленари (теми самыми, что вчера называли меня смертной и насмешливо ощупывали взглядами, заинтересованными разве что когда они оказываются в районе моего лифа) в качестве королевы.

Образно говоря, королевой я не была, я была самозванкой. В точности так же, как Льер совершенно точно не было Золтером, но его игра, к чему бы она ни вела, зашла слишком далеко. Я смутно представляла себе, на что способны взбешенные элленари, которых просто-напросто водили за нос все это время, и уж точно не представляла, на что способна Ирэя, чтобы мне отомстить.

После ухода Льера я долго думала о причинах, которые сподвигли его прикрыться чужой личиной, и поняла, что если заговор не состоялся, значит, в последний момент что-то пошло не так. Что именно, он мне вряд ли расскажет, но мне вовсе не обязательно в этом разбираться. Сейчас главное играть свою роль, и от того, как я ее сыграю, зависит очень и очень многое.

— Ваше аэльвэйство, вы прекрасны.

Может, я и была прекрасна (в платье цвета пепла, ткань которого была подчеркнута легким кружевом), но привыкнуть к этому «ваше аэльвэйство» не могла никак.

— Лизея, ты могла бы называть меня просто Лавиния. По крайней мере, когда мы наедине.

Элленари широко улыбнулась, а вот Амалия, напротив, недовольно сложила руки на груди.

Когда Лизея узнала, что я хочу видеть ее в качестве фрейлины, а не прислужницы, она посмотрела на меня как-то странно. По крайней мере, в расширившихся глазах застыло то самое выражение, после которого могли бы заблестеть слезы. Она шагнула ко мне и порывисто обняла, правда потом сразу же извинилась. По тому, как она прижала ладони к юбке, я поняла, что девушка очень взволнована... если так можно выразиться про элленари.

Не представляю, что творилось в этом мире с чувствами, но в чем-то мы с ними все-таки были похожи. Элленари не учили прятать свои эмоции, потому что прятать было нечего, нас с детства учили показывать лишь то, что благопристойно и не может так или иначе скомпрометировать.

— Хорошо, Лавиния.

— Леди... Аэльвэйн Лавиния... — Амалия все-таки подала голос. В платье бледно-персикового оттенка (такое, по сути, и положено носить девушкам ее возраста), она выглядела совсем юной. Еще более юной, чем была. — Я бы хотела с вами поговорить. Наедине.

Теперь уже нахмурилась я, но отказывать ей причин не видела, тем более что ее «наедине» тогда прозвучало бы еще более грубо.

— Это не потерпит до конца приема, Амалия? — спросила я.

— Это не займет много времени.

— Я ненадолго отлучусь, — улыбнулась Лизея. — Узнаю, как скоро его аэльвэрство за вами придет.

Его аэльвэрство, или точнее, его аэльерство.

Я не стала задерживаться на этой мысли, потому что когда выяснила, что это наши общие покои (разумеется, уже после заключенного с Льером соглашения), была очень близка к тому,

чтобы пару раз скомпрометировать себя по полной. Впрочем, тут мы с ним были на равных: судя по витающему в воздухе напряжению и отголоскам ярости, он явно не ожидал такого приема. Да что говорить, я сама такого не ожидала.

— О чем ты хотела поговорить? — спросила Амалию, когда мы остались одни.

— О ней, — она кивнула в сторону закрывшейся двери. — Леди Лавиния! Как вы можете подпускать к себе одну из них?! Не просто подпускать, приближать!

Глаза ее сверкали самой что ни на есть настоящей яростью, и мне это совершенно не понравилось.

— Лизея не сделала мне ничего дурного, — заметила я. — Больше того, она всегда мне помогала...

— Не сделала сейчас — сделает потом, — Амалия судорожно вздохнула. — Неужели вы не понимаете, им нельзя доверять! Никому! Никому из них. Мы должны держаться вместе, но только мы...

— Довольно, — произнесла я, и она осеклась. — Лизея — потрясающая девушка, и тот факт, что она элленари, ничего не меняет. Чтобы выжить, Амалия, нам с тобой действительно нужно держаться вместе. Сейчас у нас уже значительно больше возможностей, чем было еще несколько дней назад. Поэтому я искренне надеюсь и рассчитываю на твою поддержку.

Амалия открыла было рот, чтобы возразить, но тут же с визгом подхватила юбки и отпрыгнула от б'йрэнгала, попытавшегося к ней подойти.

— Пожалуйста! Уберите его от меня!

Она зажмурилась, на виске и на шее бешено колотились жилки.

— Амалия, он ничего тебе не сделает, — я покачала головой, но она так и не открыла глаз: продолжала стоять, плотно сжав губы и сжавшись в комок, пока я не подозвала Льера и не отвела к диванчику, на который он, нехотя улегся.

— Всевидящий! Нам обязательно находиться в одной комнате с этим монстром?! — прошептала она, и губы ее снова задрожали.

— Он не монстр, — я указала на свернувшегося клубком звереныша. — Он обычный котенок, просто... иномирный.

Просто иномирный обычный котенок.

— Когда уже мы вернемся домой?! — сдавленно прошептала она.

Вопрос повис без ответа, потому что открылась дверь. Льертер или Золтьер шагнул в комнату, и Амалия судорожно вздохнула. Кажется, она забыла про этикет, и про реверансы, и про все прочее, особенно когда он приблизился к нам. Винить ее за это я не могла: сложно расшаркиваться перед тем, кто тебя пытал, но я под этой личиной видела совершенно другого элленари. Понять которого пока так и не смогла.

— Моя королева, — он протянул мне раскрытую ладонь. — Ты прекрасно выглядишь, Лавиния.

— Благодарю, — отозвалась я, думая преимущественно про Амалию.

Сейчас я была уже не уверена, что идея с фрейлинами настолько хороша, по крайней мере, с ней в качестве фрейлины. Тогда я подумала, что так мне будет удобнее держать ее при себе и защитить (случись что), но теперь сомневалась в своем решении. Фрейлинам королевы нужно будет видеться с королем, читай с повелителем, и очень часто. А она стоит и дрожит, и побелела как лист дорогой писчей бумаги.

— Думаю, сегодня Амалии необязательно нас сопровождать, — сказала я, и он кивнул.

Мне оставалось только вздохнуть с облегчением и порадоваться, что Льер не решил показать характер и припомнить мне свои условия.

Мы вышли из комнаты, как и полагается супругам, рука об руку. За нашими спинами метнулась тень, и это были отнюдь ни виеррахи: Амалия спешила к себе. Из-за того, что она стала моей фрейлиной, ближайшая комната была отведена ей, равно как и соседняя — Лизее,

поэтому не успели мы пройти и пару шагов, как я услышала громкий звук захлопнувшейся двери.

Да, вести ее в толпу элленари, которые непонятно даже как ко мне отнесутся, точно было не лучшей идеей.

— Я отпустил Лизею, — произнес Льер, — сегодня тебе будет достаточно моего сопровождения.

Я глубоко вздохнула.

Может быть. Может быть и достаточно, но внутри тонко билась невидимая натянутая струна, дрожала, согреваемая лишь моей магией, которой было так ничтожно, так несоизмеримо мало...

Неожиданно Льер остановился, и мне пришлось сделать то же самое. Недоуменно взглянула на него и вздрогнула, когда он коснулся моей щеки.

Эта короткая ласка напомнила о том, что было вчера, о гораздо более нескромных прикосновениях, отозвалась во всем теле неожиданными и несвоевременными дикими ощущениями. Хотела напомнить ему про клятву, но опоздала: во-первых, потому, что клятва не позволила бы ему дотронуться до меня помимо моего желания, а во-вторых...

— Я уже говорил, что ты прекрасно выглядишь, Лавиния. — Он коснулся свободных прядей моих волос, падающих на плечи. — И это действительно так. Ты выглядишь по-королевски.

— Чудесно, — негромко сказала я, стараясь удержаться от этих обволакивающих разум слов.

Разум твердил, что мне нужно быть сильной, а под такими словами очень легко поддаться обманчивой слабости и иллюзорному представлению, что я не одна.

— Если не возражаешь, давай продолжим путь. Я бы очень хотела со всем этим побыстрее покончить.

— Знаю, — он коснулся обручального узора, и тот словно сильнее вспыхнул под его пальцами. — Я с тобой.

Льер устроил мою руку на сгибе своего локтя и шагнул к лестнице.

С каждым шагом я все больше понимала, насколько мне не хочется выходить в зал, полный элленари. Несмотря на то, что в моих волосах сверкала черная диадема королевы, несмотря на то, что сказал Льер, я чувствовала, что начинаю задыхаться. У меня то и дело темнело перед глазами, бросало в холодный пот, а по коже бежал то озноб, то жар. Я не представляла, что с этим делать, поэтому просто шла, расправив плечи и глядя прямо перед собой.

Высокие, массивные двери вели в тронный зал. Я ожидала увидеть нечто мрачное, но вместо этого увидела просто высокие замковые стены и полотно над тронном. Огромные окна не были затянуты занавесями, и солнце вливалось сквозь них, раскрашивая застывшую по обе стороны от растелившейся под нашими ногами дорожки толпу элленари. Вместо пестрого калейдоскопа — яркие цвета нарядов.

Полотно символизировало мощь Двора смерти (в непроглядной тьме клубились серебряные искры, окружающие сияющие миры). Все и ничто, почему-то именно это пришло мне в голову, а потом горло сдавил спазм. Я вцепилась в руку Льера, чувствуя, что меня начинает лихорадить.

— Все в порядке? — еле слышно спросил он.

Я нашла в себе силы кивнуть, хотя бы потому, что в окутавшей нас тишине мой голос мог прозвучать несоизмеримо громко. Мне казалось, что я вот-вот потеряю сознание, поэтому трон как ощущение опоры пришелся очень кстати. Садиться, правда, мы не стали, но осознание того, что мне есть куда падать, придало сил.

Взгляды элленари скользили по нам, преимущественно — по мне, и в них я читала странную, необъяснимую радость и недоверие.

— Как вы уже знаете, — произнес Льер в звенящую напряжением тишину ожидания, — этой ночью Арка благословила наш союз. Мы с аэльвэйн Лавинией стали супругами по законам Аурихэйма.

Он вскинул руку, призывая к пытавшемуся надорваться взволнованным шепотом молчанию, и в зале вновь стало тихо. Только сейчас я вспомнила про Ирэю: она, разумеется, присутствовала и стояла в первых рядах, ближе всего к трону. Рядом с ней застыла ее свита — те, что вчера смотрели, как я вдыхаю аромат ахантарии и наверняка потешались над тем, как Нияр будет развлекаться с простой смертной.

— Эти законы нерушимы. Наш брак нерушим. Отныне, начиная с этого момента, ваша клятва распространяется на ее аэльвэйрство, союз с которой принес в Аурихэйм наш первый за долгое время рассвет. Встречайте свою королеву!

Зал взорвался овациями и возбужденными голосами, обрушившимися на нас подобно ураганному ветру или штормовой волне, и сейчас я была искренне этому рада. К холодному поту и жару добавилась боль в висках, перекатывающаяся между ними под кожей лба, как раскаленные шарики на металлической нитке.

— Наш первый рассвет совпал с ночью Рождения нашего Двора, для нас это теперь двойной большой праздник, — произнес Льер, когда аплодисменты стали затихать. — Сегодняшний день станет началом, которое со временем поможет нам справиться с Пустотой и возродить Аурихэйм!

Последнее его заявление утонуло в новом порыве восторгов элленари, и, когда мы рука об руку опустились на сдвоенный трон (такое я видела впервые), вздохнула с облегчением. Льер воспринял это по-своему:

— В Аурихэйме супруги считаются единым целым, — пояснил он.

— Я счастлива, — отозвалась я, но больше ничего сказать не успела: к нам уже приблизилась Ирэя.

— Позвольте выразить вам свои глубочайшие поздравления, кузен, — произнесла она, и голос ее сочился ядом. Льер кивнул, и принцесса повернулась ко мне: одна из немногих она сегодня была одета в черное. — И вам, ваше аэльвэйрство.

— Благодарю, — негромко отозвалась я, не отводя взгляда. И, хотя виски сдавило еще сильнее, продолжила: — В том, что сейчас происходит, есть и ваша заслуга, кузина. Вы же не против, если я стану вас так называть?

Ирэю знатно перекосило.

— Разумеется, нет, ваше аэльвэйрство.

— Замечательно, — я улыбнулась. — В таком случае, в знак моей искренней благодарности я бы хотела предложить вам стать моей фрейлиной.

Ирэя открыла рот, но тут же его закрыла. Перевела взгляд на «кузена», но Льер молчал, оставляя ей право решать самой: отказать королеве или принять предложение бывшей смертной. Хотя бывшей — звучит как-то странно, потому что смертной я быть не перестала, разве что для всех собравшихся я стала смертной, с брака с которой начнется возрождение Аурихэйма.

Молчание затянулось, и Ирэя все-таки прошипела (еле слышно, чтобы не позволить собственному негодованию стать достоянием остальных):

— Кузен!

— Моя жена сделала тебе предложение, кузина. — Льер подхватил мою руку и переплел наши пальцы, за что я сейчас была ему благодарна гораздо больше, чем даже за его обещание «Я с тобой». Подобные действия говорили куда лучше любых самых громких слов, и пусть я прекрасно понимала, что мы с ним сейчас в одной связке, все равно на сердце стало тепло.

— Хорошо, — выдохнула Ирэя, и ноздри ее раздулись. — Я принимаю ваше предложение.

— Замечательно, — я улыбнулась и, хотя в горло словно вонзились десятки острых ледяных игл, добавила: — Поскольку вы все время будете рядом со мной, отправьте вашу свиту по домам. Думаю, им сейчас самое время навестить близких и первыми сообщить радостные вести о том, что случилось.

В глазах рыжей мелькнул не просто гнев — бешенство, но я уже отвернулась.

К нам подходили, подходили и подходили, в глазах элленари я по-прежнему читала недоверие, словно они никак не могли смириться с тем, что за окнами светит солнце. Что все это не обман, который вот-вот развеется, поглощенный туманами, грязной тяжестью туч и острыми молниями, терзающими небо и землю. Честно говоря, я сама не до конца в это верила: как так получилось, что всего лишь благословение Арки вернуло свет в этот мир?

Как Арка, отказавшаяся благословить меня и Золтера, благословила меня и Льера?

Я думала об этом, собираясь сюда, но так и не пришла ни к какому выводу. Кроме одного: в Аурихэйме возможно все и невозможно ничто. В частности, возможно отшвырнуть повелителя Двора, желающего сделать меня своей, и признать моим мужем того, кто носит его личину, когда я сама не вполне осознаю, что делаю.

К слову, если я не вполне это осознавала, значит ли, что после нашей... нашего благословения была и полноценная брачная ночь? Этот вопрос как-то милостиво ускользнул от моего сознания в прошлый раз, зато сейчас пришелся очень не в тему, и я вздрогнула. В тот момент, когда большеухий элленари, очень похожий на того, кого я видела в зверинце, целовал мне руку.

Он испугался, что слишком сильно сжал мои пальцы трехпалой ладонью, и принялся рассыпаться в извинениях, пока его не оттеснили другие желающие нас поздравить.

Когда поток элленари иссяк, Льер снова вскинул руку:

— В честь нашего союза с завтрашнего дня начнутся увеселительные обеды и балы. Продлятся они ровно неделю, после чего мы с главнокомандующими уже сможем сообщить о том, как изменилось поведение Пустоты, и что сейчас происходит во всех уголках Аурихэйма. Сегодня же я предлагаю вам просто отдыхать, и наслаждаться тем, чего мы все были лишены долгое время!

Уходили мы из зала под возбужденные голоса и прославление нашего союза, который принесет мир и процветание Аурихэйму. Солнце заставляло алую дорожку под ногами гореть, и я жмурилась: то ли глаза привыкли к отсутствию яркого света, то ли просто болели. Как ни странно, когда мы оказались за пределами зала, я вздохнула свободнее. Исчезла тяжесть в руках и ногах, голова прояснилась, а горло больше не казалось стянутым металлическим обручем.

— Ты замечательно держалась, — заметил Льер, остановившись у лестницы, перила которой напоминали змей. Мне невыносимо не хотелось возвращаться к себе, и я уже хотела сказать, что хочу отправиться к морю, когда он произнес: — Я приглашаю тебя на прогулку, Лавиния.

Казалось, пару сотен лет уже прошло с того времени, как мы с Майклом отправились в наш месяц молодоженов на море. Луиза так его расхваливала (она очень любила море и океан), и я так восторженно о нем отзывалась, что Майкл, видимо понял: не отвезет меня на море, Винсент его придушит. Он всегда ходил с таким выражением лица, словно боялся, что Винсент его придушит, и если раньше я не отдавала себе в этом отчета, то сейчас мысли о нем вызвали новую вспышку раздражения. Как можно было быть такой... такой.

— Люди могут противостоять чарам элленари? — спросила я.

Вопреки моим представлениям, к морю мы отправились не порталом, прошли сквозь замковый двор, миновали ворота, провожаемые сотнями изумленных взглядов. Видимо, не в характере Золтера было выгуливать свою смертную жену после официального представления. Я хотела было съязвить по этому поводу, но вовремя удержалась: слишком много язвительности было в последнее время, слишком много тьмы, а мне хотелось света. Я родилась со светом в сердце, но как-то незаметно его растеряла, видимо.

— Нет, — отозвался Льер.

— Совсем?

— Некоторые, очень сильные маги способны... сопротивляться. Назовем это так. Ты сопротивлялась.

Я приподняла брови.

— Тогда, в своей спальне в Мортенхэйме.

Лучше надо было сопротивляться, подумала я, но вслух ничего не сказала.

— Ты уверена в том, что хочешь приблизить к себе Ирэю?

— Не уверена, что я вообще хочу ее видеть, но сейчас лучше держать ее на расстоянии вытянутой руки, — заметила я.

— Забавно, — произнес Льер.

— В нашем мире есть поговорка, что врагов надо держать гораздо ближе, чем самых лучших друзей.

— И ты еще будешь мне говорить о том, что элленари ужасны?

Я бросила на него быстрый взгляд:

— В последнее время я такого не говорю.

— В последнее время мы почти не разговаривали. Тебе нравится в Аурихэйме?

Вопрос заставил меня остановиться.

— Ты хочешь спросить, не хочу ли я здесь остаться? — поинтересовалась, глядя ему в глаза. — А может быть, проводить домой? Когда мы общались с тобой в твоём... облике, ты собирался отправить меня домой, Льер.

— Много с тех пор изменилось.

Маска Золтера — очень удачное прикрытие, под ней можно многое спрятать. Не помню, приходила ли эта мысль мне в голову раньше, но сейчас, когда я смотрела в темные, как густой медвежий мех, глаза, в них не отражалось ровным счетом ничего из того, что могло бы быть в темно-синих. По правде говоря, и не должно было быть, эмоций в Золтере было как в кушетке, а то и меньше.

Я не стала продолжать этот бессмысленный разговор: если бы Льер на самом деле хотел отправить меня домой, уже сделал бы это. Сейчас, когда я выторговала себе возможность ходить где угодно и когда угодно, ничто не помешает мне побывать в библиотеке. Если честно, пока не представляю, как я заставлю ее подчиняться смертной королеве-не-королеве. Не представляю, и сегодня представлять не хочу, но завтра непременно попробую.

Море, на которое мы отправились с Майклом после свадьбы, было холодным. У нас в Энгерии вообще нет теплого моря, но мне и того хватило. Закаты, раскрашивающие воду и холмы: высоченные, застеленные полями цветов. Я видела море в Вэлее, когда мы гостили у Анри и Терезы, и оно было совсем другим: голубым, прозрачным, сверкающим под солнечными лучами. В юности мы с Матушкой путешествовали в Лацию, и маэлонское море было бирюзовым.

Море Аурихэйма оказалось серебристо-белым. Белые волны накатывали на берег, рассыпая кружево волн и облизывая камни. Мы шли в нескольких футах от воды, справа от нас расстилались горы, слева — бескрайняя вода, цветом напоминающая мое платье. Мне почему-то подумалось, что купаться в нем точно нельзя: мало ли, а вдруг рыбки. Такие, какие были в фонтане.

Словно в подтверждение моих мыслей в прозрачной как слеза воде скользнуло что-то странное, напоминающее не то змею, не то угря. Всколыхнулась пена накатившей волны, а когда отступила, я поняла, что дело не только в пене: под водой клубилось нечто белое, напоминающее густой туман, мерцающее серебром. Видимо, именно за счет этого «чего-то» такой цвет у воды и был.

— Призрачные водоросли, — пояснил Льер, проследив мой взгляд. — Из них делают очень вкусные десерты.

— Призрачные?

Он улыбнулся.

— Нет. Вполне реальные.

Мне почему-то захотелось улыбнуться в ответ, а еще захотелось попробовать этот десерт. На этой мысли я разом себя осадила: никаких десертов, никаких подобных мыслей. Мы с Льером просто союзники, и ничего кроме.

Впрочем, насчет «ничего кроме», я, возможно преувеличивала. Или немного кривила душой, потому что «ничего кроме» привело меня к благословию и супружеству, и я не имею ни малейшего представления, что мне с этим делать. Разумеется, с супружеством, с благословением я уже ничего поделаться не могла. Вряд ли можно прийти к Арке, показать ей обручальный браслет и сказать: «Глубокоуважаемое сердце Аурихэйма, той ночью я была не в себе, не понимала, что несю, поэтому снимите с меня, пожалуйста, это, и будем считать, что ничего не было».

Даже если оно было.

А оно наверняка было, и при мысли об этом к щекам снова прилила кровь. Мне бы очень хотелось спросить у Льера, было ли что-то, чтобы осознать, смириться и больше никогда не вспоминать про ночь «благословения», но как об этом спросить, я не представляла. Поэтому только молча шла, раздумывая об особенностях моей памяти и о том, что это точно обсуждать не стоит. Точнее, это не то, что стоит обсуждать.

Берег изгибался, уводя за собой поворотом, волны с мягким шелестом накатывали и отступали. Я поймала себя на мысли, что рассматриваю брачный браслет: хитросплетения узоров, проявившихся на моей руке и сияющих золотом, а следом — что Льер пристально на меня смотрит. Как-то очень внимательно, если не сказать больше. От этого взгляда бросило в жар, губы вспыхнули (именно на них он и смотрел). Я собиралась сказать, что хочу вернуться, но мы уже шагнули за поворот.

Ближайшая скала напозала на берег, выбросив над мелкими камнями ладонь навеса-площадки, на которой был накрыт стол.

Стол на двоих.

— Что это? — уточнила я.

— Наш с тобой ужин.

— То, что ужин, я вижу. Почему он накрыт здесь?

— А ты хотела бы поужинать в зверинце?

Нет, в зверинце я точно не хотела есть, но такой Льер — Льер, который обо мне... заботится,

который зовет меня на прогулку и накрывает стол у моря, где вот-вот раскроется алый цветок заката — это нечто из ряда вон.

— Зачем? — прямо спросила я.

— Тебе не приходило в голову, что я хочу просто сделать тебе приятное, безо всяких «зачем»?

— Рядом с элленари? Нет, — я сложила руки на груди.

— В таком случае, я тебя разочарую. Этот ужин всего лишь для того, чтобы сделать тебе приятное, Лавиния.

Я бы сказала, что разочаровывает меня совершенно другое, но мне хотелось есть. Учитывая, что полдня меня готовили к выходу, который закончился чуть ли не быстрее чем все мои предыдущие выходы к элленари, я даже пообедать толком не успела. Обед мне приносили, разумеется, и вполне себе полноценный, но поскольку на меня то дорабатывали платье, то подбирали драгоценности (от тяжести которых, к слову, очень хотелось сейчас избавиться), то делали прическу, с которой все время было что-то не так (на этот раз не обошлось без Магистра, скупно цедившей вежливые слова с непробиваемым лицом), то большую часть просто унесли обратно. Зато сейчас я поняла, чего мне отчаянно не хватает.

Ужина.

Даже если у моря и вместе с Льером, все равно не хватает.

Он подал мне руку, и мы вместе шагнули на поросший мхом земляной склон. Помимо мха на склоне прорастала молодая трава и даже распустились мелкие сиреневые цветочки с очень длинными тычинками. Природа Аурихэйма оживала на глазах, расцветая яркими красками и напоминая мне о моем мире. Подобно тому, как просыпался этот мир, Энгерия пробуждалась от долгой зимы. У нас она всегда была долгой, зато весна становилась настоящим чудом.

Для меня особенно.

Льер отодвинул стул, и я опустилась на него. Дождавшись, пока он сядет напротив, расстелила салфетку на коленях.

Если на миг отвернуться от странного моря и забыть о том, где находишься, можно представить, что все-таки оказалась дома. Правда, надолго забыть не получилось — мимо нас с криком пронеслась птица, помесь филина и воробья.

— Попробуй вино, — Льер наполнил мой бокал.

— С ахантарией? — уточнила я.

— Нет. Вино в Аурихэйме тоже делается из винограда, Лавиния. Это с добавлением ягод эрисы, — бокал он поднял первым. — Наше с тобой знакомство оказалось неудачным...

— Это еще слабо сказано, — пробормотала я, разглядывая темно-красную жидкость в тонконогом пузатом бокале.

— И я хочу все исправить.

Я подняла на него глаза.

— Тебе вовсе необязательно это говорить, — заметила я. — Мы с тобой заключили сделку, и...

— Сделка тут ни при чем.

Возможно, было бы проще, если бы вместо Золтера напротив себя я видела его. Того Льера, который... который — что?

— А что при чем? — поинтересовалась я, отвернувшись к морю.

Отсюда, в лучах понемногу опускающегося солнца, оно казалось почти прозрачным, как туманная дымка свадебной фаты. Не представляю, почему мне в голову пришло именно это сравнение, но я вдруг вспомнила свою свадьбу. Сумасшедшая, бессонная ночь, когда я крутилась в постели и кусала губы, представляя, как завтра пойду к алтарю с Майклом. Вести меня должен был Винсент, а матушка вечером рассказывала мне о том, как пройдет первая брачная ночь.

Она, видимо, забыла о том, что я росла в Мортенхэйме и часто бывала на конюшне: хотя не исключено, что матушка просто об этом не знала, поскольку мне строго-настрого запрещалось приближаться к животным. Словом, все, что она мне рассказывала, мне все равно не пригодились, но минуты, когда меня наряжали в роскошное платье, легкое, невесомое, когда закрепляли в высокой причёске фату, были невыносимо счастливыми и такими волнительными, что я то и дело забывала дышать. Впрочем, возможно, во всем был виноват корсет.

— Ты.

Я настолько погрузилась в свои мысли, что сейчас даже не сразу поняла, о чем он говорит.

— Ты, Лавиния. Я хочу все начать заново и хочу все сделать иначе. Поэтому предлагаю тост: за нас.

— Хочешь начать заново — что? — уточнила я, все-таки поднимая бокал.

— Хочу, чтобы ты стала моей женой. По-настоящему.

Скажи он, что собирается отправить меня домой и запечатать границы миров, чтобы никто из Аурихэйма больше никогда меня не потревожил, это и то звучало бы более правдоподобно.

— Вряд ли у нас это получится, — заметила я.

— Почему?

— Потому что я тебе не верю.

— Это я тоже хочу исправить, — Льер коснулся моего бокала своим, и мелодичный звон смешался с шумом набегавших волн.

Я пригубила вино: оно оказалось терпким и сладким, с ярко-выраженным ягодным вкусом.

— Не все можно исправить, Льер.

— Все. Было бы желание.

Я посмотрела на него, но он был занят тем, что раскладывал еду по нашим тарелкам. Дымящееся жаркое (или что-то очень на него похожее), овощи (тоже что-то очень похожее), и, вероятно, сыр. А вот соусы были мне знакомы, поэтому с этим я справилась сама.

— Мы из разных миров, — напомнила я.

— Между нашими мирами не такая большая разница.

О чем мы вообще говорим? Никакие отношения между нами невозможны! Хотя бы потому, что... потому что вчера он куда-то увел темноволосую элленари, и с ней явно не о перспективах долгосрочного сотрудничества беседовал.

— Найтриш тебе подходит больше, — заметила я, нарезая кусочками мясо.

Нож почему-то сорвался, и звук вышел оглушительно-громким.

— Найтриш — любовница Золтера. Между нами ничего нет.

— И как ты ей объяснил сей прискорбный факт? — поинтересовалась я, продолжая свое занятие.

— Золтер никому ничего не объяснял. Ты же не настолько наивна, чтобы полагать, что она была единственной?

— Ну разумеется, она была фавориткой, — заметила я и не нашла ничего лучше, как сунуть в рот кусок мяса. Просто это было гораздо лучше, чем думать о том, сколько любовниц было у Льера.

Фу, позорище!

Кстати, о позорище.

— Я бы хотела знать, что между нами случилось той ночью, — сказала я. — После

благословения.

Ну вот, все-таки спросила, и это даже оказалось не так сложно, как представлялось мне изначально.

— Ничего.

Ничего?!

Я вскинула голову и пристально посмотрела Льеру в глаза, но... элленари не могут лгать. Не могут, ведь так? То есть в обход могут, конечно (иначе ему не удалось бы нацепить личину Золтера), но вот так прямо — нет.

— Ничего не было, Лавиния. После благословения ты просто заснула.

Хм.

— Хорошо, — сказала я и вернулась к ужину.

Мне очень хотелось спросить, что связывало их с Ирэей, но на сегодня откровений было достаточно. Я бы сказала, более чем достаточно, к тому же, я не была уверена в том, что хочу знать правду. Эта правда мне ни к чему, потому как, что бы Льер себе ни надумал, я не собираюсь развивать наши отношения дальше скрепленного клятвой союза.

Ночь упала на Аурихэйм быстро: только что мы ели десерт, чем-то напоминающий помесь кофе и шоколада, и цвет волос Золтера разогревал осевшие на берег сумерки, как вдруг стало темно. Очень темно, и подчиняясь движению руки Льера, над нам вспыхнуло несколько крошечных магических светильников. Они окружили стол, и когда я потянулась за сладким соусом (все еще теплым, здесь вся еда подогревалась при помощи магии), от прикосновения к пальцам сидящего напротив мужчины меня словно пронзило молнией.

Это напомнило о том, что пора возвращаться, и кое о чем еще.

— Ты сказал, что хочешь все изменить, — заметила я, и Льер кивнул. — Что ж, давай начнем с того, что ты будешь прислушиваться к моим просьбам. Сегодня ночью я хочу спать одна.

А.О.

Да, Лавиния определенно знала, что попросить. И, прежде чем он успел что-либо ответить, добавила:

— Все последующие тоже.

Она смотрела на него, а Льер не знал, что ответить. Впервые за долгое время не представлял, что сказать женщине, которая просит его оставить ее одну. Все те, кого он знал до нее, совершенно не возражали против того, чтобы остаться в его спальне после. Для элленари это не играло совершенно никакой роли, поэтому с кем заснуть или же от кого уйти было незначительной деталью, на которую не обращали внимания. Особенно учитывая то, что сегодня засыпали с одним, а завтра с другим, и не всегда в личных покоях. Для Лавинии близость была чем-то особенным, и она не собиралась подпускать его ближе.

Пока — не собиралась.

— И как ты себе представляешь супругов, засыпающих в разных спальнях? — почему-то в обычно спокойный голос сейчас ворвался сарказм.

— Легко. В Энгерии у супругов разные комнаты, и это в порядке вещей. Скажешь, что следуешь традициям своей драгоценной королевы.

Остричь она тоже умела. А еще умела зацепить так, как ни одна другая до нее. Кто бы мог подумать, что вчера ночью он потеряет контроль, как... сложно даже подобрать характеристику этому состоянию. Даже будучи юнцом Льер никогда не испытывал ничего подобного, когда весь мир сходится на одной-единственной женщине, сгорающей от страсти в его руках. У Лавинии было оправдание — ахантария, у него — нет.

Он до сих пор помнил жар ее кожи под губами, и как она отзывалась на каждое прикосновение, как дрожала под его ласками. Много бы он отдал, чтобы повторить то же самое — на этот раз безо всяких чар, чтобы увидеть ответное желание в темнеющих, как ночная листва, глазах. Ее желание.

Сейчас она смотрела, склонив голову. Спокойно и равнодушно, даже пальчиками постукивала по столу в ожидании. Кажется, даже забыла про десертный соус, за которым тянулась.

— Замечательный план, — произнес он и все-таки плеснул ей этого клятого соуса так, что алые брызги разлетелись не только по нежной сердцевине десерта, но и по тарелке. — Но ты упустила одну маленькую деталь.

Впрочем, определенный интерес в ее глазах все же был: кажется, ей действительно важен был ответ. Она хотела остаться одна, отдалиться от него настолько, насколько это вообще возможно.

— Какую? — небрежно поинтересовалась Лавиния.

Настолько небрежно, что ему захотелось смести со стола все к Пустоте, рывком притянуть к себе, а потом целовать так, пока не начнут гореть губы. Свои и ее, пока это напускное равнодушие не сменится отчаянной мольбой или желанием. Проблема заключалась в том, что он действительно боялся увидеть в ее глазах отчаяние, или, хуже того, презрение. После того, что с ней произошло, после того, что сделал Золтер...

Клятый Золтер, чтоб ему за Гранью покоя не было.

— Это мои покои, Лавиния. Покои повелителя, и если повелитель не станет появляться в собственных покоях, это, по меньшей мере, вызовет удивление.

— О, ну это ни в коем случае не препятствие. Я с радостью перееду.

— Нет.

Это прозвучало так резко, что она вздрогнула. Холод сгустившейся ночи сейчас ощущался гораздо отчетливее: в Аурихэйме, в этих краях всегда холодает с наступлением темноты. Только сейчас Льер это осознал, и осознал то, что Лавиния к такому не привыкла. Поэтому резко поднялся, расстегнул мундир и набросил на хрупкие плечи. Она тут же вскочила, и мундир сполз на камни.

— Спасибо, не стоит, — ее вежливость была едва ли лучше презрения.

— Надень, — приказал он.

Подхватил мундир и снова завернул в него, после чего кивнул.

— Закончим ужин.

— Спасибо, я сыта.

Интонации в ее голосе вызвали желание зарычать, а потом...

Обо всем, что потом, Льер уже думал, и ничего хорошего из этого не получалось.

— Как скажешь, — произнес он и подал ей руку.

Стоял, преграждая путь до тех пор, пока она не вложила пальцы в его ладонь. Кто бы мог подумать, что одно невинное прикосновение отзовется такой бурей внутри. Сумасшедшей, яростной, желанием обладать, сделать эту женщину своей без остатка. По-настоящему. Взять грубо, а после — нежно. Брать ее снова и снова, пока не насытится этим странным чувством, пока оно не уйдет, не перестанет жечь изнутри, пока не выгорит без остатка.

В какую-то минуту, на один краткий миг Льер поверил в то, что действительно мог бы так поступить. Поверил, и осознание этого заставило сжать зубы.

Ни одна женщина до нее.

Никогда.

Не могла заставить его испытать что-то подобное.

Он думал, что если возвести между ними преграду, со временем станет проще, но проще не становилось. Если раньше можно было представить, что ее нет в Аурихэйме, то сейчас при одной мысли об этом хотелось крушить все вокруг. Поэтому Льер задумался о том, чтобы сделать ее своей по-настоящему. Особенно после того, что произошло. После того, свидетелем чему он стал.

— Я могу оставить тебя одну сегодня, — произнес, когда они снова спустились к морю.

— Неужели? — язвительность делала ее голос звонче. — Чем обязана такой милости?

— Твоей просьбе.

После этого повисла тишина, нарушаемая лишь шелестом волн. Ему хотелось взять ее за подбородок, развернуть лицом к себе и долго смотреть в глаза. До тех пор, пока она не ответит, пока не рухнет эта стена отчуждения, которую они с Золтером совместными усилиями возвели в ней. Стена, надежно запечатавшая ее свет, который тем не менее прорывался снова и снова, несмотря ни на что.

Удивительный забытый свет жизни...

Свет жизни, сохранившийся лишь в зачарованном лесу у Арки, и медленно угасавший до ее появления.

Под лунным светом серебро моря стало ярче, сейчас оно словно светилось. Сколько Льер себя помнил, это море всегда было темным, а сейчас — вот, пожалуйста. Водоросли, которые долгое время считались исчезнувшими, тянулись к поверхности воды, создавая этот удивительный флер.

Все благодаря ей.

Ей одной.

— Красиво, — ее голос вырвал из реальности собственных мыслей так резко, что перехватило дыхание.

Лавиния поймала его взгляд и кивнула на море:

— Вода. Она такая... необычная, — ее голос сейчас звучал ниже и тише. — В нашем мире море тоже светится, но иначе.

В последних словах было столько невыносимо-светлой тоски, что Льер плотно сжал губы. Губы, которые все-таки горели от невозможности ее поцеловать.

Поэтому на этот раз ничего не ответил он.

Поэтому в замок они вернулись в молчании.

Поэтому попрощавшись с ней у дверей, он поднялся на стену, откуда долго смотрел на такое светлое и такое невыносимо далекое море.

Лес, в котором я оказалась, был мне знаком. Единственное место в Аурихэйме, где светило солнце до моего с Льером благословения. Место, где я впервые столкнулась с болью чужого мира и пустотой, надвигающейся на него. Место, где я спасла Амалии жизнь. Сейчас я стояла на той самой земле, где все произошло: даже цветы были слегка примяты, словно она лежала тут совсем недавно.

Опустившись, коснулась ладонью густой и сочной травы, легких, покачивающихся на ветру стебельков.

— Лавиния, — голос из-за спины прокатился дрожью вдоль позвоночника.

Обернувшись, увидела Золтера, он шел ко мне, и его подошвы оставляли на траве выжженные следы, дымящиеся черной силой глубинной тьмы. Каким-то чувством я поняла, что это не Льер, поняла и вскочила, готовая защищаться. В ладони ударила светлая сила, тепло собралось в груди, и земля содрогнулась от шевеления корней.

— Очень неосмотрительно. — Золтер щелкнул пальцами, и дерево справа от меня превратилось в обугленный ствол. Быстрое движение — и слева тоже.

От него сейчас исходила такая мощная тьма, что даже несмотря на солнце в лесу стало пасмурно, а холод пробирал до костей.

— Прекратите! — вскрикнула я, глядя на стремительно, дерево за деревом, островок за островком, угасающий лес. Нетронутыми остались только соцветия, бледно-оранжевые цветочки, оплетающие землю там, где я спасала Амалию.

— Прекратить? Не я это начал. — Усмешка на тонких губах напоминала шевеление змеи: только что мелькнула — и нет ее.

Усилием воли заставила себя отозвать магию, хотя инстинкты кричали обратное: соберись, возведи купольный щит, сражайся до последнего. Тем не менее спустя миг последний островок света растворился во тьме, и стало еще холоднее.

Золтер кивнул:

— Поговорим о Льере. Теперь, когда ты знаешь его тайну, ты можешь мне помочь, Лавиния.

Он приблизился и остановился рядом, глядя мне в глаза.

Это взгляд пронизывал, проникал в самое сердце, заставляя дрожать от содержащегося в нем холода.

— Эти цветы, — Золтер указал на место, где лежала Амалия. — Иартины. Их пыльца — яд для любого элленари. Найди возможность добавить их в его пищу, и я пощажу твою семью.

Что?!

— До моего возвращения осталось не так долго, Лавиния. Встретимся там, где ты меня убила.

Он шагнул ко мне так стремительно, что его сущность ударила в тело, я закричала и подскочила на кровати, чувствуя, как бешено колотится сердце. Рядом рычал б'йрэнгал, шерсть котенка стояла дыбом, шипы стали алыми. С трудом вытолкнув себя из кошмара, протянула ему руку:

— Прости, малыш. Я тебя напугала, да? Прости, пожалуйста.

Котенок весь подобрался, но к руке осторожно потянулся носом. Принюхался, рыкнул, и я чуть-чуть отпустила магию, потянувшись к нему так же доверчиво, как он ко мне. Звереныш оглянулся, шипы снова начали темнеть. Неуверенно шрявкнув, позволил магии коснуться себя, после чего взгромоздился ко мне на колени.

Сердце все еще бешено колотилось, пробивающаяся между портьер полоска солнечного света говорила о наступлении нового дня. Глубоко вздохнув, постаралась прогнать остатки кошмара, но он отказывался уходить. Поэтому я осторожно ссадила малыша на простыни, а сама направилась в ванную комнату. Ополоснула лицо прохладной водой, взгляделась в свое отражение.

Жуткий, реалистичный сон до сих пор стоял перед глазами: картина иссушенных тьмой деревьев, рассыпающиеся пеплом тлена листья.

Золтер.

Золтер, говорящий, что пощадит мою семью, если я убью Льера. Я слишком хорошо помнила это жуткое чувство, мгновение, когда призрак Аддингтона или кем он там был, завладел моим телом. Это ощущение, что ты сама себе не принадлежишь, а перед ним — короткий, едва уловимый рывок, как если бы меня затянуло в туман, распустившийся по всему телу ядовитыми цветами. И пустота.

Во сне, когда Золтер шагнул ко мне (или сквозь меня), я почувствовала то же самое... Но ведь это был всего лишь сон. Да, очень яркий, но все-таки сон.

Или нет?!

Не в силах дольше об этом думать, вернулась в комнату и коснулась артефакта, приглашая Лизею. Девушка, как всегда, пришла быстро, пожелала мне доброго дня и спросила, хочу ли я позавтракать.

— Да, распорядись по поводу завтрака, — сказала я. — Но сначала ответь: элленари, ушедшие за Грань, способны вернуться?

Лизея изумленно на меня посмотрела:

— Нет. А почему вы спрашиваете?

— Моя сестра — некромаг, — решила немного углубиться в тему, — и она способна поднять человека, который умер не так давно.

Впрочем, возможно, Тереза может поднять и того, кто умер давно, но в такие детали я предпочитала никогда не вдаваться.

— Вы же обладаете первородной магией смерти, и я подумала, что... словом, что это для вас вполне может быть такой необычной особенностью.

— Нет, — девушка решительно покачала головой. — Да, наша магия позволяет нам постигать особые глубины смерти... Например, виеррахи обитают в наших стенах, а в случае нападения они способны создать мощный щит, который укроет Двор от нападения.

— Значит, они все-таки живые?

— Не совсем. Они существуют, но в то же время не существуют.

Вот сейчас мне определенно стало понятнее.

— Я знаю, что виеррахами становятся погибшие в бою элленари, и что казненные привязаны к месту казни, которую переживают раз за разом. А что становится с убитыми? Например, не в бою, а просто?

Лизея покачала головой.

— Ничего, они уходят за Грань и становятся частью сущего, что нас окружает. При желании элленари может себя от него отделять, а иногда — если захочет, способен с ним слиться, воссоединиться с глубинной тьмой, стать ее частью.

Значит, все-таки просто сон.

Я вздохнула с облегчением, и в эту минуту из ванной донесся грохот. Оглянувшись, поняла, что оставила дверь приоткрытой, а котенок, скорее всего, туда проскользнул.

— Льер! Вот же шаловливый негодник! — видимо, Лизея пришла к тому же самому выводу, потому что бросилась за ним.

Стоило ей скрыться в ванной, в комнату вошла Амалия. Судя по тому, что в руках она держала поднос, ей помогли. И правда — в коридоре мелькнули служанки (одна из них с крылышками), которые тут же исчезли из поля зрения. Подчиняясь магии, захлопнулась дверь.

— О... вы уже встали, леди Лавиния. — В глазах девушки мелькнуло откровенное разочарование. — А я хотела сделать вам сюрприз, попросила приготовить завтрак как дома.

Оказывается, у элленари так можно — они берут продукты в нашем мире и доставляют сюда. Представляете?

Я удивленно взглянула на поднос: там действительно дымился бекон, хлеб точно был хлебом, в вазочках был нормальный джем, на плоских тарелках — яйца, в глубоких — каша, а еще, кажется, в чайнике был самый настоящий чай. Не какой-то там элленарийский отвар с диковинным вкусом, а самый настоящий энгерийский чай!

— Амалия! — воскликнула я. — Как это мило!

Девушка просияла.

— Да, мы наконец-то можем поесть нормальную еду, не опасаясь, что нас стошнит. И пообщаться, как в старые-добрые времена... — Амалия не договорила.

Ее лицо потемнело, девушка поджала губы.

Обернувшись, я увидела, что из ванной вышла Лизея с котенком на руках.

Амалия поставила поднос на стол, губы ее сошлись в тонкую линию.

— Могли бы поставить меня в известность, что в моей компании не нужно, — заявила она прежде, чем я успела что-либо сказать. После чего развернулась и вышла, на прощание громко хлопнув дверью.

Пару мгновений я молча смотрела ей вслед, потом повернулась к Лизее.

— Прости, — сказала я. — Амалия очень тяжело переживает разлуку с домом.

— Вам не за что извиняться, — Лизея отпустила б'ярэнгала, и тот радостно устремился к столику с едой. Остановился, когда я на него шикнула, понуро опустил голову и поплелся к кровати.

Запрыгнув на кушетку, тяжело вздохнул.

— Я могу с ним погулять, — элленари кивнула на звереныша. — А вы пока позавтракаете.

— Сегодня я хотела бы погулять с ним вместе с тобой, — я улыбнулась. — Поэтому садись, а я схожу за Амалией. Здесь хватит на всех.

— Не стоит, — Лизея покачала головой. — Не надо заставлять ее делать то, что ей неприятно. Мы ей неприятны.

Девушка выглядела грустной, и я вдруг поймала себя на мысли, что мне хочется схватить Амалию за плечи и как следует встряхнуть. Да что с ней не так?! Да, Золтер был с ней жесток, но это же не значит, что ко всем элленари нужно относиться так, как она относится!

— Ей многое пришлось пережить, — я коснулась ладони девушки. — Амалии нужно время, чтобы принять новый мир. Не переживай.

— Я не переживаю, — Лизея снова покачала головой. — То есть не из-за нее. То есть...

Она вдруг покраснела.

— Простите, ваше аэльвэйрство.

— Не из-за нее? — я внимательно посмотрела на нее и плотнее запахнула халат. — Что-то случилось?

Лизея закусила губу.

— Я... нет.

— Лизея, — я повысила голос. — Рассказывай. Или ты мне не доверяешь?

Она широко распахнула глаза.

— Если здесь можно кому-то доверять, то это вам и его аэльвэрству.

Насчет последнего я бы не была так уверена, но уточнять не стала, просто опустила на

диван, приглашая девушку присоединиться ко мне. Она ненадолго замешкалась, но все же опустилась рядом со мной. Со стороны кровати донесся тяжелый вздох котенка, который явно обиделся на то, что его не пригласили к завтраку. Укоризненный взгляд, адресованный нам, был более чем говорящим, после чего б'ярэнгал повернулся шипастой спинкой и затих.

— Так что же все-таки произошло? — спросила я, разливая чай.

Чашек здесь было всего две: видимо, Амалия действительно рассчитывала на завтрак со мной. На миг ощутила укол совести, от которого ненадолго отмахнулась. С Амалией нам предстоит серьезный и обстоятельный разговор, но это потом. Сейчас надо понять, что случилось у Лизеи.

— Не знаю, — девушка посмотрела мне в глаза и пожала плечами. — Я правда не знаю. Дело в том, что мы познакомились с Ронгхэйрдом совсем недавно, когда его аэльвэрство принял меня ко двору.

Значит, Ронгхэйрд. Тот самый Ронгхэйрд, говоривший с Наргстреном.

— И у нас... мы понравились друг другу, это нормально, — Лизея подбирала слова, как если бы не представляла, что сказать дальше. — У нас был секс, и у меня было множество любовников до него.

Я поставила чашку.

На всякий случай, потому что в Энгерии не принято о таком говорить и потому, что «множество любовников» прозвучало как-то очень буднично и обыденно. Словом, даже возбуждающий аппетит энгерийский чай лучше пусть пока побудет в чашке, чем окажется на мне.

— Но ни к одному из них я не испытывала такого... такого... — Лизея развела руками. — Не представляю, как это назвать. Я увидела его с другой в коридоре, и у меня в груди как будто солнце вспыхнуло. Это ненормально, я не должна была, но я наговорила ему столько всего, и мы поссорились. Мне до сих пор не по себе, и я не могу понять, почему. Это так странно.

Да, хорошо, что я все-таки поставила чашку.

— Это не странно, — сказала я, глядя на нее. — Лизея, чувства — это не странно. Странно целовать другую, когда есть ты. То есть...

Я не знала, как вообще облечь свои мысли в слова. Раньше мне даже в голову не приходило, что придется о таком говорить и такое объяснять.

— Тебе больно, потому что ты увидела его с другой, и это нормально.

— Нет! — горячо возразила Лизея. — У меня уже были другие, и у них были другие, мы просто...

— Значит, ты их не любила.

— Я не могу любить, — Лизея удивленно посмотрела на меня. — Эллениари не испытывают чувств, и с Ронгхэйрдом поначалу все было в точности так же. Я не выделяла его из других, все было легко и просто. Потом... что-то произошло.

Потом произошла влюбленность.

Вот как это объяснить эллениари, которые «не испытывают чувств»?

— По-моему, тебе стоит с ним снова поговорить, — сказала я. — И рассказать все то же, о чем ты рассказала мне.

— Вы... ты так думаешь?

— Именно так. Если он заинтересован в тебе, он поймет.

— Он во мне заинтересован, просто я ненормальная, — Лизея опустила голову. — Я хочу, чтобы он не смотрел на других.

Я вздохнула.

— Пей чай, Лиз, — сказала я. — Когда мы закончим завтрак, поговоришь с ним.

А я поговорю с Амалией.

— Разве я вам... тебе сегодня не понадобится?

— Понадобись, но я вполне могу подождать. Тем более что пока мне будут помогать одеваться и делать прическу.

Лизея улыбнулась, и мы вернулись к завтраку. Который я ела не сказать, чтобы с удовольствием: мысли об Амалии не давали покоя. Как бы там ни было, таким настроениям пришла пора положить конец, и пока Лизея будет откровенно говорить со своим Ронгхэйрдом, я так же откровенно объясню, что для меня подобное поведение неприятно и недопустимо.

Знакомые вкусы навевали мысли о доме и о тех, по кому я скучала всем сердцем. Я даже смотрела в сторону тумбочки, где под диковинным светильником (мини-деревом со странными светящимися в темноте листьями) лежало кольцо Винсента. Я обнаружила его вчера вечером, когда мы с Льером попрощались у дверей, из чего сделала вывод, что он заранее распорядился, чтобы перстень принесли сюда из моих старых комнат. Может быть даже принес сам, и мысли об этом опасно грели сердце.

Которое совершенно точно не стоило согревать именно так.

После завтрака Лизея пригласила служанок, которые принесли мне платье и принялись колдовать над прической. Примеряя самые разные варианты, девушки щебетали о том, что мне пойдет, а что нет, и делали это так громко, что мы не сразу обратили внимание на то, что уже не одни. Первой его почувствовала я, а в следующий миг увидела — отражение Золтера в зеркале.

Служанки притихли мгновенно, и я тоже.

Правда, внутри себя — потому что не представляла, что Льера привело в эту комнату в такое время.

— Оставьте нас, — приказал он, и спустя миг мы уже были вдвоем.

То есть троим, но второй Льер мирно сопел на кушетке.

Не успела я об этом подумать, как муж уже шагнул ко мне.

Осознание того, что я даже в мыслях вот так... просто назвала Льера мужем, заставило сердце забиться чаще. Особенно когда он коснулся моих волос, почти собранных в высокую прическу.

— Вы что-то хотели? — поинтересовалась я.

— Мы с тобой уже давно на «ты», Лавиния.

Я хотела сказать, что всегда перехожу на «вы» (привычка, крепко сидящая во мне с детства, впитанная с воспитанием матушки), когда волнуюсь, но решила, что это будет лишнее. Совершенно точно лишнее, потому что ни капельки я не волнуюсь.

С чего бы?

— Хорошо, ты что-то хотел?

— Да. Безумно. Хочу провести этот день с тобой.

После такого я даже не нашлась, что сказать, а Льер уже скользил пальцами по моим волосам. Подчиняясь магии, пряди расплетались, ложились на мои плечи мягкими волнами. От этих прикосновений все внутри переворачивалось, на коже вспыхивали огненные цветы. Можно сказать, что меня он почти не касался, но в этих не-прикосновениях было больше откровенности, чем даже в тех ласках, которые я помнила.

— Чтобы провести со мной день, обязательно разбирать мою прическу? — спросила я, и голос даже не дрогнул.

— Обязательно, — сказал он, пропуская волосы между пальцами. — Вечером нам предстоит бал...

— Да, очередной праздник.

Про бал у элленари мне нравилось говорить гораздо больше, хотя сами балы не нравились (по крайней мере, ни один из них для меня пока не задался).

— Ты не можешь себе представить, что для нас значит возрождение Аурихэйма.

— Отчего же? Могу, — я кивнула. Полог безмолвия прокатился над нами, заключая в кокон, за который не пробьется ни единого звука. — Но если все было так просто, зачем Золтеру требовался от меня ребенок?

Льер глубоко вздохнул и на миг оставил мои волосы в покое. Впрочем, лучше бы он продолжал с волосами, потому что теперь подался вперед, поставив ладони на столик по обе стороны от меня. Между нами оставались считанные дюймы, и его близость чувствовалась так остро, что мне невыносимо хотелось податься назад. Сократить это расстояние, стереть его, уничтожить. Почувствовать его пальцы на своих обнаженных плечах.

Лишь усилием воли я заставила себя сосредоточиться на нашем отражении и на своем вопросе.

— Золтер ни с кем особо не делился своими планами, — произнес он. — Говорил только то, что считал нужным.

Да неужели.

— Помимо этого, о возрождении Аурихэйма пока говорить рано. Жизнь уже просыпалась однажды... ненадолго, но потом снова сошла на нет. Сегодня ко мне должны прийти с первыми донесениями о том, что происходит с Пустотой. Сегодня вечером я должен буду рассказать об этом всем.

Он говорил так, словно это для него ничего не значит, но я понимала, что на самом деле это значит многое. Элленари, которые чувствуют первые ростки жизни в умирающем мире, сейчас с надеждой ждут первых весточек. Первые счастливых весточек о том, что им больше не нужно будет вести обратный отсчет. Каково это — быть бессмертным, но знать, что твой мир с каждым днем медленно, но верно уходит за Грань?

— Мы, — сказала я, глядя ему в глаза. — Мы расскажем об этом всем.

Кажется, Льер такого не ожидал, потому что по лицу его прокатилась волна чувств. Черты Золтера смягчились, на миг даже показалось, что сейчас я увижу совсем другое лицо.

— Как скоро станет понятно, что происходит? — поспешила сменить тему.

— Недели будет достаточно.

— Ты поэтому объявил неделю веселья? Чтобы у твоих подданных не было возможности...

Я хотела сказать «переживать», но поняла, что слово «переживать» — не совсем то, что подходит для элленари. Или наоборот, теперь уже подходит? Правда, в следующий миг я поняла, что говорю с Льером не просто как с мужем, но как с повелителем, и мне стало окончательно не по себе.

— Почему ты носишь личину Золтера? — спросила прямо. — Почему, если ваш заговор удался? Почему, если было столько недовольных, если...

— Не спрашивай меня об этом, Лавиния.

— Почему?! — я вскочила, вынужденно оттолкнув его, оказавшись лицом к лицу. — Что такого в этом простом вопросе?

— Ничего. Или все, — Льер смотрел мне в глаза. — Поверь, если я не говорю об этом сейчас, значит, на то есть причина.

— Причина? Твое нежелание говорить правду. В сочетании с ним слово «поверь» звучит очень странно. Равно как и твое предложение начать все сначала. Нельзя начинать отношения с недоверия, Льер.

Я смотрела ему в глаза и ждала, смотрела и ждала до тех пор, пока не осознала: ничего не дождусь. Черты Золтера вновь стали жесткими, взгляд — таким, каким он должен быть.

— Что ж, значит пусть все остается, как есть, — резко произнес он.

Чего я ждала, спрашивается?

— Как вам угодно, — ответила, улыбнувшись. — Будьте любезны пригласить ко мне служанок, пусть они вернут мою прическу в то состояние, в котором она находилась до вашего визита.

— Для того, чтобы приглашать служанок, у тебя есть фрейлины.

Подчиняясь его магии, лопнул созданный мной полог безмолвия, Льер развернулся и вышел, оставив меня одну.

С воспоминаниями о том, как его пальцы скользили по моим волосам.

И странным горьким чувством, суть которого я не могла уловить, как ни пыталась.

Классический бал элленари вызывал у меня желание побыстрее с него сбежать, но сегодня все было по-другому. Никто не обнимался по углам (не говоря уже о чем-то большем), никто не смотрел на меня, как на «смертную». Ирэя — не в счет. Она присутствовала рядом со мной на балу с таким лицом, словно не прочь была свернуть мне шею. В том, что она не прочь, я не сомневалась, но ее постоянное присутствие меня совершенно не беспокоило. Гораздо больше беспокоила Амалия, которая выслушала мои слова с каменным лицом и с видом оскорбленного достоинства сообщила, что ради меня готова на все. После этого я в очередной раз уверилась, что желание приблизить ее к себе в качестве фрейлины было преждевременным.

В частности потому, что сегодня мне пришлось взять ее с собой на открытие, и она держалась так, словно я бросила ее на растерзание своре озверевших от голода диких псов.

Впрочем, пожалуй, это был единственный минус этого бала. В остальном — элленари радовались первым новостям о том, что Пустота замерла, и радость эта была не дикой и не диковинной (назовем это так). Да, вино лилось рекой и танцы временами напоминали народные пляски, но по сравнению с тем, что мне доводилось видеть раньше, это был просто идеальный бал.

Портьеры подняли, и закатное солнце лилось в зал, золотило крылья и волосы, и наряды, плескалось в чашах с напитками, играло на гранях бокалов. Я наблюдала за всем этим с трона, испытывая странную дурноту (пожалуй, это был еще один непонятный момент, потому что стоило мне войти в зал под руку с Льером, виски сдавило), но то была малость для странностей Аурихэйма, поэтому я решила не обращать на нее внимания.

Мы с Льером танцевали, но это была дань вежливости, ничего кроме. Я не чувствовала в его прикосновениях никакого желания их продлить, и стоило музыке смолкнуть, как меня провожали к трону. Это было глупо, это было неправильно, но мне отчаянно не хватало той искры, что горела вчера. Порой настолько отчаянно, что хотелось самой податься к нему, сказать, что мне плевать и на Золтера, и на все, что осталось в прошлом... но я слишком хорошо представляла, чем может завершиться такой порыв, поэтому принимала правила игры.

Поэтому с каждой минутой все больше злилась на себя и на него — за то, что вообще поддалась этим глупостям. По-хорошему, мне нужно было искать выход из Аурихэйма, а не питать себя ложными надеждами о том, что мы с Льером... мы с Льером — кто? Супруги по законам этого мира, но в Энгерии наш брак никогда не примут. Всевидящий, да Винсент просто в ужас придет, если узнает, как он вообще состоялся.

Что я позволила мужчине к себе прикоснуться, не будучи замужем, что...

Ото всех этих мыслей голова шла кругом и становилась тяжелой, поэтому я была искренне рада, когда официальная часть закончилась. Попрощавшись с Лизеей и сказав, что она вполне может остаться (судя по ее счастливому лицу и нескольким танцам с Ронгхэйрдом, их беседа прошла успешно), я с облегчением направилась к себе. Амалию я отпустила раньше, чуть ли не после первого танца, что касается Ирэи, она тоже не изъявила желания праздновать дальше и покинула зал вместе с нами.

— Ты не выглядишь счастливой, — заметил Льер, когда мы шли по коридорам.

Учитывая, что это была чуть ли не первое его неофициальное ко мне обращение, прозвучало оно, по меньшей мере, неожиданно.

— А должна? — поинтересовалась я.

— Мне казалось, тебе небезразлична участь Аурихэйма.

— Это так.

— Я полагал, что новости о Пустоте тебя порадуют.

— Они меня радуют, — сказала я.

— Ирэя что-то тебе сказала?

Не считая «да, ваше аэльвэйрство» и «нет, ваше аэльвэйрство», — сказанных тем же тоном, каким обычно проклинают?

— Нет.

— Тогда в чем дело, Лавиния?

Он спрашивал это так серьезно, как будто ему действительно было дело до моих чувств.

— Немного устала. На балах мне становится не по себе.

Льер взгляделся в мое лицо, кивнул.

— Это нормально.

Я хотела сказать, что это не нормально, но промолчала. Тем более что стоило нам выйти, как мне разом стало легче. Какой смысл говорить о том, чего нет?

Он открыл мне дверь (никогда не думала, что буду наслаждаться мгновениями, когда передо мной открывают дверь, а не портал), пропуская первой, сам вошел следом.

— Доброй ночи, — сказала я, намекая на то, что хочу остаться одна.

Надо будет пригласить Амалию и попросить, чтобы помогла мне раздеться. Не хочу сегодня больше никого видеть.

— Я никуда не уйду, — негромкий стук подтвердил его слова.

Льер прошел в комнату и принялся расстегивать мундир.

— Вы с ума сошли?! — искренне изумилась я, когда он сбросил его на кресло и принялся за рубашку.

— Нет, с ума сошла ты, Лавиния, если думаешь, что я не стану спать со своей женой.

Я моргнула.

Особенно когда рубашка отправилась следом за мундиром, а перед глазами замаячила широкая мужская грудь с литыми мышцами. Ладно бы, если бы это была золтерова грудь (а это и была золтерова грудь!), но с момента как я узнала о том, что это всего лишь облик, я даже под пламенем волос видела черные, а в глубине темных глаз находила синеву.

Что это, если не помешательство?!

— Немедленно оденьтесь, — сказала я. — И покиньте комнату! У нас с вами договоренность...

— У нас с вами, — насмешливо сказал Льер и взялся за пряжку штанов, — клятва на крови. Которая мне не позволит к тебе прикоснуться, пока ты сама не захочешь. Так что можешь быть спокойна.

Вот чем, спрашивается, я думала, когда заключала эту договоренность?! Точнее, чем я думала, когда не включила в нее пункт о том, что у меня должна быть своя, отдельная комната?!

В ту минуту, когда бряцнула пряжка, я метнулась в ванную, с силой захлопнув за собой дверь.

Да что со мной происходит?!

Я взрослая женщина, которая... которая...

Которая толком не знала мужчины.

Я потянулась за спину, чтобы расшнуровать лиф, поцарапалась о жесткую кромку, расшитую камнями, и зашипела. Надо было требовать обычное платье, по моде элленари, но мне (из-за этого дурацкого завтрака, который принесла Амалия) захотелось одеться, как дома.

Оделась! Теперь бы еще раздеться.

Глядя на глубокую, наливающуюся кровью царапину, потянулась к крану. Мне было не привыкать, что вода здесь начинает литься тогда, когда ты этого хочешь, но привычка никуда не делась. Прежде чем я успела сунуть руку под воду и призвать магию, мое запястье перехватили.

— Ни на минуту нельзя оставить одну, — произнес мой му... его аэльество.

Под скользнувшей по ней магией царапина затянулась, я даже вздохнуть не успела. А в следующее мгновение Льер уже взялся за шнуровку моего лифа.

От возмущения во мне кончились слова, которые принято говорить в таких ситуациях. Хотя возможно, в таких ситуациях лучше говорить именно то, что пришло на ум (пусть даже воспитание против).

— Уберите свои грязные руки, — сообщила я ледяным тоном.

— Они у меня не грязные, Лавиния, — произнес он. — Но если ты настаиваешь, я могу их помыть.

Меня отодвинули в сторону и сунули руки под воду. Длинные красивые пальцы, на которые я смотрела, чтобы не смотреть ни на что другое, потому что Льер был полностью обнажен.

— Все? — поинтересовался он, когда порыв воздуха высушил капли на его ладонях.

— У вас совесть есть?! — спросила я, когда, наконец, обрела дар речи.

— Нет, — он развернул меня к себе спиной и снова взялся за шнуровку. — Советую тебе от нее тоже избавиться как можно быстрее, потому что от совести слишком много проблем.

Я чувствовала, как его пальцы касаются кожи, как лиф с каждым скольжением шнура становится все свободнее, и как с каждым касанием ткани или его рук грудь становится все более чувствительной. Хотя мою грудь он вообще не трогал и даже на нее не смотрел. По-хорошему, Льер действительно до меня не дотрагивался, просто помогал раздеться.

— Хочешь принять ванну? — поинтересовался, как ни в чем не бывало, когда платье стало полностью свободным и готово было соскользнуть к моим ногам.

Чтобы ему этого не позволить, я прижимала его руками к груди так плотно, как только могла, и дышать тяжело мне было исключительно поэтому. Да, именно поэтому, и потому же до меня не сразу дошел смысл его слов.

— С вами — нет! — отрезала я.

Льер приподнял брови.

— Я разве такое предлагал? Но ход твоих мыслей мне нравится.

Вот тут я покраснела. Натурально покраснела, как дебютантка под взглядом опытного мужчины, который кажется ей безумно привлекательным и недостижимым.

— Мой ход мыслей не имеет к вам никакого отношения!

— Разумеется, не имеет. — Льер приблизился к ванной, а если быть точной, к утопленному в пол бассейну, который напоминал тот, что был в покоях Золтера.

Усилив воли направила свои мысли именно в ту ночь, и это помогло справиться с тем чувством, которое охватило меня, стоило увидеть его спину, и... гм, ягодицы. Резко отвернувшись, по-прежнему прижимая платье к себе, я их снова увидела — в отражении. Помимо этого увидела, как наполняется кристально чистой водой бассейн, в котором места для двоих хватило бы с лихвой.

Всевидящий!

— Я бы предпочла остаться одна.

— Ну разумеется, предпочла бы, — насмешка в его голосе была слишком откровенной, чтобы стать признанием моей правоты.

— Считаешь себя неотразимым?! — я резко повернулась к нему и платье все-таки упало. Я ахнула, когда прохладный воздух обжег кожу, но подхватывать его и верещать, как девица на выданье, было как-то совершенно не к месту. Тем более что взгляд Льера потемнел буквально до черноты, меняя цвет на знакомый мне темно-синий.

Он шагнул ко мне, коснулся пальцами подбородка, повторяя овал лица.

— Нет, — хрипло произнес он. — Считаю неотразимой тебя.

От его слов меня бросило в жар, дыхание прервалось. Лишь на миг я позволила себе представить, что можно просто поддаться этому чувству. Позволить его рукам скользить по моим плечам, губам — касаться груди, самой же касаться его, откровенно и бесстыдно. Горячо, жарко.

Впервые почувствовать, каково это — не в забытьи и не по принуждению, когда твою волю сковывают чары, а тело обжигает магический узор.

Воспоминания об узоре Золтера отрезвили, заставили отступить назад.

— Настолько неотразимой, что с радостью отдал меня ему?

Льер отшатнулся. Плотно сжал губы, по радужке прокатилась волна смены цвета, от глубокой тьмы до ночной синевы и обратно. Он вышел стремительно, так хлопнул дверью, что у меня зазвенело в ушах.

На звоне в ушах я и сосредоточилась: на нем, а еще на журчании воды, наполняющей бассейн. Выпуталась из платья, развязала ленты кринолина и шагнула к лесенке. Щеки до сих пор пылали, равно как и лицо, особенно — там, где Льер меня касался. Кожа на том месте, где был узор Золтера, горела огнем, как если бы я до сих пор могла его чувствовать.

Закусив губу, погрузилась в воду и закрыла глаза, стараясь не думать о том, что только что сказала. Он действительно отдал меня ему, и я все сделала правильно. Мне нельзя поддаваться чувствам, да о каких вообще чувствах может идти речь?! Он — элленари, я смертная, я хочу домой, он хочет править Аурихэймом... судя по тому, что ничего не сказал своим сообщникам — единолично. Между нами пропасть из принципов, устоев, из мировоззрения и совершенно разных желаний.

Позволю себе сейчас эту слабость — потом будет очень больно.

Гораздо больнее, чем было с Майклом, хотя его я даже никогда не любила, как выяснилось. Глубоко вздохнув, дотянулась до подушечки, сунула ее под шею и закрыла глаза.

Хоть бы он ушел!

Всевидящий, пожалуйста, пусть он уйдет!

Расслабиться у меня так и не получилось, поэтому спустя десять минут плескания и вздохов (когда я пыталась устроиться поудобнее, но удобнее не становилось), я выбралась из ванной, насухо вытерлась полотенцем и надела халат. Халатов, кстати, раньше здесь не наблюдалось вовсе, но вчера и сегодня они появились. То есть тот, в котором я была утром, забрали, сейчас меня ждал уже новый.

Странно.

Вдвойне странно, потому что элленари даже белья не носили.

С такой мыслью я вышла в комнату и обнаружила, что Льер действительно ушел. Одежды не было, его тоже, и это говорило о том, что ночь я снова проведу одна.

Оно и к лучшему.

Я даже не стала звать служанок, просто разобрала прическу и, стягивая халат, обнаружила на покрывале ночное платье. Которого вчера не было.

Еще одна странность.

Ладно, завтра спрошу у Лизеи, в честь чего такие нововведения.

Радуюсь тому, что не придется спать обнаженной, я натянула сорочку, нырнула под покрывало и закрыла глаза.

Сон не шел: слова, которые я бросила Льеру, казались жестокими и неправильными. Как ни пыталась я убедить себя в том, что так будет лучше, что я правильно поступила, заснуть все равно не могла. Ворочалась в кровати до тех пор, пока не наткнулась взглядом на перстень Винсента. Только зажав его в руке, напомнила себе, что моя цель — найти дорогу домой, и именно об этом мне сейчас стоит думать.

Об этом, а не о том, кто безжалостно вырвал меня из моего мира и привел сюда.

Винсент говорил, что магия Луизы вела себя странно, и моя магия тоже ведет себя странно. Завтра же пойду и попробую проверить эти странности в библиотеке! Я даже попыталась представить, как именно, но меня уже затянуло в глубокий и беспокойный сон.

Лизея раздвинула портьеры, впуская в комнату яркий солнечный свет, улыбнулась. Она и сама словно светилась изнутри, когда я ее пригласила.

— Что хотите на завтрак? — спросила девушка, повернувшись ко мне. — Мы можем попросить, чтобы вам снова сделали завтрак, как в Англии. Ой, то есть нам. Амалия сказала, что тоже хочет позавтракать с нами.

Я приподняла брови: вчера Амалия не выразила особого энтузиазма по поводу моей просьбы, но то, что она говорила с Лизеей, уже внушало надежду. Мысли об английском завтраке навели на мысли о том, что вчера я собиралась поинтересоваться по поводу сорочки и халата.

— Лиз, не знаешь, откуда это? — я приподняла полы халата, показав краешек подола ночного платья. — Раньше я такого в Аурихэйме не видела.

Лизея широко улыбнулась.

— Это его аэльвэрство, — она поправила волосы. — И завтраки, кстати, тоже.

— Завтраки? — изумилась я. — Но Амалия сказала, что...

Я не договорила. Действительно, зачем в Аурихэйме еда смертных. Разве что в качестве деликатеса или для обитателей зверинца.

— Кстати, спасибо большое за совет, мы с Ронгхэйрдом действительно договорились, что попробуем быть только друг с другом. Правда, вчера он возмутился, что на балу запретили обычные увеселения, но, когда я спросила, зачем они ему, сказал, что действительно незачем, потому что самое главное, — девушка слегка покраснела, но потом все-таки закончила: — у него в руках.

Можно представить, что он подразумевал под «обычными»... Пойдите-ка!

— Кто запретил?

— Его аэльвэрство, — пожала плечами Лизея. — Кто еще может их запретить? Ронгхэйрд сказал, что такого не было со времен Раайма, отца нашего повелителя.

Я промолчала, испытывая крайне смешанные чувства. Во-первых, из головы не шел наш вчерашний с Льером разговор, а во-вторых, все это было действительно очень похоже на заботу обо мне. Не на ту показную, которую выпячивают, чтобы показаться лучше, чем есть, а на ту, которая призвана, чтобы скрасить мои дни в Аурихэйме, чтобы я почувствовала себя... как дома.

При мысли об этом мне стало окончательно не по себе, и, хотя чувствовать себя как дома я не собиралась, с Льером решила поговорить. Просто для того, чтобы извиниться за вчерашнее. После того, что я узнала — про бал и сорочки, стало еще более неловко. Даже странно было, что мне в голову не пришло задуматься про завтраки и про то, что специально для меня в Аурихэйме появился самый настоящий чай (и не только). Должно быть, настолько привыкла к интригам и к тому, что здесь никто ничего не делает просто так, что стала больше похожа на элленари, чем на саму себя.

— Лизея, пригласи девушек, пусть помогут мне одеться, — попросила. — Я хочу поговорить с его аэльвэрством.

— А как же завтрак?

— Позавтракаем чуть позже.

Лизея улыбнулась:

— Хорошо.

Прическу она мне переделывала три раза (служанок я просто не подпустила к своим волосам). Уж на что не была капризной, но сейчас мне все время казалось, что что-то не так, что прядки лежат слишком гладко, или что наоборот, слишком топорщатся. Платье для встречи я выбрала местного кроя, с переходами от лилового в светлый на юбке и длинных рукавах. Достаточно плотный лиф по цвету напоминал листву и был оторочен легкой необычной тканью,

прозрачной и сверкающей в лучах солнца. Лизея помогла мне подобрать украшение, неброское кольцо с цветком, камушки-лепестки которого искрились бликами.

— Мы будем вас ждать, — сказала она, подхватывая на руки не желающего меня отпустить котенка.

— Хорошо. Пригласи пока Амалию и Ирэю.

Последнюю за завтраком, конечно, видеть не очень хотелось, но я сама это все начала. Значит, и продолжать тоже мне.

— Как вы смотрите на то, чтобы накрыть в саду? — неожиданно предложила Лизея.

— В саду? Здесь есть сад?

— Да, он по ту сторону замка. Отсюда его не видно, но сейчас там столько всего цветет! Очень красиво.

Я подумала о том, что сегодня чудесный день. А станет еще чудеснее после того, как я поговорю с Льером, и, может быть... Может быть что я решила пока не думать, по крайней мере, до разговора. Лизея объяснила, как найти сад, и, договорившись, что завтракать мы будем в беседке, я направилась в кабинет к Льеру. Поисковое заклинание вело быстро, главное, что сейчас я чувствовала себя свежей, полной сил и магии.

Разве что самую чуточку виноватой, но это можно исправить. Все можно исправить, было бы желание. Так говорил Льер и так думала я сама, когда говорила с Луизой о Винсенте. А ведь она точно так же, как я, не хотела ничего видеть и слышать. Не хотела принимать никаких причин, никаких объяснений, которые приводил брат, и, возможно, у Льера тоже есть свои причины не говорить мне о Золтере. Как бы там ни было, сейчас это не главное.

Сама не знаю почему, я чувствовала себя дебютанткой, которая собирается на свидание. Хотя это и не свидание вовсе, а разговор. Просто разговор. Пока что.

Ото всех чувств, которые сейчас во мне бурлили, я казалась себе немного пьяной и самую чуточку шальной. Тем не менее, закусив губу, все-таки помедлила, остановившись перед его кабинетом. Искорка поиска уже давно погасла, а я все стояла и думала о том, стучать или нет. В конце концов решила, что не стоит, просто толкнула дверь и вошла.

Чтобы увидеть полностью обнаженную Найтриш, восседающую на коленях моего мужа.

Да, что ни говори, а с моими попытками влюбиться всегда было что-то не так.

— Кхм, — сказала я, заставив элленари отпрянуть и обернуться.

Судя по выражению лица Льера, его мое появление совершенно не взволновало, но он же у нас Золтер. Обязан соответствовать.

— Я пришла поблагодарить за завтраки из Энгерии, — сообщила я, игнорируя приоткрытый рот темноволосой. Она то ли покусать моего мужа собиралась, то ли облизывать. — И за одежду. Безумно ценю вашу заботу, мой дорогой супруг.

Льер прищурился, глаза у девицы сверкнули, выдавая раздражение, а я уже вышла обратно в коридор и прикрыла за собой дверь. Внутри меня творилось нечто странное: хотелось не то вернуться и стащить девицу с его колен прямо за волосы, не то полить мужа энгерийским чаем. Свежесваренным. Когда до меня впервые дошли вести о внимании Майкла к другой, я не испытывала и сотой доли тех чувств, что ворочались во мне сейчас. Чувств совершенно неуместных, и, к слову сказать, лишних.

У отца были другие женщины.

Они с матушкой редко ночевали вместе (пусть даже для Энгерии это нормально), родители почти не смотрели друг на друга, как мужчина и женщина. Нет, для всех они были примерной супружеской парой, а то, что любовницы его светлости Уильяма Биго де Мортена изредка появлялись даже у нас на балах (с мужьями, к слову сказать), ни для кого не казалось чем-то особенным.

Матушка оберегала меня от такого рода «новостей», но в огромном замке, где множество слуг, сложно что-то утаить. Разумеется, если бы она узнала, что подобное дошло до моих ушей, уволены были бы все, кто имел к этому отношение, но она не узнала. Не узнала она и того, что

ее маленький цветочек леди Лавиния видела, как отец целовал другую. И видела, что леди Илэйн Биго тоже это видела, но ничего не сказала.

Матушка просто подхватила юбки, развернулась и ушла.

Я тогда была совсем девочкой, и мне очень хотелось посмотреть на бал. Я дождалась, пока матушка пожелает мне доброй ночи и отправится на праздник, а камеристка спустится посплетничать с горничными, выскользнула из постели, надела халат и побежала вниз. Надеюсь увидеть, как кружатся в танцах влюбленные пары (о, как я обожала сказки про любовь!), а увидела... то, что увидела.

После такого на бал я уже не пошла смотреть.

Я вернулась в комнату и долго-долго думала о том, почему матушка все это терпит. Думала, но придти мать так и не смогла, поэтому на следующий день спросила у камеристки. Не про матушку, разумеется, а вообще. Камеристка покраснела и спросила, с какой это радости у юной леди такие мысли, а юная леди сказала, что ей просто интересно.

— Так ведь мужчины всегда изменяют, — сказали мне. — Для них это нормально. А каждый раз разводиться — так ни одной нормальной семьи не было бы. Это же какой позор!

В общем, сейчас я поняла, что нормальной семьи (точнее, такой «нормальной семьи») мне совершенно точно не надо. Тем не менее Майкла я спокойно привязала к кровати, его любовницу выставила за дверь, а сейчас... просто сбежала. И продолжала бежать, судя по тому, что уже задыхалась, не разбирая дороги.

— Лавиния! — Голос мужа разнесся по коридору ну очень не вовремя: я была к этому не готова.

Я вообще не была готова говорить с ним в ближайшее время. Месяц, может быть два. Или год.

— Лавиния, подожди!

Я наспех метнула поисковое заклинание, настроенное на сад. То, что этот замок с сюрпризами я помнила, но когда прямо передо мной выросла стена, а коридор изогнулся влево вместо поворота направо, выругалась совершенно неподобающими леди словами. Шаги Льера звучали уже совсем рядом, и я вдруг с ужасом осознала, что сейчас мне опять придется держать лицо и держаться, и говорить, как положено воспитанной женщине, а я этого не хочу!

Хочу вlepить ему пощечину и высказать все, что думаю о его обещаниях, предложениях и прочем. Не стесняясь в выражениях, и вообще ничего не стесняясь, и...

Ненавижу его!

Метнувшись в сторону первой попавшейся двери, отпрянула, когда прямо передо мной раскрылся портал.

— Мне надоело за тобой бегать, — прорычал он, выбросив вперед руку, чтобы меня схватить.

Я отпрянула назад, увидела, как изменилось лицо Льера, и поняла, что падаю.

В портал, да.

Мне хватило времени осознать, что моя магия снова сработала очень странным образом, успеть показать мужу совершенно непристойный жест (подсмотренный в детстве у конюха), и провалиться... к Арке.

То, что я нахожусь у Арки, стало понятно сразу, эту красоту я бы никогда и ни с чем не спутала. В прошлый раз, оказавшись здесь с Золтером, я даже толком ее рассмотреть не успела, но сейчас могла насладиться сполна. Высоченная, гораздо выше, чем показалась мне тогда, сейчас полностью залитая солнечным светом, она представляла собой сплетение корней, ветвей, вьюнов и цветов. Зелень искрилась в лучах, раскрывшиеся цветы (к счастью, ничем не напоминающие ахантарию), источали легкий аромат.

Окружающий меня лес тоже был живым: трели птиц, звучащие на разные голоса, жужжание, шелест, глубокое дыхание очнувшейся после долгого сна природы. Наверное, я бы так и пялилась на все это, сидя здесь, если бы не услышала странный звук. Он выбивался из мелодии жизни, как фальшивая нота, помесь скрежета и шипения. Огляделась, пытаюсь понять, откуда он исходит...

— Голову подними.

Я не завизжала только потому, что проведенное в Аурихэйме время показало мне, что здесь может быть все. И что если от Арки отделилась призрачная, бестелесная тень золотоволосой женщины, значит, так нужно. Или не нужно, но оно имеет место быть.

— Подними голову, — повторила она.

— Надеюсь, не чью-то, — заметила я.

Черный юмор проснулся во мне совершенно неожиданно, я даже не представляла, что могу брякнуть такое.

— Да, время, проведенное рядом с Золтером, бесследно не проходит, — вздохнула золотоволосая.

— Вы знали Золтера?

— Я знаю всех, — сказала она. — Потому что я — Арка. Или Изначальная, как меня называют.

Всевидящий! Живая богиня.

Или не очень живая.

Но все-таки богиня?

— Э... — многозначительно произнесла я и тут же добавила: — Это неожиданно, но очень приятно. Я имею в виду, мне очень приятно с вами познакомиться.

— Ой, оставь свои церемонии. — Она вроде как вздохнула, но вдоха я не услышала. — Хотя ладно, церемонься. Это приятно.

Очень странная богиня.

— Я бы очень хотела поблагодарить вас за то, что вы не одобрили мой брак с Золтером, — поспешно сказала я.

— Золтер убил свою мать, — скучающим тоном произнесла Изначальная. — Чтобы занять место отца. Он знал, что она его мьерхаартан, и что ее смерть высушит предыдущего повелителя Двора Смерти и сведет в могилу. Альхиину и весь ее Двор он тоже уничтожил, потому что она отказалась от эксперимента.

— А...

— Да, и на тебе он хотел жениться именно потому, что когда все это вскроется (а рано или поздно это все вскрылось бы), ему нужна была твоя жизнь в качестве залога. В ночь схождения луны и солнца создаются истинные пары, смерть одного влечет мгновенную смерть другого, а поскольку твоя жизнь очень ценна для Аурихэйма... — Изначальная махнула рукой. — Словом, совершенно неподобающий для тебя супруг. Не благодари.

Мне оставалось только моргнуть.

— То есть не должно было быть никакого ребенка? — уточнила я.

— Нет, разумеется. Он хотел тебя в качестве гарантии того, что сумеет и дальше проворачивать свои дела безнаказанно. Мир-то именно с твоим появлением вернулся к жизни.

— Я решительно ничего не понимаю, — сказала я.

— Поймешь, — Изначальная опустила на землю, правда, по-прежнему не покидая границ Арки. — Ты даже не представляешь, насколько приятно впервые за десятки тысяч лет говорить с живой!

Мне почему-то подумалось, что они очень быстро нашли бы общий язык с Терезой.

— Остальные приходят, смотрят на меня, как на волшебное дерево: Арка то, Арка се, и никто даже не представляет, каково это — быть бессловесной исполнительницей желаний. Смотреть на их детенышей, которых они приносят, чтобы дать им имя, или соединять их узами брака... Хотя про брак в последнее время все забыли, таскаются только чтобы попросить их защитить и спасти. Мы не хотим умирать, мы не хотим умирать, а Пустота меня бы, между прочим, тоже

не пощадила. Кого-то это волновало? Нет!

Поскольку сидела я хорошо, решила, что лучше и дальше так же сидеть. Все-таки надежнее, а то мало ли.

— Вы говорили, что Золтер убил Альхиину, — напомнила я.

— Да он вообще много кого убил.

Не сомневаюсь.

— Отца Ангсимильера, например. Когда тот понял, что смерть Двора Жизни и возникновение Пустоты на его совести. — Изначальная посмотрела мне прямо в глаза. Так глубоко, что я показалась себе не просто голой, а разобранной по косточкам. — Ух, какие чувства. Правослово, давно здесь таких не было.

— М-м-м-м... как мне вас называть?

— Эртея.

— Эртея, — сказала я, не сводя глаз с серебристого сияния, вплетающегося в ее волосы, текущего в Арку и расходящегося дальше по лесу. — Вы можете отправить меня домой?

— Ну, а что я говорила? — насмешливо поинтересовалась она. — Все приходят сюда с корыстью.

— Аурихэйм — не мой мир, — сказала я. — Разумеется, я хочу вернуться.

— Ты в этом настолько уверена? — Эртея прищурилась.

Могу поклясться, что прищурилась, хотя сквозь нее хорошо так просвечивал лес. Погодите-ка!

— Вы говорили, что живые с вами не разговаривают. Почему?

— Потому что они меня не видят, — пожала плечами Изначальная.

Призрачное платье слегка подхватил ветер, хотя я сомневалась, что такое вообще возможно.

— А я почему вижу?

— Потому что ты умерла.

Я не успела удивиться, она уже поправилась:

— Умирала. Ненадолго, когда убила Золтера. Ты уже ушла за Грань, и ты бы умерла, разумеется, если бы Ангсимильер Орстрен тебя сюда не принес.

Вот теперь я замолчала надолго. Если можно так выразиться, потому что пару минут я пыталась сформулировать вопрос поточнее, но все же не была уверена, что это — именно то, о чем я хочу спросить.

— То есть вы меня спасли? — спросила я. — Вернули... оттуда? И...

— Не совсем так, — мягко произнесла Эртея и почему-то подняла голову. — Тебя спас он. Когда отдал свое бессмертие за то, чтобы ты могла жить.

Если до этой минуты я считала, что во мне не осталось сил удивляться, то сейчас поняла, насколько я ошибалась.

— Как такое возможно?! — выдохнула я.

— Знаю, звучит необычно, — Эртея развела руками. — Особенно в мире элленари, где все привыкли к тому, что магию можно беспрестанно черпать словно из глубокого колодца. Но в нашем мире тоже есть порядок вещей, и я сама когда-то была прародительницей магии жизни. Проще говоря, самой обычной элленари.

С моих губ сорвался смешок, потому что самая обычная элленари звучало примерно как самая обычная богиня.

— Одной из первых. Я отказалась от бессмертия, чтобы наблюдать за миром из самого его

сердца, ушла за Грань, когда поняла, что бабушка Альхиины и прадед Золтера станут достойными преемниками. Собственно, в какой-то степени я стала артефактом.

— Значит, элленари все-таки можно сделать артефактом? — уточнила я.

— А ты весьма прагматичная, — заметила Эртея. — Я тут говорю тебе о том, что тебе спасли жизнь ценой собственной...

— Бессмертие — это все-таки немного другое. Но я так долго была в Аурихэйме той, кто ничего не понимает, что отказаться от твоих ответов сейчас было бы величайшей глупостью с моей стороны. К слову, о бессмертии. Как такое возможно?

— Элленари рождаются бессмертными, — она потянулась, как если бы у нее действительно могла затечь спина. — И если не гибнут в сражениях, не подвергаются казни или не предают своего повелителя, сами выбирают, когда им уйти за Грань. Законы смерти и жизни в Аурихэйме тоже никто не отменял, и когда ты умерла, Ангсимильер отдал свою жизнь, а точнее, то, что делало его бессмертным за возможность тебя спасти. Отказавшись от этого, он обрел способность безболезненно лгать, ну и так, по мелочи — думаю, еще возможность чувствовать так же остро, как смертные. Последнее, правда, сомнительный дар. Особенно рядом с тобой.

Эртея задумчиво посмотрела на меня и подвела итог:

— Теперь его смерть станет обычной смертью спустя шесть, семь или восемь ничтожно коротких десятков лет. Но вообще я бы даже настолько не загадывала, из-за того, что он заварил, ставлю на пару месяцев.

От такого прогноза я задохнулась.

— Ты... вы... о чем ты сейчас говоришь?!

— Ну нет. Ты же не надеешься, что я вот так просто расскажу тебе все? — она хитро прищурилась. — По-моему, вам давно пора откровенно поговорить. Тем более что он так упорно пытается к нам пробиться.

Она снова посмотрела наверх, и я последовала ее примеру. Только сейчас поняла, откуда исходил этот странный звук: шипение и скрежет издавали изумрудные искры, отскакивающие от щита. То, что нас окружает щит становилось понятно лишь по ним, они вспыхивали — и скатывались по сверкающей поверхности переливающегося под солнцем купола.

— Он пытается построить портал. А ты его не пускаешь.

— Я?!

— Ну не я же, — хмыкнула Эртея. — Зачем мне его не пускать?

Действительно, зачем? Если она добровольно одобрила наш союз.

— Кстати, о нашем союзе, — сказала я.

— О чем?

— Вот об этом, — я вытянула руку, на которой сиял брачный браслет.

Эртея даже вперед не подалась, а вот скользнувшая от Арки дымка окутала мое запястье, чтобы мгновением позже от браслета не осталось и следа.

— Иллюзия, — вздохнула она, а я смотрела, как на моей коже проступает узор Золтера.

— Что значит — иллюзия?! Никакого благословения не было?!

— Разумеется, нет. Как я могу тебя благословить, если на твоей руке узор другого мужчины?

— То есть, мы с Льером не женаты? И почему на мне до сих пор этот узор, я же не связана с Золтером до самой смерти?!

Вопрос остался без ответа, потому что шипение стало громче. Раздался тонкий звук, нечто среднее между лопнувшей струной и мыльным пузырем: купол сверкнул на прощание и исчез. Пространство раскроило знакомое сияние портала, из которого шагнул мой совершенно точно уже-не-муж. Впрочем, шагнул — это слабо сказано, он ко мне бросился, подхватывая и

помогая встать на ноги.

— Все в порядке? Почему ты сидишь на земле?

Вместо ответа я протянула ему руку, на которой больше не горел браслет. Зато узор Золтера полыхал так, словно в зелень плеснули раскаленного металла, и ощущался он в точности так же.

Взгляд Льера стал темным и холодным, закрытым, как когда-то взгляд Золтера.

— Как? — просто спросил он.

Голос его прозвучал глухо.

— Арка, — я кивнула туда, где только что была Эртея (сейчас о ее присутствии напоминала только легкая серебряная дымка).

Взгляд Льера потемнел еще сильнее.

— Возвращаемся, — он протянул мне руку.

— Нет, — я покачала головой. — Нет, Льер. Мы никуда не возвращаемся, и я больше не стану играть в твои игры. Мне нужна вся правда. Здесь. И сейчас.

«Мне нужна вся правда», — сказала она.

В эту минуту он понял, что правда — единственный способ ее удержать. Вчера, когда Лавиния бросила ему в лицо обвинения по поводу Золтера, Льер осознал, что уже не может оставаться рядом с ней равнодушным. Больше того, не хочет. То, что эта удивительно сильная женщина в нем разбудила, не поддавалось никаким объяснениям и никакой логике, не напоминало ничто из того, что ему доводилось испытывать ранее. Возможно, это действительно была слабость, но он больше не хотел с ней расставаться. Так же, как и с этим странным чувством, которое заставляло чувствовать себя живым и по-настоящему... сильным?

— О чем ты хочешь знать? — спросил он.

— Обо всем. Начни с Золтера. Почему...

— Потому что это был единственный способ отправить тебя домой.

Она непонимающе взглянула на него.

— Переворот готовили долгое время. Временной правительницей Двора должна была стать Ирэя, и вряд ли у меня получилось бы тебя защитить. Даже захоти я тебя в игрушки... — Льер осекся, когда она поморщилась. — Даже если бы я забрал тебя себе, это не гарантировало твоей безопасности. Как бы дико это ни звучало, единственный, кто мог по-настоящему тебя защитить — он. Я собирался отправить тебя домой спустя какое-то время. Сразу — не мог, это было бы подозрительно, но уже потом, когда «повелитель наигрался», о тебе бы даже никто не вспомнил.

Лавиния молчала. Ему хотелось, чтобы она сказала хоть что-то, но она молчала, и впервые по ее такому живому лицу невозможно было прочесть истинные чувства. Ее чувства. То, чего Льеру сейчас так отчаянно не хватало.

— Значит, домой, — сказала она, и в эту минуту он подумал, что быть королевой ей действительно идет. Лавиния рождена, чтобы быть королевой: этот разворот плеч, и взгляд, в меру жесткий и в то же время отчаянно светлый, какого в Аурихэйме не видели уже давно. — Хорошо. Что изменилось потом?

— Потом случилась ахантария и та ночь.

А вот теперь она покраснела. Слегка, правда: щеки и лоб стали розовыми, руки Лавиния сложила на груди.

— Ты заснула, когда твоя магия вырвалась в мир. Мне сложно это описать, но ты напоминала спящее солнце, лучи которого оживляют все, до чего дотягиваются. Аурихэйм расцвел той ночью вовсе не из-за нашего благословения. — Он подавил желание коснуться запястья, на котором больше не было иллюзорного браслета. — Я решил, что благословение — единственный выход. Единственная возможность все объяснить тебе и остальным.

— Почему?

Действительно, почему?

Потому что в тот миг, когда он смотрел на солнце, осветившее ночь, понял, что не готов ее отпустить. Подумал, что если Лавиния способна на такое, возможно, Аурихэйм ее примет, примет как равную, не как смертную, и что возможно, со временем она сама захочет остаться. Рядом с ним.

— Потому что иначе Золтеру пришлось бы объяснять, как такое возможно. Я этого не знаю, Лавиния, — он посмотрел ей в глаза. — Не представляю, почему ты расцветаешь в мире, который принес тебе столько страданий. Не представляю, как твоя магия способна раскрыться настолько в Аурихэйме. Золтер наверняка знал, он хотел...

— Он хотел сделать из меня ширму, — она усмехнулась. — На случай, если всем станет известно, что в эксперименте с Альхиинной все было наоборот. Именно он не захотел остановить эксперимент, а когда она этому воспротивилась, с помощью призванных сил уничтожил Двор Жизни. Убил их всех.

Льер нахмурился.

— О чем ты говоришь?

— О Золтере. О том, кто долгие годы заставлял вас считать, что он единственный, кто удерживает этот мир на Грани.

— Откуда...

— От нее, — Лавиния указала на Арку. — Она говорила со мной. Изначальная.

Говорила с ней?!

Немыслимо. Невероятно.

Но в то же время...

— Я умирала, Льер. Об этом она мне тоже сказала. И о том, как ты принес меня сюда, чтобы расплатиться своим бессмертием за возможность меня вернуть.

Почему-то под ее пристальным взглядом стало жарко, и он отвел взгляд. Это тоже было странно, но чувство неловкости, сдавившее грудь, не позволяло и дальше смотреть ей в глаза. Зато выдалась передышка подумать: если Арка, точнее, ее бывшее воплощение, снизошла до разговора с Лавинией, значит, мир ее действительно принял. Принял как элленари, причем элленари достойную. Высокородную.

Как королеву.

Сейчас становилось понятно, и зачем Золтеру нужна была ночь схождения Луны и Солнца, и девственность — все условия, позволяющие создать нерушимый союз и двойственность природы, мужчина и женщина, ставшие единым целым. Уничтожить Золтера действительно было бы невозможно, не уничтожив ее. Если даже без брака наложенный им узор обладал такой силой, то после благословения...

После того, как все увидели бы, на что она способна, когда Лавиния спасла бы Аурихэйм, Золтер стал бы неприкосновенен. Не просто правителем — он бы стал богом. Наверняка сочинил бы историю о том, что именно благодаря ему ее сила раскрылась таким образом, и даже не солгал бы... отчасти. Единственное, чего Льер сейчас не мог понять — это каким образом правда могла раскрыться. Если Золтер хранил ее столько лет, если уже обошел самой большой ложью за всю историю их мира, которую только можно представить.

— Ничего не хочешь мне сказать?

Он поднял голову, и замер. В лесу ее глаза стали еще более зелеными, словно вобрали весь цвет окружающей их жизни, солнце бликами скользило по волосам, и сама Лавиния словно сияла. Присмотревшись, Льер понял, что это не обман дневного света, магия искрилась над ее кожей, набирая силу.

Здесь, возле Арки, или здесь, в этом лесу.

— Останься со мной.

Он сам не ожидал, что эти слова все-таки сорвутся с губ, но сейчас, когда это сказал, стало легче. Легче смотреть ей в глаза и ждать ответа, который (чего он никогда раньше даже представить не мог) сейчас был жизненно важен.

— А как же Найтриш? — В зеленых глазах сверкнуло раздражение и... ревность?

Да, он бы хотел, чтобы это была ревность. Та, что испытывал он всякий раз, когда в ее сторону смотрели другие мужчины (а после случившегося на нее смотрели именно так, что ему хотелось обратить их в тлен). При Дворе не принята супружеская верность, а если учесть, что и супружества в последнее время толком не было, вряд ли ее обошло бы стороной мужское внимание. Даже несмотря на все устрашение Золтера, ведь став королевой, она могла выбирать сама.

И сейчас тоже могла, хотя все в нем отчаянно противилось тому, чтобы давать ей выбор. Чтобы что-то объяснить, но с ней иначе нельзя. Сегодня Найтриш явилась к нему уже совершенно в другом настроении. От обольстительной улыбки, которой фаворитка Золтера обычно начинала их встречи, не осталось и следа.

— Говорят, его азльвэрство увлекся собственной смертной женой, — с порога заявила она. —

Настолько, что постоянно проводит с ней время и даже не смотрит в сторону... других.

Последнее она вытолкнула через силу, как если бы слово «других» причинило ей боль.

Вот Найтриш действительно ревновала, хотя это и было странно для элленари, ревновала она отчаянно, яростно, зло. Она шагнула к нему, и весьма символическая одежда (легкий пеньюар цвета тлена) растворился в воздухе. Устроившись у него на коленях, женщина подалась к нему, а он боролся с желанием сбросить ее на пол и велеть убираться и впиться злым поцелуем в пухлые, манящие губы. Он не приближался ни к одной женщине с того дня, как Лавиния появилась в его жизни и в Аурихэйме, и, хотя она его отталкивала снова и снова, не представлял себя с другой.

Или представлял: целующим эти губы, но чувствующим совсем другие.

Ее. Лавинии.

Представляющим, что это она извивается на его коленях от страсти, подается все ближе, распаяя желание, касаясь тугими сосками одежды и вздрагивая от этой острой ласки. Его ладонь уже легла на красивый, острый подбородок, и Льер почти поверил в то, что готов к этому самообману, когда открылась дверь.

Лавиния смотрела на него так, словно тоже не могла поверить в то, что происходит. А он смотрел на нее, отчаянно ненавидя за то, что ни одна женщина не сможет ее заменить.

— Ничего, — скупое вытолкнул он. — Она хочет Золтера.

— И ты готов ей его дать?

— А что ты готова дать мне?

Такого она не ожидала: глаза широко распахнулись, в них сверкнул гнев.

— Знаешь ли... — сказала она.

— Знаю, — жестко произнес он и шагнул к ней. — Знаю, что я не железный, и что когда я смотрю на тебя, схожу с ума от желания. Хочу тебя. Хочу твоих чувств, хочу, чтобы ты была со мной по своей воле. Хочу видеть тебя обнаженной, хочу смотреть на тебя и ласкать, хочу слышать твои стоны.

Она снова покраснела, и на этот раз так, что даже сияние магии вокруг нее слегка померкло.

— Я не могу ничего обещать, — сказала Лавиния.

— Мне не нужны твои обещания. Мне нужна ты.

Не дожидаясь ответа, он шагнул вперед. Сокращая расстояние, притягивая ее к себе врываясь поцелуем в мягкие, нежные и такие желанные губы.

Лавиния

Я не успела ничего сказать или даже сделать, когда губы обжег поцелуй. Глубокий и яростный, наполненный таким чувством, что сил его разорвать просто не было... пока Льер с глухим стоном не рухнул вниз.

Клятва! Демонова клятва, которую я заставила его принести.

Я упала на землю следом, вцепившись в его руку и судорожно пытаюсь вспомнить, что полагается делать в таких ситуациях. Если бы я хоть что-то помнила, если бы меня хотя бы чему-то учили, помимо магии жизни, которой я даже толком не пользовалась, и которая в Аурихэйме вовсе превратилась во что-то странное...

Магия жизни!

Я потянулась за помощью к природе как раз в тот момент, когда он открыл глаза.

— Испугалась? — поинтересовался хрипло.

Бледность понемногу отступала с его лица, точно так же понемногу до меня доходил смысл его слов.

— Идиот! — рявкнула я, намереваясь подскочить, но подскочить мне не дали, резко дернули на себя.

Из-за чего я запуталась в платье и полетела прямо на его аэльество, которое даже после случившегося слегка сотрясалось от смеха.

— Все элленари — чокнутые! — я не постеснялась выдохнуть это ему в лицо, упираясь руками в грудь. — Отпусти! Отпусти немедленно!

— Ты действительно этого хочешь?

— Сейчас — да!

Руки он не разжал, и снова поморщился. Я дернулась сильнее, но Льер держал крепко.

— Льер! — воскликнула я, глядя на то, как его лицо снова становится белым.

— Да, моя королева?

— Прекрати это!

— Даже не подумаю.

— Я сказала прекрати, или...

— Или?

Мне захотелось его пнуть. Честное слово, мне захотелось его пнуть! Но сильнее, чем его пнет магия, если он меня не отпустит, у меня вряд ли получится, поэтому я поспешно пробормотала:

— Не хочу, чтобы ты меня отпускал.

— Правда? — он улыбнулся.

А мне почему-то так до одури стало обидно: настолько, что я просто взяла и разревелась. Вот уж совершенно точно не ожидала такого от себя, но слезы сами потекли по щекам, позорище! Я попыталась отвернуться, хотя толку в этом действе уже не было никакого, и когда Льер резко сел, по-прежнему удерживая меня в объятиях, я все-таки ткнула его в плечо кулаком.

— Ненавижу! — всхлипнула я. — Как же я тебя ненавижу!

Его лицо потемнело так, что на миг показалось, и все остальное вокруг потемнело.

— Ненавидишь? — негромко произнес он. — Это все, что ты ко мне чувствуешь, Лавиния?

Да, конечно!

Именно потому меня до сих пор трясет от страха после того, как он свалился на землю.

— Временами мне хочется тебя убить, — честно призналась я.

— Что же, — негромко произнес он. — Наверное, я это заслужил.

— Ты правда идиот! — выдохнула я, рванувшись с такой силой, что раздался треск платья: кто-то из нас умудрился на него сесть. Этот кто-то сейчас снова меня удержал и внимательно взгляделся в мое лицо.

— Правда идиот, — подтвердил он. — Потому что когда я вижу твои слезы, я начинаю сам себя ненавидеть.

Пальцы скользнули по моим щекам с мягким нажимом, стирая дорожки слез с кожи, и я глубоко вздохнула.

— Я за тебя испугалась, — выдохнула через силу, потому что не знала, стоит ли это вообще говорить, но точно знала, что когда скажу, пути назад для меня уже не будет.

— За меня? — Он удивленно взгляделся в мое лицо.

— Да, из-за этой дурацкой клятвы, — я судорожно вздохнула, — когда ты...

— Оно того стоило.

Из-за того, что я сидела у него на коленях, взгляд оказался более чем глубоким. Руки Льера лежали на моей талии, и в эту минуту я подумала, что именно это называется близостью.

— Что стоило? — я попыталась слегка отодвинуться, но мне не позволили.

— Поцелуй. И то, что я сейчас услышал.

Его губы почти касались моих, и коснулись бы, если бы я не выставила между ними палец.

— Ну уж нет, — сказала я. — Второй раз такой трюк я тебе провернуть не позволю.

— А что позволишь? — его слова обожгли кожу, и дыхание перехватило.

«Все», — совершенно неподобающий для леди ответ, но именно это мне сейчас захотелось ответить.

— Я хочу видеть тебя, — сказала тихо.

Внешность Золтера, пусть даже обманная, сейчас была последней разделяющей нас преградой. Я смотрела, как меняются его черты, как из волос ускользает расплавленная медь, а в совершенно другом разрезе глаз в радужке собирается знакомая синева. Видела, как становятся другими надбровные дуги и линия подбородка, как проступает на коже совершенно другой узор. Не удержавшись, коснулась его лица.

— Хочу тебя, — произнесла еле слышно.

И тихо вздохнула, когда его губы накрыли мои уже совершенно иначе. В этом поцелуе помимо сводящей с ума, с трудом сдерживаемой страсти, была удивительная, глубокая нежность. Когда его ладонь скользнула на мою шею, я вздрогнула и чуть подалась вперед, впитывая каждое прикосновение, каждое движение губ. Раскрывая свои, чтобы позволить ему углубить поцелуй, и, кажется, впервые в жизни испытывая желание стать единым целым с мужчиной. Пальцы Льера вплелись в мои волосы, стягивая пряди в горсть, легкий укус заставил меня вздрогнуть, и следом вздрогнуть заставил глухой стон. Я широко распахнула глаза, чтобы наткнуться на темный, темнее глубинной тьмы, взгляд.

— Моя Лавиния, — хрипло выдохнул он, и у меня самой потемнело перед глазами.

Столько чувств я не могла уловить даже в нашем мире, не говоря уже об Аурихэйме. Столько настоящей, живой, отчаянной страсти и желания, втекающего в меня даже через ткань, разделяющую наши тела.

— Мой Льер, — зачем-то тихо сказала я и закусила губу, не отпуская его взгляда.

Чтобы мгновением позже услышать не то рычание, не то вздох.

Меня опрокинули на покрывало из трав, стягивая лиф платья, задевая болезненно-чувствительную грудь. Предплечье полыхало огнем, но мне было все равно, и стало еще более все равно, когда губы Льера коснулись одного соска, а пальцы сжали второй. Я выгнулась всем телом, стремясь продлить эту ласку, усилить ее, скользнула руками под удлиненный парадный мундир, под жилет, выдергивая рубашку из брюк. Ненадолго замерла, остановив пальцы на застежке брюк, чтобы мгновением позже скользнуть ладонью по ткани, чувствуя твердость его желания.

Под резкий выдох почувствовала, как под его взглядом вспыхнули щеки и все лицо, а потом потянула штаны вниз.

— Ты так трогательно смущаешься, — голос его, казалось, стал еще на несколько тонов ниже. Он словно шел из самой глубины его существа, отзываясь на суть элленари, на природу их странного мира.

Мира, который нас соединил.

— Главное, чтобы ты не смущался, — ответила я.

Вздрыгнула, когда ткань юбки скользнула по моим бедрам, повторяя движения его ладоней.

— Или такое невозможно? — мне казалось, что если я замолчу, я просто растворюсь в этом мужчине.

В бессовестных ласках, которые заставляли сердце колотиться все сильнее, и я с трудом сдерживалась, чтобы не стонать в голос.

— Невозможно — что? — откровенное прикосновение его пальцев все-таки заставило глубоко вздохнуть.

— Эллени. Смущение. Смущенный эллени.

— Рядом с тобой, моя королева, — он наклонился ко мне так низко, что его дыхание скользнуло по обнаженной груди, — возможно все.

Наверное, именно эти слова отключили любое смущение, которое было во мне. Скользнув рукой между нашими телами, коснулась пальцами его напряженного желания, заключая в ладонь и скользя по всей длине в такт его ласкам. Рычание (теперь уже совершенно точно оно) отозвалось во всем теле странной, дикой волной почти-наслаждения, но в миг, когда он приподнялся, глядя мне в глаза, я застыла.

Страх перед тем, как это было в прошлый раз прокатился по телу, почти подчистую выжигая горящее в крови наваждение.

— Что-то не так? — Льер внимательно посмотрел мне в глаза.

А я вдруг с ужасом поняла, что все еще чувствую прикосновения Золтера и тот рывок, который принес с собой только боль и подчинение, дикое и унижительное, порожденное природой узора наслаждения, от которого я так старалась отмыться. В ту минуту, когда я об этом подумала, на лицо Льера снова упала тень.

Я поняла, что он понял, и... страх вдруг ушел, растворился без следа.

— Я бы хотел все изменить. Хотел бы стать у тебя первым, — глухо произнес он, и в его словах было не меньше боли, чем у меня в ту ночь.

— Ты и будешь у меня первым, — сказала я, потянувшись к нему. — Сейчас. И всегда.

Коснулась пальцами его щеки и вздрыгнула, когда он перехватил мою руку.

— Ты уверена? — спросил, глядя мне в глаза.

— Уверена, — выдохнула я.

Шелест платья показался невыносимо громким.

Осознание того, что сейчас мы действительно станем единым целым, это откровенное прикосновение там, внизу, заставило содрогнуться. И выгнуться всем телом, когда Льер чуть подался вперед — принимая его в себя.

Больно не было. Разве что самую капельку.

— Я больше не могу сдерживаться, — предупредил он, глядя на меня совершенно дикими глазами.

— И не надо, — выдохнула я, поймав в них свое отражение.

Перехватив мои руки, он завел их над головой и чуть приподнялся, заставив всхлипнуть от острой смены чувственных ощущений.

И вскрикнуть от нового, сильного движения и чувства нарастающего внутри жара.

Наклонившись, рывком прильнул ко мне, впиваясь в губы горячим, яростным поцелуем, и я окончательно потерялась.

В этом сумасшедшем ритме, чувствуя себя дрожащей струной, от кончиков сплетенных с его пальцев рук до бесстыдно разведенных бедер. От волнами накатывающего наслаждения до горящих под его губами безумно чувствительных губ. От каждого срывающегося с губ стоны, отзывающегося в нем, от каждого выдоха Льера, дрожью втекающего в мое тело.

Эта дрожь становилась все сильнее, и наслаждение, набирающее высоту, казалось почти невыносимым. В тот миг, когда я содрогнулась под ним, вспышка перед глазами затмила солнце. Окутавшее нас сияние светом раскрылось над лесом, и я задыхалась, снова и снова вздрагивая от усилившихся толчков, от мощной пульсации, и от сверкнувшего невыносимой синевой взгляда, когда Льер хрипло выдохнул мое имя.

Он подался назад, заставив меня выгнуться всем телом, а потом подхватил на руки, позволяя упасть на них, а не на траву. Я чувствовала биение его сердца, глубокое и такое сильное, что каждый удар отдавался во мне даже сквозь жилет и рубашку. Удлиненный парадный мундир, которым меня накрыли, чуть царапал кожу, а мое платье лежало между нами слоями невесомой ткани, и это были самые сладкие мгновения в моей жизни.

Особенно когда Льер взял мою руку в свою и поднес к губам, целуя мои пальцы.

И не было в мире слов, которые оказались бы сильнее этого жеста.

Не представляю, сколько мы так лежали, молча, в объятиях друг друга, пока я не повернулась и не увидела краешек Арки. Осознание того, где мы находимся, накатило на меня быстро и неотвратно, щедро плеснуло на щеки краской, особенно когда я вспомнила, как некоторое время назад говорила с Эртеей.

— Льер, — шепотом сказала я.

— Да, моя королева?

— Прекрати издеваться!

— Разве я издеваюсь? Мне просто нравится как это звучит.

Его губы почти касались моих волос, растрепавшейся прически, наводя на совершенно непристойные мысли о том, что только что тут произошло. На этом я покраснела еще сильнее, а Льер, приподнявшись на локте, заинтересованно посмотрел на меня.

— Что-то не так?

Что-то?! Всевидящий, я занималась любовью... в лесу!

— Я с ней говорила, — сказала я и показала на Арку.

— Это я уже понял.

— Нет. Я говорила именно с ней, я ее видела. Изначальную в ее облике, а не Арку.

Льер покачал головой.

— Даже если так?

— Она могла видеть, что мы...

Он приподнял брови и долго-долго на меня смотрел, а потом рассмеялся.

— Лавиния, ты думаешь, что Изначальной есть дело до того, что происходит между нами? Она уже давно нечто среднее между лесом и могущественным артефактом, сутью Жизни, если так можно выразиться. Не станешь же ты стесняться дерева?

Ну не знаю. Когда она говорила со мной, она совсем не напоминала дерево.

Ткань мундира скользнула по предплечью, и я ойкнула: чувство было такое, словно наждаком провели по свежей ране. Льер нахмурился, глядя на мое плечо, а потом рывком сдернул мундир. Узор мьерхаартан стал ярко-красного цвета и напоминал свежий ожог, к счастью, только внешне, и очень частично — по ощущениям.

— Что это?! — выдохнула я.

— Не знаю, — Льер покачал головой. — Я пытался найти объяснение в библиотеке, но тщетно. Этот узор действительно чем-то перекликается с вашим заклятием змеи, с той лишь разницей, что не убивает. В случае измены он раскаляется докрасна, выдавая случившееся на стороне, но я не понимаю, как такое может быть. Золтер мертв, и узора быть не должно.

— Я спросила у нее про узор, — кивнула в сторону Арки, — но она не успела ответить. Пришел ты.

— Позвать ее ты не можешь?

— Как? — задала я философский вопрос.

Попытаться, конечно, стоило, и пока Льер помогал мне поправить платье, я думала о том, что делать дальше. Если мое присутствие и правда влияет на этот мир, помогает ему справиться с пустотой, мой уход снова приведет к тому, что пустота начнет разрастаться?

Или нет?

— Если я уйду, Аурихэйм снова лишится жизни? — спросила прямо.

Льер, укрепляющий шнуровку, замер.

— Ты хочешь уйти, Лавиния? — резко спросил он.

Настолько резко, что на миг перекрыл даже очарование нашей близости.

— У меня семья, — ответила я. — И они за меня волнуются. Как минимум я должна дать им понять, что со мной все в порядке...

— Думаешь, твой брат отпустит тебя? — произнес он. — Когда увидит?

— Не знаю! Я об этом еще не думала.

Льер дернул шнуровку так, что она впилась в кожу, и я вскрикнула.

— Прости, — выдохнул он. — Прости, Лавиния. Я просто не представляю, как буду жить, если ты уйдешь.

— Что-то же ты себе представлял? Когда собирался отправить меня домой в ночь смерти Золтера.

Он оставил в покое шнуровку, развернул меня лицом к себе.

— Тогда я действительно хотел тебя отпустить. Я же говорил.

— И что? Золтер так просто позволил бы это сделать?

— Нет, — он покачал головой. — Я собирался запечатать ваш мир.

— Что значит запечатать?!

Льер вздохнул.

— В свое время Аурихэйм воевал со многими мирами, из которых лезла всякая дрянь. Некоторые расы просто загоняли обратно, некоторые истребляли подчистую, но были и миры, которые мы запечатывали — так было проще, потому что населяющие их твари были слишком ужасны. Это мощное заклинание изобрели элленари-антимаги, оно заключается в том, что полностью высасывает магию из мира и создает непреодолимый пространственный разрыв. Попасть в ваш мир Золтер уже не смог бы, но...

— Наш мир полностью лишился бы магии, — закончила я.

— Да.

Я представила себе мир без магии, и мне стало грустно.

Впрочем, уже спустя несколько мгновений мне стало страшно.

— А что стало бы с людьми, которые магией обладают?! — воскликнула я.

— Лавиния, ничего же не случилось.

— Но могло! Ты собирался это сделать!

— Лавиния, — он взял меня за плечи и слегка встряхнул, — я ничего не сделал. Да, я собирался отрезать ваш мир от магии, и это с наибольшей вероятностью высушило бы всех

живых магов, но я этого не сделал. Ничего не произошло. Мы, элленари, творили гораздо более страшные вещи, но рядом с тобой... Мне кажется, рядом с тобой меняюсь не только я и Аурихэйм, меняемся мы все. Я никогда не видел Золтера в такой ярости, как в ту ночь. Рядом с тобой он тоже чувствовал, я бы сказал, что рядом с тобой раскрывается истинная суть каждого, ранее скрытая под маской. Когда я хотел запечатать твой мир, я не думал о твоей семье, я думал только о том, чтобы тебя спасти. Средства не так важны в достижении цели — когда-то я считал именно так.

— И это ты называешь спасением, Льер?

— Называл, — серьезно поправил он. — Я хотел защитить тебя любой ценой, а защитить тебя от Золтера можно было исключительно так. Сейчас я понимаю, что это стало бы для тебя наказанием, а не спасением. Но понял я это только благодаря тебе. Понял, что чувства, семья, близость — гораздо более ценное, чем все, что мы называли жизнью. Гораздо более ценное, чем жизнь.

— Золтер, — я помедлила, но потом все-таки это произнесла: — Золтер убил твоего отца. Когда тот узнал, что его отношение к возникновению Пустоты совершенно иное, нежели чем... он пытался представить.

— Я догадывался, — глухо сказал Льер. — И мать тоже. Правда, не знали, с чем это связано на самом деле, хотя и предполагали, что власть отца при Дворе стала слишком велика. Его уважали и ценили, как опытного главнокомандующего и сильного элленари, обладающего могуществом Смерти. Мы думали, что все дело в этом, что Золтер избавился от него именно по этой причине. Именно поэтому я согласился на участие в заговоре.

— Но как твоему отцу удалось узнать, что именно Золтер стал причиной угасания Аурихэйма?

Льер покачал головой.

— А мама? Она знала о заговоре? Ты должен ей сказать, что ты жив!

Лицо его окаменело.

— Нет, она не знала, — он поднялся и помог подняться мне. — И нет, я ей ничего не скажу. Пусть считает, что я ушел за Грань. Так будет лучше.

— Для кого?! — воскликнула я, глядя ему в глаза. — Льер, ты видел ее отчаяние! Как можно заставлять ее пройти через такое, как можно...

— Лавиния, — он перебил меня мягко, но решительно, — чем меньше тех, кто знает мою тайну, тем лучше.

— Чем меньше?! Она твоя мать! Что ты собираешься делать дальше, Льер? Как долго ты сможешь носить личину Золтера?

— Это было спонтанное решение, но сейчас я думаю, что всю жизнь.

Я покачала головой.

— Всю жизнь?! Льер, всю жизнь рядом со мной ты будешь с его лицом?

— Какие предложения есть у тебя?

Предложений у меня не было. Я не представляла, как выпутаться из этой паутины лжи, в которой мы оказались. По крайней мере, пока. Но если их нет пока, это вовсе не значит, что они не появятся потом.

— Ты сказала всю жизнь, Лавиния, — он коснулся моих губ, глядя в глаза. — Всю жизнь — значит ли это, что ты хочешь остаться со мной?

— Это значит, что я хочу помочь Аурихэйму, — сердито сказала я, убирая его руку, потому что прикосновения Льера выбивали из головы все важные мысли. — И что я останусь до тех пор, пока не станет ясно, что с Пустотой, и как я могу помочь. Но у меня есть условия...

— Даже не сомневался, — он привлек меня к себе, невзирая на мои попытки упереться ладонями в грудь и освободиться. — У тебя всегда есть условия, Лавиния.

— Я хочу дать своей семье понять, что со мной все в порядке, — не дожидаясь возражений,

вскинула руку. — С помощью Амалии. Отправим ее домой, она расскажет Винсенту все, пока пусть будет так. Лучше так, чем...

Я не закончила: прекрасно понимая, что стоит мне появиться в Мортенхэйме, как Винсент запрет меня в комнате и сам будет ночевать в кресле. Не только он, но и толпа людей Фрая с боевыми амулетами, и наверняка еще и Тереза, которая в упрямстве ничуть не уступает брату. Словом, все это совершенно лишнее.

А вот Амалии самое место в нашем мире, подальше от элленари.

— Что-то еще? — Льер по-прежнему улыбался, и когда он так улыбался, мне совершенно не хотелось думать о чем-то серьезном. Хотя в ближайшее время мне придется очень много думать и очень много слушать, а ему придется многое мне рассказать.

— Да, — сказала я. — Мне нужно понять, что на самом деле представляет из себя Аурихэйм. Проще говоря, я хочу посмотреть мир, Льер. Хочу понять, смогу ли я остаться здесь навсегда.

Впервые за все время взгляд Льера показался мне удивительно светлым. Настолько светлым, что я невольно залюбовалась этой переменной, особенно на контрасте с жесткой резкостью его черт. Которые тоже смягчились, когда он произнес:

— Ты его полюбишь, Лавиния.

Проснулась я со странным чувством легкости и тревоги. Как эта парочка могла уживаться во мне? Должно быть, так же, как рядом оказались мы с Льером, совершенно не похожие друг на друга и друг другу не подходящие. Впрочем, когда речь заходит о чувствах, все «подходящие» и «неподходящие» стираются, эти определения гораздо больше относятся к тем, кто действует по расчету, но... Мои действия вообще не поддавались никакому описанию. Вчера я занималась любовью в лесу (и даже сейчас при мысли об этом мне хотелось зажмуриться, а щеки начинали пламенеть так же густо, как узор на руке).

Арку мы не дозволили.

То ли Эртея была оскорблена тем, что мы устроили (я склонялась к этому варианту), то ли тем, что волшебному дереву все равно, кто его зовет, когда ему не хочется отзываться (вариант Льера). Как бы там ни было, назад мы вернулись без каких-либо пояснений по поводу узора, который продолжал гореть. Все так же ярко, как и вчера, судя по тому, что я чувствовала. Именно чувствовала, потому что под иллюзией его не было видно.

Все эти мысли пронеслись в моей голове столь стремительно, что я даже не успела ни за одну ухватиться, а вот тяжесть ладони Льера на моей талии была вполне осязаемой. Настолько, что меня бросило в жар, особенно когда я поняла, насколько тесно он прижимается ко мне, и что именно я чувствую.

— Не хочешь ко мне повернуться, Лавиния? — хриплый ото сна голос ударил в сознание еще сильнее.

Да, я наверное действительно сошла с ума, потому что не испытывала даже крохотной капельки стыда от того, что мы спим обнаженные. И действительно думала о том, чтобы остаться с ним в Аурихэйме.

С ним.

В Аурихэйме!

Навсегда.

— Доброе утро, — несколько растерянно сказала я, оглушенная осознанием очередной свалившейся на меня истины.

— Оно, несомненно, доброе, — меня поцеловали в шею, и я вздрогнула. — А станет еще добрее, если я увижу твои глаза.

Я повернулась в его руках, наткнувшись на раскаленную прядь, упавшую на плечо. Глаза я тоже увидела, но не Льера, а Золтера, и это подействовало, как ушат ледяной воды. Вчера я, наспех позавтракав и заодно пообедав, принялась готовиться к очередному балу. Донесения о Пустоте радовали, а вот с Амалией переговорить не получилось, потому что рядом постоянно крутилась Ирэя, и отсылать ее было бы подозрительно.

Засыпали мы с Льером в объятиях друг друга, и когда засыпали, он снова был собой, а сейчас...

— Прости, — сказала я, пытаюсь вывернуться из его рук, но он меня не отпустил.

Плотнее привлек к себе.

— Лавиния, это же я. И ты прекрасно об этом знаешь.

— Знаю, но для меня это слишком, — я снова подалась назад, и на этот раз он не стал удерживать.

Знакомо потемнел лицом, и, хотя я прекрасно знала, с чем это связано, не могла заставить себя прильнуть телом к телу и коснуться этих губ. Осознанно — не могла.

— Ты знаешь, что так нужно, — произнес он.

— Да. Но в постели для меня это чересчур, — я покачала головой.

Потянулась за халатом, а Льер, резко откинув одеяло, поднялся.

— Я думал, вчера мы с тобой это преодолели.

— Что — это? — уточнила я. — Мы поговорили откровенно, и договорились не лгать друг другу ни в чем. Договорились действовать заодно. Я согласилась остаться твоей женой.

— Мне казалось, ты хочешь остаться моей женой, — он сделал акцент на слове «хочешь».

— Твоей — да.

Он плотно сжал губы.

— Чего ты от меня требуешь, Лавиния?

— Ничего, — я покачала головой. — Мне просто нужно время, чтобы привыкнуть.

Виски сдавило болью, и Льер нахмурился.

— Как твой узор?

Он наклонился ко мне, скользнул над предплечьем ладонью, снимая иллюзию, нахмурился еще сильнее.

— Я решительно не понимаю, в чем дело.

— Может быть, когда ты в очередной раз меня разозлишь, и я провалюсь к Арке, она расскажет мне, что не так с этим узором.

— Возможно, сказать об этом сможет не только Арка.

— А кто?

— Моя мать.

Я моргнула, не в силах поверить услышанному. Вчера он категорически отказывался с ней говорить, что изменилось сегодня?

— Я долго думал о твоих словах, — нехотя признался он, опускаясь рядом со мной на постель.

Я все-таки отвела глаза, и Льер накинул простыню себе на бедра.

— И понял, что она знает все о мьерхаартан. Они с отцом были больше, чем просто супругами.

— Ты только поэтому хочешь ее повидать? — я широко распахнула глаза.

— Разумеется, нет. Я хочу, чтобы ты перестала вздрагивать всякий раз, когда речь заходит о моей матери, хочу, чтобы ты была счастлива.

Я улыбнулась.

— И чтобы она знала, что я жив, — добавил Льер. — Хочу тебя с ней познакомить.

После этих слов мне вдруг стало не по себе. Не потому, что я вдруг представила знакомство с его матерью в красках... нет, именно потому, что я представила знакомство с его матерью в красках!

— Поэтому сегодня после прогулки по Аурихэйму мы с тобой отправимся к ней.

Вчера мы договорились, что до завтрака Льер быстро разберется с текущими делами Двора, а сразу после этого покажет мне мир (хотя я смутно представляла себе, как это будет выглядеть). Но вот о знакомстве с матерью мы точно не договаривались!

Точно-точно!

Совершенно точно!

— Может быть, ты все ей расскажешь без меня? — осторожно спросила я.

Льер приподнял брови:

— Ты что, трусишь?

— Что?! Нет! — возмутилась я. — Просто я считаю, что вам нужно серьезно поговорить с глазу на глаз!

— А я считаю, что твое присутствие будет к месту, — сказал он. — Особенно учитывая то, что я действительно на тебе женюсь. Да и узор лучше рассматривать вживую, согласишься?

Он на мне — что?!

— Погоди, что ты сказал?

— Ты все слышала, — этот... элленари поднялся раньше, чем я успела перехватить его запястье.

Он направился к ванной с таким независимым видом, что я даже дар речи утратила на несколько мгновений.

— Эй! Я, между прочим, ничего не решила.

— Я это знаю, — он обернулся. — И не собираюсь тебя торопить. Но для себя я уже все решил.

Прежде чем я успела сообщить, что он для себя может решать что угодно, двери ванной уже закрылись. Ладно хоть с собой не позвал, спинку ему потерять! Или что-то еще...

На этой мысли я прижала руки к щекам и замотала головой, пытаясь избавиться от навязчивой картины приподнявшейся на его бедрах простыни. Похоже, вчера леди Лавиния перегрелась или передышала свежим Аурихэймским воздухом, из-за чего у нее окончательно и бесповоротно атрофировались остатки приличий.

На этой мысли я поднялась, завернулась в халат и обнаружила, что Льера нигде нет. Не того, который ушел в ванную, а того, который б'йрэнгал.

— Льер! — обеспокоенно позвала я. — Льер!

Не мог же он сбежать?! Или мог?

Я попыталась вспомнить, где он был вчера, когда мы вернулись, но не смогла, вот когда меня наряжали, крутился рядом, пугая служанок, а потом...

— Льер! — позвала уже громче, почти готовая прямо в халате бежать в коридор.

Как раз в ту минуту, когда под кроватью раздалось шуршание и сонный котенок выполз на свет, приподняв покрывало.

— Чудовище! — воскликнула я. — Ну ты меня и напугал! Никогда больше так не делай, слышишь?

Чудовище зевнуло во всю зубастую пасть и лизнуло меня горячим шершавым языком. Я же, поглаживая его, направилась к окну. Потянула за кисточку, раскрывая портьеры, зажмурилась от яркого утреннего солнца. Белое море играло волнами, бросая их на берег, вода искрилась бликами, а зелень на горах полыхала изумрудным пламенем, как магия искажений.

Котенок моргнул, облизнулся, а потом уткнулся мне мордочкой в подмышку.

— Слишком яркий для него свет.

Льер подошел к нам, к счастью, с полотенцем на бедрах.

— А для тебя — самое то. Ты вся сияешь, Лавиния.

Не дожидаясь моего ответа, наклонился, легко поцеловал меня в губы, пропуская пряди волос между пальцами. От его близости снова бросило в дрожь, подавив порыв отодвинуться, я чуть подалась к нему, отвечая. Оказавшийся между нами б'йрэнгал протестующе зашипел и попытался тяпнуть Льера за палец, но он оказался проворнее. Перехватив котенка за шкуру сразу над шипами спустил его на пол и вернул иллюзию обручального браслета, прикрывающую горящий узор.

— Буду ждать встречи, моя королева.

Я тоже, подумала я. Но вслух ничего не сказала, просто смотрела, как он одевается, и только

когда мы с котенком остались одни, тоже направилась в ванную. Перед завтраком я хотела успеть переговорить с Амалией, поэтому не стала приглашать Лизею. Оставленное со вчерашнего вечера по моей просьбе легкое платье надела сама, волосы пригладила щеткой, слегка подхватила украшенными искрами камней шпильками по местной моде и вышла из комнаты.

Мы с Льером обсудили, что отправим ее домой в ближайшее время, поэтому мне нужно было заранее рассказать, о чем я хочу попросить ее переговорить с Винсентом. А о чем лучше не говорить, чтобы мой брат случайно половину мира не разрушил, пытаюсь прорваться в Аурихэйм.

Оказавшись у двери, хотела постучать, но услышала смех.

Амалия смеется?!

От неожиданности просто толкнула дверь и вошла, чтобы увидеть хохочущую девушку. А рядом с ней — Ирэю.

— Ваше аэльвэйрство, — улыбка рыжей сочилась ядом, — мы не ожидали вас так рано.

Разумеется, не ожидали.

— Оставь нас, — приказала я.

Именно приказала, и улыбка Ирэй погасла, сменившись холодным бешенством. Такая перемена меня совершенно не беспокоила: по крайней мере, сейчас она была искренней — и когда прошла мимо, окатив меня ледяным шлейфом своей силы, и когда хлопнула дверью.

— Амалия. Что это значит?

— Что? — девушка посмотрела на меня удивленно. — Вы сейчас о чем, ваше аэльвэйрство?

Глубоко вздохнув, накинула полог безмолвия и шагнула к ней.

— О чем вы говорили?!

Амалия пожала плечами.

— Ни о чем, — она тоже поднялась, оказавшись лицом к лицу со мной. — Просто шутили.

— Она ничего не делает просто так, — мне стоило немалых усилий удержаться от того, чтобы повысить голос, но тон стал просто ледяным. — Что именно она тебе сказала?!

Амалия вздрогнула и обхватила себя руками.

— Ничего! — выдохнула девушка, в глазах ее блеснули слезы. — Не вы ли говорили мне общаться с элленари, забыть обо всем, что было?! Ну так вот, я это и делаю — общаюсь! Чем вы сейчас недовольны?!

Дрожь в ее голосе меня остудила, или, точнее сказать, отрезвила.

Я вдруг отчетливо увидела эту ситуацию глазами Амалии: я прошу ее относиться к элленари лучше, а сама набрасываюсь с обвинениями, прямо с порога. Ничего толком не объяснив.

— Ирэя опасна, — сказала я уже мягче. — Я приблизила ее к себе, чтобы держать на виду, потому что она неоднократно пыталась меня подставить. Изю всех элленари, с которыми мне доводилось общаться, она одна из самых жестоких. Так же, как и ее кузен...

Я осеклась, понимая, что только что сказала.

— Ее кузен! — воскликнула Амалия уже громче. — Как хорошо, что вы о нем вспомнили, ваше аэльвэйрство. Ее кузен — тот, кто заставил меня корчиться от боли, тот же самый, с которым вы вчера явились невесть откуда под ручку с припухшими губами и шальным взглядом! Поправьте меня, если я ошибаюсь?

— Амалия, все не так просто...

— Не так?! По-моему, все проще простого! — выдохнула она, из глаз ее все-таки брызнули слезы. — Вы делаете все, что вам угодно, наслаждаетесь жизнью рядом с жестоким мерзавцем, а мне отказываете даже в такой малости, как простая улыбка — исключительно

потому, что Ирэя якобы хотела вас подставить!

Она сжала кулаки, словно пытаясь унять внутреннюю дрожь, и я покачала головой.

— Тебе нужно успокоиться.

— Успокойтесь, — усмехнулась Амалия, хотя ее всю трясло. — Только это мне и нужно, определенно. Всякий раз появляясь рядом, вы говорите именно это, а потом беседуете со своей Лизей и уединяетесь со своим кошмарным мужем. До меня вам нет никакого дела! И никогда не было!

Я потянулась к ней магией, чтобы немного утешить, но Амалия, почувствовав это, резко отшатнулась назад.

— Не смейте! Думаете, я не знаю, что вы делаете?! Да, не всегда чувствую, но мне не нужна ваша магия, и вы тоже! Меня от вас тошнит! Я не хочу превратиться в такую же безвольную куклу и мило улыбаться, когда хочется кричать!

— Все сказала? — спросила я, хотя меня теперь тоже трясло. Амалия не ответила, сунув сжатые кулаки подмышки, она так сверкнула глазами, словно вобрала в них все угасшие молнии Аурихэйма. — Хорошо. В таком случае жду тебя к завтраку в саду. Если еще раз застану тебя с Ирэей наедине, сделаю соответствующие выводы.

Я сбросила полог и вышла раньше, чем Амалия успела ответить. Дверью не хлопнула, правда, хотя очень хотелось, и в точности так же хотелось высказать ей все. Что Золтер взял меня силой, что я убила его, и до сих пор содрогаюсь, вспоминая об этом, что он снится мне в кошмарах и по сей день. Что эта тьма, которая меня коснулась, чуть было не изменила меня до неузнаваемости, и только благодаря одному-единственному мужчине я до сих пор жива. Что я перешагнула через это все, оставила это в прошлом только благодаря Льеру, который согласился отправить ее домой.

Увы, всего этого я сказать не могла, но оказавшись у себя, от души запустила ленточку магии жизни по комнате. Котенок воспринял это как игру и вспорхнул следом, а когда на ее месте возникла бабочка, пришел в неописуемый восторг.

Что касается меня, я коснулась артефакта, приглашая Лизею. Если она и удивилась тому, что я уже полностью одета и причесана, то виду не подала. Она вообще выглядела невероятно счастливой, просто сияла.

— Судя по всему, у вас с Ронгхэйрдом все отлично, — заметила я.

— О... да, — Лизея даже не смутилась, бросив на меня хитрый взгляд, — у вас с его аэльвэрством тоже.

— И с чего это ты сделала такой вывод? — поинтересовалась я, стараясь не улыбаться.

— Не знаю. Может быть с того, что вчера на балу вы друг от друга не отходили?

Мы и правда друг от друга не отходили, если можно так выразиться. В Энгерии пять танцев подряд даже с мужем считается непристойностью, а мы танцевали, наверное, все десять. Пока я не сказала, что у меня кружится голова, и что я не уверена в том, что исключительно от танцев.

После чего Льер как-то быстро утащил меня в спальню, где мы продолжили то, что началось в лесу.

— Или с того, что вы вчера так внезапно исчезли, хотя просили приготовить завтрак, — Лизея мне подмигнула.

— Хватит, — я все-таки рассмеялась, искренне надеясь, что не краснею прямо перед ней.

— Я рада, — неожиданно серьезно призналась элленари. — Вы так сияете, когда счастливы.

— Когда счастливы, все сияют, — заметила я. — И ты тоже.

Лизея не успела ответить, потому что к нам подскочил уставший гоняться за бабочкой бьйрэнгал и бесцеремонно поставил лапы нам на платье: одну на ее подол, вторую — на мой.

— Кажется, его пора вывести погулять.

— И покормить, — сказала я, — попроси, чтобы нам накрыли в саду. Сегодня я искренне хочу его увидеть.

— Тогда я просто не стану вас отпускать. А то еще потеряетесь где-нибудь по-дороге... например, в кабинете его аэльвэрства.

— Лизея!

Она широко улыбнулась и вышла. Что касается меня, я снова подошла к окну, сквозь которое в спальню лился яркий свет. Представила свою комнату в Мортенхэйме: Энгерия не щедра на солнечные дни, но те, что она дарит, были невыносимо прекрасны. Моя спальня — так же, как и спальня матушки, выходила на восток, и летом я просыпалась с первыми лучами солнца, счастливая и полная сил. До лета, конечно, сейчас еще далеко, но минует два месяца, и земля наполнится запахами трав и ароматом цветов. Улыбки родных, которые я помнила, отозвались в сердце светлой радостью и щемящей тоской.

Смогу ли я отказаться от них, ото всего, что мне дорого, чтобы быть с Льером?

Смогу ли забыть тот мир, который стал моей колыбелью?

Ответ прост — не смогу.

Но что с этим делать, я даже не представляла. Равно как и не представляла, что делать с Амалией, после увиденного посвящать ее в наши с Льером планы было бы опрометчиво, если не сказать глупо.

В конце концов я решила поговорить с ним об этом сегодня на прогулке, и, когда Лизея вернулась, мы вместе с котенком направились в сад. По дороге она рассказывала, что Ронгхэйрд предложил ей отправиться к водопадам, и я заинтересовалась тем, что это за место.

— О, это место считается одним из самых волшебных в Аурихэйме, — призналась девушка. — Наравне с Аркой.

При упоминании Арки я все-таки чуть покраснела, но Лизея этого не заметила, потому что продолжила:

— Это озеро с кристально чистой водой, окруженное водопадами. Их безумное множество, но они не закрывают неба, потому что разрастаются вширь. Из-за такого количества воды, а еще из-за средоточия магии там постоянно возникают радуги. Это место стало одним из первых, которое пустота отрезала от нашего мира, но сейчас донесения говорят о том, что оно снова открыто, и что туда можно попасть.

— Пустота в тех краях полностью отступила?

— Почти, — уклончиво ответила Лизея. — Но она больше не наступает, и этого более чем достаточно.

— Это же не опасно?

Девушка удивленно посмотрела на меня.

— Вы что, за меня волнуетесь?

— А что в этом такого странного?

— Не знаю, — она закусила губу. — За меня даже мать с отцом никогда не волновались.

Я не стала это комментировать, потому что в голосе обычно спокойно рассказывающей об отлучении от рода девушки сейчас сквозила грусть. И еще потому, что мне вообще достаточно сложно было что-то сказать о родителях, которым нет дела до своего ребенка и до того, что своим отторжением они могут ее убить.

Пока я подбирала слова, мы уже вышли в холл, в тот, где живая картина с рождением магии так поразила меня в свое время. Путь до сада не занял много времени, немного попетляв, мы с Лизеей уже были у небольших дверей, распахнув которые, оказались на островке жизни в королевстве смерти.

Стены замка с этой стороны окутывал дикий виноград, густой и сочный, на нем уже наливались силой спелые ягоды. Деревья, раскинувшие густые кроны, высились вдоль

дорожки, уводящей вглубь сада. Цветы, источающие аромат — белые, синие, желтые, оплетали землю, горели в зелени кустов, под порывами ветра кружились лепестки, срывающиеся с ветвей.

— Невероятно! — воскликнула я.

— Я же говорила, что вам понравится, — довольно улыбнулась Лизея, — беседка вон там!

И правда, вдалеке виднелась тонкая, напоминающая паутинку беседка, возле которой суетились служанки. Я снова вспомнила об Амалии.

— Надо будет отправить девушек за Амалией, — сказала Лизея. — Не хочу, чтобы она одна ходила по замку.

— Разумеется, ее проводят! — воскликнула элленари. — Хотя вчера мы уже приходили сюда все вместе.

Я услышала плеск воды и повернулась: скрытый за парковой жизнью фонтан искрился в лучах солнца. Он был выполнен из камня, центральная фигура — девушка в летнем платье со вплетенными в волосы цветами смеялась, протягивая руку. Из-за задумки скульптора создавалось такое чувство, что брызги, летящие с ее пальцев, сияют серебром, как магия жизни.

Я поделилась своими наблюдениями с Лизеей, и она улыбнулась.

— Это ее аэльвэйрство... бывшая, мать его аэльвэрства, — кивнула элленари. — Ронгхэйрд мне рассказал, что он разбил этот парк для нее, потому что она...

— Была из королевского рода Жизни, — голос Ирэи раздался из-за спины, отравляя охватившее меня очарование. — Да, матушка моего кузена на удивление быстро окрутила его отца, от этого брака были в шоке оба двора. Впрочем, ваш брак по скандальности уже переплюнул их.

— Неужели? — я приподняла брови, заметив, как напряглась Лизея.

— О да. Брак со смертной в Аурихэйме... — рыжая покачала головой. — Брак-благословение...

— Которое спасло ваш мир, — напомнила я.

— Спасло ли? — Ирэя растянула алые губы в улыбке. — Этого мы пока не знаем. Зато знаем, что ради тебя мой кузен пренебрег даже своей фавориткой, одной из лучших и сильнейших элленари Двора Смерти. Хотя... Золтер всегда любил красивые игрушки.

Намек был более чем тонкий, хотя непосредственно меня он не задевал. В том, что в игре слов Ирэе нет равных, я уже неоднократно убедилась, и сейчас осознала это в который раз. Признай я, что она говорит обо мне, это было бы мое поражение.

— Считаешь, что так хорошо знаешь своего кузена? — я холодно улыбнулась. — Возможно, он еще не раз тебя удивит.

Ирэя перестала улыбаться, а мгновением позже перестала и я.

Потому что помимо суетящихся служанок возле беседки стояла Найтриш.

Только этого мне еще не хватало.

Я подумала об этом отстраненно, равно как и о том, что узнать, где меня легче всего найти и в какое время Найтриш могла только от Ирэи. Торжество последней несколько поутихло от моих слов, но судя по выражению ее лица, сейчас снова набирало силу.

Да, что ни говори, а приблизить ее к себе было не самой лучшей идеей.

У матушки тоже были фрейлины, но недолго. После того, как одна из них оказалась в постели с отцом, фрейлин не стало. Ни одной. Что касается Терезы, она категорически отказалась от «общества девиц», как она выразилась, потому что не хочет «постоянно посылать за нюхательными солями и лекарствами» (учитывая ее магию, такое было бы неудивительно). В результате у меня их тоже не было, в детстве я обходилась обществом няни, после — камеристки, а о семействе Биго пошла слава как о заносчивых аристократах, которым не угодно общество даже равных себе. Естественно, все это говорили исключительно за глаза, а

до нас доносили в форме самых неожиданных сплетен. Причем не уверена что не те, кто эти самые сплетни распускал.

— Попросить ее уйти? — неожиданно жестко поинтересовалась Лизея.

Я взглянула на девушку удивленно, а Ирэя не замедлила отозваться:

— По-моему, тебе самое место с б'ярэнгалом, дорогуша. Повадки у вас одинаковые.

Я остановилась так резко, что в меня врезался котенок. Мы взяли его с собой, и, видимо, он разогнался и не успела затормозить. Потому что я почувствовала легкий удар в ноги и недовольное «Шряу!»

— Я начинаю думать, что тебе тоже стоит посмотреть мир, Ирэя.

Принцесса прищурилась.

— Ты не посмеешь меня отослать.

— Еще как посмею, — жестко сказала я, — и начну с того, что сегодня я не желаю тебя видеть. Возвращайся к себе. Если выйдешь из комнаты до завтрашнего утра, я действительно отправлю тебя из дворца.

Ирэя и так не отличалась смуглой кожей, но сейчас побелела еще сильнее. На контрасте с пламенем волос и затянувшимися тьмой глазами это выглядело страшно, особенно сейчас, когда я чувствовала kloкочущую под яростью смерть.

— Ты пожалеешь, — предупредила она. — Сейчас мой кузен увлечен тобой, но когда все изменится...

— Когда все изменится, тогда и поговорим, — жестко парировала я и отвернулась.

Меня окатило ледяным холодом темной магии, и пусть я почти привыкла к ее проявлениям, сейчас чувство было такое, словно чья-то холодная рука схватила меня за горло.

— Спасибо, — негромко произнесла Лизея, когда принцесса ушла, — но не стоило...

— Стоило, — подвела черту я и взглянула на Найтриш. — С ней я тоже поговорю сама. Распорядись насчет Амалии, пожалуйста.

Девушка кивнула.

— Льер! Пойдем со мной!

Котенок, обычно послушный, угрожающе вздыбил короткую шерсть и зашипел.

— Кажется, она ему не нравится, — заметила Лизея.

Мне она тоже не нравится.

— Льер, — строго сказала я. — Иди с Лизеей.

Звереныш угрюмо посмотрел на меня, шевельнув шеей, отчего шипы пришли в движение, как ожерелье.

Я вздохнула. Не хватало еще, чтобы Льер вцепился в ляжку золтеровой любовнице. Слухов потом будет — на все предстоящие балы.

— С Лизеей, — повторила я, добавив к голосу магии.

Котенок нехотя подчинился, а я направилась к темноволосой. Сегодня она хотя бы была одета, но даже мысль о том, что ей нужен не мой муж, а Золтер, вызывали желание повторить с ней тот же трюк, что и с Магистром красоты. Благо, подвешивать здесь было за что и куда — вокруг дерева с гибкими ветвями, высоченные и сильные. Пришлось напомнить себе, что магия жизни создана не для этого, и что воспитывать желающих испортить мне день можно своими силами. То есть без магии.

— Доброе утро, ваше аэльвэйрство, — поздоровалась Найтриш, даже не скрывая сочащейся в голосе ненависти.

Надо отдать ей должное, она была красива, и в общем-то, можно было понять, почему Золтер ею увлекся. Жизни в элленари было не больше, чем в окружающем сад ледяном камне.

— Доброе утро, аэльвэйн, — отозвалась я и замолчала.

Служанки, порхающие вокруг стола, наострили уши, крылья у них затрепетали, меняя цвета. Судя по всему, они ожидали незабываемого представления, и я даже могла их понять, но упрощать задачу Найтриш не собиралась. Если она пришла поговорить, пусть говорит.

— Мы могли бы остаться наедине? — поинтересовалась она, когда поняла, что первого хода от меня не дождется.

Наше общение напоминало игру в шахматы. С одной стороны, я могла ей отказать, с другой — это могли расценить как страх. Когда речь заходит об элленари, все было очень и очень неоднозначно, поэтому сейчас я кивнула.

Найтриш довольно улыбнулась, и указала на дорожку, уводящую влево. Эта аллея напомнила мне о парке в Мортенхэйме: подстриженные кусты черных и синих роз, источающих сладковатый аромат, и тонкая изгородь стройных деревьев, по форме напоминающих рвущееся ввысь пламя свечи.

— Раньше здесь было гораздо больше фонтанов и статуй, — заметила Найтриш, проследив мой взгляд.

Я поняла, что неосознанно смотрю на искрящиеся на солнце брызги воды и думаю о том, что услышала от Ирэи. О том, что мать Золтера была наделена магией жизни и о том, что он убил весь ее род. Не это ли родство изначально привело его к Альхиине? И что связывало повелительницу Аурихэйма и его, тогда еще просто амбициозного принца?

— Но они все были разрушены. Эта единственная, которая уцелела.

— Вы пригласили меня сюда, чтобы поговорить об особенностях местной архитектуры?

— Разумеется, нет, — Найтриш улыбнулась. — Чтобы отдать вам это.

Она раскрыла ладонь, и я обомлела: в руке элленари лежал перстень Винсента. Я вдруг осознала, что в последний раз видела его когда мы поссорились с Льером, когда я упрекнула его в том, что он отдал меня Золтеру. В тот вечер я засыпала, сжимая перстень в ладони. Откуда он у этой...

— Откуда это у вас, аэльвэйн? — ледяным тоном поинтересовалась я.

— Должно быть, вы вчера обронили, — темноволосая приподняла брови. — Когда бежали из кабинета... своего мужа.

Иссиня-черное платье переливалось, как речная гладь ночью, а улыбка на губах была хищной.

— Мы обе прекрасно знаем, что вчера на мне его не было, — холодно отозвалась я и протянула руку. — Отдайте.

Найтриш вложила перстень мне в ладонь.

— О том, как он попал к вам, вы сейчас мне расскажете, — сказала жестко. — Безо всяких должно быть и обходных формулировок, аэльвэйн.

Элленари улыбнулась.

— Или мне, или моему мужу, — я не отпустила ее взгляд, но и она не прятала глаз.

Напротив, смотрела насмешливо и с превосходством.

Поскольку Найтриш продолжала молчать, я развернулась, чтобы вернуться к беседке, а в следующий миг прямо передо мной раскрылся портал. Удар в спину был такой силы, что я просто влетела в него, подхваченная потоками силовой магии, как щепка ураганным ветром. Меня швырнуло на пол, портал сомкнулся, перстень Винсента выпал из рук и отлетел в сторону.

Я не сразу поняла, в чем увязли ладони, а когда поняла, вскрикнула: это был тлен. Налет тлена на полу, клочья засохших веточек и листьев, утратившие цвет безжизненные лепестки.

Нескольких секунд мне хватило, чтобы понять, где я нахожусь — моя самая первая комната в Аурихэйме, место, где погиб Золтер, и вскочить на ноги.

— Вот мы и встретились снова, Лавиния.

Призраки не могут говорить. Они определенно не могут говорить, а то, что передо мной призрак — не было ни малейших сомнений. Полупрозрачные очертания, даже обычно яркое пламя волос повелителя Аурихэйма было тусклым.

Это был Золтер.

Или его тень — то, что я видела. Как вчера видела Эртею, и он определенно был...

— Я не ушел за Грань только благодаря тебе, — теперь я поняла, что голос звучит в моем сознании. — Мы с тобой связаны, моя мьерхаартан. Связаны до самой смерти.

Последнее прозвучало как насмешка или как издевательство, настолько жуткое и полное ярости, что мне стало нечем дышать.

Узор на руке взорвался обжигающей болью, я метнулась к двери, на ходу раскрывая магию. Почти успела почувствовать ее тепло, почти... когда в грудь ударило ледяным холодом. Призрачная ладонь сомкнулась на моей шее, и силы хлынули из меня в Золтера. Последнее, что я успела увидеть — как с новой силой вспыхнуло пламя его волос.

Какой кошмарный сон!

Это было первое, что я подумала.

А второе — надо рассказать о нем Льеру, наверное, он должен знать, как избавиться от постоянного явления Золтера в мои сны. Как же быстро я привыкла к тому, что мы спим вместе...

С этой мыслью я повернулась и поняла, что лежу одна.

В платье.

В том самом, в котором собиралась на завтрак.

— Проснулась, Лавиния?

Я подскочила на постели.

Голос Золтера звучал рядом со мной постоянно, его использовал Льер, прикрывая иллюзию, но никогда он не звучал так. Холодно, жестко, пусто, как олицетворение самой Пустоты.

Золтер сидел в кресле, рассматривая меня, кончики пальцев постукивали по подлокотникам. Я не сразу поняла, почему чувствую себя как под водой, а когда поняла, судорожно вздохнула: полог безмолвия был такой силы, что я едва слышала собственное сердце.

— Что молчишь? Не рада меня видеть?

— Где Льер?! — выдохнула я.

— Который предатель, или то зверье, что ты за собой таскала?

Всевидящий, он знает. Откуда он столько знает обо мне?

— От Найтриш, — заметил Золтер, словно мысли мои читал. — Когда я понял, что с тобой говорить бессмысленно, обратился к ней. В отличие от тебя, она сразу согласилась мне помочь. Сразу же — не прошло и полдня. Я даже не представлял, что так сложно будет заманить тебя в комнату, где все произошло.

В памяти отрывками возникали скудные факты: привязка элленари к месту смерти, узор мьерхаартан, связывающий двоих, сны... Если вся магия в нашем мире пошла от элленари, глупо было думать, что они не владеют искусством гааркирт в совершенстве. Так же, как ко мне приходил Эльгер, пытаюсь прорваться из нашего мира, так же приходил и Золтер. Но я не придавала этому значения. Не поверила. Потому что считала, что такого не может быть, потому что Лизея сказала, что элленари не могут вернуться из-за Грани.

Как ему это удалось?!

— Где Льер? — уже гораздо более жестко повторила я, поднимаясь.

Внутри меня все сжималось от страха, но я если я сейчас покажу это ему, все будет кончено.

Золтер точно так же поднялся, привычно возвышаясь надо мной. Сейчас, после всего, что я узнала и через что прошла, я его не боялась. Его — нет, за Льера — да. И я прекрасно понимала, что он наверняка это знает.

— Ничуть не удивлен, что ты интересуешься этим мальчишкой, — хмыкнул он. — С самого начала было понятно, что он для тебя — самая выгодная партия. Короли не для тебя, не так ли?

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Я отвечу на него, когда пожелаю, — жестко произнес Золтер. — А тебе лучше бы сразу понять, девочка, что играть с тобой я больше не намерен. Все, что ты узнала, все, что произошло — в том числе моя так называемая смерть, останется между нами. И пока оно так остается, Льер будет жить.

Он усмехнулся.

— Подловить вас было до удивления просто — вы цепляетесь друг за друга, не понимая, что это — величайшая в мире слабость. Когда Найтриш отправила тебя сюда, он, разумеется, почти сразу поспешил следом. Мне нужно было, чтобы он пришел, и он пришел. Первым делом кинулся к тебе — лежащей без сознания, вместо того, чтобы обернуться.

Я мысленно похолодела, но внешне осталась совершенно бесстрастной.

— Вам не привыкать бить в спину, не правда ли?

— О, насчет бить в спину — это у нас с ним общее. Разве мог я подумать, что этот... юнец, — последнее он почти выплюнул. — Осмелится бросить мне вызов?! Мог ли я подумать, что он вернет тебе перстень брата, чтобы следить за тобой? Чтобы...

Золтер усмехнулся, раскрывая ладонь и показывая перстень Винсента.

— Защитить от меня?

Я вдруг отчетливо вспомнила все, что произошло в Аурихэйме. Перстень, который Льер вернул мне, и его внезапное появление на башне, где Золтер, возможно, закончил бы то, что сделал после поражения у Арки.

— Вас даже Арка не принимает! — выдохнула я. — Как думаете, долго еще вы сможете держать в секрете то, что сотворили много тысяч лет назад?! То, что именно вы разрушили этот мир?

В потемневших глазах сверкнули молнии, а в следующий миг Золтер произнес:

— Найтриш.

Черноволосая явилась мгновенно, сияя улыбкой, за время, что мы не виделись, она успела даже переодеться. Декольте стало гораздо более глубоким, а платье облегающим.

— Я так соскучилась, Тер! — выдохнула она, но тут же капризно надула губы. — Я не совсем понимаю, что здесь все еще делает...

Договорить Найтриш не успела, потому что с руки Золтера сорвалась черная петля. Обрушившись на шею элленари, сдавила ее с невиданной мощью. Лицо женщины исказилось от ужаса и боли, она попыталась вцепиться в нее руками, истошно закричала. Я не успела даже вздохнуть, когда поток Смерти хлынул в нее, и спустя миг от Найтриш осталась лишь горстка пепла.

— Для всех — это наказание за покушение на мою королеву, — последнее он произнес насмешливо, глядя мне в глаза. — Для тебя — урок. Так будет с каждым, кто узнает хотя бы частицу нашей маленькой тайны, Лавиния. Не считая того, что произойдет с Льером. Я покажу тебе его смерть, которую ты не забудешь до конца своей жизни.

Сердце глухо билось о ребра.

Один удар.

Тишина.

Второй.

Тишина.

Третий.

— Ты говорила про Арку, — Золтер усмехнулся. — Но эту устаревшую дрянь я разрушу в самом скором времени. Сравняю с землей. Испепелю. Эту мерзость, которой поклонялись веками просто за то, что в нее ушла Изначальная... но даже она не сумела познать меня до конца.

— У вас есть хоть что-то святое? — спросила я, стараясь не показывать охватившего меня ледяного ужаса.

То, что только что было красавицей-элленари, до сих пор кружилось перед глазами, оседая на пол.

— Вы уничтожили целый Двор... почти весь род элленари, из которого была ваша мать.

— Не совсем так, — усмехнулся он. — Я уничтожил их всех. Свою мать я тоже убил — чтобы отец как можно скорее иссяк силой и уступил место мне.

Он взмахнул рукой, и порыв силы взметнул пепел почти осевшего тлена мне в лицо.

— Так я поступаю с теми, кто мной восхищается. Подумай о том, как я поступлю со своими врагами. Или с их близкими.

Золтер швырнул в меня перстень, и я почувствовала удар даже через ткань платья. Перехватила кольцо Винсента, до боли сжимая его в ладони и не смея отвести от груди. Это было единственное, что сейчас держало меня. Единственное, что не позволяло просто свалиться в обморок или начать биться в истерике.

— Поэтому самый лучший для тебя вариант, Лавиния, стать моей союзницей. Для всех мы с тобой счастливая пара, возродившая Аурихэйм, — он кивнул на мой браслет. — Пожалуй, тебе самое время отправиться на завтрак со своими фрейлинами, а мне — вернуться к делам.

Я не пошевелилась, когда он шел мимо. Перстень Винсента впивался в ладонь, шаги Золтера эхом звучали в ушах. Только когда полог безмолвия потек по стенам, освобождая их от своей удушающей хватки, а дверь гроыхнула, повторяя отчаянный рывок сердца...

Я вздрогнула.

— ... правда, Лавиния?

Я подняла глаза: Лизея смотрела на меня и улыбалась. Амалия не улыбалась, она по-прежнему выглядела так, словно на завтрак ее загнали силой, а после того, как Лизея обратилась ко мне по имени, помрачнела еще сильнее.

Девушка ждала ответа, а я не знала, что ответить. Я не слышала ни ее последних слов, ни, если честно, большинства из того, о чем она говорила. После ухода Золтера несколько раз пыталась запустить поисковое заклинание, чтобы найти Льера, но искра гасла. Это значило, что его нет в замке (разумеется, Золтер вряд ли стал бы держать его здесь — учитывая, что он хочет сохранить все в тайне), но при мысли о том, где он и что с ним, мне становилось нечем дышать.

Золтер подставил Найтриш, чтобы она вышвырнула меня в портал, а потом убил ее потому, что она знала его тайну. Да что там, он убил собственную мать и целый народ. Наверное, именно сейчас я осознала, что такие, как он, не остановятся ни перед чем, и впервые задумалась о заговоре с совершенно другой точки зрения.

Заговор.

Заговорщики.

Только они могут мне помочь.

Эта мысль крутилась у меня в голове, не переставая, но перед глазами все еще стояла разлетающаяся прахом Найтриш. Как мне выйти на того же Наргстрена или Ронгхэйрда? Только через Лизею. Имею ли я право ею рисковать? Рисковать, зная, на что способен Золтер.

— Лавиния? — Лизея уже не улыбалась.

Большинство кушаний, которые стояли на столе, остались нетронутыми. Амалия тоже ела нехотя, что касается меня, я попыталась поесть, чтобы не привлечь внимания, но на втором кусочке к горлу подкатил ком. Я поняла, что если продолжу в том же духе, еда просто вернется обратно, и лучше точно не станет.

Никому.

Котенок спал на месте Ирэи, и я неожиданно подумала о ней. Если бы она не ненавидела меня так сильно, могла бы помочь. Могла бы, потому что она пришла в ярость после смерти Льера, и набросилась на меня с обвинениями именно после этого.

— Я неважно себя чувствую, — призналась я.

— После того, что случилось — неудивительно, — отозвалась Лизея. — Ума не приложу, как

Найтриш посмела...

Она бы и не посмела, если бы Золтер не наобещал ей чего-то во снах. Наобещал наверняка в своем стиле, он даже про нас говорил: «Для всех мы счастливая пара». Для всех, но не на самом деле. Привычка элленари выражаться обтекаемыми формулировками уже стала для меня чем-то вроде обыденности. Даже про смерть Найтриш он говорил так же, как и про все остальное: «Для всех — это наказание за покушение на мою королеву».

Новости по Двору разнеслись быстро, и когда я вышла к завтраку, все уже знали, что бывшая фаворитка Золтера казнена за покушение на его жену.

— Лавиния... тебе ее жаль?! — В голосе Лизеи не было праздного любопытства, только живой, глубокий интерес, и я мысленно содрогнулась.

Нет, я не имею права ею рисковать.

— Разумеется, ей жаль. Леди Лавиния у нас очень сострадательная, — заметила Амалия. — Даже по отношению к тем, кто над ней издевается.

— Пошла вон!

Я не сразу поняла, что этот голос — почти крик, принадлежит мне. Он ударил, как пощечина: Амалия вскочила, и, заливаясь слезами, бросилась к замку. Я же поставила локти на стол и закрыла лицо руками. Впервые в жизни я настолько вышла из себя, впервые в жизни не видела выхода, за который не придется заплатить слишком дорогую цену.

Мьерхаартан Золтера.

Как я могу ей быть, если люблю Льера?!

Эта мысль ударила своим осознанием, и следом накрыло другим: Лизея меня обняла. Склонившись, обхватила меня руками и прошептала:

— Его аэльвэрство поступил правильно, — негромко сказала она. — Иначе любой мог попытаться причинить тебе вред. Однажды он уже простил Ирэю...

Я хотела закричать, что Ирэю простил не он, и что ей, Лизее, жизнь спас совсем другой мужчина, когда принял ее ко Двору, но... Но я не могла этого сделать. Поэтому просто глубоко вдохнула, потом выдохнула и отняла руки от лица.

— Да, — сказала я. — Да. Наверное... ты права.

— Не наверное, — Лизея разомкнула объятия и выпрямилась, — а точно. Найтриш была как Ирэя... или даже хуже. Девушки при Дворе ее боялись: я общалась с другими служанками, когда только оказалась здесь. Забавы ради она травила животных в зверинце и травила служанок опасными тварями. Одной из временных фавориток Золтера она подбросила пыльцу иартины в легкую пудру, и девушке сожгло лицо...

Иартины.

Яд для любого элленари. Во сне Золтер меня проверял, именно так он понял, что я люблю Льера, хотя я сама еще об этом не подозревала. Он угрожал мне семьей, требуя его отравить, поставил на чашу весов самое ценное... моих близких.

— От пыльцы иартины существует противоядие? — спросила я.

Лизея покачала головой.

— К сожалению, нет. Девушка умерла в жутких мучениях. Родные отнесли ее к Арке, и там...

Арка.

Если бы можно было обратиться за помощью к ней... Но я не уверена даже, что у меня получится сознательно создать портал. Золтер обещал ее разрушить, он говорил, что уничтожит ее, и что даже она не сумела познать его до конца.

Что он имел в виду?

Изначальная знала о том, что он сотворил с Альхиинной и о том, что он убил собственную мать. Она знала его... или...

Почему она не сказала мне о том, что он может вернуться?!

Узор под иллюзией дернуло, и я перевела взгляд на руку.

— Лизея, как становятся мьерхаартан? — спросила я.

— Вы уж точно должны знать об этом лучше меня, — девушка улыбнулась. — Это когда двоих элленари объединяет нечто большее, чем просто желание стать постоянной парой. Это совпадение до глубины самых потаенных струн твоего существа, это...

— Элленари, — сказала я. — Но я смертная.

— Что? — удивленно переспросила Лизея.

— Я смертная, — повторила я и резко поднялась. Льер подскочил следом за мной и шрявкнул.

— Займись им, — попросила девушку. — Пожалуйста, никуда от себя не отпускай. Я скоро вернусь.

— Хорошо, — растерянно произнесла она. — Я за ним присмотрю.

— Спасибо, — сказала я.

И направилась в библиотеку.

Поисковое заклинание вело быстро. Спустия столько времени пребывания при Дворе я и сама нашла бы это место, но сейчас не хотела рисковать и терять время. Замок действительно изменялся, оставляя часть переходов закрытыми, а у меня не было ни малейшего желания плутать по его новым коридорам в попытках отыскать то, что мне нужно. Нить же тянулась ровно, избегая тупиков и лишних поворотов, поэтому спустя десять минут я уже стояла перед высокими дверями, к которым однажды меня привела Ирэя.

Не мешкая, толкнула их и вошла. Кузина Золтера сказала, что я не могу воспользоваться знаниями Аурихэйма, но слова в этом мире — сильнейшая магия.

— Магия Аурихэйма подвластна мне, — четко произнесла я. — Она отзывается на мое слово так же, как на слово любого из элленари.

Мой голос тут же подхватило эхо, несколько мгновений метавшееся из угла в угол. Я же сцепила пальцы, как если бы это могло мне помочь.

— Смертная мьерхаартан! — громко сказала я.

Ничего. Либо я ошиблась по поводу силы слов, либо... это просто иначе звучит.

Ладно, попробуем по-другому.

— Смертная — вторая суть элленари.

Ничего.

С каждой утекающей в тишину секундой я все сильнее чувствовала набирающее силу отчаяние: в любое время Золтер мог поинтересоваться, чем я занята, и явиться сюда.

— Магия жизни и магия смерти.

Тишина.

Библиотека не хотела со мной разговаривать, или я задавала не те вопросы.

Оглядев огромную залу, запрокинула голову: надо мной висел поблескивающий приглушенными искрами светильник. Когда я была маленькой, Винсент создавал их для меня, и мне нравилось тыкать пальцем в прозрачную оболочку. Они не жглись, только смешно пружинили, ударяя легким теплом, отзываясь на мою магию, а я заливалась смехом.

Однажды нас за этим занятием застала матушка (точнее, няня ей доложила), и больше Винсент мне светильников не делал.

— Иди сюда, — я протянула руку, позволяя магии чуть согреть сердце.

И шар покорно поплыл ко мне, вспыхивая от прикосновения.

Сколько я себя помню, никогда не была особенной. Моя магия жизни — пожалуй, единственное, что меня выделяло, но если брата с сестрой действительно можно было назвать выдающимися, то я, долгие годы вынужденная ее прятать, не раскрылась даже наполовину.

Зато как-то странно раскрылась в Аурихэйме, то и дело проваливаясь в спонтанно возникающие порталы.

— Почему я не могу заниматься магией, матушка?! Ведь Винсент и Тереза...

— Винсент и Тереза значительно сильнее вас, леди Лавиния, — у матушки раздуваются ноздри. Глаза — зеленые, как трава, сверкают, волосы убраны наверх легкими волнами (казалось бы, небрежными, но ни единого волоска не выбьется из прически).

— Но я ведь тоже могу стать сильной! — выдыхаю я. — Я тоже...

— Довольно! — Матушка едва повышает голос, но в нем сейчас звенит сталь. Поразительно, как в этой миниатюрной и хрупкой женщине может сочетаться такая сила и видимость мягкости. О да, для всех она леди Илэйн Биго, кроткая жена своего мужа, только домашние знают, что даже отец не всегда способен совладать с ее силой.

Нет, она никогда не станет кричать, никогда не перейдет грань, она — воплощение женственности, леди до кончиков пальцев. Тем не менее спорить с ней бессмысленно, особенно когда ее взгляд темнеет до цвета ночной листвы.

— Ты никогда не будешь заниматься магией, Лавиния. Твоему мужу это не понравится.

— Почему?

— На сегодня хватит вопросов.

Да, в Энгерии мужчины смотрели на сильных женщин-магов с опаской, особенно учитывая, что от года к году магия в нашем мире слабела. Кому же охота обзавестись женой, которая в случае чего подбросит в воздух. Так, ненароком.

Тем не менее сейчас мне казалось, что я очень близка к разгадке, просто хожу вокруг да около. Что самое удивительное, отец, ярый поклонник магии, обучавший Терезу и Винсента, ко мне даже не приближался. Да что там, он вообще ко мне редко приближался, за исключением обязанностей по исполнению отцовского долга на людях.

«Ищите любое упоминание о вашей семье».

Слова Эльгера вдруг всплыли в памяти так отчетливо, как если бы он сейчас стоял рядом со мной в этой библиотеке.

— Уильям Биго де Мортен, — назвала имя отца.

Ничего.

— Илэйн Варриль Дюхайм.

Девичья фамилия моей матери, берущая начало от нашего далекого предка, сильнейшего некромага, вошедшего в историю Энгерии, тоже была встречена тишиной.

— Роберт Дюхайм! — выдохнула.

Библиотека молчала.

Принимать свое поражение всегда тяжело, и эта тяжесть сейчас легла на сердце каменной печатью. Я медленно повернулась к двери, когда от стены отделилась легкая дымка и скользнула ко мне.

— Роберт Дюхайм, — произнес мужской голос, низкий и темный, от которого у меня мурашки побежали по телу. — Элленари, ушедший из Аурихэйма по своей воле, сильнейший некромаг мира смертных за все времена, с помощью армии нечисти подаривший свободу крохотному государству мира людей, Энгерии. Убит собственным королем, Витэйром, пожелавшим присвоить себе славу освободителя. Прародитель женщины, подарившей мне знание о любви и дочь, чья магия однажды послужит Аурихэйму.

Дымка растаяла: так же, как заметавшееся по просторному залу эхо, а я все еще стояла, не в силах пошевелиться.

Потому что это был голос моего отца.

Я не знала, что делать с полученной информацией. Не представляла, как ею распорядиться. Отец не сумел бы оставить здесь знания о Дюхайме, обо мне и о маме, не будь он элленари. А мама... теперь я могла понять, почему она была так против моего обучения. Она знала. И она тоже была элленари, если верить тому, что я услышала про Дюхайма. С другой стороны, я уже не знала, чему верить, зато становилось понятно, почему Золтер так за меня держится.

Я из рода Альхиины и его матери.

Пока я здесь, Аурихэйм будет жить.

И вся моя жизнь — одна большая ложь.

Если бы у меня было время погрузиться по этому поводу, я бы точно впала в меланхолию, но времени не было. Поэтому я стояла, смотрела на залитый солнцем оживающий мир и думала, думала, думала.

Моя сила начала раскрываться здесь с первого дня, как только я оказалась в Аурихэйме. Я проваливалась в порталы и спокойно использовала магию жизни, которая тянулась к источнику мира. Меня даже окружили живыми цветами в замке, полном смерти, чтобы помочь раскрыться, но никто даже не задумался о том, что я — элленари. Никто, включая меня, но мне это было простительно, а им?

Льеру?

Почему никто из них не подумал о такой возможности?! Хьберг, один из заговорщиков, сильный целитель. Ведь он обследовал меня, и должен был что-то почувствовать, но он ничего не заметил.

Почему?!

Я посмотрела на иллюзорный браслет и вздрогнула. Что, если иллюзией можно прикрыть не только узор мьерхаартан, но и магическую суть? Что, если... что, если узор — и есть основа той самой иллюзии?

Проверить это можно было только одним способом.

Я потянулась к магическому плетению браслета, горящего на руке. Искорки узлов, сомкнутых на моей коже, не имели ничего общего с настоящей вязью обручального узора. Я позвала магию и подцепила один, вплетая в него магию жизни. Иллюзия дернулась и «поплыла», второй узелок я вскрыла точно так же, а третий стал последним: браслет распался на моих глазах, открывая взору мою руку — такую, какой она должна была быть.

Узор оплетал предплечье и стал уже более блеклым (видимо, выполнил свою задачу по выставлению меня прелюбодейкой). Тем не менее теперь я была почти уверена в том, что этот узор, так же как и браслет — ключ ко всему. На плетении браслета держалась иллюзия моего «обручения», а на узоре наверняка держится все остальное. Но если я права, как Золтеру удалось убедить всех элленари, что я его мьерхаартан?

Ответ пришел быстрее, чем я успела вздохнуть: моя кровь.

Магия на крови в нашем мире считалась самой сильной, а после темных времен, ближе к нашим дням стала еще и запретной. Именно потому, что на ней создавались сильнейшие заклинания, не всегда законные. Именно кровью обручили Анри и Терезу, поставив их подписи (капельки крови) на магическом договоре, когда они были еще совсем детьми. С помощью крови Винсента, похищенной из семейного хранилища, Аддингтон создал смертельное заклятие для Луизы.

Именно тогда состоялась моя первая встреча с Аддингтоном.

Семейные хранилища у нас использовались для того, чтобы в случае смерти аристократа некроманты могли поднять умершего сразу после смерти и допросить о том, что с ним или с ней случилось, а для этого нужна была кровь. Образцы крови, запечатанные магией, хранились там с рождения каждого ребенка. Когда Аддингтон с помощью магии убеждения (знаний мааджари) воздействовал на меня, я вынесла ему кровь Винсента, кровь Терезы, и... наверняка свою.

Подозреваю, что именно так она попала к Золтеру.

Он сочинил всю эту историю, про ребенка и смертную, про артефакт, только чтобы никто не дай Всевидящий не заподозрил во мне моей истинной сути. Он набросил на меня этот узор перед выходом на наказание Льера, в толпу элленари, а Эйзер не могла меня почувствовать, потому что сама была полукровкой.

Но ведь Льер забирал меня из Мортенхэйма, когда на мне еще не было узора, почему не почувствовал тогда?

Почему одно-единственное упоминание об ушедших за последние несколько столетий в наш мир элленари — про Роберта Дюхайма? Как ни пыталась я расспросить библиотеку о других, оставивших Аурихэйм и переселившихся к людям в нашем веке или хотя бы в Темные времена, больше она ничего мне не сказала.

— Лавиния, Льер нагулялся и хочет...

Я обернулась: стремительно, слишком стремительно для того, чтобы вспомнить о снятой иллюзии. И о том, что я понятия не имею, как ее вернуть.

— Спать, — еле слышно закончила Лизея, глядя на узор.

В ее расширившихся глазах горел немой вопрос: к счастью немой. Я мгновенно накинула полог безмолвия, а потом взмахом руки заставила дверь захлопнуться. Магия в этом мире действительно подчинялась мне безоговорочно, пусть и странными рывками, всплесками силы. Мне становилось плохо, когда я изображала королеву (элленари не могут лгать), но я была слишком слепа, чтобы задуматься об этом раньше, а теперь... теперь уже поздно.

— Значит, никакого благословения не было? — произнесла она, глядя мне в глаза. — Но что тогда произошло той ночью?

Я молчала. Мне казалось, полога безмолвия и закрытой двери недостаточно.

— Я никому не скажу, Лавиния, — произнесла Лизея. — Клянусь. Если хочешь, я поклянусь на крови.

— Я не могу, — я покачала головой. — Не могу сказать.

Девушка кивнула, в ее глазах лишь на миг отразилось что-то похожее на горечь разочарования, но тут же скрылось за привычной вежливой маской.

— Хорошо.

Льер покрутился у моих ног, а после запрыгнул на кровать и устроился там, что касается Лизеи, она спросила уже совершенно другим тоном:

— Вам что-нибудь еще нужно?

Тишина была долгой. За это время я успела снова вспомнить Найтриш и то, что с ней произошло. Успела подумать о том, что в мире элленари я по-прежнему слепой котенок, и что я даже представить не могу, где Золтер может держать Льера.

Я почти выдохнула: «Нет», — когда снова вспомнила отца и матушку. Последняя отчаянно пыталась меня уберечь от того, кто я есть, и к чему это привело? Ложь определяла мою жизнь с самого рождения, но в мире элленари самое сильное оружие — это правда.

— Да, — еле слышно сказала я. — Да, Лизея. Мне нужна твоя помощь.

— Чудесно выглядите, ваше аэльвэйрство, — заметила Лизея с лукавой улыбкой.

Служанки согласно закивали, их крылья хлопнули в такт движениям головок.

— Благодарю.

К счастью, Золтер не потребовал от меня совместного обеда: не уверена, что мне хватило бы сил его выдержать, а силы мне были очень нужны. Я казалась себе струной, готовой порваться от любого неосторожного прикосновения. Дрожь, которая то и дело рождалась в кончиках пальцев, растекалась по телу, и тогда я начинала глубоко дышать. Сейчас же, когда я выйду

на бал вместе с ним, мне потребуется вся моя выдержка.

— Оставьте нас, — приказала служанкам, и они поспешно вышли.

Я же повернулась к Лизее.

На этот раз полог безмолвия создала она, а потом ободряюще мне улынулась.

— Хэйрд его найдет, — произнесла негромко. — Обязательно.

Я подавила желание ее обнять, потому что понимала, что если сделаю это, позволю себе слабость. Даже маленькая слабость в такой ситуации может обернуться большими проблемами, поэтому сейчас я только кивнула.

— Я рада, что ты доверилась мне, — добавила девушка, глядя на иллюзорный браслет, который снова помогла мне создать. — Для меня это очень много значит.

— Для меня тоже.

Она выслушала меня, не перебивая — все с самого начала, когда я рассказывала ей о том, что произошло у Арки и что случилось после. Про Льера, про неожиданное благословение и про то, что моя сила — сила элленари жизни, каким-то образом заставила Пустоту отступить. Я говорила и про Золтера, обо всем, что узнала об Изначальной и о том, что ей грозит, если Золтер узнает про ее осведомленность.

Собственно, с этого я начала разговор, но Лизея отмахнулась от моих слов про опасность.

— Я не оставлю тебя один на один с тем, что происходит, — упрямо сказала она. — Что бы это ни было.

Теперь на балу мне предстояло во всеулышание заявить о том, что произошло. Раскрыть и ночь смерти Золтера, и то, что я узнала в библиотеке, и настоящую историю Двора Жизни и Альхиины, а после перед всеми потребовать, чтобы он снял с меня узор мьерхаартан. Вроде бы все было продумано до мелочей, но мне было страшно, что что-то пойдет не так.

Например, что Ронгхэйрд и Наргстрен не сумеют найти Льера (затевать это до того, как они найдут его и освободят было более чем рискованно). Поисковое заклинание, которое они собирались создать у Арки сразу как только начнется бал, было очень мощным, и должно было привести их к нему, но действовать надо было очень быстро. Все должно произойти одновременно: как только Лизея узнает, что он свободен, она находит способ сообщить об этом мне.

Дальше я говорю правду и требую от Золтера снять мьерхаартан на глазах у всех элленари. Солгать напрямую он не сможет, а если откажется — как бы там ни было, это вызовет еще больше сомнений. Тем не менее сомнения были и у меня: что, если Двор Смерти откажется принимать сторону заговорщиков?

Льер говорил, что правление Золтера себя изжило, но что, если страх перед ним окажется сильнее, чем желание все изменить?

Таких сомнений были десятки, если не сотни, они крутились у меня в голове назойливым роем, снова и снова, снова и снова, снова и снова. Больше всего я боялась за Льера, но понимала, что если все останется как есть, мы оба обречены. Если я сейчас ничего не сделаю, если не скажу правду, нас убьет ложь, паутина которой сплеталась Золтером долгие годы.

— Готова? — спросила Лизея.

Я хотела сказать, что нет, я не готова, вместо этого кивнула.

Сейчас не время предаваться сомнениям и страхам, когда все будет кончено, я забьюсь в угол и буду там рыдать сколько мне пожелается, но не сейчас. Сейчас мне нужно действовать, и действовать решительно.

— Я с тобой, — сказала она. — Помни об этом.

И сняла полог безмолвия очень вовремя, потому что в комнату вошла Ирэя.

— Секретничаете? — хмыкнула принцесса, окинув меня насмешливым взглядом. — О чем, хотелось бы знать?

— Секрет уже не будет таковым, если о нем знают трое, — в тон ей заметила Лизея и подхватила меня под локоть. — Пойдемте, ваше аэльвэйрство.

Глаза рыжей сверкнули, и мы все вместе вышли из комнаты.

Амалия дожидалась в коридоре: стояла, вздернув нос и делая вид, что никого из нас не существует. Только сейчас я вспомнила, как резко с ней обошлась, и сердце кольнуло от сожаления. Она была совершенно не виновата в том, что на меня свалилось, и совершенно точно не виновата в том, что свалилось на нее.

Когда закончится бал, когда все закончится, обязательно попрошу у нее прощения. И найду способ отправить ее домой.

Путь до бального зала, в котором мы с Льером рука об руку встречали новости об отступлении Пустоты, был до боли знакомым. Сейчас мне казалось, что каждый шаг раскаленной иглой ввинчивается в сердце, и что оно бьется рваными рывками, через раз.

До той минуты, пока двери зала распахнулись перед нами, и взгляд Золтера его остановил.

Мне казалось, он видит меня насквозь. Меня, Лизею и все, о чем я думала, собираясь на этот бал. Лишь усилием воли заставила себя вспомнить, что Золтер не всемогущ. Что даже про бьёрэнгала он узнал от Найтриш, и что от моего самообладания сейчас зависит очень многое.

Если не все.

Мы вчетвером подошли к трону, и, когда он поднялся, чтобы меня поприветствовать, фрейлины отступили. Я лишь на миг перехватила взгляд Лизеи, бегло, словно это ничего не значило, и вложила руку в его ладонь.

— Удивительное ты себе выбрала сопровождение, моя дорогая Лавиния, — Золтер усмехнулся, опускаясь на трон и увлекая меня за собой.

Один его жест — и музыка плеснула в зал, отражаясь от сводов, перекатываясь между окон и стен, замельтешили разноцветные полупрозрачные платья и такие же крылья: элленари праздновали возрождение Аурихэйма, а я думала о том, захотят ли они мне верить.

Когда ты счастлив, лишние сложности тебе ни к чему.

— Вы сейчас о ком?

— Отверженная родом, смертная и моя кузина. Потрясающе, — в темных глазах мелькнула злая насмешка. — Знаешь, я начинаю думать, что из тебя могла бы получиться королева.

— Можно подумать, для вас это стало неожиданностью, — заметила я.

— Для меня никогда и ничто не станет неожиданностью, — ответил он. — Советую тебе это учесть.

Я вздрогнула и посмотрела на него, но Золтер смотрел на танцующих.

— Что ж, в таком случае мне не о чем волноваться. Я нужна вам, вы нужны мне. Все чудесно.

На этот раз отвернулась я, и теперь уже его взгляд скользнул по моему профилю.

— А ты изменилась, — произнес он. — Уже не та запуганная девчонка, которую я притащил к Арке.

— Запуганной я никогда не была, ваше аэльвэрство, — заметила я, взглянув на него. — А в том, что у вас хватило сил справиться со мной после... я бы не стала считать это подвигом.

Его глаза потемнели до черноты.

— Дерзости тебе не занимать, — жестко произнес он. — Особенно после того, что ты сделала.

— Тс-с-с, — прошептала я с легкой улыбкой. — Это наш маленький секрет, не так ли?

Золтер поднялся и так резко выдернул меня с трона, что у меня перехватило дыхание. Сегодня за всеми этими ощущениями я почти не чувствовала давящей головной боли от лжи, но скоро все это кончится. Сейчас Наргстрен и Ронгхэйрд занимаются поисками Льера, и когда они его найдут... придет время королеве сказать речь.

— Твоя смелость восхищает, — заметил он, вовлекая меня в танец.

— Неужели?

— О да. К сожалению, смелость зачастую граничит с глупостью. Так было с Льером.

Я перестала улыбаться, зато улыбнулся Золтер.

— Как я уже говорил, Лавиния, я знаю твою слабость. Не советую со мной играть. — Он прижал меня к себе так тесно, что теперь я летела по залу буквально: мои ноги едва касались пола, Золтер удерживал меня как пушинку. — Что касается случившегося той ночью, похоже, мой урок ты не усвоила. Поэтому сегодня мы его повторим.

Мне стоило немалых усилий остаться спокойной, спасло разве что осознание того, что до ночи еще далеко. И что после сегодняшнего бала все изменится.

— Этот мир давно принадлежит мне, — произнес он, глядя мне в глаза. — Все, что в нем — тоже принадлежит мне. Не говоря уже о маленькой смертной букашке, которая возомнила себя королевой. Впрочем, мне нравится твой нрав. Обезжать таких как ты — одно удовольствие. За эти тысячелетия я уже порядком подустал от девок, которые с готовностью предлагают себя. Гораздо интереснее брать то, что недоступно.

— Меня от вас тошнит! — выдохнула я ему в лицо, и музыка оборвалась.

Туфельки коснулись пола, но Золтер меня не отпустил.

— Вот мы и вернулись к тому, от чего пришли. Верно?

Руку он мне подал издевательски-галантным жестом, и мне пришлось на него ответить.

Мы снова вернулись к трону, но на этот раз зал мельтешил у меня перед глазами. Чтобы успокоиться, я отыскала взглядом Лизею (она танцевала с большеухим элленари, кажется, из зверинца). Он едва доставал макушкой ей до груди, но двигался столь ловко, что танец в их исполнении был просто завораживающим. Ирэя порхала по залу с каким-то высоким элленари с кожистыми крыльями, с какими в нашем мире изображали демонов. Он облизывал ее декольте (буквально), и от этого зрелища меня замутило. Амалия изваянием застыла чуть поодаль от трона, не глядя ни на меня, ни в зал.

Время тянулось невыносимо медленно, от танца к танцу, заставляя меня все сильнее сжимать пальцы на подлокотниках. Я расслабляла их, вспоминая, что на меня смотрят все, но потом ловила себя на том, что они снова обтекают резьбу с такой силой, что металл до боли врезается в кожу.

Золтер на меня не смотрел. Казалось, он утратил ко мне всякий интерес, оставив за собой последнее слово. К нам подходили и благодарили за солнечный свет, за новую жизнь, снова и снова, снова и снова, снова и снова.

Он принимал эти благодарности как само собой разумеющееся, как если бы имел к ним хотя бы малейшее отношение. Напитки, которые нам приносили снующие по залу слуги, я не брала. Мне не хотелось случайно оказаться под властью непонятной дурманящей дряни стараниями Ирэй или кого-то еще. Сейчас помимо прочего это было бы очень не вовремя, но чем больше времени проходило, тем сильнее пересыхало во рту.

— С вашей подозрительностью, моя дорогая Лавиния, — язвительно заметил Золтер, когда я снова отказалась от напитка иссиня-черного цвета, — вы умрете от жажды. Неужели вы думаете, что кто-то посмеет отравить мою королеву?

Последние два слова он выделил особо.

— Вы не поверите, но ваша кухня уже пыталась, — заметила я. — Что, Найтриш вам об этом не рассказала?

У Золтера шевельнулись ноздри.

— Случись это при мне, ее бы разодрали в клочья.

— О, не сомневаюсь. При вас либо в клочья, либо в тлен, — заметила я.

— Клочья и тлен — это именно то, чего заслуживают предатели, — произнес он.

— А может быть, предатели появляются там, где слишком много ключев и тлена?

Ярость, полыхнувшая в его глазах, ударила в сердце ледяным холодом.

Он поднялся, спустя несколько минут затерявшись в мельтешашей толпе, а я убрала руки с подлокотников. Не знаю, как это выглядело в Аурихэйме, в нашем мире подобный жест был бы воспринят, как пренебрежение к своей супруге. Сейчас я была искренне счастлива, что «супруг» меня оставил, потому что наконец-то смогла поискать взглядом Лизею.

Ее нигде не было.

Это заставило сердце забиться чаще: неужели Льер найден? Как бы я хотела знать, что с ним все в порядке, что он свободен! Лизея обещала, что так и будет, она говорила, что Наргстрен и Ронгхэйрд очень сильны, и что вместе они сумеют разрушить любые отводящие чары.

Обернулась на Амалию, но она исчезла.

Час от часу не легче! Куда эту девчонку понесло в самый ответственный момент?!

В ту минуту, когда я уже готова была идти ее искать, девушка вынырнула из толпы. Приблизившись ко мне, склонилась в реверансе и шепнула одними губами:

— Лизея просила передать, что все хорошо.

Я удивленно взглянула на нее, и в эту минуту увидела Наргстрена.

Он прошел мимо, едва склонив голову — со стороны могло показаться, что в знак приветствия, тем не менее это был знак совершенно иного рода. И я поняла, почему Лизея попросила Амалию о помощи: после нашей сегодняшней ссоры это был самый лучший вариант.

Во рту пересохло теперь уже отнюдь не от жажды, я расправила платье, чтобы не сцепить руки прямо на коленях. Несмотря на то, что все внутри дрожало от напряжения, теперь я знала, что Льер жив и что с ним все в порядке. От осознания этого сначала захотелось плакать, а потом парить. Я даже почти ничего не почувствовала, когда увидела Золтера, широким шагом идущего к трону. Все расступались, музыка смолкла.

Опустившись на трон, он вскинул руку:

— С донесениями от границ Пустоты мои главнокомандующие прибудут через минуту, а пока...

— А пока, — я поднялась, резко перебив его и понимая, что другой такой возможности просто не будет. — Я должна признаться в том, что все это ложь. Я и его азльвэрство никогда не были супругами.

Иллюзия браслета, подчиняясь моей магии, спала мгновенно, открывая на обозрение мой узор. Толпа ахнула.

— Более того, мы никогда не были мьерхаартан, — я провела пальцами по узору, повторяя его контуры. — Это плетение просто прикрывает мою истинную суть. Суть элленари.

Тишина, воцарившаяся после моих слов, была звенящей. Ярость Золтера, вломившаяся в нее, искрилась как не столь давно открытое в нашем мире электричество, грозя уничтожить меня на месте. Я собиралась продолжить, когда увидела в конце зала Лизею с расширенными от ужаса глазами.

Поймала ехидную улыбку Амалии, споткнулась взглядом о прильнувшую к Наргстрену Ирэю, которая послала мне воздушный поцелуй.

А в следующий миг рядом со мной поднялся Золтер.

Сковавший меня по рукам и ногам страх был настолько силен, что я едва сумела вдохнуть. Потому что, глядя в глаза Лизеи я поняла: Льер все еще там. Где-то, где он его держит. Скорее всего, в закаленных антимагией цепях, о которых он мне рассказывал.

— Вероятно, эта женщина повредила рассудком. — Голос Золтера ударил в сознание, разбивая оцепенение, в котором я пребывала. — И в этом отчасти моя вина. Сила и магия Аурихэйма, быть может, стали для нее непосильной ношей.

Он повернулся ко мне.

— И это, вне всяких сомнений, большое горе для нас всех. Но что самое страшное — ее решили использовать. Ее слабость и хрупкость решили использовать, чтобы разрушить все, к чему мы шли столько тысячелетий. Этот узор — иллюзия.

Моя кожа очистилась в считанные секунды, на запястье вспыхнул браслет.

— Сожалею, но я вынужден вас оставить. Мне нужно решить, что делать с супругой. Но главное, — Золтер сделал выразительную паузу и посмотрел мне в глаза, — решить, что делать с теми, кто возомнил, что может использовать ее светлую силу против меня. Пойдем.

Мне протянули руку, ударивший меня приказ был насквозь пропитан чарами. Они вломились в мое сознание, запечатав внутри собственного тела, и я вложила руку ему в ладонь.

Через ползала я прошла рядом с ним, сопровождаемая взглядами элленари: растерянными, изумленными, ошарашенными, даже огорченными. На некоторых лицах сквозила ярость, на других — досада и грусть. Среди них выделялось лицо Ирэи, которая направилась к нам.

— Кузен, мне так жаль, — прошептала она. — Могу я чем-то помочь?

— Пошла вон, — процедил Золтер, не останавливаясь.

Ирэя же наклонилась к самому моему уху, скользнув ядовитым шепотом по щеке: «Секрет уже не будет таковым, если о нем знают трое, не так ли?»

Ее слова змеей заползли в сердце, чтобы ужалить болью. Я видела, что Наргстрен общался с ней, знала это — и все равно позволила себе ему довериться. Я подставила Лизею, я подставила Ронгхэйрда, и я своими руками убила Льера. Потому что первое, что сделает Золтер, когда закончит со мной и с ними — пойдет к нему. У него будет еще множество способов заставить меня подчиниться: одного за другим в Аурихэйм доставят моих родных.

И тогда...

Улыбка Ирэи полоснула, как лезвие отравленного кинжала.

Сердце сжалось, а следом в груди полыхнуло нечто неведомое. Нераскрытое, незнакомое, горящее яростью, но не той, что затмевает рассудок, а чистой, пламенной, светлой. Я не сразу поняла, почему в запечатанном портьерами зале стало светло как днем. Полумрак, метнувшийся по стенам в углы, растворился в ослепительно-ярком свете вместе с последними крохами иссиня-черных осветительных искр. Золтер отдернул ладонь, словно не веря своим глазам, особенно когда я резко остановилась.

По залу снова пронесся вздох, на этот раз больше напоминающий стон, а я чувствовала, как внутри меня рвутся невидимые оковы. Оковы чар, сковывающие мой разум, иллюзия обручального браслета, даже наложенный им узор — все растворилось в сиянии, хлынувшем сквозь меня вместе с яростной силой.

— Я говорила о том, что он лжет, — этот голос принадлежал мне и не мне одновременно, как если бы через меня говорил весь утраченный род Жизни, — и он действительно лжет. Тот, кого вы признали повелителем, создал Пустоту, отнимающую жизнь у вашего мира, у вас и у ваших детей. Он силой удерживал меня, чтобы укрыться за моей спиной от справедливого возмездия, которое не заставило бы себя ждать. Рано или поздно...

В сознании неожиданно вспыхнуло видение, Альхиина: она стояла у окна, глядя на залитый солнцем лес. Она была без преувеличения красива, и она пыталась разрушить созданный ими источник силы, когда Золтер ее убил. Убил, чтобы вобрать всю его мощь, запретную, завязанную на магии сотен миров, и впустить в Аурихэйм наказание — выжигающую все Пустоту.

— Мне стало об этом известно, и ему пришлось постараться, чтобы удержать власть. Угрожая моими близкими. Теми, кого я люблю, — я посмотрела Золтеру в глаза, в которых клубилась бессильная черная ярость.

Когда я смотрела в них раньше, мне казалось, что я вижу саму Смерть, но я ошибалась.

— Пустота — это цена за могущество, которую он заплатил. Цена ваших жизней. Цена жизни целого мира.

Когда я замолчала, в зале снова воцарилась тишина, только на этот раз она была звенящей. Напряженной, как моя собственная, когда я дожидалась возможности говорить с ними.

— Она говорит правду! — крикнул кто-то спустя невыносимо долгое молчание. — Она действительно элленари! Она не смогла бы солгать...

Слова говорившего оборвались, потому что взметнувшийся сквозь пол черный вихрь всепожирающей тьмы оставил от него лишь россыпь тлена. Крик, подхваченный десятками голосов, превратился в вой, элленари метнулись к дверям, но выходы запечатало полотнами Пустоты. Такой же Пустотой сейчас горели глаза стоявшего напротив меня. Искрящиеся вспышки порталов лопались, как мыльные пузыри: никто не мог покинуть зал.

— Хотели правды? — усмехнулся Золтер, чьи волосы стали белее снега.

Посеревшее лицо напоминало восковую маску, сквозь которую проступили черные жилы, глаза вспыхнули янтарем.

— Вот ваша правда. Она права. Но она забыла сказать, что правда иногда убивает.

Раскинув руки, с которых лилась выжигающая мир тьма, он свел их перед собой, и в зал устремились потоки пожирающей все на своем пути Пустоты. Элленари заметались, пытаясь укрыться от неминуемой смерти, вой перешел в плач. Время словно остановилось, перед глазами полыхнула совсем другая картина: крики и стоны женщин, высыхающий под ее плетью Двор Жизни, и Альхиина, из последних сил пытающаяся удержать этот натиск, защитить своих подданных истинной силой жизни. Пустота ударялась о свет и с шипением отступала, снова и снова, с неукротимой мощью.

Альхиина осела вниз, истощив всю свою магию, и последняя искра, сорвавшаяся с рук Золтера, оборвала ее жизнь.

Зато теперь я знала, что нужно делать.

— Не выходите за границы моей магии! — крикнула я. — Пока вы под ее защитой, Пустота не причинит вам вреда.

Плеснувший сквозь меня свет стал еще ярче: наверное, никогда раньше я не чувствовала магию жизни так остро, как в этом царстве боли и тьмы. Идущий трещинами пол замка содрогнулся, плитка взмыла ввысь крошкой, впуская внутрь корни и листья, идущую изнутри мира силу, сливающуюся с моей. Вьюны выстреливали ввысь, чтобы уцепиться за мощные рога корней. Сердце превратилось в набат, стучащий сотнями ритмов собравшихся вокруг. Пустота шипела, пытаясь добраться до элленари, но невидимая прозрачная стена искр отсекала ее со всех сторон, снова и снова.

— Что ж, это мне даже нравится, — прошипел Золтер. — История повторяется, правда? Ты ведь знаешь, как умрешь? Вместе со всеми, кого убьет твоя правда?!

Пустота обрушилась на границы жизни, и я содрогнулась вместе с текущей сквозь меня магией.

— Да, она тоже думала, что сумеет их всех защитить, — усмехнулся он, глядя мне в лицо. — Но она была Королевой, а ты — всего лишь девчонка, которая не познала даже истинной сути магии жизни.

Удар, обрушившийся сквозь мой свет, отозвался сотнями криков. Разлетевшиеся от натиска такой мощи вьюны и чернеющие цветы, отдавшие последние силы мне.

— В отличие от них у тебя есть выбор, Лавиния. Позволишь им умереть — будешь жить.

Я чувствовала боль рассыпающихся тленом корней. В дрожащие от напряжения пальцы, горевшие от магии, вместе с живительным светом уже текла дрожь.

— Нет, — сдавленно прошептала я, чувствуя, как рвутся невидимые нити и как свет начинает стягиваться, подчиняясь давящим на него ладоням Пустоты. — Нет.

— Очень глупо, — процедил Золтер.

Удар, который заставил меня содрогнуться, кажется, со всем миром, обрушился на меня с такой силой, что потемнело перед глазами. Кто-то взвизгнул: краешек платья одной элленари сожрала пустота, а Золтер снова вскинул руки.

— Прощай, Лавиния. Мне будет очень тебя не хватать.

Срывающиеся с его губ слова были глухими и страшными. Пустыми.

В этот миг я подумала о том, что не успела сказать Льеру, что его люблю.

И Винсенту.

И Терезе.

Собравшаяся в руках Золтера мощь, казалось, могла уничтожить весь мир. Или все миры. Поэтому в миг, когда его лицо исказилось от злобы, я мысленно собрала весь свет, который еще бился во мне, готовясь обрушить его в эту тьму и ожидая последнего удара.

Удара не последовало.

Я увидела, как его черты исказились снова, словно внутри шла страшная борьба, а потом сквозь ненавистное лицо проступило другое. До боли родное, любимое, то, что я уже не надеялась увидеть.

— Ему нужно было тело, Лавиния, — сдавленно выдохнул Льер. — Своего он лишился, поэтому занял мое. Прости, что не сумел устоять. Я люблю тебя.

Пустота, которая должна была обрушиться на меня, подчиняясь его воле, хлынула вниз. Стекая по стенам, уходила в пол, а собравшаяся на вскинутых руках Льера черная мощь плеснула в него самого. Всей силой прокатилась сквозь тело, сдирая остатки цвета с его лица.

И полностью иссякла.

В ту же минуту, как Льер поломанной куклой рухнул на пол.

Я бросилась к нему.

Упала на колени, чувствуя под пальцами лед рук. Серебро некогда черных как ночь волос и кожа, напоминающая пергамент. Поэтому когда мне в ладонь ударило сердце, я себе не поверила.

Удар.

Еще один.

Следующий!

— Помогите, — короткий хриплый выдох больше напоминал приказ.

Отделившись от толпы женщина-эллиенари бросилась к нам. Я узнала ее скорее по голосу — больше мальчишескому, нежели чем женскому. Целительница, которая осматривала меня после смерти Хьерга и всего случившегося той ночью.

— Позвольте, — она склонилась над Льером, с ее ладоней скользнула дымка магии. — С ним все в порядке.

Ушам своим я тоже не верила, и глазам — бледность отступала с его лица, черные жилы, выступающие под кожей, поблекли.

— Как... как такое возможно? — воскликнула я, не зная, плакать или смеяться.

Мне хотелось и того, и другого, хотелось прильнуть к Льеру, впитывая биение его сердца всем телом, каждой клеточкой существа. И я поддалась порыву, рванувшись к нему, опуская ладони на его плечи, чувствуя щекой слабое, но все же дыхание.

— Не представляю, — покачала головой эллиенари. — Нам бы доставить его в целительское крыло.

— В целительское крыло?! — яростный крик Ирэи перебил ее голос. — Они изменники! Вы видели, что это была подмена? Это все дешевый трюк, чтобы заставить вас бояться, а после захватить власть. Что стало с моим кузеном — кто-нибудь знает?! Арестуйте их!

После ее слов в зале повисла тишина. Эллиенари застыли, переводя растерянный взгляд с принцессы на нас, и обратно. Ирэя вскинула руку:

— Немедленно!

Первым к нам шагнул Наргстрен, и тогда вскинула руку я.

Одна моя ладонь по-прежнему лежала на слабо вздымающейся груди Льера, с другой лилась магия жизни, четко обозначив границу света и тьмы.

— Как мы уже выяснили, — тихо произнесла я, — я — эллиенари. И я не могу лгать, и сейчас я расскажу оставшуюся часть правды. Этот мужчина, который сейчас спас нам всем жизнь, действительно Ангсимильер Орстрен.

— Который был казнен?! — выкрикнул кто-то.

— Он не был казнен, — спокойно произнесла я. — Ирэя права. Это была подмена.

Толпа ахнула, в глазах принцессы сверкнуло торжество.

— В ту ночь, когда Арка не благословила нас с Золтером, меня хотели убить. Один из заговорщиков, Наргстрен, сейчас стоит рядом с принцессой. Льер тоже был одним из них, но он отказался от своего плана, чтобы спасти меня. В ту ночь Золтер сделал меня своей вопреки моей воле и принял смерть от моих рук. Как я тогда считала.

— Очень трогательно! — язвительно процедила Ирэя. — Она признается в убийстве вашего повелителя, а мы все стоим и ждем?! Наргстрен!

Наргстрен снова сделал попытку приблизиться, но дорогу ему заслонил мужчина с кожистыми крыльями. Тот, кто в самом начале вечера танцевал на балу с Ирэей.

— Он принял облик Золтера, чтобы меня уберечь, — продолжала я. Хотя пальцы дрожали, удары сердца мне в ладонь придавали сил. — В ночь, с которой началось возрождение Аурихэйма, его кузина одурманила меня ароматом ахантарии, и он снова меня спас. Я долгое время считала, что действительно убила Золтера. До той минуты, когда он вернулся. Никто не мог этого предугадать... никто не мог этого объяснить, но теперь я могу. Я ошибочно полагала, что его держал узор мьерхаартан, на самом же деле его держала Пустота. Лишившись собственного тела, Золтер выбрал Льера как сильнейшего элленари, и угрожал мне его жизнью, предлагая поддерживать его версию правды.

Я сжала пальцы Льера и закончила:

— Сегодня я собиралась раскрыть вам всю правду, я и мои союзники. Я хотела рассказать все, что говорю сейчас, и я доверилась Наргстрену, который должен был помочь мне освободить Льера, чтобы Золтер не сумел причинить ему вреда. Тогда я еще не знала, что Льер по-прежнему рядом со мной. Зато Наргстрен знал, что не собирается мне помогать, когда пришел с этим к Ирэе. Нужна ли вам такая королева? Решать вам.

— Она лжет! — яростно прошипела Ирэя. — Неужели вы не видите?! Она лжет!!!

— Если я лгу, — я по-прежнему сидела рядом с Льером, но сейчас смотрела на нее сверху вниз. — Опровергни мои слова. Опровергни их такой же правдой, скажи, что Наргстрен не участвовал в заговоре. Скажи, что не имела дурных намерений, когда посадила меня рядом с раскрывшимся цветком ахантарии. Скажи, что не думала захватить власть, когда отдавала меня в руки Золтера. Скажи это, Ирэя.

Ее лицо исказилось от ярости.

— Я по-прежнему ваша принцесса! — взгляд элленари заметался по залу. — Вы присягали на верность...

— Золтеру, — подсказал кто-то. — Но его больше нет.

Ненавидящий взгляд принцессы вонзился в меня, она отступила назад, понимая, что сама себя загнала в ловушку. Правда действительно сильнейшее оружие в мире тех, кто привык прикрываться ложью, и сейчас на ее лице проступало осознание этого. Проступало смертельной бледностью.

— Ты пожалеешь, — яростно прошипела она. — И даже бессмертие тебя не спасет.

Стоявшие рядом элленари бросились к ней, но Наргстрен вскинул руку, и налитанный тьмой хлыст отшвырнул их в сторону. Миг — и на его шее сомкнулась удавка смерти, протянувшаяся от когтей крылатого. Мелькнувшее в глазах Наргстрена изумление разлетелось хлопьями тлена, подсвеченными сиянием раскрывшегося портала.

Ирэя успела сбежать.

Нам вызвались помочь. Мужчина с крыльями подхватил Льера на руки, мне протянули ладонь, которую я приняла и стремительно поднялась. Мы шли по коридорам так быстро, что я едва слышала свое сердце, а впрочем, слышать мое мне было и не нужно. Достаточно было уже того, что я слышала его. Из ладони в ладонь с силой вливался пульс, мощными, сильными рывками.

Знакомые темные стены и запечатанные комнаты.

Когда к Льеру устремились щупальца тьмы, я вздрогнула, но целительница покачала головой.

— Не волнуйтесь, тьма не причинит ему вреда.

Я все еще не могла к этому привыкнуть, но стоявшая рядом элленари даже побелела от напряжения, подхватив одно из щупалец ладонью. Ее пальцы чуть подрагивали, текущая сквозь тело Льера тьма билась вместе с его пульсом.

Тянущиеся к нему путы отпрянули так же неожиданно, как и несколькими минутами раньше его окутали.

— Ничего не понимаю, — произнесла элленари своим низким рваным голосом. — Он пропустил через себя Пустоту, и он в полном порядке. Не считая цвета волос.

Серебряные пряди и правда сияли под иссиня-черными магическими светильниками, как

напоминание о том, что только что произошло. Пустота, способная уничтожить целый мир, всего лишь отметила его сединой.

Спасибо, Всевидящий!

Целительница сложила ладони лодочками:

— Ваше аэльвэйрство, он приходит в себя.

Она едва успела договорить, как Льер распахнул глаза, и я, позабыв обо всем, просто бросилась к нему. Упала рядом с ним на постель, целуя его лицо, обхватывая ладонями, сильные плечи, совершенно не заботясь о том, что это кто-то видит.

Да пусть хоть весь Двор видит!

Он жив, и это главное. Это главное...

— Лавиния... — Улыбка на его губах расцвела в моем сердце. Он осторожно притянул меня к себе, словно не мог в это поверить. — Что я пропустил?

— Ничего, — ответила я, с трудом сдерживая слезы и целуя его. — Ровным счетом ничего.

— Поверить не могу, что ты сказала им всю правду, — произнес Льер, глядя на меня.

Мы лежали в нашей комнате, я обнимала его, и больше ни о чем не хотела думать. Ни о том, что Ирэя сбежала, и ее не могут найти, ни о том, что Амалия взята под стражу. Я настояла на том, чтобы она осталась в своей спальне, но говорить с ней пока была не готова. Завтра, все завтра. Для меня настоящее сосредоточилось в одном-единственном мужчине, который чудом (какое не могли объяснить даже всезнающие элленари) остался жив и сейчас находился рядом со мной.

Льер пропускал мои пряди сквозь пальцы, и я сделала то же самое.

— Красавец, да? — усмехнулся он.

Снежная прядь шелком скользнула по ладони, и я улыбнулась.

— Тебе идет.

Он приподнял бровь.

— Нет, правда.

— Мог бы не переспрашивать.

— Ты и не переспрашивал, — хитро заметила я. — Но со мной можешь быть уверен, что правды тебе не избежать. Даже если она очень неприятная.

— О, это я уже понял, — в тон мне ответил он.

А потом наклонился и коснулся губами моих губ. Сколько за сегодняшний вечер было таких поцелуев — легких, невесомых — не перечесть. Я потеряла им счет, и я была счастлива. Безоговорочно несказанно счастлива, наверное, впервые за всю свою жизнь чувствуя сама. Теперь я понимала, что морок влюбленности в Майкла не шел ни в какое сравнение с силой настоящей любви.

— Ронгхэйрд сказал, что тебя хотят предложить стать королевой Двора.

— Мне?! У меня же другой источник силы, — искренне изумилась я.

— Мать Золтера была королевой Двора Смерти, — напомнил Льер.

При упоминании о Золтере меня передернуло. Теперь я поняла, о чем говорила Арка: память рода вернулась через меня, как это произошло во время раскрытия моей истинной силы в зале. Я все равно узнала бы правду так или иначе, даже если бы все пошло по другому пути, когда сила жизни набрала бы мощь, я бы все вспомнила. Об этом мне тоже рассказал Льер — оказывается, это глубочайшее признание мира. Если элленари «видит» всю многовековую историю рода, она не просто признана Аурихэймом, она признана как достойная править.

Рассказал он и о том, почему не мог почувствовать меня в нашем мире: уходя из Аурихэйма, элленари не просто слабеют, но и становятся смертными. Рожденные в другом мире ничем не отличаются от людей, с той лишь разницей, что в их крови дремлет сильная магия.

— Она была женой короля, — отмахнулась я. — К тому же... я не хочу править. Я не вижу себя королевой.

— Но ты королева, Лавиния. Ты защитила их, когда им угрожала смерть. Не просто смерть — небытие.

— Вообще-то я вяло сопротивлялась, — сказала я. — А защитил всех ты, когда пропустил через себя тьму. Когда я думала, что тебя потеряла...

Льер усмехнулся, а потом крепче прижал меня к себе.

— И мы почти подошли к вопросу, который я давно хотел тебе задать. Ты станешь моей женой? Если уж ты так хочешь быть королевой при короле...

— Погоди, — сказала я. — Ты сейчас намекаешь, что...

— Да, нас хотят видеть парой.

— Потрясающе!

— Лавиния, я не так выразился, — он рассмеялся. — Мне плевать, что они там хотят. Я хочу, чтобы ты была моей. Безраздельно моей. Завтра ко двору прибудет моя мать...

— Надеюсь, она задаст тебе хорошую трепку, — хмыкнула я.

— Все никак не можешь забыть, что я ей не сказал?

— Никак, — ответила я. — И думаю, не только я. Ты все продумал, да?

— Когда? — почти искренне возмутился Льер.

— Не знаю, — я пожала плечами.

— Лавиния, — он погладил мой подбородок и мягко сомкнул пальцы, разворачивая меня к себе лицом. — Ты ответишь на мой вопрос?

Прежде чем я успела сказать, что подумаю — исключительно из вредности, на ладони его возникло колечко. Аккуратное колечко с ярко-синим сияющим камнем с черными прожилками, который был до безумия похож на...

— Алаэрнит! — воскликнула я.

— Да, — подтвердил Льер.

Камень мага. Так его называли у нас, но месторождения (если они и были когда-то, а сейчас я очень в этом сомневалась) иссякли в глубокой древности. До нас дошли только несколько украшений с алаэрнитом, передающихся из поколения в поколение, и те постепенно теряли свою силу. В нашем мире алаэрнит угасал.

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой, Лавиния, — произнес он. — Хочу, чтобы ты стала моей. И я знаю, что в твоём мире принято делать так...

Льер подхватил мою руку и надел кольцо мне на палец.

— Ты выйдешь за меня?

Я закусил губу, глядя на переливающийся искрами камень, отзывающийся на мою силу. Здесь его сияние было таким ярким, что хотелось зажмуриться.

— Да, — тихо сказала я. — Да, Льер, я выйду за тебя.

— Ну все. Теперь можно спокойно спать.

— Что?!

Мой крик был таким громким, что задремавший на кушетке в изножье б'йрэнгал подскочил и

принялся озираться по сторонам. Льер расхохотался, и я стукнула его по плечу.

— Ты невыносимый! Ты это знаешь?

— Знаю, — ответил он. — Моя родительница сказала мне то же самое.

— Ты с ней виделся?!

— Да. Пока ты общалась с Лизеей, — произнес он.

— Я общалась с Лизеей пять минут!

Чтобы узнать, что Наргстрен оглушил Ронгхэйрда заклятием, когда тот создавал поисковую нить. Наргстрен предложил ему присоединиться к ним с Ирэей, а когда тот отказался, оставил связанным заклинанием до того, как все разрешится. Ронгхэйрд сумел разомкнуть плетение, но с предупреждением опоздал, я уже начала говорить.

План Наргстрена с принцессой был до смешного прост: когда я пытаюсь рассказать правду, Золтер приходит в бешенство. Он меня убивает, Ирэя делает из этого трагедию, они все-таки поднимают мятеж, и трон достается ей. Наргстрену, разумеется, отводилась роль короля, хотя если честно, я в этом сомневалась. Ирэя не из тех, кто станет делиться властью.

Как бы там ни было, они не учли несколько важных факторов, в частности, что я — сильная элленари. И что я, видимо, все еще была нужна Золтеру. Возможно, до полного отступления Пустоты из мира, иначе он превратил бы меня в горстку пепла, а не попытался увести за собой.

— Полчаса. Если быть точным, — голос Льера вернул меня в реальность.

— Ты считал?

— Я помню каждую минуту, когда я не с тобой, — он поднес мои пальцы к губам и поцеловал. — Моя королева.

— Эй, — напомнила я, — я согласилась стать твоей женой, но я не соглашалась стать королевой.

— Для меня ты всегда будешь королевой, — серьезно ответил Льер. — Это кольцо принадлежало моей матери, а до этого — моей бабушке. Его дарили мой отец и мой дед, правда, по несколько иным поводам... Наши традиции отличаются от традиций твоего мира. Тем не менее она очень хочет с тобой познакомиться.

— Что такого ты сказал ей за полчаса? — я ошутимо покраснела. — Что она согласилась отдать мне свое кольцо?

Если до этого встреча с матерью Льера воспринималась как-то спокойно, сейчас стало не по себе. Меня, конечно, учили производить впечатление, но все равно. Она — элленари, которой... которой очень много лет, и она — его мама!

— Сказал то же, что и тебе, — он коснулся моей щеки, — что я тебя люблю.

Его взгляд (темно-синий, как вечернее небо) затягивал. Не в силах больше сопротивляться охватившему меня чувству, я подалась к своему любимому мужчине.

— Я тоже тебя люблю, — призналась. — Люблю в тебе все. Не могу на тебя насмотреться.

Я и правда не могла, потому что сейчас, когда Льер стал Льером, таким, каким я увидела его впервые, последняя преграда между нами рухнула. В потемневших глазах я читала чувство, которое горело в моем сердце, дрожало на кончиках скользящих по его коже пальцев, разгораясь с каждой минутой еще сильнее — от каждого прикосновения, от каждого вздоха, от самой его близости.

Когда он хрипло выдохнул:

— Лавиния, — и подался ко мне, я первая нашла его губы глубоким, невыносимо-откровенным поцелуем.

Чтобы окончательно потеряться в его руках.

И сумасшедших, неистовых ласках.

— Завтра мы возвращаемся в Энгерию, — сказала я.

Амалия вздрогнула. Не представляю, чего она ожидала, но стоило мне войти, девушка посмотрела на меня так, словно я пришла проводить ее на эшафот. Пару мгновений я изучала ее лицо, словно пытаюсь понять, как поступить дальше, но других слов в себе не нашла. Наша история закончилась в бальном зале, когда она предала меня, и, судя по всему, от меня Амалия тоже ждала чего-то подобного.

Поэтому я развернулась и направилась к двери.

— Леди Лавиния! — донеслось сдавленное из-за спины.

Я обернулась.

— Вы ведь никому не расскажете, что я... пожалуйста! Это разрушит мою репутацию!

Я приподняла брови.

— Это все, о чем ты хотела спросить?

— Я... да. Нет. Пожалуйста, простите меня, — девушка выдавила это из себя, комкая платье.

Искренности в ее последнем заявлении не было, скорее страх. Она действительно боялась, что я расскажу высшему обществу Энгерии о том, что она сделала. Чувствовала ли она себя виноватой? Возможно. Я слишком многое могла потерять из-за ее поступка, чтобы сейчас разбираться в ее мотивах.

— Я не собираюсь разрушать твою репутацию, Амалия. Можешь быть спокойна.

Слезы в глазах высохли практически сразу.

— Но твоим родителям я напишу.

Мгновения тишины оборвались судорожным вздохом. Она снова сжала платье так, что ткань жалобно треснула.

— Вы... вы ханжа! Я расскажу всем, как вы со мной обращались! Я расскажу всем, и в вашу сторону даже никто не посмотрит...

Дослушивать я не стала, просто вышла и прикрыла за собой дверь. Элленари вытянулись по струнке, словно я уже была королевой.

— Проследите, чтобы к ней никто не входил, кроме Лизеи.

Стражи кивнули.

Лизее я безоговорочно доверяла, а вот другим служанкам... Об Ирэе по-прежнему не было никаких вестей, и пусть прошло еще мало времени, меня это все же немного беспокоило. В том, что она не сунется к моим родным, я не сомневалась: во-первых, стражей-наблюдателей к Мортенхэйму Ронгхэйрд отправил первым делом, а Ирэе далеко не глупа. Во-вторых, сила элленари в нашем мире становится слабее, и Винсенту с Терезой однозначно есть, что ей противопоставить. Но все же с визитом домой я затягивать не хотела. Мы с Льером договорились, что отправимся к ним завтра, и пока что я смутно представляла себе разговор с семьей.

Особенно с братом.

Что касается Амалии, она была единственным моим уязвимым местом в Аурихэйме, поэтому на порталы в ее комнате наложили печать, а еду для нее Лизея проверяла лично. У Ирэи несколько другие моральные ценности, но она достаточно меня изучила. Чтобы понимать, что если что-то случится с Амалией, я себя не прощу.

Несмотря на все, я по-прежнему чувствовала себя ответственной за ее судьбу и за то, что произошло.

— Разговора не получилось? — спросил Льер, когда я вошла к нему в кабинет.

Он только-только остался один, с Ронгхэйрдом мы встретились в коридоре.

— Нет, — призналась я.

— Что она сказала?

Я пожала плечами.

— Лавиния, — он поднялся и подошел ко мне. — Ты не должна чувствовать себя виноватой.

— Кто сказал, что я чувствую себя виноватой?! — тут же взвилась я.

— Твои глаза. Они никогда не лгут.

— Я... наверное, я могла бы проявить больше участия, — сказала тихо. — Понять, войти в ее положение. Но у меня не хватило терпения, и...

— У кого бы хватило? — спросил он. — Ты еще скажи, что ты должна была защитить ее от Золтера.

— Должна была!

— Ты не знала о своей силе. Ты многого не знала, как и я. Я чуть не убил тебя на балу, когда Золтер управлял мной.

— При чем тут это?! — воскликнула я. — Льер!

— При том, — сказал он. — Что она действовала по своей воле.

Вчера целительница действительно подтвердила, что на Амалии не было чар, и что Ирэя не воздействовала на нее магией. Разве что обычными уговорами.

— Каждый делает выбор сам, — произнес Льер. — Мы не несем ответственности за поступки других.

— Но мы можем быть к ним добрее.

— Можем. И я не знаю никого добрее тебя, Лавиния. Даже сейчас ты себя обвиняешь в том, что не смогла защитить девицу, которая добровольно отдала тебя в руки Золтера. Зная все. Зная, на что он способен. Честно говоря, я не представляю, что сделал бы, будь я на твоём месте.

— Я сказала, что напишу ее родителям.

— Что?

— Что напишу ее родителям, — повторила я. — Честно говоря, я даже писать не собиралась. Сказала это просто чтобы она задумалась о своем поступке.

Он приподнял брови, а потом расхохотался.

— Что смешного?!

— Твоя самая страшная угроза — напишу родителям? — поинтересовался он. — Я бы как минимум пообещал, что скормлю ее кому-нибудь в зверинце.

— Очень смешно! — возмутилась я и попыталась вывернуться из его рук.

Вывернуться мне не дали.

— Ей с тобой здорово повезло, — совершенно серьезно произнес Льер, глядя мне в глаза. — И мне. Поэтому сейчас я предлагаю забыть об Амалии и отправиться к водопадам. Я обещал показать тебе Аурихэйм, и обещал, что ты его полюбишь. Пожалуй, пора выполнять свои обещания.

Аурихэйм действительно оказался красивым. В нем не было городов, только Дворы, вокруг которых собирались наделенные той или иной магией элленари. Их дома, а точнее, замки, хранили в себе силу множества поколений, являясь источниками могущества рода. Владения

Двора Смерти простирались от самого Белого моря до Снежного края. Последний Льер показал мне мельком, и исключительно потому, что я захотела на него посмотреть.

Он напоминал снежную пустыню, а впрочем, таковой и являлся. Никто из элленари не выбрал это место для того, чтобы здесь осесть, и я их понимала. Тот же Вайд Хилл, откуда была родом Амалия и где ближе к концу весны цвели сады, где лето было пусть и недолгим, но было, дышал жизнью. Здесь были только снега, снега, снега — бескрайние поля, вспаханные лишь холодными изломами скал. За пару минут здесь я даже в объятиях Льера заоченела, и мы очень быстро сбежали на земли стихийников.

Среди них были и кузнецы — их дома напоминали те, что мы пролетали во время охоты. Даже посреди дня они казались раскаленными докрасна. Огонь, воздух, вода и земля в элленари сочтались все вместе, как и почему в нашем мире стихии в унаследовавших магию людях разделились, сказать не мог никто. Тем не менее сейчас я понимала, что стихии именно дополняют друг друга: для создания своих особенных изделий, зачарованных тем или иным способом, кузнецы использовали и огонь — чтобы расплавить особый металл, и воду, чтобы остудить. И землю, чтобы проверить прочность (извлечь оружие из ее недр мог только тот, кто его создал), и воздух, чтобы разжечь огонь.

Чтобы управлять погодой, тоже требовалось владение несколькими стихиями, равно как и для того, чтобы унять разгорающийся пожар или бурю, провоцирующую ливень и затопление земель.

Все было настолько взаимосвязано и так интересно, что я забыла о времени, пока Льер мне обо всем этом рассказывал.

Двор хэандаме располагался среди песков, и когда закатное солнце падало на напоминающий что-то среднее между намиийскими дворцами и чертогами армалов замок, казалось, что он сам соткан из солнца и золотых нитей.

— Теперь я понимаю, откуда в нашей культуре взялись некоторые архитектурные стили, — сказала я, когда мы с Льером стояли на песчаном бархане, издали наблюдая за Золотым Двором.

Подойти ближе не представлялось возможным, потому что в этих местах была невероятно сильна антимagia. Даже отсюда чувствовалась ее обжигающая суть, словно прокалывающая кожу огненными иголочками.

— Да, элленари многое привнесли в твой мир, — сказал он. — Но многое вы придумали сами.

Действительно, отличия в стилях были, если вглядываться в детали замков элленари смерти, они были близки к строениям Темных времен. Эта эпоха в нашем мире была отмечена очень сильной темной магией, и теперь я понимала, почему.

— Интересно, почему Дюхайм покинул Аурихэйм, — прошептала я. — Если в нашем мире элленари слабеют и становятся смертными...

— У всех были свои резоны, — произнес он. — Кто-то уходил от Пустоты, кому-то просто нравился твой мир.

Я подумала об отце. И о матери.

— Странно, что матушка не захотела мне говорить о моем происхождении, — продолжала рассуждать вслух. — И что отец мне тоже ничего не сказал...

— Возможно, они решили навсегда отказаться от Аурихэйма и посчитали такие знания лишними.

Лишними — не то слово. Я бы сказала, матушка делала все, чтобы эти знания ни коим образом не проникли ко мне в голову. Не только в мою, но и в головы Терезы и Винсента, судя по всему. Почему? Ведь отец сам оставил в библиотеке запись, где говорилось, что моя магия послужит Аурихэйму. Что-то здесь не сходилось. Думать об этом сейчас было не время, но не думать я не могла. Отец, так муштровавший Терезу, ни слова не сказал сестре о природе ее силы.

Разве что отдал ее Анри, рядом с которым их дети могли обрести силу некромага и хэандаме одновременно.

Мысли о семье оказались очень некстати, потому что вслед за ними пришли и мысли о матери

Льера, встреча с которой мне предстояла в самое ближайшее время. Не сказать, что я волновалась... Хотя нет, я волновалась. Я действительно волновалась, пусть даже всеми силами старалась не думать, каким будет наш разговор.

И о том, к чему я сегодня мысленно возвращалась весь день.

Смогу ли я остаться в Аурихэйме.

Когда Льер открыл новый портал, я мягко коснулась его руки.

— Знаю, что мы собирались к водопадам, — сказала тихо. — Но мне бы хотелось увидеть еще одно место.

Он вопросительно посмотрел на меня, и я ответила:

— Двор Жизни.

Льер молчал, поэтому вспышка погасшего портала прозвучала хлопком.

— Льер? — переспросила я, вглядываясь в его лицо. Лишь тогда он ответил:

— Ты уверена?

— Разумеется, я уверена! Это же место, откуда берет начало мой род!

Льер ненадолго отвел взгляд, даже не отвел, а просто взглянул через мое плечо, но мне этого оказалось более чем достаточно.

— Что не так? — прямо спросила я.

— А ты не догадываешься? — он посмотрел на меня. — Двор Жизни стал сердцем Пустоты, Лавиния. Сквозь него она проникла в наш мир. Ничего хорошего ты там не увидишь. То, что она сейчас отступила, ничего не меняет.

— Я знаю, что там произошло, — возразила. — Знаю и хочу посмотреть. Возможно, я смогу помочь земле, где все случилось, быстрее восстановиться. Это важно для меня! Неужели ты не понимаешь?

Какое-то время Льер молчал, потом протянул мне руку.

Вспышка портала — и вот мы уже выходим в место, которое когда-то было домом моей прародительницы. Я успела только увидеть остов замка, изломанный, словно разодранный изнутри. Черную, выжженную землю, залитую солнечным светом словно в насмешку. Там, где мы только что были, уже сгущались сумерки, но здесь еще только начинался новый день. Новый день на мертвой земле, чья боль ударила мне в сердце так остро, что я вцепилась в руку Льера с отчаянной силой. Чтобы мгновением позже ее отпустить и рвануться вперед.

На пепелище.

Изо всех стен замка уцелела только самая дальняя, и, хотя по ней достаточно сложно было что-то понять, она отчаянно, до ужаса напомнила мне замок брата.

Мортенхэйм... в котором я родилась и выросла, на миг показалось, что я смотрю на его руины.

Наполненные отчаянием, болью и последними криками.

Подобно тому, как надо всем Аурихэймом светило солнце, светило оно и здесь, только здесь оно было черным.

Я пошатнулась. Попятилась.

Обернулась: Льер стоял, опустив голову.

— Почему?! — выдохнула я. — Почему, если Пустота отступила, здесь ничего не меняется?!

Льер поднял голову, и на миг показалось, что на меня смотрит незнакомец: настолько пустым и холодным был его взгляд, словно вобрал в себя часть Пустоты.

— Я не знаю, — произнес он. Произнес так, словно каждое слово давалось ему с трудом: — Нам не стоит здесь оставаться. Возвращаемся.

Короткое "возвращаемся" было больше похоже на приказ, но я мотнула головой:

— Нет!

— Лавиния...

— Нет!

Усилием воли заставила себя вновь повернуться к замку. Потянулась силой к изуродованной земле, на которой за все это время не проросло ни травинки. В то время, как весь мир элленари праздновал возрождение, здесь по-прежнему царили последствия Пустоты и смерть.

Магия отозвалась неохотно, плеснула из груди в кончики пальцев, растекаясь в ладони. Я почти направила ее в землю, когда меня перехватили за талию и буквально втянули в портал. Ставшая уже привычной изумрудная вспышка отрезала нас от Двора Жизни, а когда я моргнула, увидела лишь обстановку нашей спальни. Сорвавшаяся с пальцев сила ударила в камень, и по стене мгновенно побежал густой вьюн, над которыми запорхали десятки бабочек.

Котенок подскочил с кровати взмыл ввысь, а я вывернулась из рук Льера:

— Зачем?!

— Там ты ничем не сможешь помочь.

— Откуда ты знаешь?!

Не ответив, Льер повернулся ко мне спиной и шагнул к дверям.

— Льер!

Он не остановился, обернувшись на ходу, бросил резкое:

— Переоденься. До приема осталось не так много времени.

Раньше, чем я успела ответить, хлопнула дверь. Оставив меня наедине с котенком, бабочками и ощущением Пустоты, которая, казалось, будет преследовать меня всю жизнь. Так же, как витающая над местом гибели элленари жизни боль, которую я чувствовала, как свою.

А.О.

— Чего он хотел? — Ронгхэйрд непонимающе смотрел на него.

— Стать Богом. Получить могущество Изначальной, — Льер покачал головой.

— Он окончательно спятил?

— Вовсе нет. Если верить преданиям, вся наша магия родилась именно из Пустоты. Стихии, Смерть и Жизнь, даже антимагия. Уничтожив род Альхиины, Золтер лишил себя важной составляющей для осуществления задуманного, но понял это гораздо позже. Лавиния была ему нужна, как недостающий элемент. Он ждал, пока ее магия наберет силу, а после воспользовался бы ей для повторного ритуала.

— Это слишком невероятно, — произнес Ронгхэйрд.

— Тем не менее это так. Я слышал его мысли, как свои, и я думал, что смогу его уничтожить, но Пустоту нельзя уничтожить Пустотой. Там, где все началось, она по-прежнему сильна, и по-прежнему рвется в Аурихэйм. Теперь уже через меня... через него. Или через нас.

— И что ты собираешься делать?

— На меня придется надеть оковы.

— Ты сошел с ума?

— Ты предпочитаешь, чтобы однажды я снова проснулся им?

— Думаешь, оковы помогут тебе его удержать?

— Не знаю. Но попробовать стоит.

— А она? Что ты скажешь ей?

Лавиния.

Время рядом с ней пролетело, как одно мгновение. Он даже не представлял, что время может быть таким быстротечным, хотя родился с осознанием вечности. В Аурихэйме даже вечность относительна, но Льер никогда не думал, что ему будет настолько мало одной-единственной женщины. Впрочем, сейчас он понимал, что рядом с ней ему и вечности было бы мало.

— Я отправлю ее домой. Как обещал когда-то.

— И что будет с Аурихэймом?

— Не думаю, что Пустота вырвется на свободу, пока Золтер заперт внутри меня.

Ронгхэйрд покачал головой.

— А если все-таки вырвется?

— Мне все равно. Я готов рискнуть Аурихэймом, но не готов рисковать ею.

Друг явно хотел возразить, но промолчал. Льер же неожиданно подумал о том, что впервые мысленно назвал его другом. Это странное слово пришло из мира Лавинии, пришло вместе с ней, потому что до ее появления в его жизни не было друзей. Не было любви, были лишь доверенные лица и так называемые союзники, каждый из которых вел свою игру.

— Если все станет совсем плохо, вы с Лизеей сможете уйти в их мир. Не только вы. У нас есть возможность выбирать, у нее ее никогда не было. С детства все решали за нее.

— Так же, как сейчас за нее решаешь ты?

Отчасти Ронгхэйрд был прав. Но только отчасти — он видел, как горели ее глаза, когда они говорили про возвращение в Мортенхэйм. Лавиния была счастлива, она предвкушала встречу с родными, и она готовилась к ней, но теперь будет вынуждена сидеть рядом с ним и ждать, пока в нем снова проснется чудовище, которое причинило ей столько страданий. Больше всего он боялся того, что Золтер снова причинит ей боль, а в том, что он это сделает, сомневаться не приходилось: краткий миг его пробуждения при разрушенном Дворе Жизни, искра злобы — оказались настолько яркими, что Льер почти потерял над собой контроль. Он едва успел снова перехватить сознание и сейчас чувствовал, как перед глазами то и дело вспыхивают картины того, что Золтер собирается сделать.

Это были не его мысли и не его желания, но они были в нем.

Точно так же, как яд чужого сознания, бестелесной оболочки, питаемой Пустотой, которая снова набирала силу. С каждой минутой он все ярче чувствовал, как эта сила рвет его изнутри, стараясь перехватить контроль. Медлить было нельзя.

— Мне пора, — сказал он, поднимаясь. — Подготовь оковы. Когда я вернусь...

— Если она не согласится уйти, — перебил его Ронгхэйрд, — что ты будешь делать тогда?

Разумеется, она не согласится. Лавиния любит его, и она любит Аурихэйм. Она просто не умеет по-другому, и ни за что не согласится оставить их. Поэтому ему придется сделать так, чтобы она никогда о них не вспомнила. Лавиния заслужила спокойную жизнь рядом с семьей, а лишние воспоминания ей совершенно точно ни к чему.

На вопрос Ронгхэйрда он не ответил, просто шагнул к дверям.

Первой была Амалия: увидев его, стражи расступились, а девушка, неподвижно застывшая у окна, попятилась, вжимаясь в стену. В глазах отразился ужас, особенно когда он захлопнул дверь.

— Лавиния меня простила! — взвизгнула она. — Пожалуйста! Не трогайте меня! Не тро...

Договорить Амалия уже не успела, заклинание печати легло на ее память, прочно стирая воспоминания об Аурихэйме и обо всем, что с ней здесь произошло. Следующим стало

заклинание сна: она упала к нему на руки, и Льер подхватил ее, на этот раз воспользовавшись порталом.

Лавиния была одна: она уже успела переодеться к приему, и, видимо, отпустила Лизею, чтобы та занялась собой. Увидев его с Амалией на руках, широко распахнула глаза и резко поднялась.

— Льер, что все это значит?!

Амалию он опустил в кресло, а потом шагнул к ней. Быстро, чтобы не передумать — рядом с ней его решимость слабела — преодолел разделяющее их расстояние. Объяснять что-либо было бессмысленно, но он не хотел, чтобы последним воспоминанием осталось непонимание в любимых глазах.

— Золтер по-прежнему жив, — произнес он, обхватывая ее лицо руками. — Мне не удалось его уничтожить.

Сейчас, находясь рядом с ней, страшно было даже представить, что он видит ее в последний раз, но теперь он точно знал, что поступает правильно. Она будет жить, Золтер никогда больше до нее не доберется. Со временем Лавиния найдет свое счастье... ударившую в сердце яростную ревность Льер заглушил усилием воли.

— Я не знаю, насколько он силен, и как быстро он снова сможет взять меня под контроль. Когда он вернется, тебе лучше быть как можно дальше от меня и от Аурихэйма.

Вот теперь она поняла — и то, что произошло на развалинах, и то, что он собирался сделать: осознание сменилось решимостью, которую он видел уже не раз и не два.

— Льер! — яростно прошептала Лавиния. — Как тебе вообще в голову такое пришло?! Я тебя люблю, и...

— Я тоже люблю тебя, — он коснулся лбом ее лба. — Я так тебя люблю, что не смогу себя простить, если с тобой что-то случится.

Она собиралась возразить, но печать отрезала все воспоминания о нем раньше, чем Лавиния успела понять, что случилось. Она соскользнула к нему на руки, и Льер на миг прижал ее к себе, запоминая это прикосновение. Наверное, о большем он и мечтать не мог — многие элленари за всю вечную жизнь не испытывали такой силы чувств.

Портал в ее спальню в Мортенхэйме открылся спокойно. Здесь не работали даже сигнальные артефакты (видимо, де Мортену даже в голову не приходило, что похититель его сестры решит лично вернуть ее тем же способом, что и забрал). Всплеск магии перенес Амалию из кресла в кресло, Лавинию Льер осторожно опустил на кровать.

На миг взглядевшись в умиротворенное лицо, коснулся пальцами ее щеки.

А после, не оборачиваясь, шагнул обратно в Аурихэйм.

— Леди Лавиния! Леди Лавиния, проснитесь!

Попробуй тут не проснуться, когда тебя трясут за плечо. Уверена, если бы мне что-то снилось, это был бы корабль, который шторм кидает в море, как щепку. Тем неожиданнее было открыть глаза и увидеть Амалию. Раскрасневшаяся, девушка уже собиралась на новый заход, но тут же меня отпустила.

— Слава Всевидящему! Вы не знаете, что произошло?

Я не знала.

— Почему я проснулась в вашей комнате?! Я ничего не помню!

Я тоже ничего не помнила, равно как Амалия оказалась в моей комнате, почему я лежу на постели в верхнем платье, в котором хоть сейчас на бал, и, кажется, прическа у меня тоже далека от ночных кос. В этом я убедилась, когда ощупала голову, но еще большей странностью оказались серьги.

Серьги?!

Я же никогда не носила серьги! У меня даже уши не проколоты!

Как выяснилось, проколоты. Об этом мне сообщило зеркало, явив взгляду меня, одетую так, словно я не просто собиралась на бал, а в качестве королевы. Тяжелая диадема чем-то напоминала корону, такой же тяжестью лежало на груди ожерелье.

Вот уж впору сомневаться в собственной адекватности, но глядящая на меня через зеркало взволнованная Амалия была в точности такая же. То есть она тоже решительно не понимала, что происходит.

— Ты совсем ничего не помнишь?

— Помню! — Девушка неуверенно оглянулась на дверь. — Мы с вами собирались на бал, посвященный вашему рождению, и... кажется, все.

М-да. Я помнила ровным счетом то же самое. Тот момент, когда Винсент ко мне приходил, и, кажется, как я приветствовала Уитморов и остальных, улыбаясь, пока не заболели губы. Еще помню, как Амалия стояла у окна, готовясь танцевать, а потом — ничего.

Сказать, что это было странно — значит, ничего не сказать. Особенно в том, что касается украшений, которые я никогда не носила и платья, которого у меня никогда не было. Либо на этом балу случилось что-то из ряда вон, либо... вот тут я терялась в догадках. Магии в моей жизни с самого детства было предостаточно, самой разной, а когда я повзрослела, добавилась еще и темная, но если бы со мной что-то случилось, сейчас в этой комнате была бы не Амалия, а охранные заклинания и сам Винсент.

Резко развернувшись, я направилась к дверям: нет ничего проще, чем спросить у Винсента, а потом уже вместе разобраться со всеми странностями. Амалия перехватила меня за руку, не успела я сделать и шага.

— Куда вы?! — спросила почему-то шепотом.

— Найду брата и спрошу у него...

— А что, если случилось что-то непоправимое?!

— Что непоправимое могло случиться?

— Не знаю. Мы же ничего не помним...

— Именно поэтому я собираюсь все выяснить.

Я отняла руку и вышла в коридор, где предсказуемо никого не оказалось. Мортенхэйм огромен, по нему можно бродить в одиночестве очень долго. Несколько шагов в сторону спальни брата окончательно меня отрезвили: зачем бегать по замку, если можно воспользоваться артефактом вызова, и пригласить камеристку? Да, я определенно не в себе.

Уже собиралась вернуться, когда услышала шаги.

Горничная вышла из боковой галереи, увидела меня.

Глаза ее расширились, ворох полотенец оказался на полу. В следующее мгновение я услышала визг, от которого заложило уши, тыльная сторона серого форменного платья мелькнула перед глазами и исчезла за поворотом. Удаляющийся визг подхватило эхо, перебрасывая его от стены к стене. Обернулась на шорох: в коридор выскочила Амалия с кочергой.

Ситуация — лучше не придумаешь.

— Что случилось?! — воинственно поинтересовалась девушка.

— Меня увидела горничная.

— И?

И вела она себя так, будто увидела призрака.

Вслух я этого не сказала, зато подумала. Помимо прочего, подумала о том, могла ли я случайно сойти с ума. Да нет, вряд ли, нас тут таких двое. Кочерга в руках Амалии напомнила о том, что камин в моей комнате разожжен не был, а значит... значит нас, в общем-то, в спальне не должно было быть.

Нет, так действительно можно сойти с ума.

Прежде чем я успела решить, что делать дальше, снова раздались шаги. На сей раз множественные, и, кажется, одни я даже узнала. Винсент.

Недолго думая, бросилась в сторону галереи, но остановилась.

Представить с визгом убегающего брата у меня не получалось, но что, если... если он посмотрит на меня и не узнает?

Эта донельзя жуткая мысль пришла раньше, чем из-за поворота шагнул он, с горящими на ладонях боевыми печатями армалов. Вслед за ним вышли еще несколько мужчин с силовыми артефактами и Эльгер. Почему-то мой взгляд задержался именно на нем, словно этот мужчина, которого я видела от силы раз или два в жизни, имел какое-то особое значение.

Впрочем, после всего это ощущение уже не показалось мне странным, потому что взгляд Винсента вонзился в меня. Он точно меня узнал, но смотрел так, словно видел впервые.

— Лавиния? — Голос его звучал глухо и... вопросительно?

— Разумеется, это я! А кого ты ожидал здесь увидеть?! — кажется, у меня сдали нервы, потому что меня затрясло.

Я не понимала, что все это значит, и почему брат смотрит на меня так. Да, однажды мной управлял Аддингтон, но сейчас это я, это точно я... или... осознание вдруг обрушилось на меня страхом, от которого желудок превратился в ледяной ком.

— Это... это случилось снова? — сдавленно произнесла я. — Мной опять кто-то управлял? Я что-то сделала?! Кого-то убила?!

Это объясняло все то, почему я так странно одета, почему на мне непонятные украшения, а в ушах серьги, которых не должно быть! Но главное, это объясняло то, почему я ничего не помню. Чувствуя, что мне становится нечем дышать, я попятилась. Сколько часов, дней, а может быть, месяцев моей жизни у меня снова кто-то украл?

— Лавиния, — голос Винсента изменился. — Лавиния, нет. Все хорошо!

Брат шагнул ко мне, но я отпрянула в сторону. Метнулась мимо Амалии, ведомая каким-то животным страхом, наугад. Задыхаясь, вылетела в коридор, чувствуя гроыхающие за спиной в такт сердцу шаги.

Матушка! Матушка, как же мне вас не хватает...

Я успела только об этом подумать, когда меня ослепила зеленая вспышка. Крик Винсента слился со странным шипением, а разошедшееся пространство портала выбросило меня на холодные камни фамильного склепа.

— Мааджари, — процедил Винсент.

Процедил так, словно выплюнул.

Меня обследовали, наверное, часа два, Амалию тоже, но с нами все было в порядке. За исключением одного: несколько недель нашей памяти оказалось безвозвратно потеряно. Оказывается, в ночь после бала на мое рождение нас похитили, но я ровным счетом ничего не помнила. Никакие заклинания не помогали, словно часть моей жизни безвозвратно канула в пустоту.

Когда я об этом думала, по коже шел мороз, но что уж говорить, после такого по коже должен идти мороз, поэтому я не возражала. Изначально Винсент не хотел говорить о том, что случилось, при мне, но тут уже я взвилась.

— Это касается лично меня, — возразила резко. — И моей жизни. Поэтому за закрытыми дверями ты будешь говорить о политике, Винсент Биго. А обо мне будешь говорить только при мне, здесь и сейчас!

Кажется, после такого у брата кончились возражения. У Луизы слегка округлились глаза, а Тереза слегка изогнула бровь (величайшее проявление эмоций в случае моей сестры).

Как бы там ни было, собрались мы сейчас в его кабинете, в котором помимо моей семьи находился еще Эльгер. Анри, муж Терезы, несколько дней назад вынужден был уехать в Вэлею, но она осталась.

Сейчас при мысли об этом становилось тепло.

Равно как и при мысли о том, что все это время семья не оставляла попыток меня найти, а Винсент даже пошел на примирение с Эльгером, которого считал злом во плоти. Что касается последнего, он сейчас пристально смотрел на меня. Так пристально, словно видел и знал больше остальных.

— Они наверняка что-то сделали с твоей памятью, — произнес брат. Горько, и в этой горечи отчетливо звучала вина. — Не исключено, что снова имело место внушение, когда и как оно проявится мы не знаем, но клянусь, я буду рядом, Лавиния. Я не отойду от тебя ни на шаг, даже если мне придется провести рядом с тобой годы...

— Элленари.

Голос Эльгера прозвучал так резко, что даже Винсент осекся.

— Эльгер, мы это уже обсуждали, — в раздражение в голос брата добавилась ярость. — И я был бы тебе очень благодарен...

— Даже чисто физически ты не сможешь находиться с ней двадцать четыре часа в сутки. Как минимум, тебе придется ходить в уборную.

После такого заявления в кабинете на миг повисла тишина, а брат начал темнеть лицом.

— Не считая того, что тебе нужно еще заниматься страной, герцогством и уделять время жене и детям, — Эльгер сунул руки в карманы и шагнул вперед. — Когда я был в твоём сне, Лавиния, ты была в Аурихэйме.

— Всевидящий, это даже звучит как бред! — прорычал брат. — По-моему, тебе стоит смириться с тем, что твоя магия на этот раз не сработала. Ты не всемогущ, Эльгер.

— Тогда как ты объяснишь то, что она открыла портал?

Портал — да. С порталом вышло неожиданно.

Я подумала о матушке и оказалась в склепе, прямо рядом с ее гробницей. При том, что открывать порталы я не умела никогда, а Эльгер единственный маг нашего времени, кто вообще на такое способен. Правда, заканчивалось это тем, что ему приходилось подолгу восстанавливаться, а у меня даже голова не кружилась.

— Мааджари что-то сделали с ней...

— Не осталось в нашем мире мааджари. — Ноздри Эльгера хищно шевельнулись. — После смерти моего отца не осталось даже последователей. Я единственный носитель знаний, который способен что-то с ней сделать, но я ничего с ней не делал, де Мортен, насколько ты понимаешь.

— А я могу быть в этом уверен?!

Взгляд Эльгера стал совсем хищным, Луиза кашлянула.

— Эллени — выдумка, — подвел итог Винсент, тем не менее сбавляя тон. — Она могла быть одурманена чем угодно, именно это ты и видел. Какие цели они преследуют, кем бы они ни были, мы не знаем. Но я это обязательно выясню. Мне остается только поблагодарить тебя за твои услуги и пожелать счастливого пути.

Луиза метнула на него убийственный взгляд, Эльгер пожал плечами.

— А мне остается только пожелать вам решения вашей исключительной задачи.

Он вышел, не прощаясь, Луиза поспешила за ним, и мы остались втроем.

— Тереза, проводи Лавинию к себе, — Винсент потер виски. — Я поднимусь через пять минут, и...

— Можешь не спешить, братец, — хмыкнула она. — Пока я рядом, ни одному мааджари к ней лучше не соваться.

Я чувствовала клубящуюся в сестре темную силу, но этот холод, исполненный мощной магии смерти, сейчас казался каким-то знакомым. То есть разумеется, с ее силой я была знакома и раньше, но раньше меня брала оторопь при ее проявлениях. Сейчас же чувство создавалось такое, словно она долгое время была частью моей жизни.

Во всех смыслах.

Подозреваю, меня ждет еще очень много странностей.

— Что думаешь про Аурихэйм? — спросила я сестру, когда мы вышли из кабинета.

Она пристально на меня посмотрела. В сочетании с высоким лбом и тяжелыми бровями, фамильными чертами Биго, взгляд темных глаз казался давящим. Пожалуй, только в нашей семье и знали, что это не так, это просто особенность (довольно пугающая для женщины, обладающей магией смерти).

— Думаю, что Эрику незачем лгать, — сказала она.

— Эрику?

— Ой, давай без энгерийских заморочек. Ты прекрасно знаешь, что он брат Анри, и прекрасно знаешь, какая история нас связывает.

История у них с Эльгером и правда была долгая. Началась она с того, что он чуть не убил ее и Анри, а продолжилась тем, что Тереза спасла ему жизнь, вытащив из-за Грани.

— Я сама относительно недавно начала ему полностью доверять, поэтому... — Сестра задумчиво посмотрела вперед. Серебряная прядь волос, которой ее отметила Смерть за спасение Эльгера, сейчас казалась вплетенной в прическу лентой. — Что ты чувствуешь, когда слышишь про Аурихэйм?

Я пожала плечами.

— Ничего.

Я действительно ничего не чувствовала — сказка и сказка. Легенда. Мир созданий, наделенных бессмертием и могущественной магией, изредка похищающих смертных. Зачем — в легендах ходили сотни версий, но легенды на то и легенды, верно? Чтобы их подтвердить или опровергнуть, никто не вернулся. Тем более странным казалось то, что я побывала в Аурихэйме, чтобы потом снова оказаться в нашем мире. Зачем кому-то меня похищать, чтобы потом вернуть обратно?

— Эллени? Кто-то особенный? — продолжала допытываться сестра.

Я прислушалась к себе: пусто. Нет, в памяти не было ничего про элленари или кого-то особенного.

— Сдаюсь, — сказала Тереза, когда я покачала головой. — По-хорошему, тебе сейчас лучше просто отдохнуть и ни о чем не думать. Возможно, когда придет время, все решится само собой, а пока мы с Винсентом будем рядом с тобой. Или, может быть, ты хочешь поехать в Вэлею?

— В Вэлею? — удивилась я.

— А почему бы и нет. Погостишь у нас, — сестра приобняла меня за плечи, — пока Винсент немного придет в себя и перестанет воспринимать это... так остро.

Да, у Винсента все, что касается семьи, воспринималось чересчур остро. Я прекрасно понимала, что случившееся не шутки, но в глазах брата уже читала свой приговор: сидеть мне под семью замками в Мортенхэйме, обвешанной сигнальными артефактами, запечатанной охранными заклинаниями, и, скорее всего, при всем при этом еще и неотлучно находиться рядом с ним.

Вспомнила слова Эльгера, и мне вдруг стало смешно.

Я представила, как сопровождаю Винсента в Парламент, и какие лица становятся у наших энгерийских джентльменов, когда брат входит в здание с женщиной.

— Улыбаешься? Согласна? — Тереза тоже улыбнулась мне.

Черты лица ее в такие моменты смягчались, становясь удивительно женственными.

— Согласна, — сказала я. — Не хочу ходить с Винсентом в уборную.

Тереза прыснула.

— Да, с него станется. Хотя скорее всего, он прицепит к тебе с десяток подручных Фрая, и не скажу, что это будет лучше.

— Точно не лучше, — призналась я, вспомнив похожих на вытасненных из воды рыбин агентов Королевской службы безопасности — безликих, как тени, и вздохнула. — Осталось только уговорить Винсента...

— Это я беру на себя, — отмахнулась Тереза. — А тебе сейчас и правда лучше отдыхать. Ты отлично держишься, Лави, но иногда стоит позволить себе расслабиться. Поверь мне.

И я поверила.

Рядом с сестрой было так спокойно и легко, совсем как в детстве. Если забыть о том, сколько нам лет, и через сколько всего мы прошли, можно представить, что я просто поеду в гости к старшей сестренке.

В Вэлее весна уже наверняка в самом разгаре, буду много гулять и отдыхать. Повидаюсь с племянниками, постараюсь отрешиться от развода с Майклом, от случившегося с Аддингтоном, от всего, что осталось в прошлом. Возможно, что-то и вспомню.

А нет — значит, так тому и быть.

— Нет! Поверить не могу! — Софи залилась смехом.

— А ты поверь, — Кристоф приподнял брови. — И тогда наш директор говорит: «Кто взял зелье из лаборатории месье Радо?» Этим своим тоненьким голосом, который он все время пытается сделать грозным. Кристиан ему сурово так отвечает: «Кто взял, того уже с нами нет», и директор становится еще зеленее...

— Кристоф, — Тереза не повысила голос, но ее сын замолчал.

Правда, с таким видом посмотрел на близнеца и на старшую сестру, что становилось понятно: история с директором на этом не закончилась.

В семье Терезы я чувствовала себя хорошо... и на этом все. Наверное, «хорошо» — идеальная характеристика, ничего другого я сейчас о себе сказать не могла. Винсент отпустил меня в Вэлею со скрипом, но все-таки отпустил. Не знаю, как Тереза его убедила, но через неделю неусыпных дежурств рядом со мной, постоянных магических проверок и прочих мер безопасности, которые брат считал необходимыми, Амалия отправилась к родным на север, а мы с сестрой все-таки отбыли в Ольвиж на дирижабле.

Эта столица отличалась яркими красками и сотнями голосов, далекая от консервативного и строгого Лигенбурга. Здесь женщины чувствовали себя свободнее, а наряды, которые они носили, не имели ничего общего с энгерийской модой, которая должна была блюсти нравственность.

Правда, непонятно чью.

Такие странные мысли меня иногда посещали, но я уже к ним привыкла. Равно как привыкла к тому, что мне сейчас почему-то гораздо ближе вэлейская мода, нежели чем та, к которой я привыкла с детства.

В Ольвиже и правда было теплее, поэтому шляпку приходилось надевать не для того, чтобы защититься от ветра и холодов, а чтобы лицо не обгорело под пригревающим весенним солнцем. Разумеется, местное тепло не шло ни в какое сравнение с маэлонским, но мне и его хватало. Я бы сказала, оно было мне жизненно необходимо, потому что я постоянно мерзла.

Изнутри.

Магия жизни не помогала, а если быть точной, она не имела никакого отношения к тому, что я чувствую. Мне казалось, что моя жизнь спокойная, уютная и... пустая. Словно из меня однажды вынули сердце, а назад поместить забыли. Днем я гуляла по набережной реки Лане, ночами вглядывалась в звездное небо, пытаюсь вспомнить о том, что забыла.

Тщетно.

На моей памяти стояла густая непроглядная пелена, как туманы и дымная завеса фабрик Лигенбурга.

Я не говорила об этом Терезе, потому что не хотела ее беспокоить. Я вообще никому об этом не говорила, поскольку со мной все и так носились, как с малым ребенком. Когда я думала, что поеду в гости к старшей сестре, я даже не подозревала, что это окажется правдой. Забота Тереза была далека от неусыпного контроля Винсента, но она постоянно была рядом и все время готова была бросить все и вся, если мне что-то понадобится.

— Лавиния, о чем ты задумалась? — голос Софи выдернул меня из собственных мыслей.

— Ни о чем, — отозвалась я. — Просто задумалась.

— Об этом «ни о чем» ты уже минут десять думаешь с самым сосредоточенным видом, — темные глаза лукаво блеснули.

— Софи, — Анри пристально на нее посмотрел.

Временами мне казалось, что этот мужчина с каждым годом становится все более привлекательным и мужественным. Золото волос по-прежнему не трогало серебро седины, а возраст отмечался разве что морщинками в уголках ореховых глаз. Цвет волос сыновья унаследовали от него, равно как и черты лица, а вот цвет глаз и характерный взгляд Биго

взяли от матери. Дочь Терезы и Анри была приемной. Нонаэрянка по происхождению, далекая от условностей нашего мира, и, хотя этикет Софи знала отлично, бесцеремонностью с ней могла поспорить только воспитавшая Анри семейная пара.

— Что, пап? — поинтересовалась она. — Я бы очень хотела пообщаться с Лавинией, мне послезавтра опять уезжать.

Софи много путешествовала, и, если верить ее словам, собиралась объездить весь мир. Возможно, сказывался кочевой образ жизни ее народа, а может быть, она просто не могла усидеть на месте, но как бы там ни было, ни Тереза, ни Анри против этого не возражали. Они вообще были очень прогрессивными родителями.

Справедливости ради, Софи была права, и больше за ужином я в собственные мысли не отлучалась. Равно как и за завтраком.

Следующее утро выдалось неожиданно холодным и пасмурным, поэтому мне пришлось остаться дома. Анри уехал в Комитет, Тереза была занята в кабинете (она вела несколько детских домов Ольвижа), а близнецы до следующих выходных отбыли в школу, поэтому я спустилась в библиотеку. Вэлейский в Энгерии мы учили в обязательном порядке, поэтому взгляд скользил по понятным названиям корешков и запнулся о название «Легенды об элленари».

Книга была старинная, но выделяло ее не только это. Она была на энгерийском, а значит, в библиотеку мужа ее привезла Тереза.

Не совсем понимая, зачем, я вытащила тяжелый фолиант, повернулась к окну и раскрыла на первой попавшейся странице. В этой книге были картинки, поэтому знакомые сюжеты оживали в рисунках самых разных художников. Например, на одной был изображен бал, если так можно выразиться. В нем элленари предавались удовольствиям прямо на столах с кушаньями в то время, как другие кружились в сумасшедших танцах.

«В Аурихэйме не принято сдерживать свои желания», — гласил комментарий к картинке.

На другой была изображена зверская охота, где псы с огромными клыками в двойной пасти рвали на части странное дикое существо, отдаленно похожее на большую кошку.

Нет, Эльгер определенно ошибся.

Я бы в таком мире на второй день сошла с ума.

— Любишь легенды? — голос Софи раздался так неожиданно, что я чуть не выронила книгу.

— Любишь подкрадываться? — я захлопнула «Легенды» и резко обернулась.

Пожалуй, слишком резко, потому что у меня закружилась голова.

— Умею, — Софи ничуть не смутилась. — Наш народ издревле славился умением охотиться.

— Ну замечательно, — я улыбнулась. — Теперь я еще и дичь.

Софи рассмеялась. Делала она это беспардонно громко, но настолько заразительно, что мне самой захотелось так же.

— Элленари — вовсе не легенды, — сказала она. — Нонаэряне это знали. Но мой народ все считают чудиками и ворами, поэтому вряд ли кто-то воспринимает наши верования всерьез.

— Я не верю в элленари, — сказала я, — исключительно потому, что если бы они существовали, наверняка с ними кто-то да встретился бы. И уж наверняка не стал бы об этом молчать.

— Плохо же ты читала легенды. — Софи отняла у меня книгу, полистала и, открыв на какой-то странице, вернула мне: — Элленари умеют забирать память. Их чары — самые сильные, противиться им невозможно. Ни одно сильнейшее заклятие нашего мира не сравнится по силе с тем, что было наложено в Аурихэйме.

Она говорила это настолько серьезно, что я перестала улыбаться. А потом и вовсе опустила взгляд в раскрытую книгу. С одной стороны, мне хотелось отругать эту девчонку за то, что шутит такими вещами, а с другой...

«Печать забвения» способна отнять память или ее часть по желанию того, кто ее использует. В нашем мире аналогов этому заклинанию нет, преодолеть чары элленари невозможно...»

Нет, я всерьез это читаю?!

— Спасибо, что просветила, Софи, — сухо сказала я. Гораздо более сухо, чем когда-либо. — Но для меня это по-прежнему сказки.

Она пожала плечами, снова совершенно не смутившись.

Я же вернула «Легенды» на место и вышла из библиотеки. По-хорошему, нужно было подняться к себе, но я почему-то направилась к Терезе. Постучала и вошла в кабинет, где сестра за столом изучала расчетные книги. Увидев меня, подняла голову:

— Совсем заскучала? Я уже почти закончила.

— Я сейчас говорила с Софи...

Тереза нахмурилась:

— Она тебе надерзила? Лави, она не со зла. У нее просто немного другой взгляд на мир, и...

— Нет, — я покачала головой. — Нет, она мне не дерзила, Тереза. Я просто хотела спросить...

Сестра внимательно посмотрела на меня.

— Ты сможешь устроить мне встречу с Эльгером?

Дом Эльгера располагался в двух кварталах от дома Терезы и Анри. Красивый особняк с узорами балконных решеток, которые были почти полностью скрыты под цветами. Ничего удивительного: жена Эльгера, Шарлотта, тоже обладала магией жизни. Эта улица была куда более оживленной, чем та, где жили сестра с мужем. Украшенная витринами кафе, пекарен и магазинов, красочными афишами, сувенирными лавочками, цветущая — и я отметила, что за все время ни разу сюда не доходила, хотя обошла уже практически весь центр Ольвижа.

В холле меня встречал дворецкий, судя по смуглой коже, разрезу глаз и одежде — свободной, не имеющей никакого отношения к привычной глазу, иньфаец. Он поприветствовал меня, забрал шляпку, перчатки и накидку, а после предложил пройти в кабинет к Эльгеру. Этот дом был отмечен теплом и светом, я чувствовала его всем своим существом. Здесь повсюду была любовь (магия жизни особенно отзывается на нее), и сейчас меня еще ярче накрыло ощущением чего-то безвозвратно утраченного. Увы, в моей жизни с любовью не задалось.

Обо всем этом я думала, пока шла вслед за беззвучно ступающим иньфайцем по коридору, но стоило мне оказаться за дверями кабинета, как все мысли вылетели из головы. Обстановка здесь была совершенно иная, и не тяжелая, нет... но на несколько тонов холоднее.

— Итак, вы решили со мной поговорить, — произнес Эльгер, указывая на кресло. — С чего вдруг?

— Мне нужно закрыть тему Аурихэйма, — сказала я, делая вид, что не заметила откровенной бесцеремонности. — Потому что я не верю во все эти сказки.

— Не верите в то, что вы там были, или не верите в то, что вы там не были?

Я уже почти села, но тут же стремительно поднялась:

— По какому праву вы говорите со мной в таком тоне?

— У меня нет желания тратить время на то, во что вы даже не верите, — сообщил он. — Поэтому определяйтесь, леди Лавиния. Хотите вы знать, что с вами произошло, или же не хотите?

— Вы не можете знать, что со мной произошло!

— Нет, но я могу рассказать о том, что мне показали вы. Если вы готовы меня слушать. Если у вас просто праздное любопытство, как у вашего брата — увольте.

Несколько минут мы смотрели друг на друга, и пауза грозила затянуться до бесконечности,

потом я все-таки вздохнула и села.

— Разумеется, я хочу все знать. Но я не уверена, что сон — это то, чему можно верить...

Эльгер опустился в кресло напротив меня и сцепил пальцы на столе.

— Сон — удивительно искреннее состояние, леди Лавиния. Вы даже не поверите, сколько всего интересного он обнажает. Того, что вы никогда никому не расскажете наяву.

Я почему-то слегка покраснела, хотя ничего такого в моих снах замечено не было.

— Вы показали мне двух мужчин, — произнес он. — И даже назвали одно имя. Золтер.

По спине потянуло холодом. Я оглянулась, чтобы убедиться, что иньфаец плотно прикрыл дверь, но никакого сквозняка не было. Шторы застыли неподвижно, из чего я сделала вывод, что окно плотно прикрыто, а холод — исключительно внутренний.

— Что-то почувствовали? — спросил Эльгер.

— Ничего, — отмахнулась я. — Продолжайте.

— Продолжать имеет смысл исключительно во сне. Если на вас чары элленари, вы ничего не вспомните, даже если я нарисую вам два портрета.

— Во... сне?

— Во сне, — подтвердил Эльгер и откинулся на спинку кресла.

В ту же минуту открылась дверь и вошел иньфаец с подносом. Неслышно ступая, приблизился к столу. Два дымящихся чайника и две чашки перекочевали на необычные древесные подстилки, после чего мужчина так же бесшумно удалился.

— То есть вы предлагаете мне сегодня ночью заснуть, и...

— Нет, я предлагаю вам заснуть сейчас. Один из этих настоев в сочетании с зельем, — Эльгер открыл верхний ящик стола и достал склянку, в которой переливалась прозрачная жидкость с изумрудными искрами, — мягко погрузит вас в сон, после чего мы с вами продолжим. Во сне ваше сознание освободится, и я постараюсь вскрыть чары, чтобы вытянуть ваши воспоминания на поверхность. Утверждать, что у меня получится, я не могу, но попробовать все-таки стоит.

— Вы предлагаете мне спать в вашем кабинете?!

— Это не самое страшное место, где можно спать.

— Я леди!

— А я женат. И мне нет совершенно никакого дела до того, что вы леди. Хотите вы, чтобы я вам помог, или нет?

Эльгер поставил склянку с зельем на стол и снова откинулся на спинку кресла, предоставив мне выбирать. Разумная часть меня подсказывала, что надо просто подняться, выйти и оставить этого безумца с его идеями в прошлом, но... но я знала Шарлотту, я познакомилась с ней незадолго до того, как случился весь этот кошмар с Аддингтоном, и она показалась мне чудесной девушкой. Не просто показалась, судя по облику этого дома, она одна из самых светлых людей, которых мне довелось знать. Не может она быть супругой того, кто... кто — что? К своему стыду я испытывала по поводу Эльгера не меньше предрассудков, чем мой брат. Если не сказать больше. Я даже отказалась от сопровождения Терезы, чтобы с ними справиться, но и сама Тереза сказала, что ему доверяет.

Больше того, даже если бы она такого не сказала, ее поступок — когда она отпустила меня одну — сказал об этом за нее.

— Хорошо, — ответила я и взяла склянку. — Мне просто добавить зелье в чай?

— Сначала пьете зелье, — Эльгер подался вперед и налил мне в чашку, как выяснилось, не чай, а густой травяной настоей, от которого тут же повалил пар. — А после — настоей. Только потихоньку. Не обожгитесь.

Я все еще до конца не верила в то, что из этой затеи что-то получится, но отступить не

хотелось. Во-первых, я шла сюда, чтобы раз и навсегда оставить прошлое в прошлом, а во-вторых, ничего не делать можно было бы и в Мортенхэйме под присмотром Винсента.

Вытащив пробочку, я подавила желание зажмуриться и поднесла склянку к губам.

По вкусу зелье оказалось похожим на сладкий сливочный соус, а вот настой был горьким и настолько травяным, что у меня на глаза навернулись слезы. Не от того, что я обожглась, нет, от ароматов, которые ударили в сознание.

— Это надо выпить до дна? — хотела спросить я, но поняла, что Эльгера уже передо мной нет.

Кабинет исчез, чашки в моей руке тоже не было.

Каким-то образом я... очутилась в лесу.

Первое, что бросилось в глаза — увитая цветами арка, сияние солнца делало вплетенные в корни деревьев одевающие ее вьюны еще более изумрудными. Странное чувство: мне казалось, что я уже здесь была, но когда?

Нахмурившись, подошла ближе.

Нет, это место определенно знакомое, вот только я не могла припомнить, разве в лесах при Мортенхэйме есть такое удивительное создание природы? Могучие корни взметнулись ввысь и сплелись вместе, по ним взобралась виноградная лоза и вьюнки. Цветы росли сами по себе, самые разные, всех цветов и размеров. Такого не бывает ни в горах, ни даже в лесах — есть определенные места, которые цветы выбирают, но чтобы вот так, все вместе... здесь определенно не обошлось без магии!

Вот только какой? Несмотря на яркий солнечный свет, я почему-то мерзла.

Окружающая меня зелень была по-летнему яркой и сочной, но источала ледяной холод. Понять, с чем это связано, я не могла, поэтому приблизилась и коснулась корня. И тут же отпрянула, словно обожглась: в ладонь ударило стылым безжизненным мраком.

— Помоги, — в ту же минуту раздался едва различимый голос.

Я не заорала исключительно потому, что во мне на это не нашлось сил, а в следующий миг прямо сквозь арку ко мне скользнула белесая тень. Золото волос казалось погасшим, призрачное лицо — искажено мукой.

— Вы... вы кто?! — сдавленно прошептала я.

— Эртея, — тихий голос отозвался внутри ощущением чего-то безвозвратно утраченного. — Мы с тобой знакомы, Лавиния. Просто ты не помнишь...

Не помнишь.

Осознание этого отбросило меня назад, в кабинет Эльгера, а следом — к чашке в моей руке. Вероятно, снотворное подействовало мгновенно, но тогда... тогда все происходящее — это то, что нужно мне для воспоминаний?

— Эртея, — повторила я, шагая к призраку. — Кто вы такая?

— Я — это она, — легкое скольжение назад, под арку. — После того, как Льер отправил тебя домой, в Аурихэйме многое произошло. Я пыталась до тебя достучаться через сон, но печать забвения была слишком сильна, и только сила твоего проводника сделала это возможным.

— Вы... из Аурихэйма?

Ну вот и как, спрашивается, мне верить тому, что я вижу во сне? Откуда я знаю, что Эльгер таким образом не развлекается и не подсовывает мне картинки с помощью магии гааркирт?

— Слушай свои чувства. — Эртея вновь скользнула ко мне. — Слушай свои чувства, а я покажу...

Она метнулась ко мне так быстро, что я не успела отпрянуть.

Миг — и легкое скольжение пальцев по щеке заставило вздрогнуть. Я смотрела в глаза, темно-синие, как ночное небо, и сердце заходило от нежности. Имя — забытое, и в то же время родное, сорвалось с губ:

— Льер...

И картины воспоминаний обрушились на меня одна за другой. Танец на балу, и переход в Аурихэйм. Знакомство с Золтером, наказание, несостоявшийся ритуал у Арки. Все, что произошло после, и первый миг пробуждения — ужасного, осознания, что я по-прежнему под его властью. Правда о том, что в облике Золтера Льер, радость и боль, отчаяние и нежность. Чувства вспыхивали во мне, раскрашивая каждое воспоминание как кисть художника оживляет набросок.

Касающиеся моих волос губы и возвышающаяся над нами Арка, ощущение безграничной любви и счастья, рука в руке. Возвращение Золтера, пробуждение силы элленари, помощь Лизеи и Ронгхэйрда, предательство Амалии, поединок на балу, бегство Ирэи, путешествие по Аурихэйму, боль Двора Жизни, изуродованного Пустотой, последние слова Льера: «Я так тебя люблю, что не смогу себя простить, если с тобой что-то случится», и... темнота.

Я всхлипнула, отшатнулась, но вместо солнечного леса увидела выжженную пустотой землю. Цветы посерели, вьюнок на Арке засох, единственное, что по-прежнему источало жизнь — корни, но и они держались с трудом.

— Я не сумела сразу разгадать его замысел, — прошептала Эртея. — Не сумела, а теперь уже поздно.

Задохнувшись от ужаса, я смотрела на представившуюся мне картину. Золтер исполнил свою угрозу: он ее уничтожил. Но если это сделал Золтер, тогда Льер...

— Льер пока жив, — сейчас, в окружающей ее тьме, Эртея казалась еще более бесплотной. — И я тоже. На мне держится жизнь Аурихэйма, Золтеру не удалось вытравить ее до конца. Но когда он придет за тобой... когда он завершит ритуал, равных ему по силе в этом мире уже не останется. Он сможет воссоздать свое тело, и Льер станет ему не нужен. Он держит его сознание только ради того, чтобы суметь управлять тобой, когда ты ему понадобишься. Опереди его, Лавиния. Спаси нас... спаси Аурихэйм.

Эртея шагнула назад, а я судорожно вздохнула, и... открыла глаза. Стоявший рядом со мной Эльгер держал у моего лица склянку.

— Пробуждающее зелье, — произнес он. — На мой взгляд, вы увидели достаточно.

Я резко вскочила.

— Вы... это все вы сделали?!

— Захватил Аурихэйм и разнес место силы? — поинтересовался он. — Заманчиво, но у меня другие приоритеты.

— Это... — я задыхалась, пытаюсь справиться с охватившими меня чувствами. — Это все правда? Я думала, это был способ извлечь мои воспоминания...

— Мои способы сомнительны, но я к вашим воспоминаниям даже не приблизился. Она выдавила меня из управления сном раньше, чем я успел что-то понять. И, как ни позорно это признавать, я был всего лишь наблюдателем. Наблюдал вместе с вами.

Всевидящий! Она... Изначальная!

Значит, это все правда. Золтер вернулся. Льер снова в его власти.

Арка почти мертва...

То, что я увидела, было ужасно, но еще ужаснее было осознавать, что я ничего не помнила, что все воспоминания, скрытые под печатью, таковыми и остались бы, не случись мне довериться Эльгеру.

— Я должна вернуться! — выдохнула я.

Должна, но как мне создать портал?! Как найти путь в Аурихэйм?

— Сядьте, — жестко произнес Эльгер. — Вернись в кресло, Лавиния.

Он не повысил голос, но нотки приказа и фривольное обращение заставили меня подчиниться. Они, и еще, возможно, осознание прозвучавшей в ней силы... и знания. Эльгер и впрямь

выглядел задумчивым, словно случившееся навело его на какие-то определенные мысли, и он решал, стоит ли ими со мной делиться.

— Из того, что я успел увидеть, — произнес он. — Вы — сильная элленари жизни, и вы нужны Золтеру, чтобы окончательно размазать всех по ладони и стать единоличной властью всех миров. Возвращаться — не самое лучшее решение...

— Я все равно вернусь! — я снова взвилась из кресла. — Я не оставлю Льера...

— Женщины, — процедил Эльгер. — Позвольте вы мне договорить, или нет? Возвращаться — не самое лучшее решение, пока вы не знаете, как вытравить этого Золтера окончательно.

— Я не могу просто сидеть сложа руки!

— Не сидите, — сказал Эльгер. — Всевидящий, Лавиния, я вам помогу, подниму все знания, которые в моем распоряжении...

— Помогите мне вернуться в Аурихэйм, — прошептала я.

— Что?

— Помогите вернуться в Аурихэйм. Помогите построить портал... я не знаю, как это делается. В нашем мире сила элленари слабеет, я слабею с каждым днем. Помните, когда я вернулась — я сразу же создала портал? В Аурихэйме такое происходило постоянно, здесь больше ни разу не повторялось! Мне нельзя оставаться здесь надолго, если я хочу помочь Льеру и другим элленари...

— А себе вы помочь не хотите?! — резко спросил он. — Вы хотите идти против практически всемогущего элленари, даже не представляя, как с ним можно справиться.

— Он все равно придет за мной. Так или иначе, — я прижала руки к груди. — И когда он придет, он убьет всех, кто мне дорог. Винсента, Луизу, Терезу...

Лицо Эльгера исказилось, словно по нему прошла судорога.

— Вы не представляете, на что он способен. Я должна вернуться к нему сама и я должна запечатать Аурихэйм. Вы лишитесь магии, станете обычными людьми, но вы будете жить...

Пощечина оказалась неожиданной.

И отрезвляющей.

Я задохнулась, собираясь было высказать Эльгеру все, что о нем думаю, но он вскинул руку:

— У вас истерика, Лавиния, и это был единственный способ привести вас в чувство. Далее. Я не собираюсь помогать вам совершить самоубийство...

— Вы не пони...

— Но я собираюсь помочь вам изучить этот феномен и сделаю все от меня зависящее, чтобы ваша семья не пострадала. У меня в детстве был один очень занятный опыт. Мой отец решил, что моя магия недостаточно сильна, и вытравил ее, чтобы заместить магией искажений. Долгие годы я думал, что моя внутренняя тьма — порождение этого эксперимента, но сейчас понимаю, что с наибольшей вероятностью, у нее природа Пустоты.

— Что? — тихо спросила я, не веря своим ушам.

— Природа пустоты, — Эльгер посмотрел мне в глаза. — Когда отец выжигал магию, чтобы заполнить меня магией искажений, из подпространства пришла Пустота. Отрезанная от источника, она с каждым годом становилась все слабее. Понемногу, при должных усилиях с моей стороны, и этот процесс ускорился, когда рядом оказалась Шарлотта. Ее магия жизни сделала возможным то, на что я уже не надеялся. Она помогла мне справиться с проявлением множества темных сторон, но прежде чем мы проделаем это с вашим Льером, мне нужно восстановить записи эксперимента отца. Теперь вы понимаете, о чем я говорю? Дайте мне время.

— У них этого времени нет.

— Я не сказал, что мне потребуется месяц, — жестко произнес он. — Мне потребуется доступ

к архивам отца, которые сейчас находятся в ведении Комитета. Им управляет мой брат, поэтому я поеду туда сейчас же.

— И я...

— А вы поедете домой. Успокойтесь. И все расскажете Терезе, — подвел черту Эльгер. — Обещайте, что не станете делать глупости, Лавиния. Сейчас они могут слишком дорого нам обойтись. Не только нам, но и двум мирам. Если повезет — двум.

Он на мгновение замолчал, а после продолжил:

— Лучше сделаем так. Я вас отвезу, а вечером мы с Анри...

— Позвольте мне остаться здесь.

— Здесь?

— Да, я посижу здесь до вашего возвращения. Домашняя обстановка мне сейчас не пойдет на пользу, — с губ сорвался смешок. — Если вы понимаете, о чем я. Боюсь, что моя истерика превратится в затяжную, после чего мне уже будет прямой путь не в Аурихэйм, а в лечебницу. В вашем доме я буду держать себя в руках, и...

Эльгер покачал головой.

Подхватив юбки, резко развернулась к двери, но он перехватил меня за локоть.

— Мой кабинет — не лучшее место для вас в таком состоянии. В моем доме гораздо больше светлых комнат, — неожиданно для меня его лицо преобразилось, теряя хищность, даже глаза потеплели. — Что вы скажете о возобновлении знакомства с Шарлоттой?

Шарлотта была очаровательна. Я помнила ее еще по знакомству полтора года назад, когда мы впервые столкнулись в парке неподалеку от городского дома Винсента. Чудесная, светлая девушка, чью суть я не распознала сразу, потому что тогда была погружена в свои переживания по поводу Майкла, сейчас расцвела и превратилась в прекрасную молодую женщину. Ее магия жизни ощущалась мягким теплом, от которого на сердце становилось легко. Я так привыкла к тому, что моя сила помогает другим, что сейчас чувствовала себя странно.

Потому что она, кажется, делала это неосознанно.

Просто дарила свой свет, как его дарит солнце.

— Я очень рада, что вы к нам заглянули. — Шарлотта перехватила руку малыша, пытавшегося схватить ее за рыжий локон и поднесла к губам крохотные пальчики. Этот жест почему-то сказал мне гораздо больше, чем любые слова, которые мать может подарить своему ребенку.

— Эрик говорил, что вы были в Аурихэйме?

Я приподняла брови.

— Если вам неприятно об этом говорить, я прошу прощения, — она посмотрела мне в глаза.

— Нет, дело не в этом, просто...

Я смотрела на малыша и думала о том, что пришлось пережить Льеру. О том, что мне сложно усидеть на месте, даже несмотря на все попытки сосредоточиться на разговоре. Все мои мысли были там, рядом с ним. С мужчиной, который рискнул всем, чтобы защитить меня.

— Просто мой любимый остался там, и он... — я поняла, что из этого все равно ничего не выйдет.

Откровенность — не мой конек, и пусть Шарлотта была одной из немногих, рядом с кем я чувствовала бы себя спокойнее, но спокойствие после увиденного окончательно меня оставило. Что, если Анри откажется выдать Эрику архивы отца?

Я услышала легкий мелодичный звон: Шарлотта коснулась артефакта.

Спустя мгновение в комнату впорхнула девушка.

— Катрин, забери Рауля, пожалуйста, — попросила она. — Если начнет капризничать, веди купаться. Он любит купаться.

Последнее Шарлотта сказала уже мне, когда Катрин с ребенком вышла.

— Магия его отца связана с туманами и водой. Была связана.

В эту минуту я вспомнила о том, что отец Эрика выжиг из него магию.

— В Аурихэйме нет магии жизни, — сказала я. — Ее уничтожили... уничтожил элленари, стремящийся к мировому господству. Всех, кто ей обладал. Всех, кто стоял на его пути...

Всевидящий, что я несу! Не хватало еще напугать эту женщину до полусмерти.

Шарлотта подхватила чашку, стоявшую на столике перед нами, и вручила мне.

— Мой отец тоже был магом жизни, — сказала она. — Он умер, чтобы я могла жить. Сына мы назвали в его честь.

Она улыбнулась, но в этой улыбке было столько светлой грусти, что мне стало не по себе. Когда жена Эрика пригубила свой чай, я невольно последовала ее примеру и только после этого выдохнула:

— Мне так жаль.

— Он был очень сильным, — сказала она. — И очень любил маму, но он был готов на все, чтобы меня спасти.

Совсем как Льер.

Я поняла, что еще немного — и мне не поможет никакая магия жизни, поэтому решительно сделала еще один глоток и оставила чашку. Нужно переключиться, сосредоточиться на чем-то другом, нужно думать о чем угодно, только не о том, что каждая минута тянется словно вечность.

— Льер заставил меня забыть все, — сказала я. — Чтобы я спокойно жила здесь, чтобы он... тот, кто уничтожил всех магов жизни, не смог до меня добраться.

Шарлотта коснулась моей руки:

— Эрик уничтожил Аддингтона, рискуя жизнью, чтобы меня спасти. Он запечатал его в себе, а после пропустил через себя Смерть.

Льер сделал то же самое, но это не помогло.

Почему это не помогло?!

— Аддингтон был агольдэром, верно? — я пристально посмотрела на Шарлотту. — Он — порождение Смерти, и Смерть его уничтожила.

Шарлотта кивнула.

— Ваш муж сказал, что его отец выжиг из него магию, и долгие годы он считал, что его тьма имеет отношение к... Погодите, вы сказали, что у Эрика от рождения была магия? И у вашего отца тоже?

Шарлотта снова кивнула, но судя по выражению лица, она совершенно не понимала, к чему я веду. Я же пыталась из осколков мозаики сложить то, что узнала в Аурихэйме и в своем мире. Льер говорил, что в нашем мире магия цеплялась чаще за женщин, а мужчинам передавалась в виде остаточных сил, зачастую достаточно мощных, чтобы воспроизвести заклинания. Так было с Винсентом, со многими сильными магами, да и с моим отцом тоже — он использовал заклинания армалов, но никогда не заявлял о своей стихии или некромагии, или... магии жизни?!

— Лавиния, вы что-то хотели спросить? — Шарлотта внимательно на меня посмотрела.

— Я бы хотела кое-что записать. Если можно.

Она снова коснулась артефакта, и спустя пару минут у меня уже была бумага, чернильница с пером и дощечка для писем. Особо не заморачиваясь о столь долго вбиваемом в меня этикете и сидящей рядом жене Эльгера, я написала:

Мой отец. Уильям Биго де Мортен. Элленари. Магия —?

Мой мать. Наследница Роберта Дюхайма. Элленари. Магия смерти. Нераскрытая.

Если верить тому, что элленари не женились на людях даже в нашем мире, тогда... тогда все получается крайне занятно. Моя мать — чистокровная элленари, вышла замуж за моего отца, чистокровного элленари. Они оба знали историю Аурихэйма, но по какой-то причине не говорили об этом вслух. Больше того, мой отец скрывал свое происхождение, и вместо того, чтобы развивать свою магию, делал вид, что он просто сильный наследник древнего рода.

«Он скрывался все это время, потому что не хотел, чтобы обо мне узнали», — написала я. И добавила: «Раньше времени».

У отца Шарлотты была магия жизни.

Возможно ли, что у моего отца тоже?..

Получается, оба они пришли из Аурихэйма. Получается...

— У вашей матери была какая-то магия? — поинтересовалась я.

— Магия? Нет, — Шарлотта покачала головой. — У нее были весьма слабые способности, которые еще в детстве сошли на нет.

Хм.

— Кажется, я окончательно запуталась, — пробормотала я.

Но то, что отец Шарлотты из Аурихэйма — это точно. Равно как и то, что мой тоже. Откуда я взялась такая, с магией жизни, если в моем роду ее не было? И если принять, как данность, что я права, получается, что магия жизни начала возрождаться в Аурихэйме, только в мужчинах. Начала возрождаться, несмотря на наличие Пустоты, и...

Или из Пустоты?

Перед глазами возникла картина, мимо которой я столько раз проходила: клубящаяся чернота, рождающая искры магии Смерти, стихии, антимагию и Жизнь.

Если Пустоту нельзя уничтожить Пустотой, возможно, это можно сделать собрав воедино все четыре первоисточника?

На осознании этого я так разволновалась, что посадила огромную кляксу на листок бумаги, и только тут вспомнила про Шарлотту.

— Нашли то, что искали? — улыбнулась она.

— Почти. Теперь остается только ждать вашего мужа.

Время то растягивалось, то летело. До обеда я успела рассказать Шарлотте всю настоящую историю Аурихэйма, которая прилично отличалась от легенд, а после она рассказывала мне о том, как делала декорации к спектаклю, который был о похищенной элленари обычной девушке.

Сейчас я понимала, что это может оказаться как правдой, так и вымыслом: поскольку элленари не особо заморачивались принципами, они могли забрать любую понравившуюся девушку в качестве забавы, не особо заботясь о том, что мир с ней сделает.

Чуть позже мы вдвоем играли с Раулем, я написала Терезе, чтобы она не волновалась, хотя сама сидела как на иголках. Мое волнение передалось и Шарлотте, теперь уже и она все чаще поглядывала на часы, поэтому когда хлопнула дверь, мы, не сговариваясь, бросились вниз.

— Как поживает моя девочка? — поинтересовался Эльгер, ничуть не стесняясь меня, чем вызвал на щеках Шарлотты румянец.

Он мягко привлек ее к себе и коснулся губами губ, после чего скользнул пальцами по непокорным вихрам Рауля, которые были огненно-рыжими, как у матери.

— Эрик, — смущенно пробормотала она, отстраняясь. — Думаю, Лавиния очень ждет твоего ответа.

Он коротко взглянул на меня, вновь перевел взгляд на жену, словно не хотел с ней расставаться.

— Пойдемте, Лавиния, — кивнул мне.

Я обратила внимание, что у него в руках нет ни бумаг, ни папки. Может быть, он уже отдал их своему дворецкому, чтобы тот сразу отнес к нему в кабинет?

По коридорам он шел быстро, я едва за ним поспевала, но жаловаться не собиралась точно. Была бы возможность, еще бы и обогнала, и втащила за дверь, чтобы как можно быстрее все узнать.

— Прошу, — Эльгер пропустил меня вперед и вошел следом.

После чего указал на кресло.

— Всевидящий, давайте обойдемся без церемоний, — выдохнула я. — Вы нашли то, что искали?

Эльгер пристально посмотрел на меня и покачал головой.

— Нет. Анри выделил мне помощников из архивного ведомства, но в найденных записях нет ничего о том, что отец сделал со мной.

— Нет? Как — нет? Разве вы не говорили, что они должны быть, что...

— Именно этих нет, — подчеркнул Эльгер. — Видимо, он их уничтожил.

Уничтожил.

Это слово надавило мне на плечи, заставляя все-таки опуститься в кресло.

Уничтожил.

Значит, у меня нет никаких идей, как навсегда отправить Золтера туда, куда он так стремится — в Пустоту и забвение. Или... все-таки есть?

— Когда твой, — я посмотрела на Эльгера и поправилась, — когда ваш отец выжигал из вас магию, он использовал Пустоту, потому что только она могла забрать то, основой чего является.

Мужчина нахмурился:

— То есть Пустота — это тоже магия?

— Это — объединенная магия, вся, что существует в нашем мире, и антимагия в том числе. Она настолько сильна, что не оставляет после себя ничего, — поспешно произнесла я. — В ней мощь стихий, жизни и смерти, мощь силы хэандаме. Всевидящий! Да даже ее проявление — выжженная черная пустошь — так похожа на то, что после себя оставляет Смерть.

— Вы хотите сказать, что...

— Чтобы уничтожить Золтера, нужны все четыре силы! — воскликнула я. — Точнее, стихия, жизнь, смерть — магия, и четвертая — антимагия. Это для нее то же самое, как для агольдэра — мощь магии смерти. То, от чего она берет свое начало...

— Интересная гипотеза, — задумчиво произнес Эльгер. — К сожалению, всего лишь гипотеза, которую у нас нет возможности проверить.

— У меня есть! — я снова вскочила. — Если вы поможете мне вернуться в Аурихэйм.

— Нет.

— Нет?!

— Нет, — он покачал головой. — Это исключено. Хотите, чтобы я отправил вас на верную смерть?

— Ну так верная смерть все равно меня ждет, — хмыкнула я, обхватив себя руками. — Сегодня, завтра или когда Золтеру вздумается. Рано или поздно. Или вы думаете, что способны меня защитить? Подумайте о том, что будет с Шарлоттой и вашим сыном.

Вот теперь взгляд Эльгера стал хищным.

— Не смейте, — произнес он на первый взгляд спокойно и в то же время неестественно жутко, — приплетать сюда Шарлотту и Рауля.

— А я и не приплетаю. Я говорю о том, что ждет все наши миры, если Золтер доберется до истинной мощи Пустоты. Если он соединит в себе стихии, Смерть, Жизнь и антимагию. Ему даже собственный мир кажется ничего не значащей жертвой, не говоря уже о мире смертных. То есть о нашем, — я тут же поправилась, и, несмотря на то, что лицо Эльгера оставалось жутким, шагнула к нему. — Вы сами любите, — прошептала. — Я видела, как вы на нее смотрели. Неужели вы не понимаете, что я должна быть там? Рядом с ним...

— Золтеру не нужен наш мир, — сказал Эльгер. — Ему нужны вы.

— Вот именно. Отдайте меня ему, — я смотрела ему в глаза.

— Вы сумасшедшая.

— Вас тоже так называли, — хмыкнула я. — Но я, по крайней мере, попытаюсь исправить то, что он сотворил. Попытаюсь его остановить. Без меня они не справятся. Им нужна Жизнь.

Эльгер на миг прикрыл глаза и коснулся виска.

— То есть я правильно понимаю, что вы сейчас предлагаете мне разрушить хрупкий мир

между мной и Терезой, который установился не так давно? И позволить вашему брату увериться в том, что меня проще было прибить во младенчестве?

Я улыбнулась.

— Тереза поймет. Она сама пошла к вашему отцу за Анри без малейших, казалось бы, шансов. А Винсент... ему рано или поздно придется признать, что он был неправ.

Эльгер невыносимо долго смотрел на меня, и я сцепила руки за спиной. Мне казалось, что это промедление тянулось целый час, а может быть, даже больше, потом он, наконец, произнес:

— Хорошо. Я вам помогу.

Поблагодарить я не успела.

— Но вы должны будете мне кое-что обещать.

— Все, что угодно.

— Все, что угодно — не слишком ли опрометчиво? — Эльгер приподнял бровь. — Для той, кто столько времени провел рядом с элленари? Мне нужно, чтобы вы поклялись, что если ваша гипотеза не подтвердится, вы вернетесь обратно.

— Она подтвердится.

— Лавиния.

— Ладно, — отмахнулась я. — Ладно. Я обещаю.

— Клятва на крови.

— Что?!

— Клятва на крови, или я не стану вам помогать.

Я хотела было сказать, что он уже окончательно зарвался, но если быть до конца честной, передо мной был герцог де ла Мер. Так что еще непонятно, кто тут окончательно зарвался.

— Хорошо, — сказала я.

Все эти проволочки, включая клятву, показались мне просто бесконечными, поэтому когда они закончились, вздохнула с облегчением. Эльгер шагнул ко мне, и прямо над столом в центре его кабинета закрутились изумрудные, открывающие портал искры, по спине пробежал легкий холодок.

— Это всего лишь магия искажений, за которую вам сейчас нужно уцепиться. Для примера, — сказал он. — В Аурихэйм я вас, разумеется, не проведу, это можете сделать только вы сама. Смотрите плетение.

Я наблюдала за движениями его пальцев: за тем, как крохотный разрыв в пространстве смыкается до едва различимой точки. Сейчас, когда плетение подчинялось его магии, я могла попробовать воспроизвести нечто подобное — но пространство, подхваченное моей магией, лишь слегка дрогнуло.

Еще раз.

Снова и снова.

— Не торопитесь, — произнес Эльгер. — Наблюдайте за потоками и отчетливо представляйте место, куда хотите попасть.

— К хэандаме, — сказала я. — В Золотой Двор.

Почему-то мне казалось, что переговоры с ними займут гораздо больше времени, чем с теми же стихийниками. Когда мы с Льером общались с кузнецами, они показались мне гораздо более приятными, чем «золотые» брат и сестра на балу Золтера.

Я представила себе пески, окружающие их двор, представила Льера, с которым мы стояли рядом на одном из барханов. Сердце ужалило болью, и в это мгновение пространство, подчиняясь мне, разошлось. Волна магии ударила в меня знакомым пьянящим чувством,

подхватывая увлекая за собой.

— Невероятно, — произнес Эльгер. Глаза его сверкали, ворвавшийся из пустыни жаркий воздух растрепал наши волосы. — Вы это действительно сделали. Лавиния...

Он попытался удержать меня за руку, но я уже шагнула в Аурихэйм.

Портал за моей спиной сомкнулся, и я погрузилась в знакомый зной. Этот зной — сухой, изнуряющий, пропитанный мощью антимагии, вонзился в кожу. Здесь воплощение сил хэандаме обжигало гораздо сильнее солнца: с каждым шагом, как маг, я становилась все слабее. Льер рассказывал, что ни один портал невозможно открыть в чертоги Золотого двора, и что любые попытки открыть его в непосредственной близости очень плохо заканчивались.

Разумеется, чтобы выжечь из меня силу, элленари пришлось бы обрушить на меня золотую мглу, но даже так, когда антимагия просто была повсюду, меня бросало то в жар, то в холод. Губы мгновенно пересохли, словно я шла по пустыне не несколько минут, а несколько дней, магия во мне билась, инстинкты кричали о том, чтобы я повернула назад, но я продолжала идти.

Уже стали видны ворота и ведущая к ним дорожка, золотой змеей вьющаяся между песков.

Миг, когда я ступила на нее, сделал меня беспомощнее котенка: магию я больше не чувствовала. Она оставила меня окончательно, поэтому от стражей у ворот я едва не шарахнулась. Двое мужчин светились золотом, как статуэтки под солнечным светом, вот только я прекрасно представляла, что если солнечный свет дарит жизнь, этот ее отнимает. По крайней мере, у магов — в нашем мире хэандаме способны были выжечь любую магию дотла, и это не всегда позволяло человеку пережить случившееся. На что способны источники такой силы, элленари, даже думать не хотелось.

Стражи смотрят на меня, и имя их правителя — Аргайн — вспыхивает в памяти так же ярко, как если бы я слышала его вчера.

— Мне нужно поговорить с вашим повелителем, — произношу я, глядя в глаза одному из стражей. — Я — правительница Двора Жизни, и Аргайн заинтересован в этой встрече не меньше меня.

По крайней мере, мне очень хочется в это верить, равно как и в то, что стражи считают так же. Потому что через хэандаме я не пройду. Не на их землях.

Как ни странно, ворота передо мной распахивают без единого слова, и я шагаю на раскаленный солнцем камень. На площадь, раскинувшуюся перед дворцом.

Льер говорил, что Золотой двор — целый город, но издали, с барханов, мы видели только роскошь дворца. Сейчас же моему взгляду представляются и сады, и узкие улочки, укрытые тенью, и фонтаны, свежесть от которых дотягивается, кажется, даже до моей магии. Это воодушевляет, придает уверенности, вот только как быстрее пройти ко дворцу?

— Ваше аэльвэйрство, — ко мне приближается девушка.

Я удивленно смотрю на нее: порталов здесь нет, поэтому стража как минимум должна была отправить гонца, чтобы сообщить о моем прибытии. В отличие от Двора Смерти здесь нет ни крылатых, ни других рас, одни лишь золотоволосые элленари, судя по всему, отличающиеся лишь происхождением и уровнем силы.

Тогда — как?

Наверняка у золотых есть свои способы быстро передать информацию, тем не менее на миг становится неудобно.

— Я вас провожу.

— Буду очень благодарна, — тем не менее говорю я.

Мы проходим лабиринтами улочек так быстро, что оказываемся у широких ворот дворца буквально за пять минут. Я бы плутала здесь, наверное, несколько часов.

Широкая лестница — белокаменная, залитая солнцем.

У дверей тоже стоит стража, окутывающая их золотая дымка обманчивой легкой вуалью

закрывает вход. Заметив меня и мою спутницу, они не двигаются, но золотая мгла расступается, позволяя нам пройти. Внутри прохладно и очень светло: повсюду белый камень, в холле тоже фонтан. Возле лестницы застыли статуи, по обе стороны от нее: высоченные, выполненные, должно быть, из чистого золота. Мужчина и женщина, чьи руки соединены, удивительно похожие на Аргайна и его сестру.

Я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не задать вопрос: они ли?

И если да, то сколько им лет?

Впрочем, это сейчас неважно, важно то, что мы поднимаемся по лестнице, проходим сквозь галерею, в которой к белому добавляется медь, и сворачиваем в коридор к высоким дверям.

Здесь тоже стража, и золотая дымка тоже отступает при виде нас.

— Ваше аэльвэйрство, — девушка делает шаг назад, позволяя мне пройти, но сама остается на месте.

Зал для аудиенций просторный и тоже светлый, первое, что бросается в глаза — столь характерные для элленари развлечения прямо на подушках. Девушка и двое парней ласкают друг друга, совершенно не стесняясь собравшихся, равно как Аргайна и его сестры, сидящих на троне. На меня они даже не смотрят, зато на меня смотрят все остальные.

А я замираю.

Здесь тоже повсюду белый камень и золото, пламенеет только платье сестры правителя.

И волосы стоящей за его тронем Ирэи.

— А я говорила, что она придет, — сообщает кузина Золтера, и в глазах ее столько ненависти, что мне становится не по себе.

«Не по себе» — не то состояние, которое я сейчас могу себе позволить, тем не менее когда двери за моей спиной запечатывает дымка золотой мглы, дышать на миг становится нечем. Я сбрасываю это ощущение так же, как сбрасывают непристойные взгляды, и шагаю вперед. На Ирэю я не смотрю, только на Аргайна, он тоже смотрит на меня, но по лицу его прочесть что-либо невозможно. Подобные чувства я раньше испытывала исключительно рядом с Золтером, и это мне не нравится.

— И придет одна, — продолжает Ирэя. — Она у нас слишком совестливая, чтобы рисковать кем-то.

— Ирэя.

Голос Аргайна звучит совершенно не так, как голос Золтера, уничтожающий и холодный. Напротив — он спокойный, тягучий, как мед, но угрозы в нем совершенно точно не меньше. Сейчас главное то, что он заставляет Ирэю замолчать, потому что ее присутствие и так сбивает с мыслей.

— Обойдемся без церемоний. — Аргайн неожиданно поднимается мне навстречу, когда я уже готова произнести слова приветствия. Его ладони совершенно не обжигают, даже не скажешь, что в нем сокрыта мощь, способная высушить мою магию вмиг, как Пустота иссушила Аурихэйм. — Мы всегда рады гостям, Лавиния. Позвольте называть вас так?

— Разумеется, Аргайн, — я принимаю его правила, стараясь не думать о том, что рядом с его тронем стоит Ирэя. Силу ее ненависти я чувствую даже сейчас.

— Вот и славно. Прошу, присаживайтесь, — он кивает на подушки у своих ног.

— Вы хотите меня оскорбить? — интересуюсь, глядя ему в глаза.

Они у него медовые, залитые золотом, и в такой радужке зрачки кажутся просто тонким следом, оставленным раскаленной иглой.

— Ну что вы, — Аргайн продолжает улыбаться. — Просто проверяю границы допустимого. Где бы вы хотели расположиться, дорогая Лавиния?

— Там, где мы сможем поговорить. Наедине.

По залу проносится общий вздох, мне кажется, даже занятые делом у дверей элленари перестают увлеченно ласкать друг друга.

— Наедине? — Он качает головой, а после обводит взглядом собравшихся. — У меня нет секретов от моих подданных, Лавиния. Вы вполне можете говорить здесь.

Ирэя улыбается, но теперь я замечаю кое-что еще: сестра Аргайна тоже смотрит на нее так, словно не прочь расплавить на глазах у всех.

— Я хочу защитить Аурихэйм, — говорю я. — Хочу не допустить возвращения Пустоты.

Аргайн молчит, продолжает меня изучать, и схожесть с Золтером становится еще более очевидной. На миг я думаю, не допустила ли я ошибку, возможно, стоило сначала пойти к стихийникам, но мне все равно нужна сила хэандаме. Та, что замкнет круг Пустоты и положит конец тому, что началось много тысяч лет назад при Дворе Жизни.

Поэтому я продолжаю говорить. Рассказываю ему все, о чем рассказала Эльгеру. Говорю, невзирая на то, что чувства элленари запечатаны под непроницаемой гостеприимной маской, за которой может скрываться все, что угодно. Не сомневаюсь: с таким же лицом Аргайн вполне может отдавать приказ о казни... или казнить сам. Когда я умолкаю, в зале становится тихо.

На меня смотрят все. Хотя нет, все смотрят на нас.

Ждут ответа Аргайна.

Я тоже его жду, от него зависит очень и очень многое, если не сказать все. Хотелось бы мне знать, что ему наплела Ирэя, и как она вообще может здесь жить — постоянно, в давящем окружении антимагии. Зато сейчас мне становится понятно, почему меня ждали, почему так быстро встретили и пропустили, а еще почему при дворе Аргайна нет никого, кроме элленари-хэандаме. Здесь тяжело находиться, если не сказать, невыносимо.

С другой стороны, для Ирэйи это место — идеальное убежище.

— Значит, вам нужна моя помощь, Лавиния, — говорит он. — Вне всяких сомнений, я бы очень хотел вам помочь, но что я получу взамен?

В зале снова тишина.

Слышно только наше дыхание, или только мое — мне оно кажется слишком громким.

— Вы получите мир, который будет жить.

Аргайн вздыхает и театрально закатывает глаза.

— Боюсь, это не совсем то, чего мне бы хотелось. Я думал, мир получим мы все...

Вот теперь зал оживляется смешками, а Ирэя снова ухмыляется. Улыбки нет только на губах золотой принцессы.

— А что получу лично я?

— Чего вы хотите?

— Вас. — Аргайн касается моих волос, пропуская пряди между пальцами. — Я хочу вас. Вы будете жемчужиной моей коллекции, моя дорогая Лавиния. Последняя элленари жизни... или первая? Как знать.

От его пальцев, кажется, становится горячо даже волосам.

— А если я откажусь?

— В таком случае, — Аргайн разводит руками, — я откажусь тоже. Поверьте, я слишком долго жил, чтобы сожалеть об утраченном мире.

В эту минуту я понимаю, что он не шутит. Ему действительно все равно, но острая искра ревности в глазах его сестры говорит о том, что моя истинная союзница — она. Она может мне помочь... если захочет.

— Могу я подумать? — спрашиваю я. — Сколько времени вы мне дадите на размышления?

— Время? Времени у меня предостаточно, — Аргайн взмахивает рукой. — Мне казалось, это у вас его нет... но в целом, вы можете гостить у меня, сколько пожелаете. Ирэя прямое тому доказательство. Правда, Ирэя?

Он протягивает руку в ее сторону и едва раскрывает ладонь, шевельнув пальцами в приглашающем жесте. Оттолкнувшись от трона, она двигается к нему словно на невидимом поводке, и, когда оказывается рядом, Аргайн сгребает ее волосы в горсть и целует в губы. Сомневаюсь, что стон, который я слышу — стон удовольствия, потому что поцелуй больше напоминает укус, а ладонь сжимается на пламенных прядях с такой силой, что даже мне становится неприятно.

Этого мгновения мне хватает, чтобы снова поймать взгляд его сестры.

На миг мне кажется, что она сейчас поднимется и попросит меня с ней прогуляться, но это ощущение проходит так же быстро, как и возникло. Сестра Аргайна отворачивается и жестом подзывает молоденького элленари, который покорно садится у ее ног, подчиняясь повелительному взгляду, касается губами колена в разрезе платья.

— Я согласна, — не сразу понимаю, что этот голос принадлежит мне.

— Согласны на что? — уточняет Аргайн, отрываясь от губ Ирэи, на которых видна кровь.

Сейчас она на меня не смотрит, только тяжело дышит, облизывая губы.

— Сначала вы, любезный Аргайн. Скажите, что поможете мне, и я отвечу согласием в качестве долга.

Он приподнимает брови.

— Я помогу вам, дорогая Лавиния, и приму участие в ритуале, позволяющем запечатать Пустоту и отрезать Золтера от ее источника.

Прокручиваю его слова в голове, пытаюсь найти подвох, но не вижу его. Похоже, подвох — только в том, что я обещаю взамен.

— Я обещаю пополнить вашу коллекцию, Аргайн, — говорю я, — и верну долг по первому вашему требованию после того, как Аурихэйм будет в безопасности.

После того, как Льер будет в безопасности.

Об этом я благополучно молчу, потому что мысли о Льере делают меня слабой. Золтер был прав, когда речь заходит о нем, я теряю способность мыслить здраво и готова на любые глупости. Они же делают меня сильной, это я понимаю, когда смотрю на Ирэю и вижу в ее глазах отражение Смерти. Она с радостью обрушит ее на меня, как только получит такую возможность, но до этого еще далеко.

Сейчас главное то, что я собираюсь сделать.

И если я права, Золтер придет ко мне сам.

Да, Ирэя бы с радостью меня убила, но она — вне закона. Об этом я думаю отстраненно, равно как и о прошедших при Золотом Дворе нескольких днях. Сейчас время отсчитывает последние минуты, и мне кажется, что я превратилась в сгусток напряжения. Туго сжатую пружину, готовую распрямиться в любой момент. Еще я думаю о том, что никогда раньше не доверилась бы Ирэе, но сейчас у меня нет выбора. У нее тоже: судя по всему, Золтер после возвращения ее не принял, если она до сих пор вынуждена скрываться и терпеть прихоти Аргайна.

— Готовься, — говорит она ядовито, словно может читать мои мысли, — после того, как все закончится, ты станешь его игрушкой, и больше никогда не увидишь своего Льера.

Я молчу. Звезды рассыпаны по небу, и мне гораздо приятнее считать их, чем слушать Ирэю.

— Знаешь, сколько времени он провел в закаленных антимагией оковах? Около десяти дней. Десять дней, способных болью свести с ума любого элленари, — она смеется, — потом мой кузен вышвырнул его из сознания. Твой Льер рассчитывал его удержать с помощью оков, но Пустоту таким не удержишь. Золтер сбросил их, как ниточки.

— Тот самый Золтер, который не принял тебя? — все-таки холодно интересуюсь. — Который посчитал, что ты вела игры за его спиной, правда, Ирэя? Ему тоже не понравилось то, что ты не поставила его в известность о своих и моих планах перед тем балом?

Лицо ее искажает злоба.

— Думаешь, ты самая умная? — шипит она. — Думаешь, способна обыграть их всех? Это не твой уровень, деточка. Аргайн превратит тебя в постельную игрушку, а твой Льер будет с этим жить. С тем, что тебя каждый день имеют, как пожелают.

— Это ты по собственному опыту говоришь?

Ирэя шипит, и кажется, сейчас бросится на меня, но она остается на месте, только раздражается проклятиями. Да, у нее тоже нет выбора: ей некуда идти. Стихийники отказали ей в убежище, а Золтер, по всей видимости, решил, что жизнь у Аргайна — самое то для его кузины. С кузнецами, к слову, оказалось довольно сложно договориться, и дело было не в том, что они не хотели идти против Золтера. Дело оказалось в Ирэе и, как ни странно, в Золотом дворе. Стихийники их не любят.

Помогло то, что я встречалась с главой их гильдии, когда Льер показывал мне Аурихэйм. И, кажется, искреннее желание вернуть им мир, в котором хочется жить.

Как бы там ни было, не случись моего знакомства с кузнецами, сейчас мой план покатился бы бьйрэнгалу под хвост. Воспоминания о шипастом Льере заставили сердце сжаться: я искренне надеялась, что он жив. Что касается Лизеи и Ронгхэйрда, они были в бегах. Об этом мне рассказали кузнецы, и я подозревала, что стихийники даже знают, где они находятся. Дальше я, разумеется, расспрашивать не стала.

Не при Ирэе и золотых.

Мне достаточно было знать, что друзья в безопасности.

За спиной раздалось хлопанье крыльев, не то рычание, не то ржание. Два вайрлдхарна (теперь я знала, что крылатых коней зовут именно так), несущие всадников, опустились на поляну за нашими спинами. В отличие от вайрлдхарнов Двора Смерти эти были белоснежными. Поскольку порталами золотые пользоваться не могли, путешествовали они исключительно на них.

— Пора? — поинтересовался Аргайн.

Они с сестрой спешили одновременно, и у меня возникло ощущение, что они вообще не разлучаются. Спальня у них точно была одна, и судя по тому, что меня разместили в соседней, Аргайн хотел, чтобы я об этом знала. Или его сестра этого хотела, что не имело ни малейшего значения, поскольку мне было не до мотивов золотых.

Эта ночь была первой, которую я провела вне давящей тяжести их дворца, чтобы набраться сил. По той же причине Ирэе пришлось ночевать вместе со мной в домике кузнеца. Такого выражения лица, исполненного крайней брезгливости, я не видела уже давно. Что касается меня, я оставила комнату в ее распоряжении и ушла спать на траве. Мне казалось, сама земля поддерживает меня в том, что я хочу сделать.

Не просто земля — весь Аурихэйм, поэтому к вливающейся в меня силе отнеслась очень бережно.

Мне она еще пригодится.

— Пора, — ответила я и поднялась.

Клятва крови, данная Эльгеру, больше не имела силы: мое предположение подтвердилось. Собрав крупницы магии — собственной, стихийной, Ирэи и золотой мглы мне удалось получить вспышку пустоты. Сейчас я с трудом представляла себе, какова будет ее мощь после полного воссоединения сил, но в том, что она дотянется до Золтера (где бы он ни был) я не сомневалась.

Вспоминая его суть и эксперимент Альхиины, он наверняка поверит в то, что я тоже возжелала могущества, и явится, чтобы первым заполучить то, к чему так долго шел.

А дальше... дальше мне оставалось только повторить, что я делала все эти дни.

Собрать все силы и обрушить на Льера.

С ним все должно было быть в порядке (в построении схемы ритуала мне помогла память рода и эксперимент Альхиины). Альхиина любила Золтера, поэтому согласилась ему помочь. Они собрали мощь золотой мглы и стихий в сильнейшие артефакты, и когда соединенные силы хлынули в Золтера, она делилась с ним магией жизни, позволившей вобрать в себя такую разрушительную силу. Вот только тогда даже не догадывалась, что могущество, которое он обретет, станет ее погибелью. Равно как они оба не знали, что для полноценного ритуала нужны живые источники сил. Артефакты, даже самые мощные, не годятся.

Это я тоже проверила лично: вытянутая из ограниченных искр магии и антимагии Пустота была слабой и быстро отступала.

Сейчас я собиралась повторить ритуал с точностью до наоборот. Пропустить соединенные силы через Золтера и отрезать его от источника, разомкнув контуры.

Если верить тому, что я узнала от Эльгера, все должно было сработать.

Все должно получиться.

А с остальным мы с Льером справимся.

Потом.

— Так и будешь стоять с одухотворенным видом? — хмыкнула Ирэя. — Или тебя подтолкнуть?

Стихийник, который появился рядом с нами совершенно беззвучно, даже не изменился в лице. Исходящие от него сила и мощь чувствовались в каждом движении, смотрел он исключительно на меня, словно остальные были ему не интересны. Высоченный, с широкими плечами и густой бородой, он лично раскрыл портал и первым шагнул в него.

Мысленно поблагодарив кузнеца, я пропустила вперед золотых и Ирэю, а после шагнула в разрыв пространства сама.

Место, где мы с Льером в последний раз были вдвоем, осталось прежним. Впрочем, нет, сейчас Пустота здесь стала еще сильнее, и ее суть отозвалась во мне обжигающей болью. Страшно было представлять, что здесь разом прекратил существование целый Двор, и, хотя я готовилась к этому чувству, хотя я помнила его по предыдущему разу, сердце словно сдавила невидимая рука.

То, что сейчас представляла собой Пустота — черная выжженная земля и холодный воздух, наполненный тишиной и безветрием, не шло ни в какое сравнение с тем, во что мог превратиться Аурихэйм, если она полностью воцарится здесь. Ничто в том самом смысле, когда нет ни дыхания, ни биения сердца, ни Жизни, ни даже Смерти.

Такова цена могущества Золтера.

— Мраченько, — сообщил Аргайн, оглядывая развалины.

— Начнем, — я оставила его замечание без внимания. — Мне нужно будет шагнуть в Пустоту. Вам к ней приближаться не стоит.

— Я бы на твоём месте ей не доверяла, — хмыкнула Ирэя. — Что помешает нашей милой Лавинии вобрать всю нашу силу и обскакать моего кузена?

— Ты только сейчас об этом подумала? — хохотнул Аргайн. — Я все пытаюсь представить, во что она превратится, если попытается это сделать. Обожаю необычных женщин.

Я прикрыла глаза и глубоко вздохнула: да, образ мысли элленари далек от того, что мне когда-нибудь станет понятно. Наверное, даже если я проведу здесь тысячу лет, ничего не изменится.

Повернувшись спиной к золотым и Ирэе (хотя все инстинкты внутри вопили не делать этого), я шагнула к развалинам. Граница нетронутой земли и Пустоты была видна четко: темнеющая, рыхлая земля переходила в Ничто, которое, словно забавляясь, обтекало изломы камней. Будто хотело сохранить их — до поры до времени — в качестве памятника своему величию.

Элленари разошлись: между силой должно было сохраняться определенное расстояние, чтобы построенное плетение не порвалось от переполняющей его мощи. Когда я обернулась, они

уже все стояли на местах — Аргайн со скучающим видом, Ирэя — по-прежнему с ненавистью во взгляде, только стихийник смотрел на меня сосредоточенно. Пожалуй, он единственный здесь был моим настоящим союзником, на которого можно рассчитывать.

От волнения затошнило, я повернулась спиной к Пустоте, на той самой границе, и принялась плести заклинание, которое позволит силе устремиться ко мне. Можно было сделать это по ту сторону, но я не хотела находиться там ни одной лишней минуты. Во время экспериментов, даже от касания крошечной искры Пустоты меня бросало в холод, а следом возникало странное чувство, заставляющее стремиться к этому. Искать продолжения, позволять скользить по коже, впуская в себя.

Сосредоточившись на плетении, проверила узлы силы. Как только в них хлынет антимагия, они порвутся, случись Аргайну сделать это чуть раньше, чем остальные, и... ничего не получится.

Глубоко вздохнула, стряхивая с себя страхи.

Все получится. Ему нет резона меня обманывать и играть со мной в игры, если бы он не собирался помочь, меня бы просто не выпустили из Золотого двора. Нет, в его глазах сейчас горел исследовательский интерес, несмотря на то, что лицо по-прежнему выражало многовековую скуку. Его сестра, устроившись чуть поодаль, смотрела на нас, сцепив руки на коленях.

— Все готово, — сказала я.

Надо мной бились три мощные нити магии жизни, начало начал. По ним должна была течь сила остальных, и та, что протянулась к Ирэе, беспокоила меня больше всего. Я не представляла, чего ожидать от рыжей, надеялась только, что ее желание жить, и жить в Аурихэйме, пересилит ненависть ко мне.

Впрочем, это я узнаю уже совсем скоро.

— Жизнь, — повторила я. — Смерть. Стихии. Антимагия. Именно в таком порядке.

Не дожидаясь ответа, отпустила свою магию, позволяя ей раскрыться в груди цветком, а после шагнула назад.

Пустота обрушилась на меня тишиной, какой мне не доводилось слышать никогда в жизни. Не просто тишиной, зрение выключилось, и я оказалась в кромешной тьме. Ничего, кроме этой тьмы вокруг не было, была только я и абсолютная, бесконечная, окружающая меня мощь. Время утратило смысл, все утратило смысл: и дыхание, и биение сердца. Мгновением позже пропали даже они.

Все во мне, каждая клеточка тела устремились навстречу этой тьме и внутренней тишине, внутри меня отчетливо прозвучало: «Впусти меня-я-я-я... позволь нам слиться... позволь стать единым целым, и могущественнее тебя не будет уже никого...» Чья это мысль я различала с трудом, все мое существо тянулось навстречу этому ощущению. Навстречу пьянящему чувству абсолютной силы и власти.

В ту минуту, когда я об этом подумала, в меня ударила Смерть.

Стихии.

И антимагия.

Это действительно было могущество. Несравнимая ни с чем сила, которая впиталась в меня, сверкнув синевою Смерти, разноцветьем стихий и золотом хэандаме. Под ними, собираясь теплом, плескалось серебро Жизни. Собравшаяся во мне магия и ее противоположность вплелась в мои волосы, текла сквозь кончики пальцев, билась в груди.

«Прими меня... впусти меня... не будет ничего, с чем ты не сможешь справиться...»

Не будет никого, кто сможет мне противостоять.

Золтера я уничтожу одним щелчком пальцев.

По собственному желанию смогу возродить Аурихэйм, даже если он обратится в руины.

Дикий восторг захлестнул, ударил с той же силой, что и льющаяся сквозь меня магия. Я уже

не отделяла ее от себя, уже не чувствовала, где кончается мощь, и начинаюсь я. Да и кончалась ли она где-нибудь?

Нет, определенно нет.

«Замкни контур... замкни... замкни...»

Так просто — действительно замкнуть контур, и стать... единым целым с объединенной силой, мощнее которой не существовало за все времена создания всех миров. Знания, непонятные и чужие, хлынули потоком. Я могла создавать любые заклинания, не обращаясь к книгам, мне не нужно было восстанавливаться и отдыхать, я становилась с каждой минутой все совершеннее. Все более и более неуязвимой.

Стирались из памяти воспоминания о доме, о родных, отбрасывались, как ненужные.

Винсент, Тереза, Луиза, Анри — все стало далеким, неважным. Ничтожным.

Льер...

Его образ мелькнул перед глазами, готовый отправиться вслед за остальными в небытие.

Нет!

Я не хочу его забывать.

Не хочу забывать то, что я чувствовала, когда его губы касались моих. Не хочу забывать то, что бьется во мне. То, ради чего я пришла в Аурихэйм...

Усилием воли вытряхнула себя из этого состояния, безграничного бьющегося вместе с ударами сердца могущества. Пустота рванулась за мной, но в эту минуту в безграничную тьму шагнул Золтер. Разрыв пространства ослепил, выхватив пламя волос, искаженное яростью лицо.

— Наконец-то, — произнес он. — Я знал, что рано или поздно ты попытаешься это сделать...

Отпрянув, сделала вид, что пытаюсь удержать собранную в себе силу, но Золтер шагнул следом.

— Не тебе тягаться со мной на моей территории, девчонка. Даже Альхиина не смогла, а ты...

Золтер не договорил: Пустота ударила в меня, впитывая бьющуюся в груди силу, вытягивая из меня, вливая в него.

— Впрочем, ты избавила меня от многих проблем. Воссоздала ритуал, суть которого знала только Альхиина. Я бился над плетением тысячи лет, но так и не смог его восстановить, а у тебя была ее память.

Его глаза вспыхнули Пустотой, волосы почернели, как погасшие угли.

— Она так стремилась сохранить эту тайну, но я знал, что через тебя получу все, к чему стремился.

— О да, — сказала я, — в памяти рода было много всего полезного. В частности, то, что ритуал обратим.

Последнее я выдохнула, размыкая контуры заклинания. Ослепительная вспышка — брызги золота, серебра, стихий и смерти разорвали черное покрывало Пустоты. Золтер взревел, но я уже шагнула к нему, позволяя освободившейся силе хлынуть на нас. Обхватив ладонями его лицо, прижалась губами к губам, видя под трескающейся на глазах маской совсем другое лицо. Глядя в глаза того, кто так старался сделать все, чтобы я его забыла. Отдавая всю магию, всю до капли — ему.

Не только магию, себя всю.

Миг — и последние клочки окутавшей нас тьмы растаяли как туман. Мы с Льером рухнули на землю: туда, где только что была печать Пустоты.

Пустоты больше не осталось.

Даже на его волосах: она отступила, ушла, рассвет над развалинами Двора Жизни согрел

солнечными лучами его темные, иссиня-черные, как вороново крыло волосы. Я чувствовала себя выжатой до капли, опустошенной, но когда Льер открыл глаза и неверяще посмотрел на меня, нашла в себе силы приподняться.

— Льер, — прошептала я, вглядываясь в его лицо. А потом, не в силах больше держаться, наклонилась, целуя его глаза, скулы, волосы. Кажется, в эти мгновения я снова не слышала своего сердца, но какая разница, если под моими ладонями билось его.

Какая разница, если он подался ко мне, обнимая лицо в ладонями и целуя в губы так яростно, словно от этого зависела его жизнь.

— Невероятно, — раздался за спиной голос Аргайна. — Она действительно это сделала.

Льер глубоко вздохнул, разорвав поцелуй, и я его понимала. Потому что тоже не могла надышаться им. Вместе с ним.

— Мы были бы очень вам благодарны, Аргайн, если бы вы оставили нас одних, — холодно произнес он, поднимаясь и помогая подняться мне.

— О, с возвращением, — хмыкнул золотой, — но одних я вас не оставлю, потому что ваша... подруга мне очень сильно должна.

Льер потемнел лицом, рука под моей ладонью напряглась.

— Прошу прощения, — я посмотрела на сестру Аргайна. — Не подскажите, что коллекционирует ваш брат?

Судя по выражению ее лица и повисшей над нами тишине, такого не ожидал никто. Правда, уже спустя мгновение Аргайна (да, их родители не отличались оригинальностью) расхохоталась.

— Женщин, вино и бабочек, — сообщила она. — Последних прищипливает иглами или замораживает в камнях.

— Тогда бабочек я вам отдать не могу, я против насилия. А вот коллекцию вина обязательно пополню таким, которое вы не пробовали. Хотите получить его прямо сейчас?

Судя по выражению лица Аргайна, он был не против меня придушить, но слово элленари — есть слово. Я действительно не обещала пополнить его коллекцию собой. Он метнул на сестру убийственный взгляд, но та снова расхохоталась. Она смеялась так, что у нее на глазах выступили слезы — видимо, поэтому мы все отвлеклись на нее.

Когда стихийник вскинул руку с криком:

— Назад! — было уже поздно.

Лезвие кинжала мелькнуло в дюймах от моей груди.

За миг до того, как Льер закрыл меня собой и вздрогнул, когда кинжал вошел ему в спину.

— Тва-а-арь! — заорала Ирзя: потоком воздуха ее отшвырнуло от нас, но она смотрела мне в лицо и хохотала, как сумасшедшая. — Тебе снова повезло. А ему — нет. Я смазала кинжал настоем из пыльцы иартины. Теперь смотри, как он будет умирать.

Кинжал валяется на земле, Льер смотрит на меня, а я на него. Мне кажется, что это сон или какой-то кошмар, потому что, чуть сдвинув пальцы, я касаюсь разорванной на его спине ткани. Рана под ней пульсирует, я отдергиваю ладонь и вижу, что на ней кровь.

Я вскидываю руку — и из земли, еще несколько минут назад иссушенной Пустотой, взлетают корни. Обхватывая запястья и шею Ирэй мощными хлыстами, волокут по земле, чтобы швырнуть к полуразрушенной стене и запечатать в кокон. Она пытается сопротивляться, с растопыренных пальцев срываются черные плети, но серебряное сияние отражает их, впитывает, разбрасывает шипящими каплями по траве. Это место — средоточие моей силы, здесь правит Жизнь, а не Смерть.

— Отпусти! — хрипит Ирэй. — Отпусти... Ты меня задушишь...

Хлестким ударом вьюна ей запечатывает рот, когда я слышу голос Льера:

— Лавиния...

Его дыхание на моей щеке отрезвляет, и я отпускаю корень, впивающийся в шею рыжей.

Аурихэйм изменил меня. Он вывернул меня наизнанку и вытащил из меня самые темные стороны, о которых я даже не подозревала, но он же подарил мне любовь. Чувство, которое я впервые по-настоящему испытала рядом с мужчиной, который по-прежнему сжимает мои плечи. Я вижу, как его лицо искажается от боли, и как он начинает оседать к моим ногам. Я не позволяю, вцепившись в него, мы вместе сползаем на землю, и я оказываюсь у него на груди.

В ушах до сих пор звучат слова Ирэй, и чьи-то еще.

Кажется, об этом рассказывала Лизея: от пыльцы иартины нет противоядия. Это — смерть для любого элленари.

Нет. Я не позволю ему умереть.

Нет!

Жизнь здесь сильнее Смерти, я справлюсь!

Тянусь к нему всей своей магией, пропуская сквозь себя, отдавая, впитывая и отдавая снова, на пределе возможностей. Горящее в моих ладонях тепло уходит в его тело без остатка. Живая сила льется сквозь мои пальцы, но ничего не происходит.

Как такое возможно?!

Льер судорожно сжимает мою руку, словно пытаюсь что-то сказать, короткий взгляд глаза в глаза обрывается, как удар сердца у меня под ладонью. Лес, раскрывшийся всеми красками цветов и жизни, принимает меня, но не может помочь ему. Неестественная воцарившаяся вокруг нас тишина звучит в ушах набатом.

— Ваше аэльвэйрство! — голос стихийника заставляет вздрогнуть.

Я вижу стремительно чернеющую траву и вздрагиваю: моя магия вытягивает жизнь, чтобы вернуть ее Льеру. Тщетно.

— Нет, — шепчу я. — Нет. Нет. Нет... Пожалуйста.

Сердце под ладонью по-прежнему не бьется. Не бьется несмотря на то, что я снова и снова вливаю в него всю себя, всю силу природы, всю родовую мощь Двора Жизни.

Арка!

— Мне нужно к Арке, — сдавленно вздохнула. — К Арке. Пожалуйста.

— Ваше аэльвэйрство, — кузнец покачал головой. — Уже ничего не исправить.

— Нет, — мой голос не похож на мой. — Нет. Помогите мне!

Я чувствую себя пустой. словно это по моим жилам только что бежал яд, выжигая жизнь и все

силы. Никогда в жизни я не испытывала ничего подобного. Никогда не чувствовала ничего похожего.

Меня как будто выпили, и замершее под моей ладонью сердце словно заморозило мое.

Мгновение элленари смотрел на меня, а потом поднял Льера на руки. Короткая вспышка портала — и вот уже мы стоим перед Аркой. Она снова жива, я бы сказала больше, она полна сил. Тщетно вглядываюсь в нее, но Эртея не появляется.

Как?

Что я должна сделать?

Как Льер отдал свое бессмертие, чтобы жила я? Возможно, мне нужно остаться одной?

— Уходите, — командую я.

Мне все еще не верится, что этот голос — полный силы — мой. Не могу я говорить так уверенно, когда Льер мертв.

Он не мертв, нет!

Все можно исправить.

Это же Аурихэйм.

За спиной раскрывается вспышка портала, а я шепчу:

— Эртея, пожалуйста! Пожалуйста, помоги!

Тишина.

— Пожалуйста! — кричу я. — Пожалуйста, ты же творишь чудеса...

— Чудеса?

С губ сорвался вздох облегчения.

— Пожалуйста, — я чуть не разрыдалась, когда вновь увидела перед собой призрачные очертания Изначальной. — Я отдам все, что угодно, все самое ценное...

— Не произноси таких слов в Аурихэйме, — она прервала меня. — Особенно когда не знаешь, что для тебя самое ценное.

Самое ценное — Льер. Я чувствовала это, я это знала, и я знала, что он должен жить.

— Ты — гораздо ценнее для Аурихэйма, — заметила Изначальная. — Твое бессмертие положит начало новой эпохе...

— Не положит! — голос снова срывается на крик. — Мне не нужен этот мир без него. Мне не нужно бессмертие! Я хочу, чтобы он жил!

Мой крик подхватывает эхо или ветер, срывая остатки голоса вместе со слезами, а в следующий миг что-то происходит. Ветер возвращается ко мне, ударяя в грудь с такой силой, что выбивает не только воздух, но и способность мыслить, чувствовать, жить. Мне кажется, от меня отделяется самая моя суть, что-то глубоко и бесконечно дорогое, часть меня, которая растворяется в вихре хлынувшей сквозь Арку и мое тело древней магии, а после возвращается, окутывая Льера сиянием такой силы, что я невольно зажмуриваюсь.

Мгновение — и сияние тает, впитываясь в него, а удар сердца в мою ладонь, снова заставляет кричать. Я кричу так, что срываю голос, со стороны, должно быть, это безумие, но это безумие позволяет выплеснуть страх, на мгновение заставивший меня поверить в то, что я его потеряла. Кажется, именно в эти минуты я была как никогда близка к тому, чтобы в это поверить...

Но сейчас его сердце под моей ладонью снова бьется, бьется так сильно, так ровно, так глубоко, что не имеет никакого значения, что было минуту назад. А может быть, вечность. Ничто больше не имеет значения.

— Он не сразу придет в себя, — замечает Эртея.

Мне все равно. Главное, что он жив, что я больше не чувствую этой выжигающей пустоты, не сравнимой даже с той, с которой мне недавно пришлось иметь дело.

— Очень жаль, — говорит Изначальная. — В ночь схождения луны и солнца ты могла бы прийти сюда со своим новым избранником и ощутить истинную силу того, что называют...

— Если ты сейчас скажешь мьерхаартан, я сделаю то, что не сделал Золтер, — говорю я. — Не посмотри на то, что ты мне помогла.

Изначальная кажется глубоко оскорбленной и удаляется, бормоча себе под нос что-то о непочтительности новых поколений, но мне нет до этого дела. Я ложусь рядом с Льером, устраивая голову у него на плече, пропускаю темные пряди сквозь пальцы и смотрю на его лицо — безмятежное, спокойное, родное.

Не нужны мне никакие ритуалы, чтобы почувствовать то, что я чувствую рядом с ним. Именно близость двух сердец создает глубину чувств, а не ночь схождения луны и солнца, не объединение какими-то магическими чарами или брачными клятвами. Ни одно заклинание не способно разжечь любовь, равно как ни одна даже самая темная сила не способна ее уничтожить.

Не знаю, сколько проходит времени, когда он открывает глаза. Кажется, уже скоро закат — потому что верхушки деревьев становятся золотыми, а некоторые цветы на Арке закрываются.

Льер смотрит на меня так, словно не понимает, что произошло. Впрочем, не понимает ровно до той минуты, когда осознает, что он жив.

— Лавиния, — выдыхает хрипло. — Зачем...

Прикладываю палец к его губам.

— Потому что я тебя люблю, — говорю я. Сейчас эти слова звучат так глубоко, так правильно, и каждая частичка нежности к нему отзывается на них, на каждый его вздох. — Потому что я хочу быть с тобой. Хочу провести с тобой всю свою жизнь, и мне ее будет безумно мало лишь потому, что я никогда не смогу тобой надышаться.

Мгновение Льер смотрит на меня так, что кажется, я уже сейчас не смогу дышать от охвативших меня чувств, а потом целует — и дыхание возвращается.

Возвращается все: и биение сердца, и вся полнота жизни, и радость с безуминкой, от которой хочется смеяться и плакать. Все те чувства, которые я испытываю рядом с ним, я никогда не смогу описать, потому что их бесчисленное множество, но имя у них одно.

Любовь.

— У твоих родителей были непростые отношения, — произнес Льер.

Мы собирались в мой мир, знакомиться с Винсентом, и сейчас я понимала, что знакомство с матерью Льера обошлось мне гораздо меньшим волнением. Элленари до кончиков пальцев, она тем не менее приняла меня так, словно мы были знакомы целую вечность. Кольцо на моем пальце, видимо, о многом ей говорило. Как ни странно, но оказавшись в Мортенхэйме я его не сняла. Полностью утратив память, совершенно без сожалений рассталась с платьем, серьгами и прочими украшениями, а вот его снять не смогла.

Не захотела.

Сейчас я понимала, что моя память просто была запечатана, но чувства никуда не делись. Точно так же оказалась запечатана память моих родителей. Запечатана Золтером.

— Твой отец родился в Аурихэйме, мама — в твоём мире. Она была... воспитана в мире людей.

— Как я.

— Как ты, — подтвердил Льер.

После того, что наворотил Золтер его руками, разбираться с делами приходилось очень быстро, в том числе восстанавливать разрушенные источники домов (которые Золтер иссушил в качестве наказания за неповиновение) и выделять компенсации за утраты родных семьям.

Льер действительно продержался в цепях десять дней, долгие десять дней пытался справиться с пытающимся перехватить его сознание Золтером. Постепенно боль и мощь Пустоты подтачивали его волю, и в конце концов сил на сопротивление не осталось. Как только Золтер вернулся, оковы стали бесполезны, а казни при Дворе превратились в инструмент устрашения.

Элленари, отказывающиеся признавать его власть, отправлялись в оковы, а некоторых убила клятва жизни, когда Золтер на их глазах уничтожил друзей и родных. Залитый кровью Двор Смерти сейчас понемногу восстанавливался, но оправиться после такого достаточно сложно. Лизея и Ронгхэйрд собирались поднять мятеж, заручившись поддержкой стихийников, но с наибольшей вероятностью он был бы обречен на провал. Несмотря на то, что полную силу Пустоты Золтеру получить так и не удалось, с его силой мало кто мог сравниться.

Золотой двор занял позицию невмешательства: связываться с Золтером, наделенным Пустотой, даже для элленари-антимага было себе дороже. Когда появилась я, Аргайн уцепился за эту возможность, чтобы разобраться и с ним, и со мной. Правда, не рассчитал, что вести переговоры с элленари я за это время научилась отменно.

Бутылку вина я ему все-таки отправила, из нашего мира, мысленно представляя скрежет зубов считающего себя крайне могущественным золотого. Что касается Ирэи, она тоже пополнила его коллекцию, потому что сразу по возвращении была объявлена на наших землях вне закона. Стихийники нас поддержали, в результате единственное, что ей оставалось — прятаться у золотых.

Туда ей и дорога.

Я не испытывала к ней ни малейшей жалости, потому что простить, что она сделала с Льером, не могла.

— О чем задумалась? — запечатывая верхний ящик стола охранным заклинанием поинтересовался Льер.

— Так, ни о чем, — покачала головой, не желая поднимать тему Ирэи. — Продолжай, пожалуйста.

За время, что Золтер был в сознании Льера, он открыл ему большинство своих мыслей (считаю, что тот уже не сможет никому ничего рассказать). Среди них оказалась и память о моих родителях. Льер сказал мне об этом только сегодня, хотя прошло уже достаточно времени.

— Твой отец отправился в ваш мир ради исследовательского интереса. Он был ученым-экспериментатором и считал, что магия в вашем мире пошла по другому пути эволюции.

Она действительно пошла по другому пути. В частности, отец Шарлотты, Рауль, элленари не был, он был магом жизни, в котором проявилась утраченная даже в Аурихэйме сила. То же самое касалось и Эрика: у его отца не было определенной магии, а Эрик неожиданно открыл в себе слабенькую (по мнению Эльгера-старшего — слишком) стихию. В то время как элленари в нашем мире слабели, люди, напротив, рождались магами. То, что на первый взгляд казалось ослабеванием, было всего лишь развитием в другом направлении. Образно говоря, мы не там искали.

Если верить тому, что я узнала и услышала за последнее время, магия в нашем мире понемногу возрождается и снова начинает набирать силу.

— Он действительно собирался просто изучать магию, — голос Льера выдернул меня из размышлений, — под именем Уильям Биго де Мортен, но познакомился с твоей матерью. Можно сказать, это было столкновение характеров: его методы достижения целей, его жестокость урожденного элленари и его настойчивость были ей не к душе. Она ему отказала, и это стало началом их брака. Он не особо распространялся на эту тему, но когда родилась ты, кажется, у них был расцвет отношений. Он пришел к Золтеру со словами о том, что скоро в Аурихэйм вернется Жизнь.

Память о родителях — таких, какими я их помнила, сейчас обретала все более четкие очертания. Все более понятные. Настолько, что мне становилось немного страшно от того, что я услышу.

— Разумеется, Золтер не мог этого допустить. Он не мог допустить того, чтобы кто-то кроме него узнал о рождении настоящей элленари жизни, поэтому он поставил печать забвения твоему отцу и матери. Особенную печать. Аристократы, муж и жена, не могли одновременно

забыть большую часть своей жизни, поэтому он выкроил из их воспоминаний только знания об Аурихэйме, оставив память об отношениях и об обществе, в котором они жили сейчас. Это заклинание в разы сложнее и требует особой осторожности, но Золтеру было не привыкать работать с опасной магией. Он уничтожил всех, кто знал о них, как об элленари. В мысли твоей матери он вложил яростное неприятие магии в том, что касается тебя. В мысли твоего отца — нежелание тебя обучать.

Действительно, если так подумать — отец, обучавший Терезу и столько времени посвятивший изучению магии, к моей даже не прикоснулся. Да, я была слишком маленькая, когда он погиб, но уже тогда во мне билась Жизнь.

— Он подсказал Эльгеру-старшему о том, чем занимается твой отец, и результаты его изысканий не могли не заинтересовать мага, собиравшегося подчинить себе весь мир с помощью знаний мааджари. Сватовство Эрика к твоей сестре наверняка было всего лишь причиной, на самом деле Эльгер преследовал другие цели, но твой отец ему отказал. Вероятно, в том разговоре было сказано слишком многое, на это Золтер и рассчитывал. Он знал, что Эльгер не оставляет свидетелей, посмеявшихся ему отказать. Фактически, его руками Золтер избавился от первой проблемы.

Да, Золтер сделал все, чтобы обо мне никто не узнал. Чтобы ко мне даже ненароком не вернулась память рода. Убийство моего отца Эльгером — отличное прикрытие, такой могущественный маг вполне мог не простить отказа, когда отец не согласился отдать Терезу Эрику.

— Все равно не понимаю, — произнесла я. — Почему до того, как родилась я, отец не сказал ни Терезе, ни Винсенту о том, что они — элленари? Или мама?

— Думаю, именно она была против. В частности, против возвращения в Аурихэйм. А он... — Льер помолчал. — Он неосознанно все равно пытался добиться ее любви. Как умел.

Удалось ему или нет, я уже не узнаю.

Равно как не узнаю, что...

— Мама однажды просто заснула и не проснулась, — вытолкнула я через силу. — Хотя она никогда не жаловалась на здоровье. Думаешь, это тоже был он?

По коже прошел мороз, и Льер тут же поднялся. Приблизился ко мне, опустил на подлокотник, обнимая за плечи.

— Вот поэтому я не хотел тебе говорить, — произнес он. — Не хотел, чтобы ты снова все это переживала.

Я молчала. Пыталась собраться с силами и вытолкнуть себя из этого состояния, но не могла. В день смерти матушки мы с Майклом были в гостях. Когда в гостиную, где нас принимали, вошел Винсент, я сразу поняла, что что-то случилось. Но когда он сказал, что ее больше нет, во мне словно что-то оборвалось. Я почувствовала, что падаю, падаю, падаю, и этой пропасти нет ни конца, ни края.

— Лавиния, — Льер вытягивает меня из кресла. — Лавиния, посмотри на меня.

Я поднимаю на него глаза и шепчу:

— Я ее любила...

— Я знаю, — говорит он.

— Я так ее любила, — добавляю почти неслышно и утыкаюсь лицом ему в плечо.

Льер гладит меня по спине, но он напряжен. Я чувствую это напряжение, которое втекает в меня через объятия. Поднимаю глаза: лицо просто каменное.

— Ты не виноват, — скользну пальцами по его щеке. — Просто для меня это очень тяжело.

— Я знаю. — Он касается губами моих губ. — Прости, что расстроил.

— Нет, — глубоко вздыхаю. — Это ты меня прости. Золтер мертв, и мне нужно все это отпустить.

— Он мертв, но он натворил много зла, — глухо произносит Льер. — Через меня в том числе.

— При чем тут ты?!

Он качает головой, потом показывает мне свои руки.

— С этих рук срывались плети, уничтожавшие элленари. Эти руки глушили источники целых семей...

— Это был не ты!

— Это был я. Просто я оказался недостаточно силен, чтобы ему противостоять.

— Льер, — я чуть повышаю голос и заглядываю ему в глаза. — Аддингтон, управляя мной, чуть не убил чудесную девушку, у которой сейчас малыш, которая безумно любит и любима. Убил бы, и не только их, не сумеет Эрик остановить этот кошмар.

— Это другое.

— Нет! Это то же самое! — он отворачивается, но я касаюсь его подбородка. — Не смей от меня отворачиваться! Я не хочу, чтобы ты считал себя виноватым в том, чего ты не делал. Случись Аддингтону кого-то из них убить, мне бы пришлось жить с этим, но у меня не было возможности их защитить, понимаешь? Если бы была, я бы отдала себя всю... скажи, разве ты не сделал бы то же самое? Разве не за этим ты надел оковы?

Я смотрю ему в глаза и вижу, как синева в них понемногу сменяет тьму. Не ту, видимую, которую можно отразить, а более глубокую, страшную, темную.

Ну уж нет!

Золтер действительно мертв, и я не позволю ему больше коснуться Льера — даже в воспоминаниях. Не позволю омрачать нашу жизнь.

— Хватит воспоминаний, — говорю решительно. — У нас впереди встреча с Винсентом, а у меня уже нет больше сил волноваться.

— Ты волнуешься перед встречей с братом? — Льер улыбается.

— Еще как!

— Льер, — в кабинет заглядывает Ронгхэйрд. — Буквально на пару слов. Поступило предложение от стихийников...

— Если только на пару, — говорит он. — У нас впереди важная встреча.

— На пару, — смеется Ронгхэйрд и подмигивает мне.

В эту минуту в приоткрытую дверь влетает б'йрэнгал, а из коридора доносится крик Лизеи:

— Куда?! Совсем от рук отбился, паршивец!

Паршивец, к моему великому счастью, оказался жив, нашелся в зверинце. Сейчас он прыгает вокруг меня и поглядывает на Льера: может, получится безнаказанно взлететь?

Не получится — качаю головой и указываю ему на дверь. Изрядно подросший котенок вылетает, чуть не сбивает Лизею с ног, а следом выхожу я.

— Лавиния! — доносится голос Льера. Он выглядывает следом. — Я быстро.

— Это уж как пожелаешь, — хитро улыбаюсь. — Просить моей руки у брата не мне, а ближе к вечеру Винсент на редкость несговорчив!

Льер неожиданно меняется в лице, я же с трудом сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться. А вот пусть тоже поволнуется!

Подхватываю Лизею под руку, увлекаю за собой по коридору. Подруга сияет, как браслет у нее на запястье — они с Ронгхэйрдом нас опередили, их благословение состоялось пару дней назад. Что касается меня и Льера, я решила, что справедливо будет подождать и отправила Винсенту и Терезе письма, в которых обещала, что скоро вернусь с отличными новостями. Судя по тому, что посыльные привезли ответы (ответ Винсента оказался чересчур

эмоциональным), меня все-таки ждут.

— Сладу с ним нет, — пожаловалась Лизея, когда котенок прыгнул на стену за виеррахом под недовольное шипение последнего.

— Перевоспитаем, — хмыкнула я. — Льер! Сюда.

Котенок сразу же подчинился.

— Зверинец уже распустили?

— Да, сейчас помогают животным прижиться там, где их дом.

— Отлично, — сказала я. — Что насчет восстановления замка?

— Пока что расчищена земля, — улыбнулась Лизея. — Стихийники обещают, что через месяц будет стоять как новенький.

Да, что ни говори, а с помощью магии строительство идет гораздо быстрее. Мы с Льером решили, что нужно восстановить замок Двора Жизни, а впоследствии — кто знает, возможно, переберемся туда и объединим наши двory. Ведь Жизнь и Смерть — действительно две стороны одной медали.

Особенно если их объединяет биение двух сердец.

Эпилог

— Поверить не могу, — говорит Тереза, — моя сестра — королева Аурихэйма.

— Это ненадолго, — отвечаю я. Перехватываю ее взгляд и добавляю: — По меркам элленари.

— По меркам элленари — это одно мгновение. — Льер обнимает меня за талию.

Сегодня — день нашей свадьбы. Точнее, не так. Сегодня день нашей второй свадьбы, первая состоялась в Аурихэйме, вторая — в Лигенбурге. Точнее, под Лигенбургом. По собственному опыту представляя, что совместить гостей из первого и второго мира в одном не получится (по крайней мере, пока), я решила, что так будет лучше.

Арка нас все-таки благословила после долгого и обстоятельного разговора с Льером. К счастью, теперь он тоже ее видит и сумел убедить Эртею в том, что мы достойны благословения. Правда, после этого целый вечер называл ее упертым волшебным деревом, но сути это не меняет. Со мной она говорить не пожелала, ссылаясь на то, что я неблагодарная и не имею ни малейшего представления о том, кому надерзила. В целом, представление я теперь конечно имею, но у меня еще множество пробелов по истории Аурихэйма, которые стоит восполнить. С помощью Льера я с каждым днем узнаю все больше, и мне все легче понимать цивилизацию и мир, которые я когда-то считала своим ночным кошмаром, и который теперь стал для меня домом.

— Надеюсь, вы сумеете позаботиться о моей сестре. — Тереза пристально смотрит на Льера. Ей нелегко было примириться с мыслью, что я буду жить в другом мире. Впрочем, гораздо сложнее ей оказалось смириться с мыслью, что она тоже элленари.

— В этом можете не сомневаться, — произносит Льер, но рука его на моей талии напрягается.

Ему тоже достаточно сложно забыть прием, который ему оказали, когда мы впервые вернулись в Мортенхэйм вместе. Впрочем, зная моего брата, можно сказать, что все прошло хорошо: Винсент всего лишь сообщил Льеру, что он меня не достоин и меня не получит. После этого пришлось применить все свои дипломатические способности, чтобы разрешить межмировой (буквально) конфликт. Стоило немалых трудов убедить Винсента в том, что кроме Льера мне никто не нужен.

Тереза отреагировала гораздо спокойнее, хотя первые несколько визитов всерьез присматривалась к моему будущему мужу. Когда произошел переломный момент, я затруднялась сказать, но сейчас ее к нему отношение было совершенно другим, нежели чем при первой встрече.

Я это видела и чувствовала, поэтому положила руку на ладонь Льера и улыбнулась.

— Тереза шутит, — мягко сказала я и укоризненно посмотрела на сестру.

Та приподняла брови.

В эту минуту поздравлять нас подошли Эльгер и Шарлотта. Если честно, я не думала, что они примут мое приглашение, но неожиданно они приняли. Еще более неожиданно мой брат прилюдно извинился перед Эльгером и его женой за «оказанное ранее недоверие и недостойное отношение», после чего между ним и Луизой окончательно воцарился мир.

Взглянув в их сторону, я поняла, что ни время, ни даже серьезная размолвка длиной в год их чувства не приглушила. Винсент и Луиза до сих пор смотрели друг на друга с такой любовью (когда думали, что никто не видит, особенно мой брат), что мне хотелось улыбаться. Впрочем, теперь я улыбалась все чаще.

При Дворе меня называют Солнышком. За глаза, разумеется, потому что звать ее аэльвэйрство Солнышком достаточно сложно. Моя магия стала еще сильнее, и мне кажется, что это еще не предел. Мне хочется верить, что наше с Льером правление возродит не только Аурихэйм, но и Двор Жизни, пусть даже нам отведено для этого безумно мало по меркам элленари времени.

— Поздравляем, — следующее поздравление уже от Винсента и Луизы.

Луиза меня обнимает, и мне кажется, что сердце разорвется от счастья, когда брат впервые пожимает руку Льеру.

Поздравления на нас продолжают сыпаться, сыпаться и сыпаться, мы то улыбаемся гостям, то слушаем тосты, то танцуем. В нашем мире я вышла замуж за Ричарда Аддингтонского, проще говоря — нового графа Аддингтона, которому ее величество Брианна за какие-то особые заслуги даровала давно оставшийся без присмотра титул аристократа-заговорщика. По этому поводу злые языки тоже прощлись, но мне все равно. При энгерийском дворе и в нашем поместье мы будем появляться не так часто (говорят, новый граф Аддингтон очень любит путешествовать и хочет показать своей жене весь мир).

Это придумал Винсент и, честно говоря, я ему благодарна, потому что совместить нашу цивилизацию и Аурихэйм достаточно сложно. Льер считает, что рано или поздно настанет время, когда элленари и люди смогут принять друг друга, я же пока не столь оптимистична (особенно вспоминая Амалию и все, что тысячелетиями творилось в Аурихэйме). Амалия, кстати, тоже выходит замуж, родители подыскали дочери в мужья кого-то из местных аристократов, а мы с Льером решили, что ей точно не стоит возвращать память. Пусть все остается как есть, для девушки это шанс начать новую жизнь и быть счастливой.

Есть еще одна причина, по которой я считаю, что элленари и люди пока не готовы друг друга принять. Первые по-прежнему относятся к людям, как к «смертным», и мне потребуется не год и не два, чтобы это изменить. Если честно, не уверена, что у меня это вообще получится, но я постараюсь. По крайней мере, сделаю все от меня зависящее.

— Графиня. Граф Аддингтон, — поздравления от Уитморов.

Камилла Уитмор смотрит на меня снисходительно, а при взгляде на Льера чуть ли не облизывается. Честно говоря, в этот момент мне становится смешно, потому что за все время рядом со мной он ни разу не взглянул на другую женщину. Не просто не взглянул — их для него не существует, хотя с той минуты, как Льер стал Повелителем Аурихэйма, поклонниц у него стало еще больше.

Элленари рядом с ним оказываются в самых провокационных нарядах и всячески показывают, что не против стать фаворитками, но Льера, кажется, это тоже забавляет. Удивительно, что это забавляет меня: должно быть, я отчасти переняла мышление элленари. А может быть, все дело в том, что я просто безоговорочно ему верю.

Верю и знаю, что он только мой.

Уитморы рассыпаются в поздравлениях и отходят, за ними следуют остальные.

Имя Аддингтона долгие годы было запретным, и вот оно звучит снова. Звучит в стенах его много лет стоявшего закрытым замка. По иронии судьбы в мире людей я ношу имя того, кто чуть было не разрушил мою жизнь, но граф Аддингтон, считающий, что манипулирует людьми с помощью знаний мааджари и внушения, сам стал игрушкой в руках кукловода.

Помимо прочего, в памяти Золтера нашлись воспоминания и о нем: Пустота (теперь я по своему опыту знала, что она способна проникать в мысли) предупредила его о возможном крахе на грани победы, и он долгие годы ставил эксперименты по вживлению сознания ушедшего за грань в тело другого элленари. Эксперименты успешными не были. До появления агольдэра.

Мое «соседство» с Аддингтоном стало тем, что впоследствии позволило Золтеру доработать заклинание и подчинить себе Льера, но я больше не хочу об этом думать.

Сегодня для нас действительно начинается новая жизнь.

— Как же я устала ото всех этих церемоний, — говорю мужу, когда праздник заканчивается.

Мы с Льером поднимаемся в спальню в замке Аддингтона. «Оживлять» целый замок просто ради того, чтобы отпраздновать нашу свадьбу я считала нерациональным, но Винсент на этом настоял.

— Моя сестра выйдет замуж по законам нашего общества, — сдвинув брови, произнес он. — Или не выйдет никак.

Пришлось соглашаться — тонкости дипломатии никто не отменял.

— Зато теперь я имею полное право называть тебя своей и в твоём, и в моём мире, — говорит Льер и целует мои пальцы.

Я смеюсь:

— Я твоя во всех мирах, и это не обсуждается.

Он привлекает меня к себе:

— Это правда. Не могу дождаться, когда сниму с тебя это платье...

— Льер! — возмущаюсь я. — Ты уже снимал с меня платье, и не один раз.

На моей руке помимо кольца — браслет, знак благословения, а наша брачная ночь в Аурихэйме стала одной из самых волнующих.

— Такое красивое еще не снимал.

Легонько ударяю его по руке.

— Эй! То есть все предыдущие были некрасивые?

— Я такого не говорил!

— А что ты только что сказал? — смотрю ему в глаза и не могу насмотреться.

— Что без платья ты еще прекраснее, чем в нем.

— Прекрати! — чувствую, что краснею.

— Даже не подумаю. Ты прекрасна в любой одежде, — говорит он. — И без нее, но мне всегда мало. Мне всегда будет мало тебя, моя королева.

Я знаю, что это правда.

Потому что это — то, что я чувствую сама, и еще самую малость потому, что в самом скором времени нам придется воздержаться от подобного проявления чувств. Я хотела приберечь эту новость до Аурихэйма, но теперь понимаю, что лучшего момента и придумать сложно. Мне очень важно знать, что об этом думает он, поэтому чуть подавшись к нему, закусив губу, я говорю:

— У тебя скоро будет наследник.

Льер сжимает мои руки неожиданно сильно и отстраняется, чтобы взглядеться в мое лицо.

— Это правда? — неожиданно глухо спрашивает он.

— Мы же договорились, что между нами — исключительно правда, мой король, — отвечаю я.

И замираю, потому что его радость отзывается во мне. Льер подхватывает меня на руки, кружит прямо на ступеньках, а проходящие по холлу гости неодобрительно косятся в нашу сторону. Впрочем, сейчас мне совершенно нет до них дела, я цепляюсь за плечи мужа, смеюсь и шепчу ему в губы:

— Не урони!

— Никогда, — неожиданно серьезно отвечает он.

А потом перехватывает, осторожно и нежно, и несет наверх.

Конец